В. К. АРСЕНЬЕВ

В ДЕБРЯХ УССУРИЙСКОГО КРАЯ

КНИЖНОЕ ДЕЛО
ВЛАДИВОСТОК

1926

ГАВРИИЛ КОМАРОВ

В. К. АРСЕНЬЕВ

В ДЕБРЯХ УССУРИЙСКОГО КРАЯ

С рисунками С. И. Яковлева

Обложка Г. Я. Комарова

ВЛАДИВОСТОК
1926

Гублит № 372. Тираж 5000.

Г745/1

Уже прошло много времени с тех пор, как я встретил в Хабаровске на Амуре выдающегося исследователя Восточной Сибири В. К. Арсеньева. Он рассказал мне о своих высоко интересных путешествиях через девственную тайгу Уссурийского края, об ее малоизвестном туземном населении, а также о животном и растительном мире этой страны.

Получилось много в высшей степени интересных сообщений о неоткрытых еще местностях, и мне казалось очень прискорбным, что описания его путешествий и наблюдений не были опубликованы ни на одном из западно-европейских языков. Но теперь передо мною лежит книга В. К. Арсеньева, изданная на немецком языке, и составитель просил меня написать к ней предисловие, что исполняю с особенной радостью.

Исследователь открывает мир, о котором мы до сих пор имели очень мало сведений.

Вследствие умелого описания В. К. Арсеньева получается живое представление как о природных условиях, так и об обитателях этой отдаленной лесной страны. Достойно удивления, что мы, жители Старого Света, обыкновенно больше знаем о жизни туземцев Северной Америки, чем о туземцах Сибири, и особенно Восточной Сибири, хотя последние в самом деле имеют для нас гораздо больший интерес.

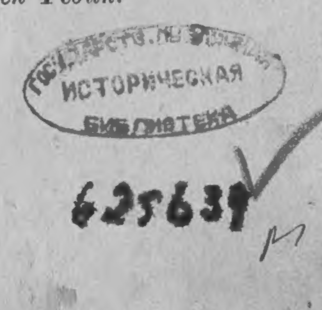
Я надеюсь, что интересный и ценный труд В. К. Арсеньева найдет многих читателей.

Фритиоф Нансен.

(Из предисловия к изданию на немецком языке).

«Если вам угодно прочесть описания Сибири, вполне достоверные и построенные на основательных наблюдениях и глубоком знании, то возьмите прекрасную книгу «По Уссурийскому Краю» В. К. Арсеньева, которая только что вышла на немецком языке и которая особенно рекомендуется Нансеном».

Свен Гедин.

625631

В. К. Арсеньев.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая книга, озаглавленная «В дебрях Уссурийского края», есть соединение двух моих книг: 1) «По Уссурийскому краю», изданной в 1921 году, и 2) «Дерсу Узала», напечатанной годом позже. Нынешнее издание—переработанное, несколько сокращенное и приспособленное для массового читателя.

Эта книга является популярным обзором путешествий, предпринятых мною в горную область Сихотэ-Алиня в 1906 и 1907 г. г.

В ней читатель найдет картины из природы страны и ее населения. Многое из этого уже в прошлом и приобрело интерес исторический. За последние пятнадцать лет Уссурийский край сильно изменился. Первобытные девственные леса в большей части страны выгорели, и на смену им появились леса, состоящие из лиственницы, березы и осины. Там, где раньше ревел тигр—ныне свистит паровоз, где были маленькие фанзочки китайцев-звероловов—появились большие русские селения; инородцы отошли на север, и количество зверя в тайге значительно сократилось. Край начал претерпевать то превращение, которое неизбежно несет за собой цивилизация.

Изменения произошли, главным образом, в южной части страны и в низовьях правых притоков р. Уссури, горная же область Сихотэ-Алиня к северу от 44° широты и поныне осталась такою же лесною пустыней, как и более полувека тому назад (в 1857—1859 г. г.).

Я считаю своим долгом принести благодарность тем лицам, которые так или иначе способствовали моим начинаниям в деле исследования Уссурийского края.

Во время путешествий командиры судов, военные, учителя, врачи и многие частные лица нередко оказывали мне различные услуги, и советами и делом неоднократно содействовали и облегчали мои предприятия. Шлю им дружеский привет и благодарю за радушие и гостеприимство.

Большую часть своего успеха я отношу к примерной самоотверженности моих спутников (стрелков и казаков), бывших со мной в путешествиях. Несмотря на лишения, они терпеливо несли тяготу походной жизни, и я ни разу не слышал от них ни единой жалобы. Многие из них погибли в войне 1914—1917 г.г. С остальными я и поныне нахожусь в переписке.

Каждый раз, когда я оглядываюсь назад и вспоминаю прошлое, предо мною встает фигура верхне-уссурийского гольда Дерсу Узала, ныне покойного. Сердце мое сжимается от тоски, как только я вспоминаю его и нашу совместную с ним странническую жизнь.

Отличительной особенностью этих гольдов была страсть к охоте. Живя в таких местах, где рыбы было мало, а тайга изобиловала зверем, они на охоту обратили все свое внимание. В погоне за соболем, на охоте за дорогими пантами и в поисках за целебным могущественным жень-шенем гольды эти далеко проникали на север и не раз заходили в самые отдаленные уголки Сихотэ-Алиня. Это были отличные охотники и удивительнейшие следопыты. Путешествуя с Дерсу и приглядываясь к его приемам, я неоднократно поражался, до какой степени были развиты в нем эти способности. Гольд положительно читал следы, как книгу, и в строгой последовательности восстановлял все события.

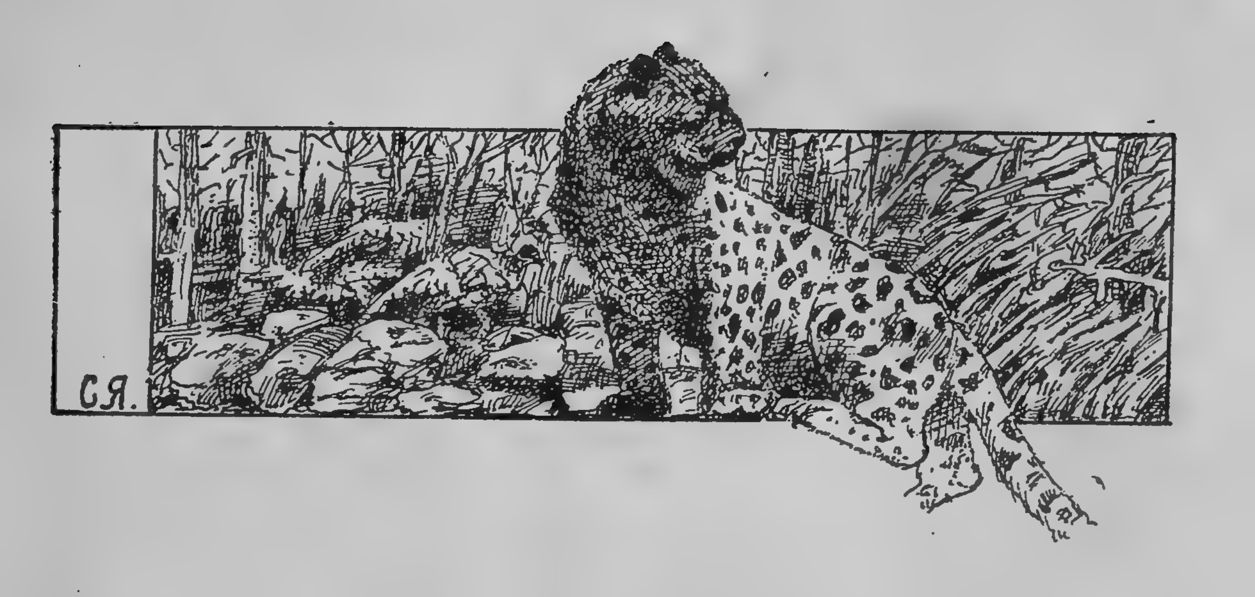
Трудно перечислить все те услуги, которые этот человек оказал мне и моим спутникам. Не раз, рискуя своей жизнью, он смело бросался на выручку погибающему, и многие обязаны ему жизнью, в том числе и я лично. В 1895 году во время грозного наводнения в урочище Анучино Дерсу спас от гибели многих стрелков и несколько семейств.

В виду той выдающейся роли, которую играл Дерсу в моих путешествиях, я опишу сначала маршрут 1902 года по р. р. Цимухе и Лефу, когда произошла моя первая с ним встреча, а затем уже перейду к экспедициям 1906 и 1907 г.г.

В. Арсеньев.

Владивосток. Январь, 1926 г.

ЧАСТЬ I.

I.

Стеклянная падь.

Село Шкотово. — Р. Бэйца. — Встреча с пантерой. — Да-Дян-Шань. — Изюбри.

В 1902 году во время одной из командировок с охотничьей командой я пробирался вверх по р. Цимухе, впадающей в Уссурийский залив около села Шкотова. Мой отряд состоял из шести человек сибирских стрелков и четырех лошадей с вьюками. Цель моей командировки заключалась в обследовании Шкотовского района в военном отношении и в изучении перевалов в горном узле Да-Дянь-Шань, откуда берут начало четыре реки: Циму, Майхе, Даубихе и Лефу. Затем я должен был осмотреть все тропы около озера Ханка и вблизи Уссурийской железной дороги.

Горный хребет, о котором здесь идет речь, начинается около Имана и идет к югу параллельно р. Уссури, так что на запад от него будут р. Сунгача и оз. Ханка, а на восток р. Даубихе. Далее от него отделяется ветвь, которая сливается с высокой грядой, служащей водоразделом между р. р. Улахе и Сучаном.

Моим исходным пунктом было село Шкотово, расположенное на берегу бухты Майтун (в Уссурийском заливе) при устье р. Цимухе. Основание его относится к 1864 году. В 1868 году его сожгли хунхузы, но на другой год оно воз-

родилось снова. Я уже застал Шкотово довольно большим селом *).

Здесь мы провели двое суток, осматривали окрестности и снаряжались в далекий путь. Река Цимухе, длиной в 30 в., течет в широтном направлении и имеет с правой стороны один только приток Бейчу. Долину, по которой протекает река, здешние переселенцы называют «Стеклянной падью». Такое название она получила от китайской зверовой фанзы, в окне которой был вставлен небольшой кусочек стекла. Надо заметить, что тогда в Уссурийском крае не было ни одного стекольного завода, и потому в глухих местах стекло ценилось особенно дорого. В глубине гор и лесов оно было своего рода меновой единицей. Пустую бутылку можно было выменять на муку, соль, чумизу и даже на пушнину. Старожилы рассказывают, что во время ссор враги старались проникнуть друг к другу в дом и перебить стеклянную посуду. Немудрено поэтому, что кусочек стекла в окне китайской фанзы **) был роскошью. Это обратило внимание первых переселенцев, и они назвали «Стеклянной» не только фанзу и речку, но и всю прилегающую местность.

Из Шкотова мы выступили рано, в тот же день дошли до Стеклянной пади и свернули в нее.

По мере того, как мы углублялись в горы, растительность становилась лучше. Дубовое редколесье сменилось густыми смешанными лесами, среди которых было много кедра. Путеводною нитью нам служила маленькая тропинка, проложенная китайскими охотниками и искателями женьшеня. Дня через два мы достигли того места, где была «Стеклянная фанза», но нашли здесь только ее развалины. С каждым днем тропинка становилась все хуже и хуже. Видно было, что по ней давно уже не ходили люди. Она заросла травой и во многих местах была завалена буреломом. Вскоре мы ее совсем потеряли. Встречались нам и зверовые тропы; мы пользовались ими, пока они тянулись в желательном для нас направлении, но больше шли целиною. На третий день к вечеру мы подошли к хребту Да-дянь-шань, который идет здесь в меридиональном направлении и имеет высоту в среднем около 350 саж. Оставив людей внизу, я с Поликарпом Олентьевым поднялся на одну из соседних вершин, чтобы

*) В 1902 г. в селении насчитывалось 88 семейств.

**) Решетчатые окна в китайских фанзах оклеиваются тонкой бумагой.

оттуда посмотреть, далеко ли еще осталось до перевала. Сверху хорошо были видны все горы. Оказалось, что водораздел от нас был в двух или трех верстах. Стало ясно, что к вечеру нам не дойти до него, а если бы мы и дошли, то рисковали заночевать без воды, потому что в это время года горные ключи в истоках почти совсем иссякают. Я решил встать на бивак там, где остались лошади, а завтра с свежими силами идти к перевалу.

Обыкновенно свой маршрут я никогда не затягивал до сумерок и останавливался на бивак так, чтобы засветло можно было поставить палатки и натаскать дров на ночь. Пока стрелки возились на биваке, я пользовался свободным временем и отправился осматривать ближайшие окрестности. Постоянным моим спутником в такого рода экскурсиях был Олентьев — отличный человек и прекрасный охотник. Так было и на этот раз. Сделав нужные распоряжения, мы взяли с ним ружья и пошли на разведки.

Солнце только что успело скрыться за горизонтом, и в то время, когда лучи его еще золотили верхушки гор, в долинах появились сумеречные тени.

На фоне бледного неба резко выделялись вершины деревьев с пожелтевшими листьями. Среди птиц, насекомых, в сухой траве, словом,—всюду, даже в воздухе, чувствовалось уже приближение осени.

Перейдя через невысокий хребет, мы попали в соседнюю долину, поросшую густым лесом. Широкое и сухое ложе горного ручья пересекало ее поперек. Тут мы разошлись. Я пошел по галечниковой отмели влево, а Олентьев— вправо. Не прошло и двух минут, как вдруг в его стороне грянул выстрел. Я обернулся и в это мгновение увидел, как что-то гибкое и пестрое мелькнуло в воздухе. Я бросился к Олентьеву. Он поспешно заряжал винтовку, но, как на грех, один патрон застрял в магазинной коробке, и затвор не закрывался.

— Кого ты стрелял? — спросил я его.

— Кажется, тигра, — отвечал он. — Зверь сидел на дереве. Я хорошо прицелился и, наверное, попал.

Наконец, застрявший патрон был вынут. Олентьев вновь зарядил ружье, и мы осторожно двинулись к тому месту, где скрылось животное. Кровь на сухой траве указывала, что зверь действительно был ранен. Вдруг Олентьев остановился и стал прислушиваться. Впереди, немного вправо от нас, слышался храп. Сквозь заросли папоротников ничего нельзя

было видеть. Большое дерево, поваленное на землю, преграждало нам путь. Олентьев хотел было уже перелезть валежник, но раненое животное предупредило его и стремительно бросилось навстречу. Олентьев второпях выстрелил в упор, даже не вставляя приклада ружья в плечо, — и очень удачно. Пуля попала прямо в голову зверя. Он упал на дерево и повис на нем так, что голова и передние лапы свесились по одну сторону, а задняя часть тела по другую. Убитое животное сделало еще несколько конвульсивных движений и начало грызть землю. В это время центр тяжести переместился, оно медленно подалось вперед и грузно свалилось к ногам охотника.

С первого же взгляда я узнал маньчжурскую пантеру, называемую местными жителями «барсом». Этот великолепный представитель кошачьих был из числа крупных. Длина его тела от носа до корня хвоста равнялась 4 футам и 8 дюймам. Шкура пантеры, ржаво-желтая по бокам и на спине и белая на брюхе, была покрыта черными пятнами, причем пятна эти располагались рядами, как полосы у тигра. С боков, на лапах и на голове они были сплошные и мелкие, а на шее, спине и хвосте — крупные, кольцевые.

В Уссурийском крае пантера держится только в южной части страны и, главным образом, в Суйфунском, Посьетском и Барабашевском районах. Главной пищей ей служат пятнистые олени, дикие козули и фазаны. Животное это крайне хитрое и осторожное. Спасаясь от человека, пантера влезает на дерево и выбирает такой сук, который приходится против ее следов на земле и, следовательно, как раз против луча зрения охотника. Растянувшись вдоль него, она кладет голову на передние лапы и в этом положении замирает. Она отлично понимает, что со стороны головы ее тело, прижатое к суку, менее заметно, чем сбоку.

Снимание шкуры с убитого животного отняло у нас более часа. Когда мы тронулись в обратный путь, были уже глубокие сумерки. Мы шли долго и, наконец, увидели огни бивака. Скоро между деревьями можно было различить силуэты людей. Они двигались и часто заслоняли собой огонь. На биваке собаки встретили нас дружным лаем. Стрелки окружили пантеру, рассматривали ее и вслух высказывали свои суждения. Разговоры затянулись до самой ночи.

На другой день мы продолжали наш путь. Долина суживалась и идти становилось труднее. Мы шли целиною и только заботились о том, чтобы поменьше кружить.

В полдень мы подошли к самому гребню. Подъем был крутой и трудный. Лошади карабкались на кручу изо всех сил; от напряжения у них дрожали ноги, они падали и, широко раскрыв ноздри, тяжело и порывисто дышали. Чтобы облегчить путь, пришлось идти зигзагами, часто останавливаться и поправлять вьюки. Наконец, мы взобрались наверх. Отсюда я увидел весь горный хребет Да-Дянь-Шань, как на ладони. Он шел на север с легким изгибом к востоку. Здесь он имел характер расплывчатый, неясный, а далее на восток (вероятно, в верховьях Даубихе и Улахе) был высок и величествен. Западные его склоны казались крутыми и обрывистыми, восточные—более пологими. Слева, вдали виднелись Майхе и Цимухе, справа — сложный бассейн Сучана. С этой стороны местность была такой пересеченной, что я долго не мог сообразить, куда текут речки, и к какому они принадлежат бассейну. Впереди, верстах в пяти от нас, высилась какая-то куполообразная гора. Ее-то я и наметил пунктом, где следовало второй раз ориентироваться.

На вершине хребта Да-Дянь-Шань растет лес крупный, чистый, вследствие чего наше передвижение с вьюками происходило довольно быстро. В одном месте мы спугнули двух изюбрей — самца и самку. Олени отбежали немного и остановились, как вкопанные, повернув головы в нашу сторону. Один из стрелков хотел было стрелять, но я остановил его— мне жаль было убивать этих прекрасных животных. Продовольствия мы имели достаточно, а лошади были перегружены настолько, что захватить с собою убитых оленей мы все равно не могли бы. Я несколько минут любовался изюбрями. Наконец, самец не выдержал. Он издал короткий крик и, положив рога на спину, сильными прыжками пошел наискось под гору.

Благородный олень, обитающий в Приамурском крае, называется изюбрем. Это стройное и красивое животное имеет в длину 6 фут., а в высоту 4½ фута. Вес тела достигает 12 пудов. Шерсть изюбря летом светло-коричневая, зимой — серовато-бурая с бело-желтым зеркалом сзади. На длинной и сильной шее, украшенной у самцов гривой, помещается красивая голова с большими трубчатыми и подвижными ушами. Вилообразно расходящиеся рога имеют впереди два прямых бивня и несколько верхних отростков. Рога эти зимою спадают и весной вырастают вновь и притом каждый раз одним отростком более. Поэтому, по числу отростков, можно судить о возрасте оленя, считая один

лишний год, когда он ходит безрогим (саек). Молодые весенние рога, наполненные кровью и еще не затвердевшие, называются пантами.

В Уссурийском крае благородный олень обитает в южной части страны, по всей долине реки Уссури и ее притокам, не заходя за границу хвойных насаждений Сихотэ-Алиня. На побережьи моря он встречается до мыса Олимпиады.

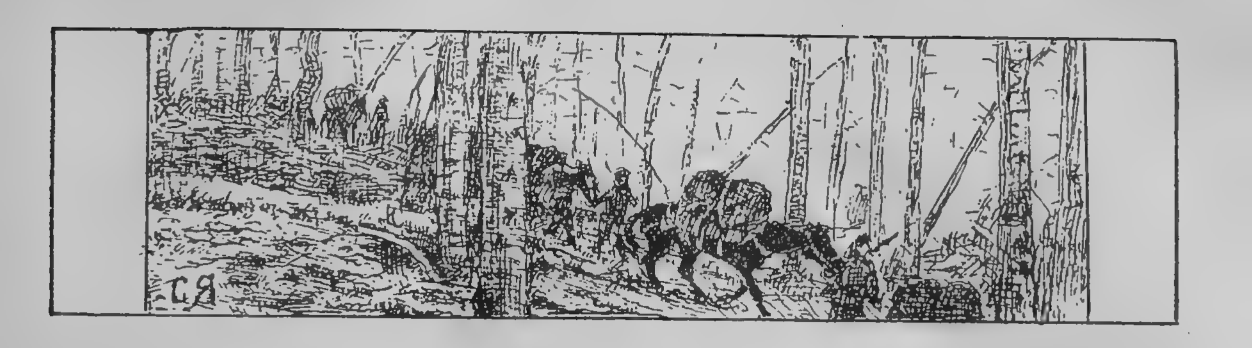
Летом изюбрь держится по теневым склонам лесистых гор, а зимой—на солнцепеках и в долинах, среди равнинной тайги, где полянки чередуются с перелесками. Любимый летний корм изюбря составляет леспедеца, а зимой—молодые побеги осины, тополя и низкорослой березы.

В полдень мы сделали большой привал. По моим соображениям, теперь мы должны были находиться надалеко от куполообразной горы.

В походе надо сообразоваться не столько с силами людей, сколько с силами вьючных животных. И в самом деле, они несут большие тяжести, и поэтому при всякой более или менее продолжительной остановке надо облегчать их спины от груза.

Как только лошади были расседланы, их тотчас пустили на свободу. Внизу под листьями трава была еще зеленая, и это давало возможность пользоваться кое-каким подножным кормом.

II.

Встреча с Дерсу.

Бивак в лесу. — Ночной гость. — Бессонная ночь. — Рассвет.

После отдыха отряд наш снова тронулся в путь. На этот раз мы попали в бурелом и потому подвигались очень медленно. Часам к четырем дня мы подошли к какой-то вершине. Оставив людей и лошадей на месте, я сам пошел наверх, чтобы осмотреться.

То, что я увидел сверху, сразу рассеяло мои сомнения. Куполообразная гора, где мы находились в эту минуту, была тот самый горный узел, который мы искали. От него к западу тянулась высокая гряда, падавшая на север крутыми обрывами. По ту сторону водораздела общее направление долин шло к северо-западу. Вероятно, это были истоки р. Лефу.

Когда я присоединился к отряду, солнце уже стояло низко над горизонтом, и надо было торопиться разыскать воду, в которой и люди и лошади очень нуждались. Спуск с куполообразной горы был сначала пологий, но потом сделался крутым. Лошади спускались, присев на задние ноги. Вьюки лезли вперед, и если бы при седлах не было шлей, они съехали бы им на голову. Пришлось делать длинные зигзаги, что при буреломе, который валялся здесь во множестве, было делом далеко не легким.

За перевалом мы сразу попали в овраги. Местность была чрезвычайно пересеченная. Глубокие распадки, заваленные корчами, водотеки и скалы, обросшие мхом — все это создавало обстановку, которая живо напоминала мне картину Вальпургиевой ночи. Трудно представить себе местность, более дикую и неприветливую, чем это ущелье.

Иногда случается, что горы и лес имеют привлекательный и веселый вид. Так, кажется, и остался бы среди них навсегда. Иногда, наоборот, горы кажутся угрюмыми, дикими. И странное дело! Чувство это не бывает личным, субъективным, оно всегда является общим для всех людей в отряде. Я много раз проверял себя и всегда убеждался, что это так. То же было и теперь. В окружающей нас обстановке чувствовалась какая-то тоска, было что-то жуткое и неприятное — и это жуткое и тоскливое понималось всеми одинаково.

— Ничего, говорили мои стрелки, как-нибудь переночуем. Нам не год тут стоять. Завтра найдем место повеселее.

Не хотелось мне здесь останавливаться, но делать было нечего. На дне ущелья шумел поток, я направился к нему и, выбрав место поровнее, приказал ставить палатки.

Величавая тишина леса сразу огласилась звуками топоров и голосами людей. Стрелки стали таскать дрова, расседлывать коней и готовить ужин.

Бедные лошади! Среди камней и бурелома они должны были остаться голодными. Зато завтра, если нам удастся дойти до земледельческих фанз, мы их накормим, как следует.

Сумерки в лесу всегда наступают рано. На западе сквозь густую хвою еще виднелись кое-где клочки бледного неба, а внизу, на земле, уже легли ночные тени. По мере того, как разгорался костер, ярче освещались выступившие из темноты кусты и стволы деревьев. Разбуженная в осыпях пищуха подняла было пронзительный крик, но вдруг испугалась чего-то, проворно спряталась в свою норку и уже не показывалась больше.

Наконец, на нашем биваке стало все понемногу успокаиваться. После чая каждый занялся своим делом: кто чистил винтовку, кто поправлял седло или починял разорванную одежду. Такой работы всегда бывает много. Покончив со своими делами, стали ложиться спать, плотно прижавшись друг к другу и, прикрывшись шинелями, заснули, как убитые. Не найдя корму в лесу, лошади подошли к биваку и, опустив головы, погрузились в дремоту. Не спали только я и Олентьев. Я записывал в дневник пройденный маршрут, а он починял свою обувь. Часов в десять вечера я закрыл тетрадь и, завернувшись в бурку, лег к огню. От жара, подымавшегося вместе с дымом, качались ветви старой ели, у подножья

которой мы расположились, и то закрывали, то открывали темное небо, усеянное звездами. Стволы деревьев казались длинной колоннадой, уходившей в глубь леса и незаметно сливавшейся там с ночным мраком.

Вдруг лошади подняли головы и насторожили уши: потом они успокоились и опять стали дремать. Сначала мы не обратили на это особого внимания и продолжали разговаривать. Прошло несколько минут. Я что-то спросил

— Стреляй не надо. Моя люди!..

у Олентьева и, не получив ответа, повернулся в его сторону. Он стоял на ногах в ожидательной позе и, заслонив рукою свет костра, смотрел куда-то в сторону.

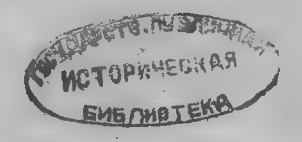
— Что случилось? — спросил я его.

— Кто-то спускается с горы, — отвечал он шопотом.

Мы оба стали прислушиваться, но кругом было тихо— так тихо, как только бывает в лесу в холодную осеннюю ночь. Вдруг сверху посыпались мелкие камни.

— Это, вероятно, медведь, — сказал Олентьев и стал заряжать винтовку.

— Стреляй не надо. Моя люди!... послышался из темноты голос, и через несколько минут к нашему огню подошел человек.

Государств. публичная историческая библиотека

Одет он был в куртку из выделанной оленьей кожи и такие же штаны. На голове у него была какая-то повязка, на ногах унты, *) за спиной большая котомка, а в руках сошки и старая длинная берданка.

— Здравствуй, капитан! — сказал пришедший, обратясь ко мне.

Затем он поставил к дереву свою винтовку, снял со спины котомку и, обтерев потное лицо рукавом рубашки, подсел к огню. Теперь я мог хорошо его рассмотреть. На вид ему было лет сорок пять. Это был человек невысокого роста, коренастый и, видимо, обладавший достаточной физической силой. Грудь у него была выпуклая, руки — крепкие, мускулистые; ноги немного кривые. Темное загорелое лицо его было типично для туземцев: выдающиеся скулы, маленький нос, глаза с монгольской складкой век и широкий рот с крепкими зубами. Небольшие темно-русые усы окаймляли его верхнюю губу, и маленькая рыжеватая бородка украшала подбородок. Но всего замечательнее были его глаза. Темно-серые, но не карие, они смотрели спокойно и немного наивно. В них сквозили решительность, прямота характера и добродушие.

Незнакомец не рассматривал нас так, как рассматривали мы его. Он достал из-за пазухи кисет с табаком, набил им свою трубку и молча стал курить. Не расспрашивая его, кто он и откуда, я предложил ему поесть. Так принято делать в тайге.

— Спасибо, капитан, — сказал он. — Моя шибко хочу кушай, моя сегодня кушай нету.

Пока он ел, я продолжал его рассматривать. У пояса его висел охотничий нож. Очевидно, это был охотник. Руки его были загрубелые, исцарапанные. Такие же, но еще более глубокие, царапины лежали на лице: одна на лбу, а другая на щеке около уха. Незнакомец снял повязку, и я увидел, что голова его покрыта густыми темными волосами; они росли в беспорядке и свешивались по сторонам длинными прядями.

Наш гость был из молчаливых. Наконец, Олентьев не выдержал и спросил пришельца прямо:

— Ты кто будешь, китаец или кореец?

---

*) Обувь вроде олочей, сшитая из сохатиной или изюбриной кожи, выделанной под замшу.

— Моя гольд, — ответил он коротко.

— Ты, должно быть, охотник? — спросил я его опять.

— Да,—отвечал он.—Моя постоянно охота ходи, другой работы нету, рыба лови понимай тоже нету, только один охота понимай.

— А где ты живешь? — продолжал допрашивать его Олентьев.

— Моя дома нету. Моя постоянно сопка живи. Огонь клади, палатка делай,—спи! Постоянно охота ходи, как дома живи.

Потом он рассказал, что сегодня охотился за изюбрями, ранил одну матку, но слабо. Идя по подранку, он наткнулся на наши следы. Они завели его в овраг. Когда стемнело, он увидел огонь и пошел прямо на него.

— Моя тихонько ходи, — говорил он. — Думай, какой люди далеко сопка ходи? Посмотри, капитан есть, солдаты есть. Моя тогда прямо ходи.

— Тебя как зовут? спросил я незнакомца.

— Дерсу Узала, — отвечал он.

Меня заинтересовал этот человек. Что-то в нем было особенное, оригинальное. Говорил он просто, тихо, держал себя скромно, незаискивающе... Мы разговорились. Он долго рассказывал мне про свою жизнь, и чем больше он говорил, тем становился симпатичнее. Я видел перед собой первобытного охотника, который всю свою жизнь прожил в тайге. Из его слов я узнал, что средства к жизни он добывал ружьем и предметы своей охоты выменивал у китайцев на табак, свинец и порох и что винтовка ему досталась в наследие от отца. Потом он рассказал мне, что ему теперь пятьдесят три года, что у него никогда не было дома, он вечно жил под открытым небом и только зимой устраивал себе временную юрту из корья или бересты. Первые проблески его детских воспоминаний были: река, шалаш, огонь, отец, мать и сестренка.

— Все давно помирай,—закончил он свой рассказ и задумался. Он помолчал немного и продолжал снова:—у меня раньше тоже жена была, сын и девчонка. Оспа все люди кончай. Теперь моя один остался...

Лицо его стало грустным от переживаемых воспоминаний. Я пробовал было его утешить, но что были мои утешения для этого одинокого человека, у которого смерть отняла семью, это единственное утешение в старости. Он ничего

мне не отвечал и только еще более поник головой. Хотелось мне как-нибудь выразить ему свое сочувствие, что-нибудь для него сделать, и я не знал, что именно. Наконец, я надумал: я предложил ему обменять его старое ружье на новое, но он отказался, сказав, что берданка ему дорога, как память об отце, что он к ней привык и что она бьет очень хорошо. Он потянулся к дереву, взял свое ружье и стал гладить рукой по ложу.

Звезды на небе переместились и показывали далеко за полночь. Часы летели за часами, а мы все сидели у костра и разговаривали. Говорил больше Дерсу, а я его слушал, и слушал с удовольствием. Он рассказывал мне про свою охоту, про то, как раз он попал в плен к хунхузам, но убежал от них. Рассказывал про свои встречи с тиграми, говорил о том, что стрелять их нельзя, потому что это запретные звери, охраняющие жень-шень от человека, говорил о злых духах, о наводнениях и т. д.

Один раз на него напал тигр и сильно изранил. Жена искала его десять суток, прошла более двухсот верст и по следам нашла его обессиленного от потери крови. Пока он болел, она ходила на охоту.

Потом я стал его расспрашивать о том месте, где мы находимся. Он сказал, что это истоки реки Лефу и что завтра мы дойдем до первой зверовой фанзы.

Один из спящих стрелков проснулся, удивленно посмотрел на нас обоих, пробормотал что-то про себя, улыбнулся и заснул снова.

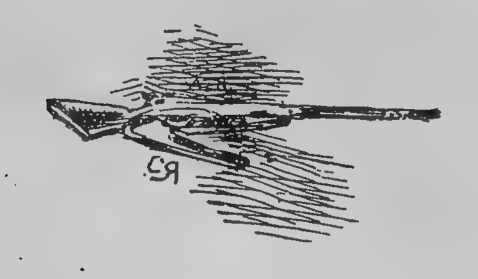
На земле и на небе было еще темно, только в той стороне, откуда подымались все новые звезды, чувствовалось приближение рассвета. На землю пала обильная роса—верный признак, что завтра будет хорошая погода. Кругом царила торжественная тишина. — Казалось, природа отдыхала тоже.

Через час восток начал алеть. Я посмотрел на часы, было шесть часов утра. Пора было будить очередного артельщика. Я стал трясти его за плечо. Он сел и начал потягиваться. Яркий свет костра резал ему глаза — он морщился. Затем, увидев Дерсу, проговорил усмехнувшись:

— Вот диво, человек какой-то!... и начал обуваться.

Небо из черного сделалось синим, а потом серым, мутным. Ночные тени стали жаться в кусты и овраги. Они выйдут оттуда, когда солнце скроется за горизонтом.

Вскоре бивак наш опять ожил: заговорили люди, очнулись от оцепенения лошади, заверещала в стороне пищуха, ниже по оврагу ей стала вторить другая; послышался крик дятла и трещетная музыка желны. — Тайга просыпалась! С каждой минутой становилось все светлее, и вдруг яркие солнечные лучи снопом вырвались из-за гор и озарили весь лес. Наш бивак принял теперь другой вид. На месте яркого костра лежала груда золы; огня почти не было видно; на земле валялись порожние банки из-под консервов; там, где стояла палатка, торчали одни жерди, и лежала примятая трава.

III.

Охота на кабанов.

Изучение следов. — Забота о путнике. — Зверовая фанза. — Кабаны. — Анимизм Дерсу. — Сон.

После чая стрелки начали вьючить коней, Дерсу тоже стал собираться. Он надел свою котомку, взял в руки сошки и берданку. Через несколько минут отряд наш тронулся в путь. — Дерсу пошел с нами.

Ущелье, по которому мы шли, было длинное и извилистое. Справа и слева к нему подходили другие такие же ущелья. Из них с шумом бежала вода. Распадок *) становился шире и постепенно превращался в долину. Здесь на деревьях были старые затески; они привели нас на тропинку.

Гольд шел впереди и все время внимательно смотрел под ноги. Порой он нагибался к земле и разбирал листву руками.

— Что такое? — спросил я его.

Дерсу остановился и сказал, что тропа эта не конная, а пешеходная, что идет она по соболиным ловушкам, что несколько дней тому назад по ней прошел один человек и что, по всей вероятности, это был китаец.

Слова гольда нас всех поразили. Заметив, что мы отнеслись к нему с недоверием, он воскликнул:

— Как ваша понимай нету? Посмотри сам.

После этого он привел такие доказательства, что все наши сомнения отпали разом. Все было так ясно и так просто, что я удивился, как этого раньше я не замечал. Во-пер-

---

*) Местное название узкой долины.

вых, на тропе нигде не видно было конских следов, во вторых, по сторонам она не была очищена от ветвей; наши лошади пробирались с трудом и все время задевали вьюками за деревья. Затем, повороты были так круты, что кони не могли повернуться и должны были делать обход; через ручьи следы шли по бревну, и нигде тропа не спускалась в воду; бурелом, преграждавший путь, не был прорублен, — люди шли свободно, а лошадей обводили стороною. Все это доказывало, что тропа не была приспособлена для путешествий с вьюками.

— Давно один люди ходи, — говорил Дерсу как бы про себя. — Люди ходи кончай, дождь ходи — и он стал высчитывать, когда был последний дождь.

Часа два мы шли по этой тропе. Мало-по-малу хвойный лес начал заменяться смешанным. Все чаще и чаще стали попадаться тополь, клен, осина, береза и липа. Я хотел было сделать второй привал, но Дерсу посоветовал пройти еще немного.

— Наша скоро балаган найди есть, — сказал он и указал на деревья, с которых была снята кора.

Я сразу понял его. Значит, поблизости должно быть то, для чего это корье предназначалось. Мы прибавили шагу и через десять минут на берегу ручья увидели небольшой односкатный балаган, поставленный охотниками или искателями жень-шеня. Осмотрев его кругом, наш новый знакомый опять подтвердил, что несколько дней тому назад по траве прошел китаец и что он ночевал в этом балагане. Прибитая дождем зола, одинокое ложе из травы и брошенные старые наколенники из дабы *) свидетельствовали об этом. Тогда я понял, что Дерсу не простой человек. Передо мной был следопыт, и невольно мне вспоминались герои Купера и Майн Рида.

Надо было покормить лошадей. Я решил воспользоваться этим, лег в тени кедра и тотчас же уснул. Часа через два меня разбудил Олентьев. Проснувшись, я увидел, что Дерсу наколол дров, собрал бересту и все это сложил в балаган. Я думал, что он хочет его спалить и начал отговаривать от этой затеи. Но, вместо ответа, он попросил у меня щепотку соли и горсть рису. Меня заинтересовало, что он хочет с ними делать, и я приказал дать просимое. Гольд

*) Весьма прочная синяя материя, из которой китайцы шьют себе одежду.

тщательно обернул берестой спички, отдельно в бересту завернул соль и рис и повесил все это в балагане. Затем он поправил снаружи корье и стал собираться.

— Вероятно, ты думаешь вернуться сюда? — спросил я гольда. Он отрицательно покачал головою. Тогда я спросил его, для кого он оставил рис, соль и спички.

— Какой — какой другой люди ходи, — отвечал Дерсу, — балаган найди, сухие дрова найди, спички найди, кушай найди — пропади нету.

Помню, меня глубоко поразило это. Я задумался... Гольд заботился о неизвестном ему человеке, которого он никогда не увидит и который тоже не узнает, кто приготовил ему дрова и продовольствие. Я вспомнил, что стрелки, уходя с биваков, всегда жгли корье на кострах. Делали они это не из-за озорства, а так просто, ради забавы, и я никогда их не останавливал. Этот дикарь был гораздо человеколюбивее.

Лошади готовы. Надо бы идти, — сказал подошедший ко мне Олентьев.

— Да, надо идти...

— Трогай! сказал я стрелкам и пошел вперед по тропинке.

К вечеру мы дошли до того места, где две речки сливаются вместе, откуда собственно и начинается Лефу.

После ужина я рано лег спать и тотчас уснул.

На другой день, когда я проснулся, все люди были уже на ногах. Я тотчас отдал приказание седлать лошадей, и пока стрелки возились с вьюками, я успел приготовить планшет и пошел вперед вместе с гольдом.

От места нашего ночлега долина стала понемногу поворачивать на запад. Левые склоны ее были крутые, правые — пологие. С каждой верстой тропа становилась шире и лучше. В одном месте лежало срубленное топором дерево. Дерсу подошел, осмотрел его и сказал:

— Весной рубили; два люди работали; один люди высокий — его топор тупой, другой люди маленький — его топор острый.

Для этого удивительного человека не существовало тайн. Как ясновидящий, он знал все, что здесь происходило. Тогда я решил быть внимательнее и попытаться самому разобраться в следах. Вскоре я увидел еще один порубленный пень. Кругом валялось множество щепок, пропитанных

смолою. Я понял, что кто-то добывал растопку. Ну, а дальше? А дальше я ничего не мог придумать.

— Фанза близко, — сказал гольд, как бы в ответ на мои размышления.

Действительно, скоро опять стали попадаться деревья, оголенные от коры (я уже знал, что это значит), а саженях

...На берегу реки стояла зверовая фанза...

в ста от них на самом берегу реки среди небольшой полянки стояла зверовая фанза. Это была небольшая постройка с глинобитными стенами, крытая корьем. Она оказалась пустой. Это можно было заключить из того, что вход в нее был приперт колом снаружи. Около фанзы находился маленький огородик, изрытый дикими свиньями, и слева—небольшая деревянная кумирня, обращенная, как всегда, лицом к югу.

Внутренняя обстановка фанзы была грубая. Железный котел, вмазанный в низенькую печь, от которой шли дымовые ходы, согревающие каны (нары), два, три долбленых корытца, деревянный ковш для воды, кухонная тряпка, железная ложка, метелочка для промывки котла, две запылен-

ных бутылки, кое—какие брошенные тряпки, одна или две скамеечки, масляная лампа и обрывки зверовых шкур, разбросанные по полу—составляли все ее убранство.

Отсюда вверх по Лефу шли три тропы. Одна была та, по которой мы пришли, другая вела в горы на восток и третья направлялась на запад. Эта, последняя, была много хоженая—конная. По ней мы пошли дальше. Стрелки закинули лошадям поводья на шею и предоставили им самим выбирать дорогу. Умные животные шли хорошо и всячески старались не зацеплять вьюками за дерево. В местах болотистых и на каменистых россыпях они не прыгали, а ступали осторожно, каждый раз пробуя почву ногою, прежде чем поставить ее, как следует. Этой сноровкой отличаются именно местные лошадки, привыкшие к путешествиям в тайге с вьюками.

От зверовой фанзы Лефу начала понемногу загибать к северо-востоку. Пройдя еще верст шесть, мы подошли к земледельческим фанзам, расположенным на правом берегу реки у подножья высокой горы, которую китайцы называют Тудинза.

Неожиданное появление воинского отряда смутило китайцев. Я велел Дерсу сказать им, чтобы они не боялись нас и продолжали бы свои работы.

Мне хотелось посмотреть, как живут в тайге китайцы и чем они занимаются.

Зверовые шкуры, растянутые для просушки, изюбриные рога, сложенные грудой в амбаре, панты, подвешенные для просушки мешочки с медвежьей желчью *), оленьи выпоротки **), рысьи, куньи, собольи и беличьи меха и инструменты для ловушек—все это указывало на то, что местные китайцы занимаются не столько земледелием, сколько охотой и звероловством. Около фанз были небольшие участки обработанной земли. Китайцы сеяли пшеницу, чумизу и кукурузу. Они жаловались на кабанов и говорили, что недавно целые стада их спустились с гор в долины и начали травить поля. Поэтому пришлось собирать недозревшие овощи, но теперь на землю осыпались жолуди, и дикие свиньи удалились в дубняки.

---

*) Употребляется китайцами, как лекарство от трахомы.

**) Плоды стельных маток; тоже идут на изготовление лекарства для надорвавшихся.

Солнце стояло еще высоко на небе, и потому я решил подняться на гору Тудинза, чтобы оттуда осмотреть окрестности. Вместе со мною пошел и Дерсу. Мы отправились налегке и захватили с собой только одни винтовки.

Гора Тудинза представляет из себя массив, круто падающий в долину р. Лефу и изрезанный глубокими падями с северной стороны. Пожелтевшая листва деревьев стала уже осыпаться на землю. Лес повсюду начал сквозить, и только дубняки стояли еще одетыми в свой наряд, поблекший и полузасохший.

Гора была крутая. Раза два мы садились и отдыхали, потом опять лезли вверх. Кругом вся земля была изрыта. Дерсу часто останавливался и разбирал следы. По ним он угадывал возраст животных, пол их, видел следы хромого кабана, нашел место, где два кабана дрались и один гонял другого. С его слов все это я представил себе ясно. Мне казалось странным, как это раньше я не замечал следов, а если видел их, то кроме направления, в котором уходили животные, они мне ничего не говорили.

Через час мы достигли вершины горы, покрытой осыпями. Здесь мы сели на камни и стали осматриваться.

На востоке высился высокий водораздел между бассейном Лефу и водами, текущими в Даубихе. Другой горный хребет тянулся от востока на запад и служил границею между Лефу и р. Майхе. На юго-востоке, там, где оба эти хребта сходились вместе, высилась куполообразная гора Да-Дянь-Шань.

— Посмотри, капитан, — сказал мне Дерсу, указывая на противоположный склон пади. — Что это такое?

Я взглянул в указанном направлении и увидел какое-то темное пятно. Я думал, что это тень от облака, и высказал Дерсу свое предположение. Он засмеялся и указал на небо. Я посмотрел вверх. Небо было совершенно безоблачным: на беспредельной его синеве не было ни одного облачка. Через несколько минут пятно изменило свою форму и немного передвинулось в сторону.

— Что это такое? — спросил я гольда в свою очередь.

— Тебе понимай нету, — отвечал он. — Надо ходи посмотри.

Мы стали спускаться вниз. Скоро я заметил, что пятно тоже двигалось нам навстречу. Минут через десять гольд остановился, сел на камень и указал мне знаком, чтобы я сделал то же.

— Наша тут надо дожидай, — сказал он. — Надо тихо сиди, чего-чего ломай не надо, говори тоже не надо.

Мы стали ждать. Вскоре я опять увидел пятно. Оно возросло до больших размеров. Теперь я мог рассмотреть его составные части. Это были какие-то живые существа, постоянно передвигающиеся с места на место.

— Кабаны! — воскликнул я.

Действительно, это были дикие свиньи. Их было тут более сотни. Некоторые животные отходили в сторону, но тотчас опять возвращались назад. Скоро можно было рассмотреть каждое животное отдельно.

— Один «люди» шибко большой, — тихонько проговорил Дерсу.

Я не понял, про какого «человека» он говорил, и посмотрел на него недоумевающе.

Посредине стада, как большой бугор, выделялась спина огромного кабана. Он превосходил всех своими размерами и, вероятно, имел пудов пятнадцать весу. Стадо приближалось с каждой минутой. Теперь ясно были слышны шум сухой листвы, взбиваемой сотнями ног, треск сучьев, резкие звуки, подаваемые самцами, хрюканье свиней и визг поросят.

— Большой «люди» близко ходи нету, — сказал Дерсу, и я опять его не понял.

Самый крупный кабан был в центре стада, множество животных бродило по сторонам и некоторые отходили довольно далеко от табуна, так что, когда эти одиночные свиньи подошли к нам почти вплотную, большой кабан был еще вне выстрела. Мы сидели и не шевелились. Вдруг один из ближайших к нам кабанов поднял кверху свое рыло. Он что-то жевал. Я как сейчас помню большую голову, настороженные уши, свирепые глаза, подвижную морду с двумя носовыми отверстиями и белые клыки. Животное замерло в неподвижной позе, перестало есть и уставилось на нас злобными вопрошающими глазами. Наконец, оно поняло опасность и издало резкий крик. Вмиг все стадо с шумом и с фырканьем бросилось в сторону. В это мгновение грянул выстрел. Одно из животных грохнулось на землю.—В руках у Дерсу дымилась винтовка. Еще несколько секунд в лесу был слышен треск ломаемых сучьев, затем все стихло.

Кабан, обитающий в Уссурийском крае, достигает 18 пудов веса и 7 футов длины. Животное это относится к бугорчатозубым, но, кроме коренных зубов, самцы

вооружены еще острыми клыками, которые с возрастом увеличиваются, загибаются назад и достигают длины 8 дюймов. Так как кабан любит тереться о стволы елей, кедров и пихт, жесткая щетина его бывает часто запачкана смолой. Осенью во время холодов он валяется в грязи. От этого к щетине его примерзает вода; сосульки все увеличиваются и образуют иногда такой толстый слой льда, что он служит помехой его движениям.

Область распространения диких свиней в Уссурийском крае тесно связана с распространением кедра, ореха, лещины и дуба. Животное это чрезвычайно подвижное и сильное. Оно прекрасно видит, отлично слышит и имеет хорошее обоняние. Будучи ранен, кабан становится весьма опасен. Беда неразумному охотнику, который без мер предосторожности вздумает пойти по подранку. В этих случаях кабан ложится на свой след, головой в сторону преследователя. Завидев человека, он с такой стремительностью бросается на него, что последний нередко не успевает даже вставить приклад ружья в плечо и выстрелить.

Кабан, убитый гольдом, оказался двух-годовалою свиньею. Я спросил старика, почему он не стрелял секача.

— Его старый «люди», — сказал он про кабана с клыками. — Его худо кушай, мясо мало-мало пахнет.

Меня поразило, что Дерсу кабанов называет «людьми». Я спросил его об этом

— Его все равно люди, — подтвердил он, — только рубашка другой. Обмани понимай, сердись понимай, кругом понимай. — Все равно как люди!...

Для меня стало ясно. Воззрения на природу этого первобытного человека были анимистические, и потому все окружающее он очеловечивал.

На горе мы пробыли довольно долго. Незаметно кончился день. У облаков, столпившихся на западе, края светились так, точно они были из расплавленного металла. Сквозь них прорывались солнечные лучи и веерообразно расходились по небу.

Дерсу наскоро освежевал убитого кабана, взвалил его к себе на плечи, и мы пошли к дому. Через час мы были уже на биваке.

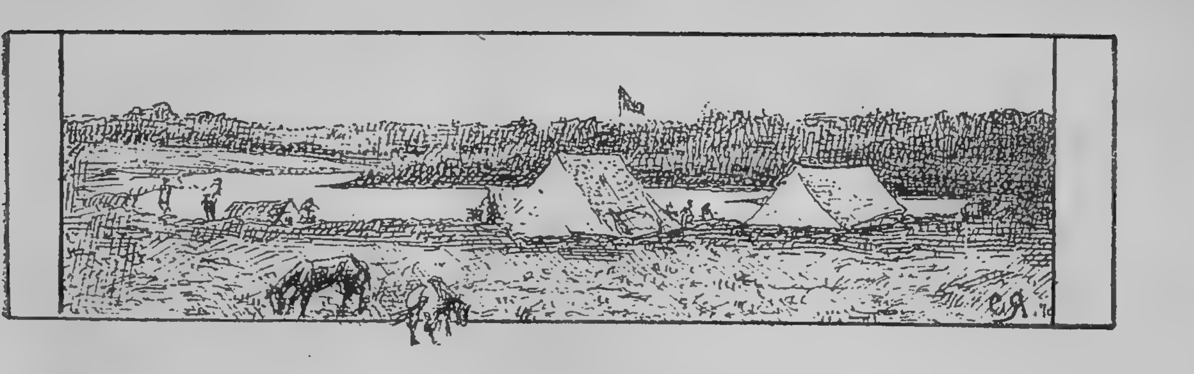
В китайских фанзах было тесно и дымно, поэтому я решил лечь спать на открытом воздухе вместе с Дерсу.

— Моя думай,—сказал он, поглядывая на небо—ночью тепло будет, завтра вечером — дождь!...

Я долго не мог уснуть. Всю ночь мне мерещилась кабанья морда с раздутыми ноздрями. Ничего другого, кроме этих ноздрей, я не видел. Они казались мне маленькими точками. Потом вдруг увеличивались в размерах. — Это была уже не голова кабана, а гора, и ноздри — пещеры, и будто в пещерах опять кабаны, с такими же дыроватыми мордами.

Странно устроен человеческий мозг. Из впечатлений целого дня, из множества разнородных явлений и тысячи предметов, которые всюду попадаются на глаза, что-нибудь одно, часто даже не главное, а случайное, второстепенное запоминается сильнее, чем все остальное. Некоторые места, где у меня не было никаких приключений, я помню гораздо лучше, чем те, где что-нибудь случилось. Почему-то запомнилось одно дерево, которое ничем не отличалось от других деревьев, муравейник, пожелтевший лист, один вид мха и т. д. Я думаю, что я мог бы вещи эти нарисовать подробно, со всеми деталями.

IV.

Происшествие в корейской деревне.

Приметы Дерсу о погоде. — Перестрелка. — Равнодушие корейцев. — Деревня Казакевичево. — Дерсу устраивается на ночь. — Бивак около дер. Ляличи.

Утром я проснулся позже других. Первое, что мне бросилось в глаза — отсутствие солнца. Все небо было в тучах. Заметив, что стрелки укладывают вещи так, чтобы их не промочил дождь, Дерсу сказал:

— Торопиться не надо. Наша днем хорошо ходи, вечером будет дождь.

Я спросил его, почему он думает, что днем дождя не будет.

—Тебе сам посмотри, — ответил гольд. — Видишь маленькие птицы туда, сюда ходи, играй, кушай. Дождь скоро —его тогда тихонько сиди, все равно спи.

Действительно, я вспомнил, что перед дождем всегда бывает тихо и сумрачно, а теперь — наоборот: лес жил полной жизнью; всюду перекликались дятлы, сойки и кедровки, и весело посвистывали суетливые поползни.

Расспросив китайцев о дороге, мы тронулись в путь.

После горы Тудинзы долина р. Лефу сразу расширяется (от 1 до 3 верст). Отсюда начинались места жилые. Часам к двум дня мы дошли до деревни Николаевки, в которой насчитывалось тогда 36 дворов. Отдохнув немного, я велел Олентьеву купить овса и накормить хорошенько лошадей, а сам вместе с Дерсу пошел вперед. Мне хотелось поскорее

дойти до корейской деревни Казакевичево и устроиться на ночь под крышу.

Осенью в пасмурный день всегда смеркается рано. Часов в пять начал накрапывать дождь. Мы прибавили шагу. Скоро дорога разделилась надвое. Одна шла за реку, другая как будто бы направлялась в горы. Мы выбрали последнюю. Потом стали попадаться еще другие дороги, пересекающие нашу в разных направлениях. Когда мы подходили к корейской деревне, было уже совсем темно.

В это время стрелки дошли до перекрестка дорог и, не зная, куда идти, дали два выстрела. Опасаясь, что они могут заблудиться, я ответил им тем же. Вдруг в ближайшей фанзе раздался крик, и вслед за тем из окна ее грянул выстрел, потом другой, третий, и через несколько минут стрельба поднялась по всей деревне. Я ничего не мог понять: дождь, крики, ружейная пальба!... Что случилось, почему поднялся такой переполох? Вдруг из-за одной фанзы показался свет. Какой-то кореец нес в одной руке керосиновый факел, а в другой — берданку. Он бежал и кричал что-то по своему. Мы бросились к нему навстречу. Неровный красноватый цвет факела прыгал по лужам и освещал его искаженное страхом лицо. Увидев нас, кореец бросил факел на землю, выстрелил в упор в Дерсу и убежал. Разлившийся по земле керосин вспыхнул и загорелся дымным пламенем.

— Ты не ранен? — спросил я Дерсу.

— Нет, — сказал он и стал подымать факел.

Я видел, что в него стреляют, а он стоял во весь свой рост, — махал рукой и что-то кричал корейцам. Услышав стрельбу, Олентьев решил, что мы подверглись нападению хунхузов. Оставив при лошадях двух коноводов, он с остальными людьми бросился к нам на выручку. Наконец, стрельба из ближайшей к нам фанзы прекратилась. Тогда Дерсу вступил с корейцами в переговоры. Они ни за что не хотели открывать дверей. Никакие увещевания не помогали. Корейцы ругались и грозили возобновить пальбу из ружей.

Нечего делать, надо было становиться биваком. Мы разложили костры на берегу реки и начали ставить палатки. В стороне стояла старая развалившаяся фанза, а рядом с ней были сложены груды дров, заготовленных корейцами на зиму. В деревне стрельба долго еще не прекращалась. Те фанзы, что были в стороне, отстреливались всю ночь. От кого?

Корейцы и сами не знали этого. Стрелки и ругались, и смеялись.

На другой день была назначена дневка. Я велел стрелкам осмотреть седла, просушить то, что промокло и почистить винтовки.

Дождь перестал; свежий северо-западный ветер разогнал тучи; выглянуло солнце...

Я оделся и пошел осматривать деревню.

Казалось бы, что после вчерашней перепалки корейцы должны были придти на наш бивак и посмотреть людей, в которых они стреляли. Ничего подобного. Из соседней фанзы вышло двое мужчин. Они были одеты в белые куртки с широкими рукавами, в белые ватные шаровары и имели плетеную веревочную обувь на ногах. Они даже не взглянули на нас и прошли мимо. Около другой фанзы сидел старик и крутил нитки. Когда я подошел к нему, он поднял голову и посмотрел на меня такими глазами, в которых нельзя было прочесть ни любопытства, ни удивления. По дороге навстречу нам шла женщина, одетая в белую юбку и белую кофту; грудь ее была открыта. Она несла на голове глиняный кувшин с водой и шла прямо, ровной походкой, опустив глаза в землю. Поровнявшись с нами, она не посторонилась и, не поднимая глаз, прошла мимо. — И всюду, куда я ни приходил, я видел то удивительное равнодушие, которым так отличаются корейцы. «Страна утреннего спокойствия» вспомнилось мне название, данное Корее.

Корейцы живут хуторами. Фанзы их разбросаны на значительном расстоянии друг от друга и каждая находится в середине своих полей и огородов. Вот почему небольшая корейская деревня сплошь и рядом занимает пространство в несколько квадратных верст.

Возвращаясь назад к биваку, я вошел в одну из фанз. Тонкие стены ее были обмазаны глиной изнутри и снаружи. В фанзе имелись три двери с решетчатыми окнами, оклеенными бумагой. Соломенная четырехскатная крыша была покрыта сетью, сплетенной из сухой травы.

В фанзе я увидел ту самую женщину, которая переходила нам дорогу и несла на голове кувшин с водой. Она сидела на корточках и деревянным ковшом наливала в котел воду. Делала она это медленно, высоко поднимала ковш

кверху и лила воду как-то странно—через руку в правую сторону. Она равнодушно взглянула на меня и молча продолжала свое дело. На кане сидел мужчина лет пятидесяти и курил трубку. Он не шевельнулся и ничего не ответил на мое приветствие. Я посидел с минуту, затем вышел на улицу и направился к своим спутникам.

После обеда я отправился экскурсировать по окрестностям. Переправившись на другую сторону реки, я поднялся на возвышенность. Это была древняя речная терраса, высотою в 10—12 саженей. Отсюда с высоты террасы мне открывался чудный вид на долину р. Лефу. Правый берег, где расположилась корейская деревня, был низменный.

На такой же древней речной террасе расположилось русское село Ивановское, насчитывающее в себе около 200 дворов *). Дальше долина р. Лефу становится расплывчатой. Пологие холмы, мало возвышающиеся над общим уровнем, покрыты дубовым и черноберезовым редколесьем.

Часа два я бродил по окрестностям и, наконец, опять подошел к обрыву. День склонился к вечеру. По небу медленно ползли легкие розовые облачка. Дальние горы, освещенные последними лучами заходящего солнца, казались фиолетовыми. Оголенные от листвы деревья приняли однотонную серую окраску. В корейской деревне попрежнему царило полное спокойствие. Из длинных труб фанз вились белые дымки. Они быстро таяли в прохладном вечернем воздухе. По дорожкам кое-где мелькали белые фигуры корейцев. Внизу у самой реки горел огонь. Это был наш бивак.

Когда я возвращался назад, уже смеркалось. Вода в реке казалась черной, и на спокойной поверхности ее отражались пламя костра и мигающие на небе звезды. Около огня сидели стрелки; один что-то рассказывал, другие смеялись.

— Ужинать! — крикнул артельщик. Смех и шутки сразу прекратились.

После чая я сел у огня и стал записывать в дневнике свои наблюдения. Дерсу разбирал свою котомку и поправлял костер.

---

*) Основание селения относится к 1883 году.

— Мало — мало холодно, — сказал он, пожимая плечами.

— Иди спать в фанзу, — посоветовал я ему.

— Не хочу, — ответил он, — моя всегда так спи.

Затем он натыкал позади себя несколько ивовых прутьев и обтянул их полотнищем палатки, потом постлал на землю козью шкуру, сел на нее и, накинув себе на плечи кожаную куртку, закурил трубку. Через несколько минут я услышал легкий храп. Он спал. Голова его свесилась на грудь, руки опустились, погасшая трубка выпала изо рта и лежала на коленях... И так всю жизнь,—подумал я. Каким тяжелым трудом, ценою каких лишений добывал себе этот человек средства к жизни!?

В стороне глухо шумела река; где-то за деревней лаяла собака; в одной из дальних фанз плакал ребенок. Я завернулся в бурку, лег спиной к костру и сладко уснул.

На другой день чуть свет мы все были уже на ногах. Ночью наши лошади, не найдя корма на корейских пашнях, ушли к горам на отаву. Пока их разыскивали, артельщик приготовил чай и сварил кашу. Когда стрелки вернулись с конями, я успел закончить свои работы. В 8 часов утра мы выступили в путь.

Чем дальше, тем долина все более и более принимала характер луговой. По всем признакам видно было, что горы кончаются. Они отодвинулись куда-то далеко в сторону, и на место их выступили широкие и пологие увалы, покрытые кустарниковой порослью. Дуб и липа дровяного характера с отмерзшими вершинами растут здесь кое-где группами и в одиночку. Около самой реки — частые насаждения ивы, ольхи и черемухи. Наша тропа стала принимать влево в горы и увела нас от реки версты на четыре. В этот день мы немного не дошли до деревни Ляличи и заночевали в шести верстах от нее на берегу маленького и извилистого ручейка.

Вечером я сидел с Дерсу у костра и беседовал с ним о дальнейшем маршруте по р. Лефу. Мне очень хотелось взглянуть на озеро Ханка, воспетое Пржевальским. Гольд говорил, что далее пойдут обширные болота и бездорожье, и советовал плыть на лодке, а лошадей и часть команды оставить в Ляличах. Совет его был вполне благоразумный. Я последовал ему и только изменил местопребывание команды.

На другое утро я взял с собой только Олентьева и стрелка Марченко, а остальных отправил в село Черниговку с приказанием дожидаться там моего возвращения. При содействии старосты нам очень скоро удалось заполучить довольно сносную плоскодонку. За нее мы уплатили двенадцать рублей деньгами. Весь день был употреблен на оборудование лодки. Дерсу сам приспособлял весла, устраивал из колышков уключины, налаживал сидения и готовил шесты. Я любовался, как работа у него в руках спорилась и кипела. Он никогда не суетился, все действия его были обдуманы, последовательны и ни в чем не было проволочек. Видно было, что он в жизни прошел такую школу, которая приучила его быть энергичным, деятельным и не тратить времени понапрасну. Случайно в одной избе нашлись готовые сухари. А больше нам ничего не надо было. Все остальное — чай, сахар, соль, крупу и консервы мы имели в достаточном количестве. В тот же вечер по совету гольда все имущество было перенесено в лодку, а сами мы остались ночевать на берегу. Ночь выпала ветреная и холодная. За недостатком дров огня большого развести было нельзя, и потому все зябли и почти не спали. Как я ни старался завернуться в бурку, но холодный ветер находил где-нибудь лазейку и знобил то плечо, то бок, то спину. Дрова были плохие, они трещали и бросали во все стороны искры. У Дерсу прогорело одеяло. Сквозь дремоту я слышал, как он ругал полено, называя его по своему «худой люди».

— Его постоянно так гори — все равно кричи, — говорил он кому-то и при этом изобразил своим голосом, как трещат дрова. — Его надо гоняй.

После этого я слышал всплеск на реке и шипение головешки. Очевидно, старик бросил ее в воду. Потом мне удалось как-то согреться, и я уснул.

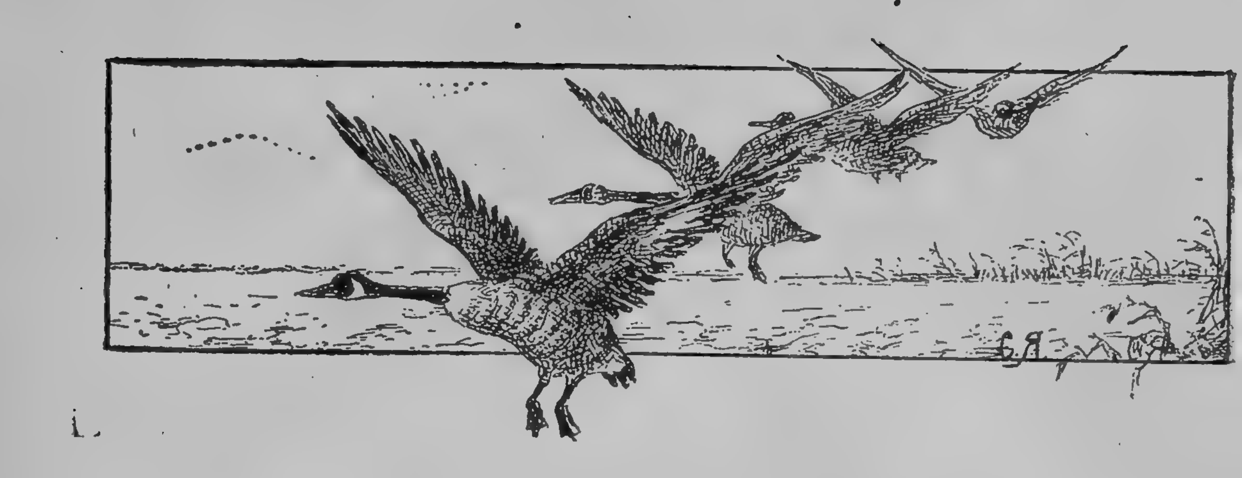
Ночью я проснулся и увидел Дерсу, сидящего у костра. Он поправлял огонь. Ветер раздувал пламя во все стороны. Поверх бурки на мне лежало одеяло гольда. Значит, это он прикрыл меня, вот почему я и согрелся. Стрелки тоже поверх шинелей были прикрыты его палаткой. Я предлагал Дерсу лечь на мое место, но он отказался.

— Не надо капитан, — сказал он. — Тебе спи, моя буду караулить огонь. Его шибко вредный, — он указал на дрова.

Чем ближе я присматривался к этому человеку, тем больше он мне нравился. С каждым днем я открывал в нем

новые достоинства. Раньше я думал, что эгоизм особенно свойственен дикому человеку, а чувство гуманности, человеколюбия и внимания к чужому интересу присуще только европейцам. Не ошибался ли я?... Под эти мысли я опять задремал и проспал до утра.

V.

Нижнее течение р. Лефу.

Осенний перелет птиц. — Стрельба Дерсу. — Живая вода и живой огонь.— Пернатое население болот. — Теневой сегмент земли. — Тяжелое состояние после сна. — Перемена погоды.

Когда совсем рассвело, Дерсу разбудил нас. Он согрел чай и сжарил мясо. После завтрака я отправил команду с лошадьми в Черниговку, затем мы спустили лодку в воду и тронулись в путь.

Подгоняемая шестами, лодка наша хорошо шла по течению. Верст через пять мы достигли железнодорожного моста и остановились на отдых. Дерсу рассказал, что в этих местах он бывал еще мальчиком с отцом. Они приходили сюда на охоту за козами. Про железную дорогу он слышал от китайцев, но никогда ее раньше не видал.

После краткого отдыха мы поплыли дальше. Около железнодорожного моста горы кончились. Я вышел из лодки и поднялся на ближайшую сопку, чтобы в последний раз осмотреться во все стороны. Красивая панорама развернулась перед моими глазами. Сзади, на востоке толпились горы; на юге были пологие холмы, поросшие лиственным редколесьем; на севере, насколько хватал глаз, расстилалось бесконечное низменное пространство, покрытое травою. Сколько я ни напрягал зрение, я не мог увидеть конца этой низины. Она уходила вдаль и скрывалась где-то за горизонтом. Порой по ней пробегал ветер. Трава колыхалась и волновалась, как море. Кое-где группами и в одиночку росли чах-

лые березки, тощие лиственницы и другие какие-то деревья. С горы, на которой я стоял, реку Лефу далеко можно было проследить по ольшанникам и ивнякам, растущим по ее берегам в изобилии. Вначале она сохраняет свое северо-восточное направление, но, не доходя сопок, видневшихся на западе верстах в восьми, поворачивает на север и немного склоняется к востоку. Бесчисленное множество проток, слепых рукавов, заводей и озерков окаймляет ее с обеих сторон. Низина эта казалась безжизненной и пустынной. Ярко блестевшие на солнце в разных местах лужи свидетельствовали о том, что долина р. Лефу в дождливый период года легко затопляется водой.

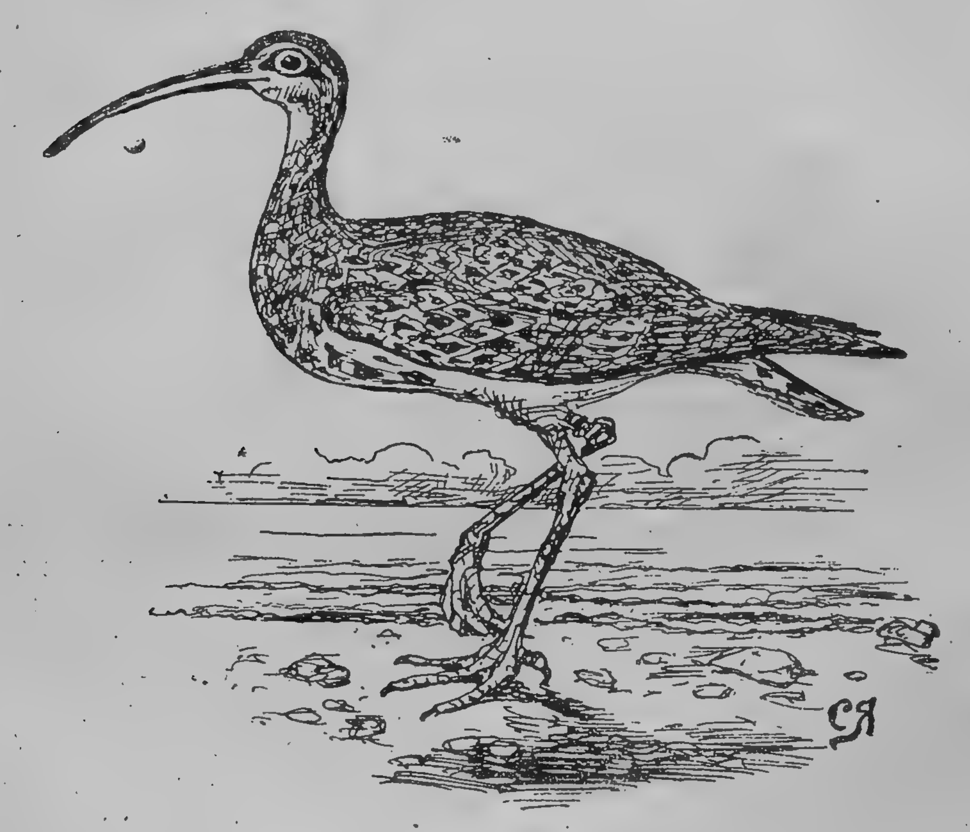
К полудню мы доехали еще до одной возвышенности, расположенной на самом берегу реки с левой стороны. Сопка эта высотою 60 — 70 саж. и покрыта редколесьем из дуба, березы, липы, клена, ореха и акаций.

Во вторую половину дня мы проехали еще столько же и встали биваком довольно рано.

Долгое сидение в лодке наскучило, и потому всем хотелось выйти и размять онемевшие члены. Меня тянуло в поле. Олентьев и Марченко принялись устраивать бивак, а мы с Дерсу пошли на охоту. С первого же шага буйные травы охватили нас со всех сторон. Они были так высоки и так густы, что человек в них казался утонувшим. Внизу под ногами — трава, спереди и сзади — трава, с боков — тоже трава и только вверху — голубое небо. Казалось, что мы шли по дну травяного моря. Это впечатление становилось еще сильнее, когда, взобравшись на какую-нибудь кочку, я видел, как степь волновалась. С робостью и с опаской я опять погружался в траву и шел дальше. В этих местах так же легко заблудиться, как и в лесу. Мы несколько раз сбивались с дороги, но тотчас же спешили исправить свои ошибки. Найдя какую-нибудь точку, я взбирался на нее и старался рассмотреть что-нибудь впереди. Дерсу хватал полынь руками и придавлял ее к земле. Я смотрел вперед, в стороны, и всюду передо мной расстилалось бесконечное, волнующееся травяное море.

Главными представителями этих трав будут: тростники высотою до 10 фут., потом вейник 4 фута и полынь 6 фут. Из древесных пород, растущих по берегам проток, можно отметить кустарниковую лозу, мелкорослую осину, белую березу, ольху и проч...

Главное население этих болотистых степей—пернатое. Кто не бывал в низовьях р. Лефу во время перелета, тот не может себе представить, что там происходит. Тысячи тысяч птиц большими и малыми стаями тянулись к югу. Некоторые шли в обратном направлении, другие—наискось в сторону. Вереницы их то подымались кверху, то опускались

Кроншнеп.

вниз, и все разом, ближние и дальние, проектировались на фоне неба, в особенности,—внизу около горизонта, который вследствие этого казался как бы затянутым паутиной. Я смотрел, как очарованный. Выше всех были орлы. Распластав свои могучие крылья, они парили, описывая большие круги. Что для них расстояния!?. Некоторые из них кружились так высоко, что едва были заметны. Ниже их, но все же высоко над землею, летели гуси. Эти осторожные птицы шли правильными косяками и, тяжело в разброд махая крыльями, оглашали воздух своими сильными криками. Рядом с ними летели казарки и лебеди. Внизу, ближе к земле,

с шумом неслись торопливые утки. Тут были стаи грузной кряквы, которую легко можно было узнать по свистящему шуму, издаваемому ее крыльями, и совсем над водою тысячами летели чирки и другие мелкие утки. Там и сям в воздухе виднелись канюки и пустельга. Эти представители соколов описывали красивые круги, подолгу останавливались на одном месте и, трепеща крыльями, зорко высматривали на земле добычу. Порой они отлетали в сторону, опять описывали круги и, вдруг, сложив крылья, стремглав бросались книзу, но едва коснувшись травы, снова быстро взмывали вверх. Грациозные и подвижные чайки и изящные проворные крачки своей снежной белизной мелькали в синеве лазурного неба. Кроншнепы летели легко, плавно и при полете своем делали удивительно красивые повороты. Остроклювые крохали налету посматривали по сторонам, точно выискивали место, где бы им можно было остановиться. Сивки-моряки держались болотистых низин. Лужи стоячей воды, видимо, служили для них вехами, по которым они и держали направление. И вся эта масса птиц неслась к югу. Величественная картина.

Вдруг совершенно неожиданно откуда-то взялись две козули. Они были от нас шагах в шестидесяти. В густой траве их почти не было видно—мелькали только головы с растопырёнными ушами и белые пятна около задних ног. Отбежав шагов полтораста, козули остановились. Я выпалил из ружья—и промахнулся. Раскатистое эхо подхватило звук выстрела и далеко разнесло его по реке. Тысячи птиц поднялись от воды и с криками полетели во все стороны. Испуганные козули сорвались с места и снова пошли большими прыжками. Тогда прицелился Дерсу. И в тот момент, когда голова одной из них показалась над травою, он спустил курок. Когда дым рассеялся, животных уже не было видно. Гольд снова зарядил свою винтовку и не торопясь пошел вперед. Я молча последовал за ним. Дерсу огляделся, потом повернулся назад, пошел в сторону и опять вернулся обратно. Видно было, что он что-то искал.

— Кого ты ищешь?—спросил я его.

— Козулю,—отвечал он.

— Да ведь она ушла...

— Нет, — сказал он уверенно. — Моя в голову его попади.

Я принялся тоже искать убитое животное, хотя и не совсем верил гольду. Мне казалось, что он ошибся. Минут

через десять мы нашли козулю. Голова ее оказалась действительно простреленной. Дерсу взвалил ее себе на плечи и тихонько пошел обратно. На бивак мы возвратились уже в сумерки.

Вечерняя заря еще пыталась было бороться с надвигающейся тьмою, но не могла ее осилить, уступила и ушла за горизонт. Тотчас на небе замигали звезды, словно и они обрадовались тому, что наконец-то солнце дало им свободу. Около протоки темнела какая-то роща. Деревьев теперь разобрать было нельзя; они все стали похожи друг на друга. Сквозь них виднелся свет нашего костра. Вечер был тихий и прохладный. Слышно было, как где-то неподалеку от нас с шумом опустилась в воду стая уток. По полету можно было узнать, что это были чирки.

После ужина Дерсу и Олентьев принялись свежевать козулю, а я занялся своей работой. Покончив с дневником, я лег спать.

На следующий день мы встали довольно рано, наскоро напились чаю, уложили свои пожитки в лодку и поплыли вниз по р. Лефу. Чем дальше, тем извилистее становилась река. «Кривуны» ее (так местные жители называли извилины) описывают почти полные окружности и вдруг поворачивают назад, опять загибаются, и нет места где бы река хоть немного текла прямо.

Трудно проследить русло р. Лефу в лабиринте ее протоков. Ширина реки здесь колеблется от 8 до 40 саж. При этом она отделяет от себя в сторону большие слепые рукава, от которых идут длинные, узкие и глубокие каналы, сообщающиеся с озерами и болотами или с такими речками, которые впадают в Лефу. Течение становилось медленнее. Шесты, которыми стрелки проталкивали лодки вперед, упираясь в дно реки, часто завязали, и настолько крепко, что вырывались из рук. Глубина Лефу в этих местах весьма неровная. То лодка наша натыкалась на мели, то проходила по глубоким местам, так что без малого весь шест погружался в воду.

Почва около берегов более или менее твердая, но стоит только отойти немного в сторону, как сразу попадешь в болото. Среди зарослей скрываются длинные озерки. Эти озерки и кусты ивняков и ольшанников, растущие рядами, свидетельствуют о том, что река Лефу раньше текла иначе и несколько раз меняла свое русло. К вечеру мы немного не

дошли до р. Черниговки и стали биваком на узком перешейке между ней и небольшой протокой.

Сегодня был особенно сильный перелет. Олентьев убил несколько уток, которые и составили нам превосходный ужин. Когда стемнело, все птицы прекратили свой лет. Кругом сразу воцарилась тишина. Можно было подумать, что степи эти совершенно безжизненны, а между тем не было ни одного озерка, ни одной заводи, ни одной протоки, где не ночевали бы стаи лебедей, гусей, крохалей, уток и другой водяной птицы.

Вечером Марченко и Олентьев улеглись спать раньше нас, а мы с Дерсу, по обыкновению, сидели и разговаривали. Забытый на огне чайник настойчиво напоминал о себе шипением. Дерсу отставил его немного, но чайник продолжал гудеть. Дерсу отставил его еще дальше. Тогда чайник запел тоненьким голоском.

— Как его кричи, — сказал Дерсу. — Худой люди! Он вскочил и вылил горячую воду на землю.

— Как «люди»?—спросил я его в недоумении.

— Вода,—отвечал он просто.—Его могу кричи, могу плакать, могу тоже играй.

И долго мне говорил этот первобытный человек о своем мировоззрении. Он видел живую силу в воде, видел ее тихое течение и слышал ее рев во время наводнений.

— Посмотри,—сказал Дерсу, указывая на огонь.—Его тоже все равно люди.

Я взглянул на костер. Дрова искрились и трещали. Огонь вспыхивал то длинными, то короткими языками, то становился ярким, то тусклым; из угольев слагались замки, гроты, потом все это разрушалось и созидалось вновь. Дерсу умолк, а я долго еще сидел и смотрел на «живой огонь».

В реке шумно всплеснула рыба. Я вздрогнул и посмотрел на Дерсу. Он сидел и дремал. В степи попрежнему было тихо. Звезды на небе показывали полночь. Подбросив дров в костер, я разбудил гольда, и мы оба стали укладываться на ночь.

На следующий день мы все проснулись очень рано. Вышло это как-то случайно, само собой.

Как только начала заниматься заря, пернатое царство поднялось в воздухе и с шумом и гамом снова понеслось к югу. Первыми снялись гуси, за ними пошли лебеди, потом

утки и уже последними тронулись остальные перелетные птицы. Сначала они низко летели над землею, но по мере того, как становилось светлее, поднимались все выше и выше.

До восхода солнца мы успели отплыть от бивака верст восемь и дошли до горы Чайдынза, покрытой ильмом и осиной. Здесь долина реки Лефу становится шириной более сорока верст. С левой стороны ее на огромном протяжении тянутся сплошные болота. Лефу разбивается на множество рукавов, которые имеют десятки верст длины. Рукава разбиваются на протоки и в свою очередь дают ответвления. Эти протоки тянутся широкой полосой по обе стороны реки и образуют такой лабиринт, в котором очень легко заблудиться, если не держаться главного русла и польститься на какой-нибудь рукав в надежде сократить расстояние.

Мы плыли по главному руслу и только в случае крайней нужды сворачивали в сторону с тем, чтобы при первой же возможности выйти на реку снова. Протоки эти, заросшие лозой и камышами, совершенно скрывали нашу лодку. Мы подвигались тихо и нередко подходили к птицам ближе, чем на ружейный выстрел. Иногда мы задерживались нарочно и подолгу рассматривали их.

Прежде всего я заметил белую цаплю с черными ногами и желтозеленым клювом. Она чинно расхаживала около берега, покачивала в такт головой и внимательно рассматривала дно реки. Заметив лодку, птица подпрыгнула два раза, грузно поднялась на воздух и, отлетев немного, снова опустилась на соседней протоке. Потом мы увидели выпь. Серовато-желтая окраска перьев, грязно-желтый клюв, желтые глаза и такие же желтые ноги, делают ее удивительно непривлекательной. Эта угрюмая птица ходила сгорбившись по песку и все время преследовала подвижного и хлопотливого кулика-сороку. Кулик отлетал немного, и как только садился на землю, выпь тотчас же направлялась туда шагом и, когда подходила близко, бросалась бегом и старалась ударить его своим острым клювом. Заметив лодку, выпь забилась в траву, вытянула шею и, подняв голову кверху, замерла на месте. Когда лодка проходила мимо, Марченко выстрелил в нее, но не попал, хотя пуля прошла так близко, что задела рядом с ней камышины. Выпь не шелохнулась. — Дерсу рассмеялся.

— Его шибко хитрый люди. Постоянно так обмани, — сказал он.

Действительно, теперь выпь нельзя уже было заметить. Окраска ее оперенья и поднятый кверху клюв совершенно затерялись в траве.

Дальше мы увидели опять новую картину. Низко над водой около берега на ветке лозняка уединенно сидел зимородок. Эта маленькая птичка с большой головой и с большим клювом, казалось, дремала. Вдруг она ринулась в воду, нырнула и снова показалась на поверхности, держа в клюве маленькую рыбку. Проглотив добычу, зимородок сел на ветку и опять погрузился в дремоту, но, услышав шум приближающейся лодки, с криком понесся вдоль реки. Яркой синевой мелькнуло его оперенье. Отлетев немного, он опять уселся на куст, потом отлетел еще дальше и, наконец, совсем скрылся за поворотом.

Раза два мы встречали болотных курочек-лысух. Эти черные, ныряющие птички с большими ногами легко и свободно ходили по листьям водяных растений, но в воздухе казались беспомощными. Видно было, что это не их родная стихия. При полете они как-то странно болтали ногами. Создавалось впечатление, будто они недавно вышли из гнезда и еще не научились летать, как следует.

Кое-где в стоячих водах держались поганки с торчащими в сторону ушами и с воротничками из цветных перьев. Они не улетали, а спешили спрятаться в траве или нырнуть в воду.

Погода нам благоприятствовала. Был один из тех теплых осенних дней, которые так часто бывают в Южно-Уссурийском крае в октябре месяце. Небо было совершенно безоблачное, ясное; легкий ветерок тянул с запада. Погода такая бывает часто обманчива, и нередко после нее начинают дуть холодные северо-западные ветры, и чем дольше стоит такая тишь, тем резче будет перемена.

Часов в одиннадцать утра мы сделали большой привал около реки Люганки. После обеда стрелки легли отдыхать, а я пошел побродить по берегу. Куда я ни обращал свой взор, я всюду видел только траву и болото. Далеко на западе чуть-чуть виднелись туманные горы. По безлесным равнинам кое-где, как оазисы, темнели пятна мелкой кустарниковой поросли.

Пробираясь к ним, я спугнул большую болотную сову. Эта «ночная птица открытых пространств» днем всегда прячется в траве. Она испуганно шарахнулась в сторону от меня и, отлетев немного, опять опустилась в болото. Около ку-

стов я сел отдохнуть и вдруг услышал слабый шорох. Это были камышевки. Они порхали по тростникам, поминутно подергивая хвостиком. Затем я увидел двух крапивников. Миловидные, рыжевато-пестрые птички эти все время прятались в зарослях, потом выскакивали вдруг где-нибудь с другой стороны и скрывались снова под сухою травою. Вместе с ними была одна камышевка-овсянка. Она все время лазила по тростникам, нагибала голову в сторону и вопрошающе на меня посматривала. Я видел здесь еще много других мелких птиц, названия которых мне были неизвестны.

Через час я вернулся к «своим». Марченко уже согрел чай и ожидал моего возвращения. Утолив жажду, мы сели в лодку и поплыли дальше. Желая пополнить свой дневник, я спросил Дерсу, следы каких животных он видел в долине Лефу с тех пор, как мы вышли из гор, и начались болота. Он отвечал, что в этих местах держатся козули, енотовидные собаки, барсуки, волки, лисицы, зайцы, хорьки, выдры, водяные крысы, мыши и землеройки.

Во вторую половину дня мы прошли еще верст двенадцать и стали биваком на одном из многочисленных островов.

Сегодня мы имели случай наблюдать на востоке теневой сегмент земли. Вечерняя заря переливалась особенно яркими красками. Сначала она была бледная, потом стала изумрудно-зеленой, и по этому зеленому фону, как расходящиеся столбы, поднялись из-за горизонта два светло-желтых луча. Через несколько минут лучи пропали. Зеленый свет зари сделался оранжевым и потом — красным. Самое последнее явление заключалось в том, что багрово-красный горизонт стал темным, словно от дыма. Одновременно с закатом солнца на востоке появился теневой сегмент земли. Одним концом он касался северного горизонта, другим — южного. Внешний край этой тени был пурпуровый, и чем ниже спускалось солнце, тем выше поднимался теневой сегмент. Скоро пурпуровая полоса слилась с красной зарей на западе, и тогда наступила темная ночь.

Я смотрел и восторгался, но в это время услышал, что Дерсу ворчит.

— Понимай нету!

Я догадался, что это замечание относилось ко мне и спросил его, в чем дело.

— Это худо, сказал он, — указывая на небо. — Моя думай, — будет большой ветер.

Вечером мы недолго сидели у огня. Утром мы встали рано, за день утомились и поэтому, как только поужинали, тотчас же легли спать. Предрассветный наш сон был какой-то тяжелый. Во всем теле чувствовалась истома и слабость, движения были вялые. Так как это состояние ощущалось всеми одинаково, то я испугался, думая, что мы заболели лихорадкой или чем-нибудь отравились, но Дерсу успокоил меня, сказав, что это всегда бывает при перемене погоды. Нехотя мы поели и нехотя поплыли дальше. Погода была теплая; ветру не было совершенно; камыши стояли неподвижно и как будто дремали. Дальние горы, виденные дотоле ясно, теперь совсем утонули во мгле. По бледному небу протянулись тонкие растянутые облачка, и около солнца появились венцы. Я заметил, что кругом уже не было такой жизни, как накануне. Куда-то исчезли и гуси, и утки, и все мелкие птицы. Только на небе парили орланы. Вероятно, они находились вне тех атмосферных изменений, которые вызвали среди всех животных на земле общую апатию и сонливость.

— Ничего! — говорил Дерсу. — Моя думай, половина солнца кончай, другой ветер найди есть.

Я спросил его, отчего птицы перестали лететь, и он прочел мне длинную лекцию о перелете.

По его словам, птицы любят двигаться против ветра. При полном штиле и во время теплой погоды они сидят на болотах. Если ветер дует им вслед, они зябнут, потому что холодный воздух проникает под перья. Тогда птицы прячутся в траве. Только неожиданное выпадение снегов может принудить пернатых лететь дальше, не взирая на ветер и стужу.

VI.

На озере Ханка.

Торопливый перелет птиц. — Заблудились. — Пурга на озере Ханка. — Шалаш из травы. — Возвращение на бивак. — Путь до Дмитровки. — Дерсу заботится о лодке. — Бивак гольда за деревней. — Планы Дерсу. — Прощание. — Возвращение во Владивосток.

Чем ближе мы подвигались к озеру Ханка, тем болотистее становилась равнина. Деревья по берегам проток исчезли и их место заняли редкие тощие кустарники. Замедление течения в реке тотчас сказалось на растительности. Появились лилии, кувшинки, курослеп, водяной орех и т. п. Иногда заросли травы были так густы, что лодка не могла пройти сквозь них, и мы вынуждены были делать большие обходы. В одном месте мы заблудились и попали в какой-то тупик. Олентьев хотел было выйти из лодки, но едва вступил на берег, как провалился и увяз по колено. Тогда мы повернули назад, вошли в какое-то озеро и там случайно нашли свою протоку. Лабиринт, заросший травою, остался теперь позади, и мы могли радоваться, что отделались так дешево. С каждым днем ориентировка становилась все труднее и труднее.

Раньше по деревьям можно было далеко проследить реку, теперь же нигде не было даже кустов, вследствие этого на несколько саженей вперед нельзя было сказать, куда свернет протока: влево или вправо.

Предсказание Дерсу сбылось. В полдень начал дуть ветер с юга. Он постепенно усиливался и в то же время менял направление к западу. Гуси и утки снова поднялись на воздух и полетели низко над землею.

В одном месте было много плавникового леса, принесенного сюда во время наводнений. На р. Лефу этим прене-

брегать нельзя, иначе рискуешь заночевать без дров. Через несколько минут стрелки разгружали лодку, а Дерсу раскладывал огонь и ставил палатку.

До о. Ханка оставалось немного. Я знал, что река здесь отклоняется к северо-востоку и впадает в восточный угол залива Лебяжьего, названного так потому, что во время перелетов, здесь всегда держится много лебедей. Этот залив длиною от 5 до 7 верст и шириною около версты. Он очень мелководен и соединяется с озером узкой протокой. Таким образом, для того, чтобы достигнуть Ханка на лодке, нужно пройти было еще верст пятнадцать, а напрямик целиною— не более двух с половиной или трех верст. Было решено, что завтра мы, вместе с Дерсу, пойдем пешком и к сумеркам вернемся назад. Олентьев и Марченко должны были остаться на биваке и ждать нашего возвращения.

Вечером у всех было много свободного времени. Мы сидели у костра, пили чай и разговаривали между собой. Сухие дрова горели ярким пламенем. Камыши качались и шумели и от этого шума ветер казался сильнее, чем он был на самом деле. На небе лежала мгла и сквозь нее чуть-чуть виднелись только крупные звезды. С озера до нас доносился шум прибоя. К утру небо покрылось слоистыми облаками. Теперь ветер дул с северо-запада. Погода немного ухудшилась, но не настолько, чтобы помешать нашей экскурсии.

На другой день часов в 10 утра, сделав нужные распоряжения, мы с Дерсу отправились в путь. Полагая, что к вечеру возвратимся назад, мы пошли налегке, оставив все лишнее на биваке. На всякий случай под тужурку я одел фуфайку, а Дерсу захватил с собой полотнище палатки и две пары меховых чулок.

По дороге он часто посматривал на небо, что-то говорил сам с собою и затем обратился ко мне с вопросом.

— Как, капитан, наша скоро назад ходи или нет? Моя думай ночью будет худо.

Я ответил ему, что до Ханка недалеко и что задерживаться мы там не будем.

Дерсу был сговорчив. Его всегда можно было легко уговорить. Он считал своим долгом предупредить об угрожающей опасности, и если видел, что его не слушают, покорялся, шел молча и никогда не спорил.

— Хорошо, капитан, — сказал он мне в ответ. — Тебе сам посмотри, а моя, «как ладно, так и ладно». — Последняя фраза была обычной формой выражения им своего согласия.

Итти можно было только по берегам протоков и озерков, где почва была немного суше. Мы направились левым берегом той протоки, около которой был расположен наш бивак. Она долгое время шла в желательном для нас направлении, но потом вдруг круто повернула назад. Мы оставили ее и, перейдя через болотце, вышли к другой, узкой, но очень глубокой протоке. Перепрыгнув через нее, мы снова пошли камышами. Затем, я помню, что еще другая протока появилась у нас слева—мы направились по правому ее берегу. Заметив, что она загибается к югу, мы бросили ее и некоторое время шли целиной, обходя лужи стоячей воды и прыгая с кочки на кочку. Так, вероятно, прошли мы версты три. Наконец, я остановился, чтобы ориентироваться. Теперь ветер дул с севера, как раз со стороны озера. Тростник сильно качался и шумел. Порой ветер пригибал его к земле и тогда являлась возможность разглядеть то, что было впереди. Северный горизонт был затянут какой-то мглой, похожей на дым. Сквозь тучи на небе неясно просвечивало солнце и это казалось мне хорошим предзнаменованием. Наконец, мы увидели Ханка. Оно пенилось и бурлило.

Дерсу обратил мое внимание на птиц. Он заметил у них что-то такое, что стало его беспокоить. Это не был спокойный перелет, это было торопливое бегство. Птица, как говорят охотники, шла валом и в беспорядке. Гуси летели низко, почти над самой землей. Странный вид имели они, когда двигались нам навстречу и находились на линии зрения. В это время они были похожи на древних летучих ящеров. Ни ног, ни хвоста не было видно — виднелось что-то кургузое, махающее длинными крыльями и приближающееся с невероятной быстротой. Увидев нас, гуси сразу взмывали кверху, но, обойдя опасное место, опять выстраивались в прежний порядок и снова спускались к земле.

Около полудня мы с Дерсу дошли до Ханка. Грозный вид имело теперь пресное море. Вода в нем кипела, как в котле. После долгого пути по травяным болотам вид свободной водяной стихии доставлял большое удовольствие. Я сел на песок и стал глядеть в воду. Что-то особенно привлекательное есть в прибое. Можно целыми часами смотреть, как бьется вода о берег.

Озеро было пустынным. Нигде ни одного паруса, ни одной лодки. Около часу бродили мы по берегу и стреляли птиц.

— Утка кончай ходи, — сказал Дерсу вслух.

— Действительно перелет птиц сразу прекратился.

Черная мгла, которая дотоле была у горизонта, вдруг стала подниматься кверху. Солнца теперь уже совсем не было видно. По темному небу, покрытому тучами, точно в перегонку бежали отдельные белесоватые облака. Края их были разорваны и висели клочьями, словно грязная вата.

— Капитан! надо наша скоро ходи назад, — сказал Дерсу. — Моя мало-мало боится.

В самом деле, пора было подумать о возвращении на бивак. Мы переобулись и пошли обратно. Дойдя до зарослей, я остановился, чтобы в последний раз взглянуть на озеро. Точно разъяренный зверь на привязи, оно металось в своих берегах и вздымало кверху желтоватую пену.

— Вода прибавляй есть, — сказал Дерсу, осматривая протоку.

Он был прав. Сильный ветер гнал воду к устью Лефу, вследствие чего река вышла из берегов и понемногу стала затоплять равнину. Вскоре мы подошли к какой-то большой протоке, преграждавшей нам путь. Место это мне показалось незнакомым. Дерсу тоже не узнал его. Он остановился, подумал немного и пошел влево. Протока стала заворачиваться и ушла куда-то в сторону. Мы оставили ее и пошли напрямик к югу. Через несколько минут мы попали в топь и должны были возвратиться назад к протоке. Тогда мы повернули направо, наткнулись на новую протоку и перешли ее вброд. Отсюда мы пошли на восток, но попали в трясину. В одном месте мы нашли сухую полоску земли. Как мост, тянулась она через болого. Ощупывая почву ногами, мы осторожно пробирались вперед и, пройдя с полверсты, очутились на сухом месте, густо заросшем травой. Топь теперь осталась позади.

Я взглянул на часы. Было около четырех часов пополудни, а казалось, как будто наступили уже сумерки. Тяжелые тучи опустились ниже и быстро неслись к югу. По моим соображениям, до реки оставалось не болеее двух с половиной верст. Одинокая сопка вдали, против которой был наш бивак, служила нам ориентировочным пунктом. Заблудиться мы не могли, могли только запоздать. Вдруг совершенно неожиданно перед нами очутилось довольно большое озеро. Мы решили обойти. Но оно оказалось длинным. Тогда мы пошли влево. Шагов через полтораста перед нами появи-

лась новая протока, идущая к озеру под прямым углом. Мы бросились в другую сторону и вскоре опять подошли к тому же зыбучему болоту. Тогда я решил еще раз попытать счастья в правой стороне. Скоро под ногами стала хлюпать вода; дальше виднелись большие лужи. Стало ясно, что мы заблудились. Дело принимало серьезный оборот. Я предложил гольду вернуться назад и разыскать тот перешеек, который привел нас на этот остров. Дерсу согласился. Мы пошли обратно, но вторично его найти уже не могли.

Вдруг ветер сразу упал. Издали донесся до нас шум озера Ханка. Начало смеркаться, и одновременно с тем в воздухе закружилось несколько снежинок. Штиль продолжался всего только несколько минут и вслед затем налетел вихрь. Снег пошел сильнее.

Придется ночевать, подумал я, и вдруг вспомнил, что на этом острове нет дров: ни единого деревца, ни единого кустика; ничего кроме воды и травы. Я испугался.

— Что будем делать?—спросил я Дерсу.

— Моя шибко боится, — отвечал он.

Тут только я понял весь ужас нашего положения. Ночью во время пурги нам приходилось оставаться среди болот, без огня и без теплой одежды. Единственная моя надежда была на Дерсу. В нем одном я видел свое спасение.

— Слушай, капитан! — сказал он. — Хорошо слушай. Надо наша скоро работай. Хорошо работай нету, наша пропал. Надо скоро резать траву.

Я не спрашивал его, зачем это было нужно. Для меня было только одно понятно. «Надо скорей резать траву». Мы быстро сняли с себя все снаряжение и с лихорадочной поспешностью принялись за работу. Пока я собирал такую охапку травы, что ее можно было взять в одну руку, Дерсу успевал нарезать столько, что еле охватывал двумя руками. Ветер дул порывами и с такой силой, что стоять на ногах было почти невозможно. Моя одежда стала смерзаться. Едва успевали мы положить на землю срезанную траву, как сверху ее тотчас же заносило снегом. В некоторых местах Дерсу не велел резать траву. Он ужасно сердился, когда я его не слушал.

— Тебе понимай нету, — кричал он. — Тебе надо слушай и работай. Моя понимай.

Дерсу взял ремни от ружей, взял свой пояс, у меня в

кармане нашлась веревочка. Все это он свернул и сунул к себе за пазуху. Становилось все темнее и холоднее. Благодаря выпавшему снегу можно было кое-что еще рассмотреть на земле. Дерсу двигался с поразительной энергией. В голосе его слышались нотки страха и негодования. Тогда я снова брался за нож и работал до изнеможения. На рубашку мне навалилось много снегу. Он стал таять и я почувствовал, как холодные струйки воды побежали по спине. Я думаю, что мы резали траву более часа. Резкий пронзительный ветер и колючий снег нестерпимо резали лицо. У меня озябли руки. Я стал согревать их дыханием и в это время обронил нож. Заметив, что я перестал работать, Дерсу вновь крикнул мне.

— Капитан! работай. Моя шибко боится. Скоро пропади.

Я сказал ему, что потерял нож.

— Рви траву руками, — крикнул он, стараясь пересилить шум ветра.

Автоматически, почти бессознательно, я стал ломать камыши и порезал руки, но боялся оставить работу и продолжал рвать траву до тех пор, пока окончательно не обессилел. В глазах у меня стали ходить круги, зубы стучали, как в лихорадке. Намокшая одежда коробилась и трещала. На меня напала дремота. Так вот как замерзают, мелькнуло у меня в голове, и вслед затем я впал в какое-то забытье. Сколько времени продолжалось это обморочное состояние, не знаю. Вдруг я почувствовал, что меня кто-то трясет за плечо. Я очнулся. Надо мною, наклонившись, стоял Дерсу.

— Становись на колени, — сказал он мне.

Я повиновался и уперся руками в землю. Дерсу накрыл меня своей палаткой и затем сверху стал заваливать травою. Сразу стало теплее. Закапала вода. — Дерсу долго ходил вокруг, подгребал снег и утаптывал его ногами. Я стал согреваться и затем впал в тяжелое дремотное состояние. Мне показалось, что я долго спал. Вдруг я услышал голосу Дерсу.

— Капитан! подвинься...

Я сделал над собой усилие и прижался в сторону. Гольд вполз под палатку, лег рядом со мной и стал покрывать нас обоих своею кожаною курткой. Я протянул руку и нащупал на ногах у себя знакомую мне меховую обувь.

— Спасибо, Дерсу, — говорил я ему. — Покрывайся сам.

— Ничего, ничего, капитан, — отвечал он. — Теперь бояться не надо. Моя крепко трава вяжи. Ветер ломай не могу.

Чем больше засыпало нас снегом, тем теплее становилось в нашем импровизированном шалаше. Капанье сверху прекратилось. Снаружи доносилось завывание ветра. Точно где-то гудели гудки, звонили в колокола. Потом мне стали грезиться какие-то пляски, песни, куда-то я медленно падал все ниже и ниже и, наконец, погрузился в долгий и глубокий сон... Так, вероятно, мы проспали часов двенадцать. Когда я проснулся, было темно и тихо. Вдруг я заметил, что лежу один.

— Дерсу! крикнул я испуганно.

— Медведи! — услышал я голос его снаружи. — Медведи! вылезай. Надо своя берлога ходи, как чужой берлога долго спи.

Я поспешно вылез наружу и невольно закрыл глаза рукою. Кругом все белело от снега. Воздух был свежий, прозрачный. Морозило. По небу плыли разорванные облака; кое-где виднелось синее небо. Хотя кругом было еще хмуро и сумрачно, но уже чувствовалось, что скоро выглянет солнце. Прибитая снегом трава лежала полосами. Дерсу собрал немного сухой ветоши, развел небольшой огонек и сушил на нем мои обутки.

Теперь я понял, почему Дерсу в некоторых местах не велел резать траву. Он скрутил ее и при помощи ремней и веревок перетянул поверх шалаша, чтобы его не разметало ветром. Первое, что я сделал, поблагодарил Дерсу за спасение.

— Наша вместе ходи, вместе работай. Спасибо не надо. — И как бы желая перевести разговор на другую тему, он сказал: «Сегодня ночью много люди пропади».

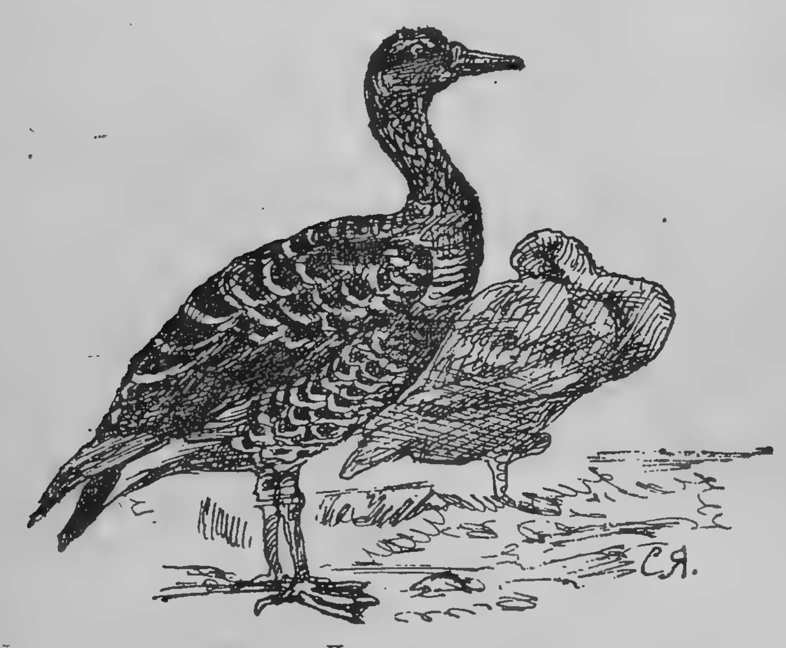
Я понял, что «люди», о которых говорил Дерсу, были пернатые.

После этого мы разобрали травяной шатер, взяли свои ружья и пошли снова искать перешеек. Оказалось, что наш бивак был очень близко от него. Перейдя через болото, мы прошли немного по направлению к озеру Ханка, а потом свернули на восток к р. Лефу.

После пурги степь казалась безжизненной и пустынной. Гуси, утки, чайки, крохали — все это куда-то исчезло.

По буро-желтому фону большими пятнами белели болота, покрытые снегом. Идти было хорошо: мокрая земля подмерзла и выдерживала тяжесть ноги человека. Скоро мы вышли на реку, а через час были на биваке.

Олентьев и Марченко не беспокоились о нас. Они думали, что около озера Ханка мы нашли жилье и остались там ночевать. Я переобулся, напился чаю, лег у костра и

Дикие гуси.

крепко заснул. Мне грезилось, что я опять попал в болото и кругом бушует снежная буря. Я вскрикнул и сбросил с себя одеяло. Был вечер. На небе горели яркие звезды; длинной полосой протянулся млечный путь. Поднявшийся ночью ветер раздувал пламя костра и разносил искры по полю. По другую сторону огня спал Дерсу. Марченко приготовил ужин и хотел было будить нас обоих.

На другой день утром ударил крепкий мороз. Вода всюду замерзла; по реке шла шуга. Переправа через протоки Лефу отняла у нас целый день. Мы часто попадали в слепые рукава и должны были возвращаться назад. Пройдя версты две нашей протокой, мы свернули в соседнюю. Она оказалась узкой и извилистой. Там, где эта извилистая протока опять соединялась с главным руслом, высилась отдель-

ная коническая сопка, покрытая порослью дубняка. Здесь мы и заночевали. Это был последний наш бивак. Отсюда следовало идти походным порядком в Черниговку, где нас ожидали остальные люди с конями. Уходя с бивака, Дерсу просил Олентьева помочь ему вытащить лодку на берег. Он старательно очистил ее от песку и обтер травою, затем перевернул ее вверх дном и поставил на катки. Я уже знал, что это делается для того, чтобы какой-нибудь «люди» мог в случае нужды ею воспользоваться.

Утром мы распрощались с Лефу. В тот же день после полудня пришли в деревню Дмитровку, расположенную по ту сторону Уссурийской железной дороги. Переходя через полотно дороги, Дерсу остановился, потрогал рельсы рукою, посмотрел в обе стороны и сказал:

— Гм! Моя это слыхал. Кругом люди говорили. Теперь понимай есть.

В деревне мы встали по квартирам, но гольд не хотел идти в избу, и, по обыкновению, остался ночевать под открытым небом. Вечером я соскучился о нем и пошел его искать.

Ночь была хотя и темная, но благодаря выпавшему снегу можно было кое-что рассмотреть. Во всех избах топились печи. Беловатый дым струйками выходил из труб и спокойно подымался кверху. Вся деревня курилась. Из окон домов свет выходил на улицу и освещал сугробы. В другой стороне «на задах» около ручья виднелся огонь. Я догадался, что это бивак Дерсу, и направился прямо туда. Гольд сидел у костра и о чем-то думал.

— Пойдем в избу чай пить, — сказал я ему.

Он не ответил мне и в свою очередь задал вопрос:

— Куда завтра ходи?

Я ответил, что пойдем в Черниговку, а оттуда — во Владивосток, и стал приглашать его с собой. Я обещал в скором времени опять пойти в тайгу, предлагал жалованье... Мы оба задумались. Не знаю, что думал он, но я почувствовал, что в сердце мое закралась тоска. Я стал снова рассказывать ему про удобства и преимущества жизни в городе. Дерсу слушал молча. Наконец, он вздохнул и проговорил:

— Нет, спасибо, капитан! Моя Владивосток не могу ходи. Чего моя там работай? Охота ходи нету, соболя гоняй тоже не могу. Город живи — моя скоро пропади.

В самом деле, подумал я. Житель лесов не выживет в городе и не делаю ли я худо, что сбиваю его с того пути, на который он встал с детства...

Дерсу замолчал. Он, видимо, обдумывал, что делать ему дальше. Потом, как бы отвечая на свои мысли, сказал:

— Завтра моя прямо ходи. Он указал рукою на восток. Четыре солнца ходи — Даубихе найди есть, потом Улахе ходи, потом—Фудин, Дзуб-Гын*) и море. Моя слыхал, там на морской стороне чего — чего много: соболь есть, олень тоже есть.

Долго мы еще сидели с ним у огня и разговаривали. Ночь была тихая и морозная. Изредка набегающий ветерок чуть шелестил дубовой листвою, еще не опавшей на землю. В деревне давно уже все спали, только в том доме, где поместился я со своими стрелками, светился огонек. Созвездие Ориона показывало полночь. Наконец, я встал, попрощался с гольдом, пошел к себе в избу и лег спать. Какая-то непонятная тоска овладела мною. За это короткое время я успел привязаться к Дерсу. Теперь мне жаль было с ним расставаться. С этими мыслями я задремал.

На следующее утро первое, что я вспомнил, это то, что Дерсу должен уйти от нас. Напившись чаю, я поблагодарил хозяев и вышел на улицу. Стрелки были уже готовы к выступлению, Дерсу был тоже с ними. С первого же взгляда я увидел, что он снарядился в далекий путь. Котомка его была плотно уложена, пояс затянут, унты хорошо одеты.

Отойдя от Дмитровки с версту, Дерсу остановился. Настал тяжелый момент расставания.

— Прощай, Дерсу! — сказал я ему, пожимая руку. — Желаю тебе всего хорошего. Я никогда не забуду того, что ты для меня сделал. Прощай! Быть может, когда-нибудь увидимся.

Дерсу попрощался со стрелками, затем кивнул мне головой и пошел в кусты налево. Мы остались на месте и смотрели ему вслед. В ста саженях от нас высилась небольшая горка, поросшая мелким кустарником. Минут через пять он дошел до нее. На светлом фоне неба отчетливо вырисовывалась его фигура с котомкой за плечами, с сошками и с ружьем в руках. В этот момент яркое солнце взошло из-за гор и осветило гольда. Поднявшись на гривку, он остано-

*) Так гольды называют Сихотэ-Алинь.

вился, повернулся к нам лицом, помахал рукой и скрылся за гребнем. Словно, что оторвалось у меня в груди. Я почувствовал, что потерял близкого мне человека.

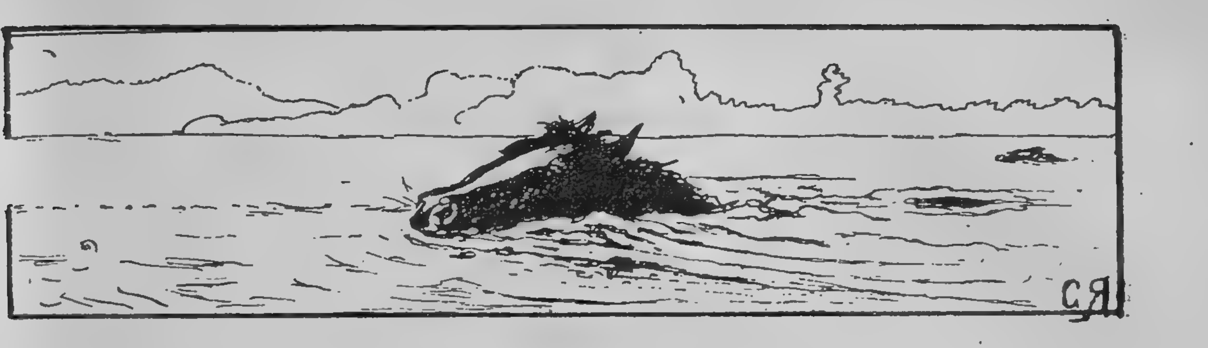
— Хороший он человек, — сказал Марченко.

— Да, таких людей мало, — ответил ему Олентьев.

— Прощай, Дерсу! — думал я. — Ты спас мне жизнь. Я никогда не забуду этого.

К сумеркам мы дошли до Черниговки и присоединились к отряду. Вечером в тот же день я выехал во Владивосток, к месту своей постоянной службы.

VII.

Вверх по р. Уссури.

Новая экспедиция. — Работа путешественника. — Отъезд. — На сборном пункте. — Выступление в поход. — Переправа через р. Уссури. — Охота за пчелами.

Прошло четыре года. За это время произошли некоторые перемены в моем служебном положении. Я переехал в г. Хабаровск, где Приамурский Отдел Русского Географического О-ва предложил мне организовать экспедицию для обследования хребта Сихотэ-Алинь и береговой полосы в Зауссурийском крае от залива св. Ольги на север, насколько позволит время, а также верховьев р. р. Уссури и Имана. Моими помощниками были назначены Г. И. Гранатман, Анофриев и А. И. Мерзляков. Кроме того, в состав экспедиционного отряда вошли семь сибирских стрелков (Дьяков, Егоров, Загурский, Мелян, Туртыгин, Бочкарев) и четыре уссурийских казака (Белоножкин, Эпов, Мурзин, Кожевников).

Кроме того, в экспедиции приняли участие П. К. Рутковский и в качестве ботаника лесничий Н. А. Пальчевский.

Цель экспедиции — естественно-историческая. Маршруты были намечены вверх по р. р. Уссури, Улахе и Фудзану через Сихотэ-Алинь к заливу св. Ольги, а затем на север, вдоль берега моря до бухты Терней и, наконец, по р. Иману к Уссурийской железной дороге.

В то время все сведения о центральной части Сихотэ-Алиня были крайне скудны и не заходили за пределы случайных рекогносцировок. Что же касается до побережья моря в Зауссурийском крае, то о нем имелись лишь отрывочные сведения от морских офицеров, изредка посещавших эти места для промеров бухт и заливов.

Наши сборы в экспедицию начались в половине апреля и длились около месяца. Мне для охранного отряда предоставлено было право выбора стрелков из всех частей Округа, кроме войск инженерных и крепостной артиллерии. Благодаря этому, в экспедиционный отряд попали лучшие люди, преимущественно сибиряки Тобольской и Енисейской губерний. Правда, это был народ угрюмый, мало общительный, но зато с детства привыкший переносить всякие невзгоды.

Теперь необходимо сказать несколько слов о том, как был организован вьючный обоз экспедиции. В отряде было двенадцать лошадей. Очень важно, чтобы люди изучили коней и чтобы лошади в свою очередь привыкли к людям. Заблаговременно надо познакомить стрелков с уходом за лошадью, познакомить с седловкой и с конским снаряжением, надо приучить лошадей к носке вьюков и т. д. Для этого команда собиралась недели за две до похода.

Из животных, кроме лошадей, в отряде еще были две собаки: одна моя — маркловка «Альпа», другая командная «Леший», крупная зверовая, по складу и по окраске напоминающая волка.

14-го мая все было готово, 15-го числа была отправлена по железной дороге команда с лошадьми, а 16-го выехали из гор. Хабаровска и все остальные участники экспедиции. Сборным пунктом была назначена станция Шмаковка, находящаяся несколько южнее того места, где железная дорога пересекает р. Уссури.

К путешественнику предъявляются следующие требования: 1) он должен уметь организовать экспедицию и исполнить все подготовительные работы на месте еще задолго до выступления; 2) должен уметь собрать коллекции; 3) уметь вести дневник; 4) знать, на что обратить внимание: отличить ценное от рухляди; 5) уметь доставить коллекции и 6) обработать собранные материалы.

Первый период, период подготовительный, для нас прошел. Теперь на очереди было само путешествие. Накануне отъезда всегда много забот и хлопот. Надо все обдумать, вспомнить, не забыли-ли что-нибудь, надо послать телеграммы, уложить свои вещи, известить то или иное лицо по телефону и т. д. Целый день бегаешь по городу и делаешь последние распоряжения. Вечер уходит на писание писем. Ночью почти не спишь. Все время беспокоит одна и та же мысль: все ли сделано и все ли взято. На другой день, чуть

свет, вы уже на ногах. Последние ваши хлопоты на вокзале около кассы. Наконец, ударил третий звонок, раздался свисток, и поезд тронулся. В эту минуту чувствуешь, как какая то неимоверная тяжесть свалилась с плеч. Все беспокойства остались назади. Сознание, что ровно год будешь вне сферы штабов, управлений и канцелярий и ровно год не будут беспокоить предписаниями и телефонами,—создает душевное равновесие. Чувствуешь себя свободным; за работу принимаешься с удовольствием и сам себе удивляешься, откуда берется энергия.

Мы имели отдельный вагон, прицепленный к концу поезда. Нас никто не стеснял, и поэтому мы расположились, как дома. День мы провели в дружеской беседе, рассматривали карты и строили планы на будущее.

Погода была пасмурная. Дождь шел не переставая. По обе стороны полотна железной дороги тянулись большие кочковатые болота, залитые водой и окаймленные чахлой растительностью. В окнах мелькали отдельные деревья, телеграфные столбы, выемки. Все это было однообразно. День тянулся долго, тоскливо. Наконец, стало смеркаться. В вагоне зажгли свечи. Утомленные хлопотами последних дней, убаюкиваемые покачиванием вагона и ритмическим стуком колес, все очень скоро уснули.

На другой день мы доехали до станции Шмаковка. Это был наш сборный пункт. Отсюда должно было начаться путешествие. Ночью дождь перестал, и погода немного разгулялась. Солнце ярко светило. Смоченная водой листва блестела, как лакированная. От земли подымался пар... Стрелки встретили нас и указали квартиру.

Остаток дня прошел в разборке имущества и в укладке вьюков.

Следующий день, 18-го мая, был дан казакам и стрелкам в их распоряжение. Они переделывали себе унты, шили наколенники, приготовляли патронташи и, вообще, последний раз снаряжали себя в дорогу. Вначале сразу всего не доглядишь. Личный опыт в таких случаях — прежде всего. Важно, чтобы в главном не было упущений, а мелкие шероховатости сами сгладятся.

Пользуясь свободным временем, мы вместе с П. К. Рутковским пошли осматривать окрестности.

Лето 1906 года было дождливое. Всюду по низинам стояла вода, и если бы не деревья, торчащие из луж, их можно было бы принять за озера.

Среди уссурийских болот есть много релок *) с хорошей плодородной землей, которыми и воспользовались крестьяне для распашек. В пяти верстах от реки на восток начинаются горы. Лет десять тому назад они были покрыты лесами, от которых ныне не осталось и следов.

В стороне от дороги находилась большая лужа. Около нее сидело несколько серых скворцов. Эти крикливые птицы были теперь молчаливы; они садились в лужу и купались, стараясь крылышками обдать себя водой. Вблизи возделанных полей встречались ошейниковые овсянки. Птички эти прыгали по тропе и близко допускали к себе человека, но, когда подбегали к ним собаки, с шумом поднимались с земли и садились на ближайшие кусты и деревья. На опушке леса я увидел еще какую-то маленькую серенькую птицу. П. К. Рутковский убил ее из ружья. Это оказалась восточно-азиатская совка. Та самая, которую китайцы называют «Ли-у», и которая, якобы, уводит искателей жень-шеня от того места, где скрывается дорогой корень.

Несколько голубовато-серых амурских кобчиков гонялось за насекомыми, делая в воздухе резкие повороты. Некоторые из них сидели на кочках и равнодушно посматривали на нас, когда мы проходили мимо.

Когда мы возвратились на станцию, был уже вечер. В теплом весеннем воздухе стоял неумолкаемый гомон. Со стороны болот неслись лягушиные концерты, в деревне лаяли собаки, где-то в поле звенел колокольчик.

Завтра в поход. Что-то ожидает нас впереди!

В день выступления, 19 мая, мы все встали рано, но выступили поздно. Это вполне естественно. Первые сборы всегда затягиваются. Дальше, в пути, все привыкают к известному порядку: каждый знает своего коня, свой вьюк, какие у него должны быть вещи, что сперва надо укладывать, что после, какие предметы бывают нужны в дороге и какие на биваке.

В первый день все участники экспедиции выступили бодрыми и веселыми.

День был жаркий, солнечный. На небе не было ни одного облачка, но в воздухе чувствовался избыток влаги.

---

*) Релка — местное название возвышенного места среди затопляемой равнины.

Грязная проселочная дорога между селениями Шмаковкой и Успенкой пролегает по увалам горы Хандо-Динза-Сы. Все мосты на ней уничтожены весенними палами и потому переправа через встречающиеся на пути речки, превратившиеся теперь в стремительные потоки, была делом далеко не легким.

Часам к трем дня отряд наш стал подходить к р. Уссури. Опытный глаз сразу заметил бы, что это первый поход. Лошади сильно растянулись, с них то и дело съезжали седла, расстегивались подпруги, люди часто останавливались и переобувались. Кому много приходилось путешествовать, тот знает, что это в порядке вещей. С каждым днем эти остановки делаются реже, постепенно все налаживается и дальнейшие передвижения происходят уже ровно и без заминок. Тут тоже нужен опыт каждого человека в отдельности.

Вступление экспедиции в село Успенку для жизни деревенской было целым событием. Ребятишки побросали свои игры и высыпали за ворота; из окон выглядывали испуганные женские лица; мужики оставляли свои работы и подолгу смотрели на проходивший мимо них отряд.

Село Успенка расположено на высоких террасах с левой стороны р. Уссури. Основано оно в 1891 году и теперь имело около 180 дворов.

Было каникулярное время, и потому нас поместили в школе, лошадей оставили на дворе, а все имущество и седла сложили под навесом.

Вечером приходили крестьяне-сторожилы. Они рассказывали о своей жизни в этих местах, говорили о дороге и давали советы.

На другой день мы продолжали свой путь. За деревней дорога привела нас к р. Уссури. Вся долина была затоплена водою. Возвышенные места казались островами. Среди этой массы воды русло реки отмечалось быстрым течением и деревьями, росшими по берегам ее. При обыкновенном уровне река Уссури имеет около 100 сажен ширины, около двух сажен глубины и быстроту течения 3 версты в час. Сопровождавшие нас крестьяне говорили, что во время наводнений сообщение с соседними деревнями по дороге совсем прекращается, и тогда они пробираются к ним только на лодках.

Посоветовавшись мы решили итти вверх по реке до такого места, где она идет одним руслом, и там попробовать переправиться вплавь с конями.

С рассветом казалось, что день будет пасмурный и дождливый, но к десяти часам утра погода разгулялась. Тогда мы увидели то, что искали. Верстах в пяти от нас река собирала в себя все протоки. Множество сухих релок давали возможность подойти к ней вплотную. Но для этого надо было обойти болота и спуститься в долину около горы «Кабарги».

Лошади уже отабунились, они не лягались и не кусали друг друга. В поводу надо вести только первого коня, а прочие шли следом сами. Один из стрелков по очереди шел сзади и подгонял тех лошадей, которые сворачивали в сторону или отставали.

Поравнявшись с горою Кабаргой, мы повернули на восток к фанзе Хаудиен, расположенной на другой стороне Уссури, около устья р. Ситухе. Перебираясь с одной релки на другую и обходя болотины, мы вскоре достигли леса, растущего на берегу реки. На наше счастье в фанзе у китайцев оказалась лодка. Правда, она цедила, как решето, но все же это была посудина, которая в значительной степени облегчила нашу переправу. Около часа было потрачено на ее починку. Щели лодки мы кое-как законопатили, доски сбили гвоздями, а вместо уключин вбили деревянные колышки, к которым привязали веревочные петли. Когда все было готово, приступили к переправе. Сначала перевезли седла, потом переправили людей. Оставалась очередь за конями. Сами лошади в воду идти не хотели и надо было, чтобы кто-нибудь плыл вместе с ними. На это опасное дело вызвался казак Кожевников. Он разделся до нага, сел верхом на наиболее ходового белого коня и смело вошел в реку. Стрелки тотчас же всех остальных лошадей погнали за ним в воду. Как только лошадь Кожевникова потеряла дно под ногами, он тотчас же соскочил с нее и, ухватившись рукой за гриву, поплыл рядом. Вслед за ним поплыли и другие лошади. С берега видно было, как Кожевников ободрял коня и гладил рукой по шее. Лошади плыли фыркая, раздув ноздри и оскалив зубы. Несмотря на то, что течение сносило их, они все же подвигались вперед довольно быстро.

— Удастся ли Кожевникову выплыть с конями к намеченному месту?

Ниже росли кусты и деревья, берег становился обрывистым и был завален буреломом. Через десять минут его лошадь достала до дна ногами. Из воды появились ее плечи, затем спина, круп и ноги. С гривы и хвоста вода текла ручьями. Казак тотчас же влез на коня и верхом выехал на берег.

Так как одни лошади были сильнее, другие слабее и плыли медленнее, то естественно, что весь табун растянулся по реке. Когда конь Кожевникова достиг противоположного берега, последняя лошадь была еще на середине реки. Стало ясно, что ее снесет водой. Она напрягала все свои силы и держалась против воды, стараясь преодолеть течение, а течение увлекало ее все дальше и дальше. Кожевников видел это. Дождавшись остальных коней, он в карьер бросился вдоль берега вниз по течению. Выбрав место, где не было бурелома, казак сквозь кусты пробрался к реке, остановился в виду у плывущей лошади и начал ее окликать; но шум реки заглушал его голос. Белый конь, на котором сидел Кожевников, насторожился и, высоко подняв голову, смотрел на воду. Вдруг громкое ржание пронеслось по реке. Плывущая лошадь услышала этот крик и стала менять направление. Через несколько минут она выходила на берег. Дав ей отдышаться, казак надел на нее недоуздок и повел в табун. Тем временем лодка перевезла остальных людей и их грузы.

После переправы у фанзы Хаудиен экспедиция направилась вверх по р. Ситухе, стараясь обойти болота и поскорее выйти к горам.

Почувствовав твердую почву под ногами, люди и лошади пошли бодрее. К полудню мы миновали старообрядческую деревню Подгорную, состоявшую из 25 дворов. Время было раннее, и потому решено было не задерживаться здесь. Дорога шла вверх по реке Ситухе. Слева был лес, справа луговая низина, залитая водой. По пути нам снова пришлось переходить еще одну небольшую речушку, протекающую по узенькой, но чрезвычайно заболоченной долинке. Люди перебирались с кочки на кочку, но лошадям досталось трудно. На них жалко было смотреть: они проваливались по брюхо и часто падали. Некоторые кони так увязли, что не могли уже подняться без посторонней помощи. Пришлось их расседлывать и переносить грузы на руках.

Когда последняя лошадь перешла через болото, день уже был на исходе. Мы прошли еще немного и стали биваком около ручья с чистой проточной водой.

Вечером стрелки и казаки сидели у костра и пели песни. Откуда-то взялась у них гармоника. Глядя на их беззаботные лица, никто бы не поверил, что только два часа тому назад они бились в болоте измученные и усталые. Видно было, что они совершенно не думали о завтрашнем дне и жили только настоящим. А в стороне, у другого костра, другая группа людей рассматривала карты и обсуждала дальнейшие маршруты.

На следующий день решено было сделать дневку. Надо было просушить имущество, почистить седла и дать лошадям отдых. Стрелки с утра взялись за работу. Каждый из них знал, у кого что неладно, и что надо исправить.

Сегодня мы имели случай наблюдать, как казаки охотятся за пчелами. Когда мы пили чай, кто-то из них взял чашку, в которой были остатки меда. Немедленно на биваке появились пчелы — одна, другая, третья и так несколько штук. Одни пчелы прилетали, а другие с ношей торопились вернуться и вновь набрать меду. Разыскать мед взялся казак Мурзин. Заметив направление, в котором летели пчелы, он встал в ту сторону, имея в руках чашку с медом. Через минуту появилась пчела. Когда она полетела назад, Мурзин стал следить за ней до тех пор, пока не потерял ее из виду.

Тогда он перешел на новое место, дождался второй пчелы, перешел опять, выследил третью и т. д. Таким образом он медленно, но верно, шел к улью. Пчелы сами указывали ему дорогу. Для такой охоты нужно запастись терпением.

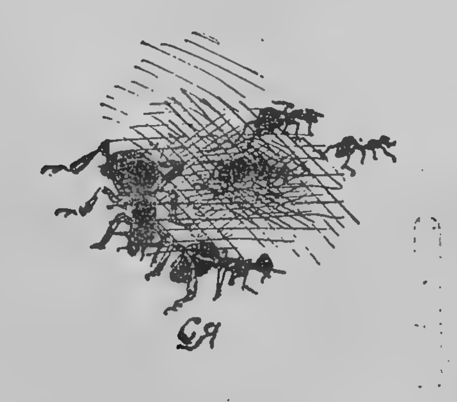
Часа через полтора Мурзин возвратился назад и доложил, что нашел пчел и около их улья увидел такую картину, что поспешил вернуться обратно за товарищами. У пчел шла война с муравьями. Через несколько минут мы были уже в пути, захватив с собой пилу, топор, котелки и спички. Мурзин шел впереди и указывал дорогу. Скоро мы увидели большую липу, растущую под углом в сорок пять градусов. Вокруг нее вились пчелы. Почти весь рой находился снаружи. Вход в улей (летик) был внизу около корней. С солнечной стороны они переплелись между собой и образовали пологий скат. Около входного отверстия в улей густо столпились пчелы. Как раз против них, тоже густой массой, стояло полчище черных муравьев. Интересно было видеть, как эти два враждебные отряда стояли друг против друга, не решаясь на нападение. Разведчики муравьи бегали по сторонам. Пчелы нападали на них сверху. Тогда муравьи садились

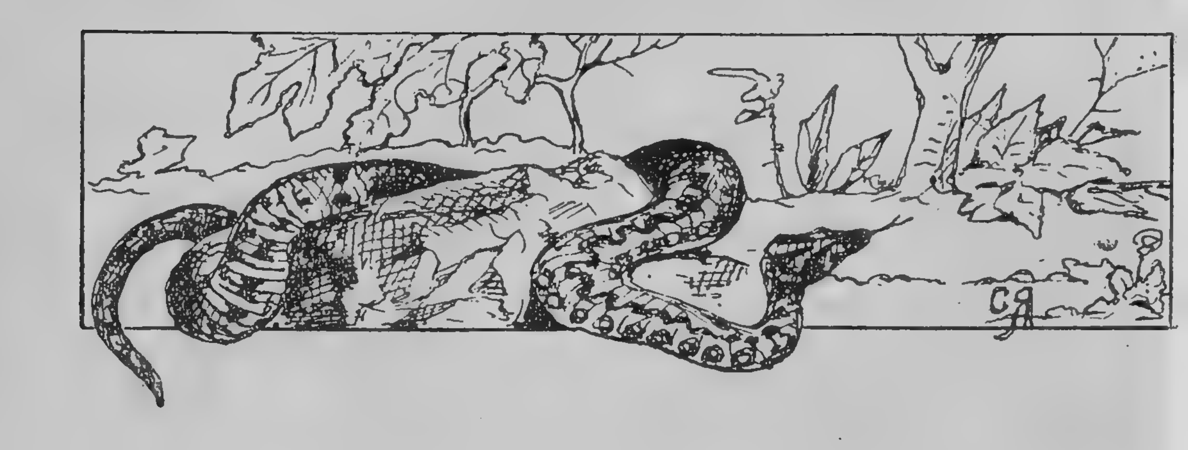
на брюшко и, широко раскрыв челюсти, яростно оборонялись. Иногда муравьи принимали обходное движение и старались напасть на пчел сзади, но воздушные разведчики открывали их, часть пчел перелетала туда и вновь преграждала муравьям дорогу.

С интересом мы наблюдали эту борьбу. Кто кого одолеет? Удастся ли муравьям проникнуть в улей? Кто первый уступит? Быть может, с заходом солнца, враги разойдутся по своим местам для того, чтобы утром начать борьбу снова; быть может, эта осада пчелиного улья длится уже не первый день.

Неизвестно, чем кончилась бы эта борьба, если бы на помощь пчелам не пришли казаки. Они успели согреть воду и стали кипятком обливать муравьев. Муравьи корчились, суетились и гибли на месте тысячами. Пчелы были возбуждены до крайности. В это время по ошибке кто-то плеснул на пчел горячей водой. Мигом весь рой поднялся на воздух. Надо было видеть, в какое бегство обратились казаки. Пчелы догоняли их и жалили в затылок и в шею. Через минуту около дерева никого не было. Люди стояли в отдалении, ругались, смеялись и острили над товарищами, но вдруг лица их делались испуганными, они принимались отмахиваться руками и убегали еще дальше.

Решено было дать пчелам успокоиться. Перед вечером два казака вновь пошли к улью, но уже ни меда, ни пчел не нашли. Улей был разграблен медведями. Так неудачно кончился наш поход за диким медом.

VIII.

К селению староверов.

Маньчжурский заяц. — Гольды рода Юкомика. — Сухая мгла. — Перемена погоды. — Полоз Шренка. — Гроза. — Дер. Загорная. — Старовер Паначев.

Дальнейший путь экспедиции лежал через горы. На этом пути нам предстояло перейти пять сильно заболоченных распадков. Здесь была грязь непролазная. Казаки пробовали было вести лошадей целиной, но это оказалось еще хуже. Чтобы закрепить зыбуны, стрелки рубили ивняк и бросали его коням под ноги. Правда, это немного облегчало переправу людей, но мало помогало лошадям. Такая непрочная гать только обманывала их, они оступались и падали. Приходилось опять их расседлывать и переносить на себе вьюки. Наконец, и эти болота были пройдены.

По сведениям, полученным от крестьян, дальше дорога шла лесом. Выйдя на твердую почву, отряд остановился на отдых.

В это время, вдруг, совершенно неожиданно, откуда-то из кустов выскочил заяц. В одно мгновение люди бросились за ним в погоню. Надо было видеть, какой поднялся переполох в отряде. Кто свистал, кто гикал, кто бросал в убегающего зайца палкой, камнем и всем, что попадало под руку.

Несчастный зверек бежал зигзагами и хотел укрыться в кустарниках. Это, вероятно, ему удалось бы сделать, если бы Загурский не выстрелил из ружья. Пуля ударила в землю, как раз около головы зайца и оглушила его. В это время другой стрелок подбежал и схватил его руками. Заяц мет-

нулся, заверещал и, прижав к спине уши, притаился. Бедный зверек был страшно напуган. Его раздвоенная верхняя губа быстро двигалась. Он сидел на руках у Туртыгина, прислушивался и озирался.

Пойманный заяц был маленький, серо - бурого цвета. Такую окраску он сохраняет все время—и летом и зимой. Областью распространения этого зайца в Приамурье является долина р. Уссури с притоками и побережье моря до мыса Белкина. Кроме этого зайца в Уссурийском крае водится еще заяц-беляк и черный заяц — вид до сих пор еще не описанный. Он совершенно черного цвета и встречается редко.

Заяц внес в отряд большое оживление. Дожди, болота, усталость — все это было забыто. Люди кричали и наперерыв старались рассказать друг другу, кто и как увидел зайца, как он бежал и каким образом его поймали. Никакое другое животное не дало бы столько тем для разговоров. Вокруг Туртыгина столпились люди. Каждому хотелось какнибудь выказать зверьку свое внимание: кто гладил его по спине, кто тянул за хвостик, кто тыкал ему сигаркой в нос и дергал за ухо. Уж как только стрелки не крестили зайца, как только не острили и в десятый раз рассказывали друг другу о его поимке.

Приказ седлать коней заставил стрелков заняться делом. После короткого совещания решено было дать зайцу свободу. Едва только спустили его на землю, как он тотчас же бросился бежать. Свист и крики понеслись ему в догонку. Шум и смех сопровождали его до тех пор, пока он не скрылся из виду.

Когда лошади были заседланы, отряд двинулся дальше. Теперь тропа пошла косогорами, обходя горные ключи и медленно взбираясь на перевал. Дубовое редколесье сменилось лесонасаждениями из клена, липы и даурской березы; кое - где мелькали одиночные кедры и остроконечные вершины елей и пихт.

Часа через полтора мы достигли перевала. Здесь у подножья большого дуба стояла маленькая кумирня, сложенная из плитнякового камня. Кумирня эта была поставлена китайскими охотниками и искателями женьшеня. Лицевая ее сторона была украшена красной тряпицей с иероглифической надписью: «Сан-лин-чжи-чжу», т. - е. «владыке гор и лесов (тигру)».

С вершины перевала нам открылся великолепный вид на р. Улахе. Солнце только что скрылось за горизонтом. Ку-

чевые облака на небе и дальние горы приняли нежную, пурпуровую окраску. Справа от дороги светлой полосой змеилась река. Вдали виднелись какие - то фанзы. Дым от них не подымался кверху, а стлался по земле и казался неподвижным. В стороне виднелось небольшое озерко. Около него мы стали на бивак. Как и всегда, сначала около огней было оживление, разговоры, смех и шутки. Потом все стало успокаиваться. После ужина стрелки легли спать, а мы долго сидели у огня, делились впечатлениями последних дней и строили планы на будущее.

Вечер был удивительно тихий. Слышно было, как паслись кони на лугу; где - то в горах ухал филин и несмолкаемым гомоном с болот доносилось кваканье лягушек.

На другой день мы встали рано и рано выступили в дорогу. Фанзы, которые вчера мы видели с перевала, оказались гольдскими. Местность эта называется Чжумтайза, что по - китайски означает «Горный ручей». Живущие здесь гольды принадлежали к роду Юкамика, ныне почти совершенно уничтоженному оспенными эпидемиями. Стойбища их были на Амуре на том месте, где теперь стоит город Хабаровск. Потесненные русскими, они ушли на Уссури, а оттуда, под давлением казаков, перекочевали на р. Улахе. Теперь их осталось только двенадцать человек: трое мужчин, пять женщин и четверо детей.

Мужчины были одеты по-китайски. Они носили куртку, сшитую из синей дабы, и такие же штаны. Костюм женщин более сохранил свой национальный характер. Одежда их пестрела вышивками по борту и по краям подола и была обвешана побрякушками. Выбежавшие из фанз грязные ребятишки испуганно смотрели на нас. Трудно сказать, какого цвета была у них кожа, на ней были и загар, и грязь, и копоть. Гольды эти еще знали свой язык, но предпочитали объясняться по-китайски. Дети же решительно ни одного слова не понимали по-гольдски. Удивительно, как быстро китайцы умеют переделывать туземцев по своему.

От гольдских фанз шло два пути. Один был кружный по левому берегу Улахе и вел на Ното, другой шел в юго-восточном направлении мимо гор Хуанихеза и Угы-Динза. Мы выбрали последний. Решено было все грузы отправить на лодках с гольдами ввер по Улахе, а самим переправиться через реку и по долине Хуанихезы выйти к поселку Загорному, а оттуда с легкими вьюками пройти напрямки в деревню Кокшаровку.

Уже с половины дня можно было предсказать, что завтрашний день будет дождливый. В Уссурийском крае так называемая сухая мгла часто является предвестником непогоды. Первые признаки ее замечались еще накануне вечером. На другой день к утру она значительно сгустилась,

Лягушка.

а в полдень стала заметной даже вблизи. Контуры дальних гор тогда только можно было рассмотреть, если наблюдатель наперед знал их очертание. Казалось, будто весь воздух наполнился дымом. Небо сделалось белесоватым; вокруг желтого солнца появились венцы; тонкая паутина слоистых облаков приняла грязно - серый оттенок. Потом, вдруг, воздух сделался чистым и прозрачным. Дальние горы приняли цвет темно - синий и стали хмурыми. О том, что зашло солнце, мы узнали только по надвинувшимся сумеркам. В природе все замерло и притаилось. Одни только лягушки как будто радовались непогоде и наперерыв старались перекричать друг друга.

Вечером пошел дождь...

Перейдя р. Уссури, мы некоторое время шли вверх по р. Ситухе, а затем круто свернули к р. Улахе. От места слияния этой последней с р. Даубихе и начинается собственно Уссури.

Вследствие какой - то задержки в пути, лошади отстали, а мы ушли вперед. На опушке леса стояла старая развалившаяся фанза. Тут мы сели на камни и стали дожидать коней. Вдруг длинная темная полоса мелькнула в стороне. Стрелки бросились туда. Это было какое-то большое пресмыкающееся. Оно быстро скользило по траве, направляясь к кустарникам. Солдаты бежали по сторонам, не решаясь подойти к нему близко. Их пугали размеры змеи. Через минуту она доползла до дерева, лежащего на земле, и скрылась в нем. Это был древесный обломок с гнилою сердцевиной, около двух сажен длиной и вершков шести в диаметре. А. И. Мерзляков схватил палку и стал тыкать ею в отверстие. В ответ на это в дупле послышалось жужжание, а затем оттуда стали вылезать шмели. Значит, внутри дерева было их гнездо. Но тогда куда же девалась змея? Неужели она залезла к шмелям? Почему в таком случае шмели не подняли тревоги, какую они подняли тогда, когда мы просунули в дупло палку? Это заинтересовало всех. Стрелки стали разрубать дерево. Оно было гнилое и легко развалилось на части. Как только дерево было раскрыто, мы увидели змею. Она медленно извивалась, стараясь скрыться в рухляке. Однако это ее не спасло. Казак Белоножкин ударил животное топором и отсек ему голову. Вслед затем змея была вытащена наружу.

Это оказался полоз Шренка. Он был длиной шесть фут. и два дюйма, при толщине в шесть сантиметров.

Внутри дерева дупло вначале было узкое, а затем к комлю несколько расширялось. Птичий пух, клочки шерсти, мелкая сухая трава и кожа, сброшенная ужом при линянии, свидетельствовали о том, что здесь находилось его гнездо, а ближе к выходу и несколько сбоку было гнездо шмелей. Когда змея вылезала из дерева или входила в него, она каждый раз проползала мимо шмелей. Очевидно, и шмели, и уж уживались вместе и не тяготились друг другом.

Солдаты рассматривали ужа с интересом.

— У него что - то есть внутри, — сказал Белоножкин.

Действительно живот ужа был сильно вздут. Интересно было посмотреть, чем питаются эти крупные пресмыкающиеся. Велико было наше удивление, когда в желудке ужа

оказался довольно крупный кулик с длинным клювом. Как только он мог проглотить такую птицу и не подавиться ей?

Гольды рассказывают, что уссурийский уж вообще большой охотник до пернатых. По их словам, он высоко взбирается на деревья и нападает на птиц в то время, когда они сидят в гнездах. В особенности это ему удается в том случае, если гнездо находится в дупле. Это понятно. Но как он ухитрился поймать такую птицу, которая бегает и летает, и как он мог проглотить кулика, длинный клюв которого, казалось-бы, должен был служить большой помехой.

— Надо торопиться, гроза будет, — сказал А. И. Мерзляков, посмотрев на небо.

Как бы в подтверждение его слов издали донесся глухой удар грома.

Пока ловили ужа, мы и не заметили, как нашла туча. На земле сразу стало темнее. Это заставило людей вернуться к коням, которые мирно паслись на траве около дороги. Сопровождавшие нас гольды говорили, что недалеко есть две китайских фанзы, где можно будет укрыться от непогоды.

Туча двигалась очень скоро. Передний край ее был белесовато - серый и точно клубился; отдельные облака бежали по сторонам и, казалось, спорили с тучей в быстроте движения.

Уйти от грозы нам не удалось. Едва только мы тронулись в путь, как пошел дождь. Сначала с неба упало несколько крупных капель, а затем хлынул настоящий ливень. Пока молния сверкала вдали, было ясно видно, где именно происходят контакты воздушного электричества с землею, но когда она стала вспыхивать в непосредственной близости, то утратила свой искровый характер. Вспышки молнии происходили где - то в пространстве, кругом, всюду... Удары грома были настолько сильные, что можно было ощущать, как вздрагивает атмосфера и от этого сотрясения каждый раз дождь шел еще сильнее.

Обыкновенно такие ливни непродолжительны, но в Уссурийском крае бывает иначе. Часто, именно, затяжные дожди начинаются грозою. Так было и теперь. Гроза прошла, но солнце не появлялось. Кругом, вплоть до самого горизонта, небо покрылось слоистыми тучами, сыпавшими на землю мелкий и частый дождь. Торопиться теперь к фанзам не имело смысла. Это все поняли — и люди, и лошади.

Китайские фанзы находились в стороне за протокой. Чтобы попасть к ним, надо было делать большой обход. Поэтому решено было идти прямо к старообрядцам.

Рассчитывать на перемену погоды к лучшему было нельзя. К дождю присоединился ветер; появился туман. Он заволакивал вершины гор и то опускался в долину, то, вдруг, опять подымался кверху и тогда дождь шел еще сильнее.

Река Вангоу невелика. Она шириной в 2 — 3 сажени и глубиной 1½—2 фута, но теперь она разлилась и имела грозный вид. Вода шла через лес. Люди переходили через затопленные места без особых затруднений, лошадям же досталось. Они ступали наугад и проваливались в глубокие ямы.

Но вот лес кончился. Перед нами открылась большая поляна. На противоположном конце ее, около гор, приютилась деревушка Загорная. Но попасть в нее было нелегко. Мост, выстроенный староверами через реку, был размыт. Более двух часов мы провозились над его починкой. На дождь уже никто не обращал внимания. Тут всем пришлось искупаться, как следует.

Наконец, это препятствие было преодолено, и мы вошли в деревню. Она состояла из восьми дворов и имела чистенький, опрятный вид. Избы были срублены прочно. Видно было, что староверы строили их не торопясь и работали, как говорится, не за страх, а за совесть. В одном из окон показалось женское лицо, и вслед затем на пороге появился мужчина. Это был староста. Узнав, кто мы такие и куда идем, он пригласил нас к себе и предложил остановиться у него в доме. Казаки сильно промокли и потому старались поскорее расседлать коней и уйти под крышу.

Наш хозяин был мужчина среднего роста, лет сорока пяти. Карие глаза его глядели умно. Он носил большую бороду и на голове длинные волосы, обрезанные в кружок, одинаково ровно как на лбу, так и на затылке. Одежда его состояла из широкой ситцевой рубахи, слабо подпоясанной тесемчатым пояском, плисовых штанов и сапог с низкими каблуками.

Внутри избы было две комнаты. В одной из них находилась большая русская печь и около нее резные полки с посудой, закрытые занавесками, и начищенный медный рукомойник. Вдоль стены стояли две длинных скамьи; в уг-

лу—деревянный стол, покрытый белой скатертью, а над столом—божница со старинными образами.

Семья старовера состояла из его жены и двух маленьких ребятишек. Женщина была одета в белую кофточку и пестрый сарафан, стянутый выше талии и поддерживаемый на плечах узкими проймами, располагавшимися на спине крестообразно. На голове у нее был одет платок, завязанный, как кокошники. Когда мы вошли, она поклонилась в пояс низко, по-старинному.

Другая комната была просторнее. Тут у стены стояла большая кровать, завешанная ситцевым пологом. Под окнами опять тянулись скамьи. В углу так же, как и в первой комнате, стоял стол, покрытый самодельной скатертью. В простенке между окнами висели стенные часы, а рядом с ними — полка с большими старинными книгами в кожаных переплетах. В другом углу стояла ручная машина Зингера, около дверей на гвозде висела малокалиберная винтовка Маузера и бинокль Цейса. Во всем доме полы были чисто вымыты, потолки хорошо выструганы, стены как следует проконопачены. Такой чистоты никогда не бывает у русских крестьян - нестароверов даже и в праздничные дни.

Мы стали раздеваться и нагрязнили. Это нас смутило.

— Ничего, ничего, — говорил хозяин. — Бабы подотрут. Вишь, погода какая. Из тайги чистым не придешь...

Через несколько минут на столе появился горячий хлеб, мед, яйца и молоко. Мы с аппетитом, чтобы не сказать с жадностью, набросились на еду.

Оставшаяся часть дня ушла на распросы о пути к Кокшаровке. Оказалось, что дальше никакой дороги нет и что из всех здешних староверов только один, Паначев, мог провести нас туда целиною через горы.

Староста послал за ним. Паначев тотчас явился. На вид ему было более сорока лет. Он тоже носил бороду, но так как никогда ее не подстригал, то она росла у него неправильно, клочьями. Получалось впечатление, будто он только что встал со сна и не успел еще причесаться. Видно было, что человек этот добрый, безобидный. Войдя в избу, Паначев трижды размашисто перекрестился на образа и трижды поклонился так, чтобы достать до земли рукою. Длинные волосы лезли ему на глаза. Он поминутно встряхивал головой и откидывал их назад.

— Здравствуйте!—сказал он тихо, отошел к дверям и стал мять свою шапку.

На сделанное ему предложение проводить нас до Кокшаровки он охотно согласился.

— Хорошо, пойду, — сказал он просто и в этом «пойду» слышалась готовность услужить, покорность и сознание, что только он один знает туда дорогу.

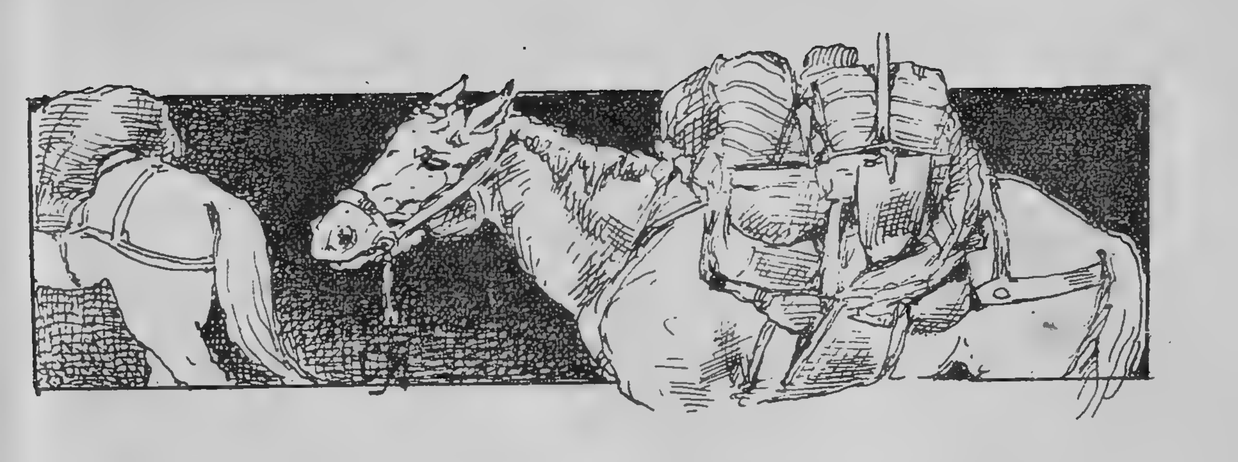
Решено было идти завтра, если дождь перестанет. Паначев ушел, а мы опять принялись беседовать с хозяином. Мерзлякова заинтересовали старинные книги.

— Можно их посмотреть? — спросил он старосту.

— А если только понимаете по-славянски,—отвечал старовер,—то читайте, пожалуйста. И он принялся доставать книги одну за другою.

А на дворе бушевала непогода. Дождь с ветром хлестал по окнам. Из темноты неслись жалобные звуки: точно выла собака или кто - то стонал на чердаке под крышей. Под этот шум мы сладко заснули.

IX.

Через горы—к деревне Кокшаровке.

Уссурийская тайга. — Заблудились. — Средства от комаров и мошек.

На другой день (31 мая), чуть только стало светать, я бросился к окну. Дождь перестал, но погода была хмурая, сырая... Туман, как саваном, окутал горы. Сквозь него слабо виднелись: долина, лес и какие-то постройки на берегу реки.

Раз дождя нет, значит можно идти дальше. Но одно обстоятельство заставило нас задержаться. — Не был готов хлеб. Часов в восемь утра вдруг все петухи разом запели.

— Погода разгуляется, будет ведро. Ишь петухи как кричат. Это — верная примета, — говорили казаки между собой.

Известно, что домашние куры очень чувствительны к перемене погоды. Впрочем, они часто и ошибаются. Достаточно иногда небу немного проясниться, чтобы петухи тотчас начали перекликаться. Но на этот раз они не ошиблись. Вскоре туман действительно поднялся кверху, кое - где проглянуло синее небо, а вслед затем появилось и солнышко.

В 10 часов утра отряд наш во главе с Паначевым выступил из деревни и направился вверх по р. Вангоу. Нам предстояло перевалить через хребет, отделяющий Даубихе от Улахе и по реке, не имеющей названия, выйти к устью Фудзина.

Тотчас за деревней дорога превратилась в тропу. Она привела нас к пасеке Паначева.

— Пойдемте кто-нибудь со мной, ребята, — обратился старовер к казакам.

Затем он полез через забор, открыл кадушку и стал передавать им сотовый мед. Пчелы вились вокруг него, садились ему на плечи и забивались в бороду. Паначев разговаривал с ними, называл их ласкательными именами, вынимал из бороды и пускал на свободу. Через несколько минут он возвратился, и мы пошли дальше.

Понемногу погода разгулялась совсем: туман исчез; всюду по земле струйками бежала вода; озябшие цветы подняли свои головки; в воздухе опять замелькали чешуекрылые.

Паначев повел нас целиною «по затескам». Как только мы углубились в лес, тотчас же пришлось пустить в дело топоры.

Читатель ошибается, если представляет себе тайгу в виде рощи. Уссурийская тайга—это девственный и первобытный лес, состоящий из кедра, черной березы, амурской пихты, ильма, тополя, ели, липы маньчжурской, даурской лиственницы, дуба монгольского, пальмовидного диморфанта, пробкового дерева с листвой, напоминающей ясень, с красивой пробковой корой, бархатистой на ощупь, маньчжурского ореха с крупной листвой, расположенной на концах сучьев пальмообразно, и многих других пород. Подлесье состоит из густых кустарниковых зарослей. Среди них бросаются в глаза: колючий элеутерококкус, красноягодник с острыми листьями, лесная калина с белыми цветами, желтая жимолость с узловатыми ветвями и с морщинистой корой, лесная таволожка с коротко заостренными зубчатыми листьями и вьющийся по дереву персидский паслен. И все это перепуталось диким виноградом, лианами и «киш-мишем». Стебли последнего достигают иногда громадной толщины.

Паначев рассказывал, что налегке от Загорной на Кокшаровку он выходил в один день. Правда, один день он считал от рассвета до сумерок. А так как мы шли с вьюками довольно медленно, то рассчитывали этот путь сделать в двое суток, с одной только ночевкой в лесу.

Около полудня мы сделали большой привал. Люди тотчас же стали раздеваться и вынимать друг у друга клещей из тела. Плохо пришлось Паначеву. Он все время почесывался. Клещи набились ему в бороду и в шею. Обобрав клещей с себя, казаки принялись вынимать их у собак. Умные животные отлично понимали в чем дело и терпеливо переносили операцию. Совсем не то — лошади; они мотали головами и сильно бились. Пришлось употребить много

усилий, чтобы освободить их от паразитов, впившихся в губы и в веки глаз.

После чая Паначев опять пошел вперед, за ним—стрелки с топорами, а через четверть часа после их ухода тронулись и вьюки.

— А ведь опять будет дождь, — сказал Мурзин.

— Ненадолго! — ответил ему старовер. К вечеру перестанет.

По его словам, если после большого ненастья нет ветра и сразу появится солнце, то в этот день к вечеру надо снова ждать небольшого дождя. Возможно, что это от сырой земли, пригретой солнечными лучами, начинают подыматься обильные испарения. Достигая верхних слоев атмосферы, пар сгущается и падает обратно на землю мелким дождем.

Паначев оказался прав. Часов в пять вечера начало моросить; незадолго до сумерок дождь перестал и тучи рассеялись. Какой-то особенно нежный свет разлился по всему лесу — это была последняя улыбка солнца. Начавшая было засыпать жизнь в лесу — встрепенулась. Забегали бурундуки, послышались крики иволги и удода. Но вот свет на небе начал гаснуть; из-под старых елей и кустов поползли ночные тени. Пламя от костра стало светлее. Около него толпились люди... Паначев сидел в стороне и молча ел хлеб, подбирая крошки. Казаки разбирали вьюки, ставили комарники и готовили ужин. Некоторые из них разделись донага, собирали с белья клещей и нещадно ругались.

— А что, дядя, сколько будет верст до Кокшаровки? — спросил старовера Белоножкин.

— А кто его знает! Разве кто тайгу мерил. Тайга, так тайга и есть! Завтра надо бы дойти, — отвечал старовер.

В этом «надо бы дойти» слышалась неуверенность.

— Ты хорошо эти места знаешь?—продолжал допрашивать его казак.

— Да не шибко хорошо. Два раза ходил и не блудил. Ничего, пройдем помаленьку.

Покончив ужин, Паначев, не смущаясь присутствием посторонних, помолился, потом взял свой топор и стал подтачивать его на камне.

Следующий день был 1-е июня. Утром, когда взошло солнце, от ночного тумана не осталось и следа. Первым с бивака тронулся Паначев. Он снял шапку, перекрестился и

пошел вперед, высматривая затески. Два стрелка помогали ему расчищать дорогу.

Путешествие по тайге всегда довольно однообразно. Сегодня лес, завтра — лес, послезавтра — опять лес. Ручьи, которые приходится переходить вброд, заросшие кустами, заваленные камнями, с чистой прозрачной водой, сухостой, валежник, покрытый мхом, папоротники — все они удивительно похожи друг на друга. Вследствие того, что деревья постоянно приходится видеть близко перед собой, глаз утомляется и ищет простора. Чувствуется какая-то неловкость в зрении, является непреодолимое желание смотреть вдаль.

Иногда, среди темного леса, вдруг появляется просвет. Неопытный путник стремится туда и попадает в бурелом. Просвет в лесу — это место болота, пожарища или ветролома. Не всегда бурелом можно обойти стороной. Если поваленные деревья не велики, их перерубают топорами, если же дорогу преграждает большое дерево, его стесывают с боков и сверху, чтобы дать возможность перешагнуть лошадям. Все это задерживает вьюки, и потому движение с конями по тайге всегда очень медленно.

В пути наш отряд разделился на три части. Рабочий авангард под начальством Гранатмана с Паначевым во главе шел впереди, затем следовали вьюки под командой Мерзлякова. Остальные участники экспедиции шли сзади. Вперед мы подвигались очень медленно. Приходилось часто останавливаться и ожидать, когда впереди рабочие прорубят дорогу. Около полудня кони вдруг совсем стали.

— Трогай! — кричали сзади нетерпеливые.

— Обожди! Старовер затески потерял, — отвечали передние.

— А где сам-то он?

— Да пошел вперед искать дорогу.

Прошло минут двадцать. Наконец, Паначев вернулся. Достаточно было взглянуть на него, чтобы догадаться, в че[м] дело. Лицо его было потное, усталое, взгляд растерянн[ый], волосы растрепанные.

— Ну, что, есть затески? — спросил его Гранатман.

— Нету! — отвечал старовер. Они, должно, левее остались. Нам надо так идти, — сказал он, — указывая рукой на северо-восток.

Пошли дальше. Теперь Паначев шел уже не так уверенно, как раньше: то он принимал влево, то бросался в другую

W 376/354.

сторону, то заворачивал круто назад, так что солнце, бывшее дотоле у нас перед лицом, оказывалось назади. Видно было, что он шел наугад. Я пробовал было его останавливать и расспрашивать, но от этих расспросов он еще более терялся. Собран был маленький совет, на котором П. К. Рутковский высказался за возвращение назад до затесок, но Паначев говорил, что он пройдет и без дороги, и как только подымется на перевал и осмотрится, возьмет верное направление.

Надо было дать вздохнуть лошадям. Их расседлали и пустили на подножный корм. Казаки принялись варить чай, а Паначев и Гранатман полезли на соседнюю сопку. Через полчаса они возвратились. Гранатман сообщил, что, кроме гор, покрытых лесом, он ничего не видел. Паначев имел смущенный вид и хотя уверял нас, что место это ему знакомо, но в голосе его звучало сомнение.

Едва мы тронулись с привала, как попали в такой бурелом, из которого не могли выбраться до самого вечера. Паначев вел нас как-то странно. То мы карабкались на гору, то шли косогором, то опять опускались в долину. Обыкновенно, когда заблудишься, то уже идешь без расчета. Целый день мы были в пути и стали там, где нас настигла ночь. Невесело было на биваке. Сознание, что мы заблудились, действовало на всех угнетающим образом. Особенно грустным казался Паначев. Он вздыхал, посматривал на небо, ерошил волосы на голове и хлопал руками по полам своего армяка.

— Ты клещей-то из бороды вытащи, — говорили ему стрелки.

— Вот беда-то! — говорил он сам с собой. — Как на грех потерял затески.

Надо было выяснить, каковы наши продовольственные запасы. Уходя из Загорной, мы взяли с собой хлеба по расчету на три дня. Значит, на завтра продовольствия еще хватит, но что будет, если и завтра мы не выйдем к Кокшаровке?... На вечернем совещании решено было строго держаться восточного направления и не слушать более Паначева.

На другой день чуть свет мы были уже на ногах. В том положении, в котором мы находились, поспешность была необходима.

Пройдя версты две с половиной от бивака, мы вдруг совершенно неожиданно наткнулись на затески. Они был старые, заплывшие.

— Чьи это затески? — спросил Мерзляков.

— Китайские, — отвечал Паначев.

— Значит, и у вас в тайге есть китайцы? — спросили его казаки.

— Где их нет, — ответил старовер. — В тайге наскрозь китайцы. Куда только ни пойди, везде их найдешь.

Затески были наделаны часто и шли в желательном для нас направлении, поэтому мы решили идти по ним, пока возможно. Паначев потому и заблудился, что свои знаки он ставил редко. Он упустил из виду, что современем они потускнеют и на большом расстоянии будут видны плохо.

Идя по линии затесок, мы скоро нашли соболиные ловушки. Некоторые из них были старые, другие — новые, видимо, только что выстроенные. Одна ловушка преграждала дорогу. Кожевников поднял бревно и сбросил его в сторону. Под ним что-то лежало. Это оказались кости соболя. Очевидно, вскоре после того, как зверек попал в ловушку, его завалило снегом. Странно, почему китаец не осмотрел свои ловушки перед тем, как уйти из тайги. Быть может, он обходил их, но разыгравшаяся буря помешала ему дойти до крайних затесок, или он заболел и не мог уже более заниматься охотой... Долго ждал пойманный соболь своего хозяина, а весной, когда стаял снег, вороны расклевали дорогого хищника и теперь от него остались только клочки шерсти и мелкие кости.

Я вспомнил Дерсу. Если бы он теперь был с нами, мы узнали бы, почему соболь остался в ловушке. Гольд, наверно, нашел бы дорогу и вывел бы нас из затруднительного положения.

К полудню мы поднялись на лесистый горный хребет, который тянется здесь в направлении от ССВ на ЮЮВ и в среднем имеет высоту около полуверсты. Сквозь деревья можно было видеть другой такой же перевал, а за ним еще какие-то горы. Сверху гребень хребта казался краем громадной чаши, а долина — глубокой ямой, дно которой терялось в тумане.

Обсудив наше положение, мы решили спуститься в долину и идти по течению воды. Восточный склон хребта был крутой, заваленный буреломом и покрытый осыпями. Пришлось спускаться зигзагами, что отняло много времени. Ручей, которого мы придерживались, скоро стал забирать на юг, тогда мы пошли целиной и пересекли еще несколько горных отрогов.

Паначев работал молча: он попрежнему шел впереди, а мы плелись за ним сзади. Теперь уже было все равно. Исправить ошибку нельзя, и оставалось только одно: идти по воде до тех пор, пока она не приведет нас к р. Улахе. На большом привале я еще раз проверил запасы продовольствия. Выяснилось, что сухарей хватит только на сегодняшний ужин, поэтому я посоветовал людям сократить дневную дачу.

Густой смешанно - хвойный лес, по которому мы теперь шли, имел красивый и декоративный вид. Некоторые деревья поражали своими размерами. Это были настоящие лесные великаны от 12 до 15 с. высоты и от 10 до 12 фут. в обхвате. На земле среди зарослей таволги, лещины и леспедецы валялось много колодника, покрытого цветистыми лишаями и мхами. По сырым местам тысячами разрослись пышные папоротники; ваи которых достигают шести футов длины. По внешнему виду растения эти походят на гигантские зеленые лилии.

Несмотря на постигшую нас неудачу, мы не могли быть равнодушными к красотам природы. Художники, ботаники, или просто любители природы нашли бы здесь неистощимые материалы для своих наблюдений.

Сегодня перед вечером первый раз появилась мошка. Местные старожилы называют ее «гнусом». Уссурийская мошка — истинный бич тайги. После укуса ее сразу открывается кровоточивая ранка. Она ужасно зудит, и чем больше расчесывать ее, тем зуд становится сильнее. Когда мошки много, ни на минуту нельзя снять сетку с лица. Мошка слепит глаза, набивается в волосы, уши, забивается в рукава и нестерпимо кусает шею. Лицо опухает, как при рожистом воспалении. Дня через два или три организм вырабатывает иммунитет, и опухоль спадает.

Люди могли защищаться от гнуса сетками, но лошадям пришлось плохо. Мошкара разъела им губы и веки глаз. Бедные животные трясли головами, но ничего не могли поделать со своими маленькими мучителями. Против гнуса самое лучшее средство — терпение. Нетерпеливого человека гнус может довести до слез.

Запасшись этим последним средством, мы шли вперед до тех пор, пока солнце совсем не скрылось за горизонтом. Паначев тотчас же пошел на разведку. Было уже совсем темно, когда он возвратился на бивак и сообщил, что с горы видел долину Улахе и что завтра к полудню мы выйдем из ле-

су. Это известие всех ободрило, люди стали шутить и смеяться.

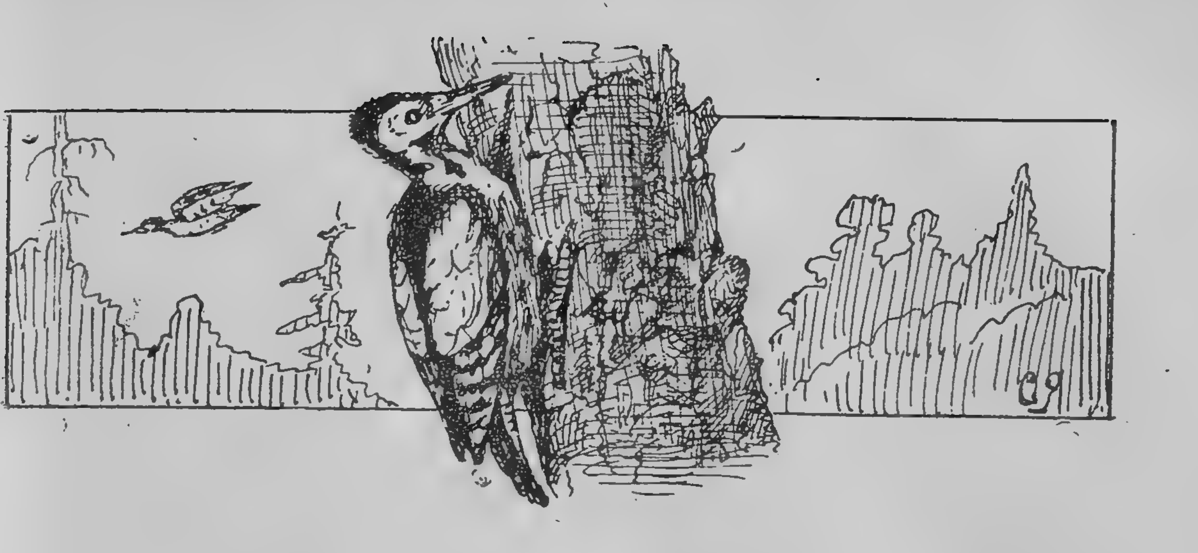
Незатейлив был наш ужин. Оставшиеся от сухарей крошки, в виде муки, были розданы всем поровну.

Утром, как только мы отошли от бивака, тотчас же наткнулись на тропку. Она оказалась зверовой и шла куда-то в горы. Паначев повел нас по ней. Мы начали было беспокоиться, но оказалось, что на этот раз он был прав. Тропа привела нас к зверовой фанзе. Теперь смешанный лес сменился лиственным редколесьем. Почуяв конец пути, лошади прибавили шагу. Наконец, показался просвет, и вслед за тем мы вышли на опушку леса. Перед нами была долина реки Улахе. Множество признаков указывало на то, что деревня недалеко.

Через несколько минут мы подошли к реке и на другом ее берегу увидели Кокшаровку. Старообрядцы подали нам лодки и перевезли на них седла и вьюки. Понукать лошадей не приходилось. Умные животные отлично понимали, что на той стороне их ждет обильный корм. Они сами вошли в воду и переплыли на другую сторону реки.

После этого перехода люди очень устали, лошади тоже нуждались в отдыхе. Мы решили простоять в Кокшаровке трое суток.

X.

Долина Фудзина.

Китайская земледельческая фанза.—Варка пантов.—Анофриев в роли начальника отряда.—Лесные птицы.—Встреча с промышленником.

6-го июля мы распрощались с Кокшаровкой. Наши лошади отдохнули и теперь шли гораздо бодрее. Слепни и мошка тучей следовали за ними по пятам. Особенно трудно было идти задним. Главная масса мошкары держится в хвосте отряда. В таких случаях рекомендуется по очереди менять местами людей и лошадей.

От деревни Кокшаровки дорога идет правым берегом Улахе, и только в одном месте, где река подмывает утесы, она удаляется в горы, но вскоре опять выходит в долину.

Рододендроны были теперь в полном цвету, и от этого скалы, на которых они росли, казались пурпуро - фиолетовыми. Долину Фудзина можно назвать луговой. Старый дуб, ветвистая липа и узловатый осокорь растут по ней одиночными деревьями. Невысокие горы по сторонам покрыты смешанным лесом с преобладанием пихты и ели.

Дикая красота долины смягчалась присутствием людей. Точно перепелки, попрятавшиеся от охотников, там и сям между деревьями виднелись серенькие китайские фанзы. Они имели уютный вид. Все вокруг носило характер мира, тишины и трудолюбия. Около фанз широко раскинулись хлебные поля и огороды. Чего только здесь не было: пшеница, кукуруза, чумиза, овес, мак снотворный, кормовые бо-

бы, табак и множество других растений, которых я не знал. Ближе к фанзам росли: фасоль, картофель, редька, тыква, дыня, капуста, салат, брюква, огурцы, помидоры, лук разных сортов и горошек. В полях всюду виднелись синие фигуры китайцев. Они прекратили работы и долго провожали нас глазами. Появление воинского отряда, видимо, их сильно смущало, а наличие вьючных коней указывало, что отряд этот идет издалека и далеко.

Я направился к одной из фанз. Тут на огороде работал глубокий старик. Он опалывал грядки от сорной травы и каждый раз, нагибаясь, стонал. Видно было, что ему трудно работать, но он не хотел жить праздно и быть другим в тягость. Рядом с ним работал другой старик, который старался придать овощам красивый вид, оправлял их листья и подрезал те, которые разрослись и выделялись из общего уровня. Когда мы подошли, оба старика приветствовали нас по-своему и затем, вытерев потное лицо грязной тряпицей, поплелись сзади.

Китайская фанза, к которой мы подошли, состояла из трех построек, расположенных «покоем» — из жилой фанзы — посредине и двух сараев — по сторонам. Двор между ними, чисто выметенный и прибранный, был обнесен высоким частоколом в уровень с сараями. Почуяв посторонних людей, собаки подняли неистовый лай и бросились к нам навстречу. На шум из фанзы вышел сам хозяин. Он тотчас распорядился, чтобы рабочие помогли солдатам расседлывать лошадей.

Китайская фанза —оригинальная постройка. Стены ее сложены из глины; крыша двухскатная, тростниковая. Решетчатые окна, оклеенные бумагой, занимают почти весь ее передний фасад, зато сзади и с боков окон не бывает вовсе. Рамы устроены так, что они подымаются кверху и свободно могут выниматься из своих гнезд. Замков ни у кого нет. Дверь припирается не от людей, а для того, чтобы туда случайно не зашли собаки.

Внутри фанзы, по обе стороны двери, находятся низенькие печки, сложенные из камня с вмазанными в них железными котлами. Дымовые ходы от этих печей идут вдоль стен под канами и согревают их. Каны сложены из плитнякового камня и служат для спанья. Они шириной около сажени и прикрыты соломенными циновками. Ходы выведены наружу в длинную трубу, тоже сложенную из камня, которая стоит немного в стороне от фанзы и не превышает конь-

ка крыши. Спят китайцы всегда голыми, головой внутрь фанзы и ногами к стене.

Деревянной перегородкой фанза делится на две половины. В меньшей помещается сам хозяин и его компанионы, в большей — рабочие. Посредине фанзы на треножнике стоит старый надтреснутый котел, наполненный песком и золой. Это жаровня, куда складываются горящие уголья из печей, когда пища сварена, и каны достаточно нагреты. Если нужно согреть пищу, манзы разводят огонь прямо в жаровне. Вследствие этого в жилом помещении всегда дымно и пыльно. Потолка в фанзе нет, крыша поставлена непосредственно на стены. Деревянные балки, кедровое корье и даже солома до того прокопчены, что становятся черными и блестящими. Все предметы, находящиеся выше роста человека, тоже закопчены и покрыты толстым слоем пыли.

Хозяин фанзы пригласил нас в свое помещение. Здесь было несколько чище, чем у рабочих. Около стен стояли большие сундуки с наклеенными на них красными бумажками с новогодними иероглифическими письменами. Прямо против входа было устроено нечто в роде кумирни, а около нее на столе стояли подсвечники с красными свечами, какие-то желтые коробочки и запыленные бутылки. Рядом на стенах висели размалеванные картины, характерные для китайского художества по отсутствию в них перспективы и изображающие исторические театральные сцены, что легко узнать по костюмам, заученным позам актеров и по их раскрашенным физиономиям.

Мы расположились в фанзе, как дома. Китайцы старались предупредить все наши желания и просили только, чтобы не пускать лошадей на волю, дабы они не потравили полей. Они дали коням овса и накосили травы столько, что ее хватило бы до утра на отряд вдвое больший, чем наш. Все исполнялось быстро, дружно и без всяких проволочек.

После сытного обеда из вареной курицы, яиц, жареного картофеля и лепешек, спеченных на бобовом масле, я пошел осматривать сараи.

Половина одной постройки предназначалась для выгонки спирта. Тут было две заторных ямы, перегонный куб и посуда. На стелажах под крышей рядами лежали «сулевые» *) кирпичи. По мере надобности их опять укладывают в яму и смачивают водой. От этого они набухают и разва-

*) По-корейски водка называется «сули».

ливаются. Затору дают побродить немного и затем лопатами насыпают в котел, над которым ставят деревянный чан безо дна, а поверх его — другой котел с холодной водой. Винные пары оседают на холодном днище верхнего котла и по особому приемнику выходят наружу.

В другой половине помещалась мельница, состоящая из двух жерновов, из которых нижний — был неподвижный. Мельница приводится в движение силою лошади. С завязанными глазами она ходит вокруг и вращает верхний камень. Мука отделяется от отрубей при помощи сита. Оно помещается в особом шкафу и приводится в движение ногами человека. Он же следит за лошадью и подсыпает зерно к жерновам.

Рядом с мельницей была кладовая, где хранились зерновые продукты и вообще разное имущество. Здесь были шкуры зверей, оленьи панты, медвежья желчь, собольи и беличьи меха, бумажные свечи, свертки с чаем, новые топоры, плотничьи и огородные инструменты, луки, настораживаемые на зверей, охотничье копье, фитильное ружье, приспособления для носки на спине грузов, одежда, посуда, еще не бывшая в употреблении, китайская синяя даба, белая и черная материя, одеяла, новые улы, сухая трава для обуви, веревки и тулузы *) с маслом. В таких же, но только маленьких тулузах, китайцы в походе носят бобовое масло. Пробкой обыкновенно служит кочерыжка кукурузы, обмотанная тряпицей. Изготовление таких тулузов явилось следствием недостатка стеклянной и глиняной посуды.

Постройка с правой стороны двора служила конюшней для лошадей и хлевом для рогатого скота. Изъеденная колода и обгрызанные столбы свидетельствуют о том, что лошадям зимой дают мало сена. Китайцы кормят их резкой соломы в перемежку с бобами. Несмотря на это, лошади у них всегда в хорошем теле.

От фанзы шла маленькая тропинка. Я пошел по ней. Тропинка привела меня к кумирне, сколоченной из досок и украшенной резьбой. В ней была повешена картинка, изображающая бога стихий «Лун-ван-е», окруженного другими богами. Все они имели цветные гневные лица. Перед богами стояли маленькие фарфоровые чашечки, в которые, вероят-

---

*) Корзины, сплетенные из прутьев, и обмазанные каким-то составом, похожим на бумагу, но настолько прочным, что он не пропускает даже спирт. Тулузы похожи на низкие бутылки с широкими горлами.

но, наливался спирт во время жертвоприношения. Впереди кумирни стояли два фигурных столба с украшениями.

Позади фанзы и несколько в стороне была большая груда дров, аккуратно наколотых, но еще аккуратнее сложенных в круглый штабель, по внешнему виду похожий на стог снега.

В соседней фанзе варили панты. Я пошел туда посмотреть как производится эта операция. Варка происходила на открытом воздухе. Над огнем на трех камнях стоял котел, наполненный водой. Китаец-пантовар внимательно следил за тем, чтобы вода была горячей, но не кипела. В руках у него была деревянная развилка, к которой бичевкой привязаны молодые оленьи рога. Обмокнув панты в воду, он давал им немного остынуть, сдувая ртом пар, затем опять погружал их в котел и опять остужал дуновением. Варка пантов производится ежедневно до тех пор, пока они не потемнеют и не сделаются твердыми. В этом виде они могут храниться много лет. Если передержать их в горячей воде дольше двух трех секунд зараз, они лопнут и потеряют ценность.

Когда я возвращался назад, день уже кончился. Едва солнце коснулось горизонта, как все китайцы, словно по команде, прекратили свои работы и медленно, не торопясь, пошли домой. В поле никого не осталось.

Возвратясь в фанзу, я принялся за дневник. Тотчас ко мне подсело два китайца. Они следили за моей рукой и удивлялись скорописи. В это время мне случилось написать что-то машинально, не глядя на бумагу. Крик восторга вырвался из их уст. Тотчас с кана соскочило несколько человек. Через пять минут вокруг меня стояли все обитатели фанзы и каждый просил меня проделать то же самое еще и еще, бесконечное число раз.

Жидкая кукурузная кашица, немного соленых овощей и два хлебца из темной пшеничной муки—вот все, что составляет вечернюю трапезу рабочих манз. Сидя на корточках за маленьким столиком, они ели молча. После ужина китайцы разделись и легли на каны. Некоторые курили табак, другие пили чай. Теперь все разговаривали. В фанзе было два посторонних человека, пришедших с реки Ното. Они что-то горячо рассказывали, а слушатели время от времени выражали свое удивление возгласами «айя-ха». Такая беседа длилась около часа. Наконец, разговор мало-по-малу стал стихать и незаметно перешел в храп. Только в одном углу

долго горела еще масляная лампочка. Это старик-китаец курил опий.

Видя меня сидящим за работой в то время, когда другие спят, китайцы объяснили это по своему. Они решили, что я не более, как писарь, и что главный наш начальник есть Анофриев. Заключили они это потому, что последний постоянно кричал на них, ругался и гнал из чистой половины в помещение для рабочих. Я вспомнил, что и в других фанзах было то же самое. Китайцы боялись его, как огня. Когда кому-нибудь в отряде не удавалось чего-либо добиться от них, стоило только обратиться к Анофриеву, и тотчас же китайцы становились покорными и безо всяких пререканий исполняли приказания. Очевидно, весть о том, кто начальник в отряде, передавалась вперед из фанзы в фанзу. И с этим ничего нельзя было поделать. Когда на другое утро я проснулся и попросил у китайцев чая, они указали на спящего Анофриева и шопотом сказали мне, что надо подождать, пока не встанет «сам капитан». Я разбудил Анофриева и попросил его сделать распоряжение. Он прикрикнул на китайцев, те сразу засуетились и тотчас подали мне чай и булочки, спеченные на пару.

Расплатившись с хозяином фанзы, мы отправились вверх по р. Фудзину, который здесь делает излучину в виде буквы П. Отсюда тропа поворачивает направо в горы, что значительно сокращает дорогу. По пути она пересекает два невысоких кряжика и обильный водою источник.

В полдень у ручья я приказал остановиться. После чая я не стал дожидаться, пока завьючат коней и, сделав нужные распоряжения, пошел вперед по тропинке.

Во вторую половину дня состояние погоды не изменилось: попрежнему было сумрачно, но чувствовалось, что дождя не будет. Такой погодой всегда надо пользоваться. В это время много можно сделать и много пройти. Откуда-то берется энергия и, главное, совершенно не чувствуешь усталости. Гнус тоже исчез. При ветре мошка не может держаться в воздухе. Зато, если день солнечный и безветренный, мошек появляется чрезвычайно много. Для них не так нужно солнце, как теплый и насыщенный парами воздух. Вот почему гнус всегда появляется перед дождем и в сумерки.

На втором перевале через горный отрог тропка разделилась. Одна пошла влево, а другая — прямо в лес. Первая мне показалась мало хоженой, а вторая — более торной. Я выбрал последнюю.

В течение дня из пернатых в здешних местах я видел уссурийского пестрого дятла. Эта бойкая и подвижная птица с белым, черным и красным оперением все время перелетала с одного дерева на другое и часто постукивала носом по коре и, казалось, прислушивалась, стараясь по звуку угадать дуплистое ли дерево. Увидев меня, дятел спрятался за дерево и тотчас показался с другой его стороны. Он осторожно выглядывал оттуда одним глазом. Заметив, что я приближаюсь, он с криком перелетел к другому дереву и опять спрятался, потом отлетел еще дальше и вскоре совсем скрылся в лесу.

В стороне звонко куковала кукушка. Осторожная и пугливая — она не сидела на месте, то и дело шныряла с ветки на ветку, и в такт крика кивала головой, подымая хвост кверху. Не замечая опасности, кукушка бесшумно пролетела совсем близко от меня, села на дерево и начала было опять куковать, но вдруг испугалась, оборвала на половине свое кукование и торопливо полетела обратно.

Из соседних кустов я выгнал вальдшнепа.

Он подпустил меня очень близко, но потом, вдруг, сорвался с места и полетел низко над землею, ловко лавируя между деревьями. В тех местах, где заросли были гуще, держались серые сорокопуты. Заметив подходившего человека, они подняли сильное стрекотание. Эти небольшие птицы с сердитым взглядом и с клювом, как у хищника, поминутно то взлетали на ветви деревьев, то опускались на землю, как будто что-то клевали в траве, затем опять взлетали наверх и ловко прятались в листве. Около воды по опушкам держались китайские иволги и сибирские соловьи. Они выдавали себя своим пением. Иволги—красивые оранжево-желтые птицы, величиной с голубя, сидели на высоких деревьях. Несмотря на величину и яркое оперение, увидеть их всегда трудно. Вторые — серые птички с красным горлом также предпочитали держаться в зарослях около воды. Голос сибирского соловья не такой богатый, как у соловья, обитающего в Европейской России. После короткого пения сразу наступает щелканье и стрекотание. По голосу я сначала даже и не принял его за соловья, но потом разглядел и признал в нем пернатого музыканта.

Моя тропа заворачивала все больше к югу. Я перешел еще через один ручей и опять стал подыматься в гору. В одном месте я нашел чей-то бивак. Осмотрев его внимательно,

я убедился, что люди здесь ночевали давно и что это, по всей вероятности, были китайские охотники.

Лес становился гуще и крупнее; кое-где мелькали тупые вершины кедров и остроконечные ели, всегда придающие лесу угрюмый вид. Незаметно для себя я перевалил еще через один хребтик и спустился в соседнюю долину. По дну ее бежал шумный ручей.

Усталый я сел отдохнуть под большим кедром. Издали донеслись до меня какие-то однообразные и заунывные звуки. Они приближались, и вслед затем я услышал совсем близко над своей головой шум птичьего полета и глухое воркованье. Тихонько я поднял голову и увидел восточно-сибирскую лесную горлицу. По неосторожности я что-то выронил из рук, горлица испугалась и стремительно скрылась в чаще. Потом я увидел восточного седоголового дятла. Эта лазящая птица, с зеленовато-серым оперением и с красным пятном на голове, подвижная и суетливая, выражала особенное беспокойство, видимо, потому, что я сидел неподвижно. Она перелетала с одного места на другое и также, как и пестрый дятел, пряталась за деревья. По другому резкому крику я узнал сибирскую кедровку. Вскоре я увидел ее — большеголовую, пеструю и неуклюжую. Она проворно лазила по деревьям, лущила еловые шишки и так пронзительно кричала, как будто хотела всему лесу оповестить, что здесь есть человек.

Наконец, мне наскучило сидеть на одном месте; я решил повернуть назад и идти навстречу к своему отряду. В это время до слуха моего донесся какой-то шорох. Слышно было, как кто-то осторожно шел по чаще. Должно быть зверь, подумал я, и приготовил винтовку. Шорох приближался. Притаив дыхание, я старался сквозь чащу леса рассмотреть приближающееся животное. Вдруг сердце мое упало, — я увидел промышленника. По опыту прежних лет я знал, как опасны встречи с этими людьми.

В тайге Уссурийского края надо всегда рассчитывать на возможность встречи с дикими зверями. Но самое неприятное — это встреча с человеком. Зверь спасается от человека бегством, если же он и бросается, то только тогда, когда его преследуют. В таких случаях и охотник, и зверь, каждый знает, что надо делать. Другое дело человек. В тайге нет свидетелей, и потому обычай выработал особую сно-

ровку. Человек, завидевший другого человека, прежде всего должен спрятаться и приготовить винтовку.

В тайге все бродят с оружием в руках: туземцы, китайцы, корейцы и зверопромышленники. Зверопромышленник — это человек, живущий почти исключительно охотой. В большинстве случаев хозяйством его ведает отец, брат или кто-либо из близких родственников. Весьма интересно ходить с ним на охоту. У него много интересных приемов, выработанных долголетним опытом: он знает, где держится

...Я увидел промышленника.

зверь, как его обойти, где искать подранка. Способность ориентироваться, устроиться на ночь во всякую погоду, умение быстро, без шума скрадывать зверя, подражать крику животных, — вот отличительные черты охотника-зверопромышленника. Но надо отличать зверопромышленника от промышленника. Насколько первый в большинстве случаев отличается порядочностью, настолько надо опасаться встречи со вторым. Промышленник идет в тайгу не для охоты, а вообще, «на промысел». Кроме ружья, он имеет при себе саперную лопату и сумочку с кислотами. Он ищет золото, но при случае не прочь поохотиться за «косачами» (китайцами) и за «лебедями» (корейцами), не прочь угнать чужую лодку, убить корову и продать мясо ее за оленину. Встреча с таким промышленником гораздо опаснее, чем встреча со зверем. Надо всегда быть готовым к обороне. Малейшая оплошность — и неопытный охотник погиб. Старые охотники с первого взгляда разбирают, с кем имеют дело, — с порядочным человеком или с разбойником.

Предо мной был именно промышленник. Одет он был в какой-то странный костюм, наполовину — китайский, наполовину — русский. Он шел наискось мимо меня, сгорбившись, и все время оглядывался по сторонам. Вдруг он остановился, проворно сдернул с плеча свою винтовку и тоже спрятался за дерево. Я понял, что он меня увидел. В таком положении мы пробыли несколько минут. Наконец, я решил отступать. Тихонько я пополз по кустам назад и через минуту добрался до другого большого дерева. Промышленник тоже отходил и прятался в кустах. Тогда я понял, что он меня боится. Он никак не мог допустить, что я мог быть один и думал, что поблизости есть много людей. Я знал, что если я выстрелю из винтовки, то пуля пройдет сквозь дерево, за которым спрятался бродяга и убьет его. Но я тотчас же поймал себя на другой мысли: он уходит, он боится и, если я выстрелю, то совершу убийство. Я отошел еще немного и оглянулся. Чуть-чуть между деревьями мелькала его синяя одежда. У меня отлегло на сердце. Осторожно от дерева к дереву, от камня к камню, я стал удаляться от опасного места и когда почувствовал себя вне выстрелов, вышел на тропинку и спешно пошел назад к своему отряду.

Через полчаса я был на том месте, где расходились дороги. Я вспомнил уроки Дерсу и стал рассматривать обе тропы. Свежие конские следы шли влево. Я прибавил шагу

и через полчаса подходил к Фудзину. За рекой я увидел китайскую фанзу, окруженную частоколом, а около нее наш отряд на отдыхе.

Местность эта называется Иолайза. Это была последняя земледельческая фанза. Дальше шла тайга — дикая и пустынная, оживающая только зимой на время соболеванья.

Отряд ожидал моего возвращения. Я приказал расседлывать коней и ставить палатки. Здесь надо было в последний раз пополнить запасы продовольствия.

XI.

Сквозь тайгу.

Тазы. — Ловцы жемчуга.— Скрытность китайцев. — Лесная пустыня. — Сумерки в тайге. — Пищуха. — Бурундук. — Встреча с медведем. — Гнус.

После короткого отдыха я пошел осматривать тазовские фанзы, расположенные по соседству с китайскими. Аборигены Уссурийского края, обитающие в центральной части горной области Сихотэ-Алиня и на побережье моря к северу до мыса Успения, называют себя «Удэ-hе» *). Те, которые жили в южной части страны, современем окитаились и теперь уже их совершенно нельзя отличить от манз. Китайцы называют их Да-цзы, что значит инородец (не русский, не кореец и не китаец). Отсюда получилось искаженное русскими слово «тазы». Характерны для этих ассимилированных туземцев бедность и неряшливость. Бедность — в фанзе, бедность — в одежде, бедность — в еде.

Когда я подходил к их жилищу, навстречу мне вышел таза. Одетый в лохмотья, с больными глазами и с паршой на голове, он приветствовал меня, и в голосе его чувствовались и страх и робость. Неподалеку от фанзы с собаками играли ребятишки, у них на теле не было никакой одежды.

Фанза была старенькая, покосившаяся; кое-где со стен ее обваливалась глиняная штукатурка; старая, заплатанная и пожелтевшая от времени бумага в окнах во многих местах была прорвана; на пыльных канах лежали обрывки цы-

*) Две последние буквы произносятся чуть слышно. Впредь во всех случаях придыхательную букву латинского алфавита «h» я буду для простоты заменять русской буквой «х».

новок, а на стене висели какие-то выцветшие и закоптелые тряпки. Всюду запустение, грязь и нищета.

Раньше я думал, что это от лени, но потом убедился, что такое обеднение тазов происходит от других причин — именно, от того положения, в котором они очутились среди китайского населения. Из расспросов выяснилось, что китаец, владелец фанзы Иолайза, является Цай-дун'ом *) (хозяин реки). Все туземцы, живущие на Фудзине, получают от него в кредит опиум, спирт, продовольствие и материал для одежды. За это они обязаны отдавать ему все, что добудут на охоте: соболей, панты, жень-шень и т. д. Вследствие этого тазы впали в неоплатные долги. Случалось не раз, что за долги от них отбирали жен и дочерей и нередко самих продавали в другие руки, потом в третьи и т. д. Туземцы эти, позаимствовав китайскую культуру, не могли с нею справиться и подпали под влияние тех же китайцев. Жить, как земледельцы, они не умели, а от жизни охотника и звероловa отстали. Китайцы воспользовались их духовной бедностью и сумели сделаться для них необходимыми. С этого момента тазы утратили всякую самостоятельность и превратились в рабов.

Возвращаясь от них, я сбился с дороги и попал к Фудзину. Здесь на реке я увидел двух китайцев, занимающихся добыванием жемчуга. Один из них стоял на берегу и изо всей силы упирал шест в дно реки, а другой опускался по нем в воду. Правой рукой он собирал раковины, а левой держался за палку. Необходимость работать с шестом вызывается быстрым течением реки. Водолаз пробывает под водой не более полуминуты. Задержанное дыхание позволило бы ему пробыть там и дольше, но низкая температура воды заставляет его скоро всплывать наверх. Вследствие этого китайцы ныряют в одежде.

Я сел на берегу и стал наблюдать за их работой. После короткого пребывания в воде водолаз минут пять грелся на солнце. Так как они чередовались, то выходило, что в час каждый из них спускался в воду не более десяти раз. За это время они успели достать всего только восемь раковин, из которых ни одной не было с жемчугом. На задаваемые вопросы китайцы объяснили, что примерно из пятидесяти раковин одна бывает с жемчугом. За лето они добывают около 200 жемчужин на сумму 500 — 600 руб. Ки-

*) Цай-дун — владелец капитала, хозяин долины, кредитор.

тайцы эти не ограничиваются одним Фудзином, ходят по всему краю и выискивают старые тинистые протоки. Самым лучшим местом жемчужного лова считается р. Ваку.

Вскоре китайцы приостановили свою работу, надели сухую одежду и выпили немного подогретой водки. Затем они уселись на берегу, стали молотками разбивать раковины и искать в них жемчуг. Я вспомнил, что раньше по берегам рек мне случалось встречать такие кучи битых раковин. Тогда я не мог найти этому объяснения. Теперь мне все стало понятным. Конечно, искание жемчуга ведется хищнически. Раковины разбиваются и тут же бросаются на месте. Из восьмидесяти раковин китайцы отложили две драгоценных. Сколько я ни рассматривал их, не мог найти жемчуга до тех пор, пока мне его не указали. Это были небольшие наросты блестящего грязновато-серого цвета. Перламутровый слой был гораздо ярче и красивее, чем сам жемчуг.

После того, как раковины просохли, китайцы осторожно ножами отделили жемчужины от створок и убрали их в маленькие кожаные мешочки.

Пока я был у реки и смотрел, как китайцы ловят жемчуг, незаметно подошел вечер. В нашей фанзе зажгли огонь.

После ужина я расспрашивал китайцев о дороге к морю. Или они не хотели указывать места, где находятся зверовые фанзы, или у них были какие-либо другие причины скрывать истину, только я заметил, что они давали уклончивые ответы. Они говорили, что к морю по р. Ли-Фудзину давно уже никто не ходит, что тропа заросла и завалена буреломом. Китайцы рассчитывали, что мы повернем назад, но, видя наше настойчивое желание продолжать путь, стали рассказывать всевозможные небылицы: пугали медведями, тиграми, говорили о хунхузах и т. п. Вечером Гранатман ходил к тазам и хотел нанять у них проводника, но китайцы предупредили его и воспретили тазам указывать дорогу. Нечего делать, приходилось нам рассчитывать на собственные силы и руководствоваться только расспросными данными, которым тоже нельзя было особенно доверяться.

На следующий день мы выступили из Иолайзы довольно рано. Путеводною нитью нам служила небольшая тропка. Сначала она шла по горам с левой стороны Фудзина, а затем, миновав небольшой болотистый лесок, снова спустилась в долину. Размытая почва, галешниковые отмели и ямы с водой — все это указывало на то, что река часто выходит из берегов и затопляет долину.

Сегодня день выпал томительный, жаркий. Истома чувствовалась во всем. Ни малейшего дуновения ветра. Знойный воздух словно окаменел. Все живое замерло и притаилось. В стороне от дороги сидела какая-то хищная птица, раскрыв рот. — Видно, и ей было жарко.

По мере того, как мы удалялись от фанзы, тропа становилась все хуже и хуже. Около леса она разделилась надвое. Одна, более торная, шла прямо, а другая, слабая — направлялась в тайгу. Мы стали в недоумении. Куда итти?...

Вдруг, из чащи леса вышел китаец. На вид ему было лет сорок. Видно было, что он шел издалека: лицо его было загорелое, одежда изорванная и обувь изношенная. За спиной у китайца была тяжелая котомка. На одном плече он нес винтовку, а в руках имел палку, приспособленную для того, чтобы стрелять с нее, как с упора. Увидев нас, китаец испугался и хотел было убежать, но казаки закричали ему, чтобы он остановился. Китаец с опаской подошел к нам. Скоро он успокоился и стал отвечать на задаваемые вопросы. Из его слов удалось узнать, что по торной тропе можно выйти на р. Тадушу, которая впадает в море, значительно севернее залива Ольги, а та тропа, на которой мы стояли, идет сперва по речке Чау-сун, а затем переваливает через высокий горный хребет, после чего она вторично разделится. Конная пойдет к истокам р. Улахе, а старая, пешеходная — налево в горы. Это и есть наш путь. Тут надо хорошо смотреть, чтобы не пройти мимо тропы.

Поблагодарив китайца за сведения, мы смело пошли вперед. Жилые фанзы, луга, пашни и открытые долины — все это осталось теперь сзади.

Всякий раз, когда вступаешь в лес, который тянется на несколько сот верст, невольно испытываешь чувство, похожее на робость. Такой первобытный лес — своего рода стихия. Чем дальше, тем больше лес был завален колодником. В горах растительный слой почвы очень незначителен, поэтому корни деревьев не углубляются в землю, а распространяются по поверхности. Вследствие этого деревья стоят непрочно и легко опрокидываются ветрами: Вот почему тайга Уссурийского края так завалена буреломом. Упавшее дерево поднимает кверху свои корни вместе с землей и с застрявшими между ними камнями. Сплошь и рядом такие баррикады достигают высоты до двух и трех сажен. Вот почему лесные тропы так извилисты. Приходится все время обходить то одно поваленное дерево, то другое. Всегда на-

до принимать во внимание эти извилины и считать все расстояния в полтора раза больше, чем они показаны на картах. Деревья, растущие внизу, в долине, более прочно укрепляются в толще наносной земли. Здесь можно видеть таких лесных великанов, которые достигают 15—18 сажен высоты и 12 — 14 фут. в окружности. Нередко старые тополи служат берлогами медведям. Иногда случается, что в одном дупле помещается сразу два-три медведя.

Долинный лес иногда бывает так густ, что сквозь ветки его совершенно не видно неба. Внизу всегда царит полумрак, всегда прохладно и сыро. Утренний рассвет и вечерние сумерки в лесу и в местах открытых не совпадают по времени. Чуть только тучка закроет солнце, лес сразу становится угрюмым, и погода кажется пасмурной. Зато в ясный день освещенные солнцем стволы деревьев, ярко-зеленая листва, блестящая хвоя, цветы, мох и пестрые лишайники принимают декоративный вид. К сожалению, все, что может дать хорошая погода, отравляется гнусом. Трудно передать мучения, которые испытывает человек в тайге летом. Описать их нельзя—это надо перечувствовать.

Часа три мы шли без отдыха, пока в стороне не послышался шум воды. Вероятно, это была та самая река Чау-Сун, о которой говорил китаец-охотник. Солнце достигло своей кульминационной точки на небе и палило во всю. Лошади шли, тяжело дыша и понурив головы. В воздухе стояла такая жара, что даже в тени могучих кедровников нельзя было найти прохлады. Не слышно было ни зверей, ни птиц; только одни насекомые носились по воздуху, и чем сильнее припекало солнце, тем больше они проявляли жизни.

Я полагал было остановиться на привал, но лошади отказывались от корма и жались к дымокурам. Сидение на месте в таких случаях тяжелее похода. Я велел опять заседлать коней и идти дальше. Часа в два дня тропа привела нас к горам, покрытым осыпями. Отсюда начинался подъем на хребет. Все было так, как говорил охотник-китаец.

На самом перевале стояла маленькая кумирня. Если бы не красные тряпицы, повешенные на соседних деревьях, то можно было бы пройти мимо и не заметить ее. Представьте себе два плоских камня, поставленных на ребро, и третий такой же камень, покрывающий их сверху. Вот вам и кумирня! В глубине ее иногда помещаются лубочные картинки, изображающие богов, иногда — деревянные дощечки

с надписями религиозного содержания. При внимательном осмотре около камней можно заметить огарки бумажных свечей, пепел, щепотку риса, кусочек сахару и т. д. Это жертвы «Духу гор и лесов, охраняющему прирост богатств».

По другую сторону хребта тропа привела нас к пустой зверовой фанзе, около которой мы и стали биваком.

До сумерок было еще далеко. Я взял свою винтовку и пошел осматривать окрестности. Отойдя от бивака с версту, я сел на пень и стал слушать. В часы сумерок пернатое население тайги всегда выказывает больше жизни, чем днем. Мелкие птицы взбирались на верхушки деревьев, чтобы взглянуть оттуда на угасающее светило и послать ему последнее прости. Я весь ушел в созерцание природы и совершенно забыл, что нахожусь один, вдали от бивака. Вдруг, в стороне от себя я услышал шорох. Среди глубокой тишины он показался мне очень сильным. Я думал, что идет какое-нибудь крупное животное, и приготовился к обороне, но это оказался барсук. Он двигался мелкой рысцой, иногда останавливался и что-то искал в траве; он прошел так близко от меня, что я мог бы достать его концом ружья. Барсук направился к ручью, полакал воду и заковылял дальше. В лесу опять стало тихо.

Вдруг резкий, пронзительный и отрывистый писк, похожий на звонкое щелкание ножницами, раздался сзади. Я обернулся и увидел бурундука. Эта пестренькая земляная белка, бойкая и игривая, проворно бегала по колоднику, влезала на деревья, спускалась вниз и снова пряталась в траве. Окраска бурундука пестрая, желтая; по спине и по бокам туловища тянется пять чёрных полос.

Я заметил, что бурундук постоянно возвращался к одному и тому же месту и каждый раз что-то уносил с собою. Когда он уходил, его защечные мешки были туго набиты, когда же он появлялся снова на поверхности земли, рот его был пустой. Меня это очень заинтересовало. Я подошел поближе и стал наблюдать. На колоднике лежали сухие грибки, корешки и орехи. Так как ни грибов, ни кедровых орехов в лесу еще не было, то, очевидно, бурундук вытащил их из своей норки. Но зачем? Тогда я вспомнил рассказы Дерсу о том, что бурундук делает большие запасы продовольствия, которых ему хватает иногда на два года. Чтобы продукты не испортились, он, время от времени, выносит их наружу и сушит на валежнике, а к вечеру уносит обратно в свою норку.

Посидев еще немного, я пошел дальше. Все время мне попадался в пути свеже-перевернутый колодник. Я узнал работу медведя. Это его любимейшее занятие. Слоняясь по тайге, он подымает бурелом и что-то собирает под ним на земле. Китайцы в шутку говорят, что медведь сушит валежник, поворачивая его к солнцу то одной, то другой стороной.

...Это был барсук.

На обратном пути, как-то само собою вышло так, что я попал на свой старый след. Я узнал огромный кедр, у которого останавливался, перешел через ручей по знакомому мне поваленному дереву, миновал каменистую осыпь и незаметно подошел к тому колоднику, на котором бурундук сушил свои запасы. На месте его норки теперь была глубокая яма. Орехи и грибы разбросаны по сторонам, а на свежевырытой земле виднелись следы медведя. Все стало ясно. Косолапый разорил гнездо бурундука, поел его запасы и, может быть, съел и самого хозяина.

Между тем подошел и вечер. Заря угасла, потемнел воздух, и ближние и дальние деревья приняли одну общую однотонную окраску, которую нельзя назвать ни зеленой, ни серой, ни черной. Кругом было так тихо, что, казалось, будто в ушах звенит. В темноте мимо меня с гудением пронесся какой-то жук. Я шел осторожно, стараясь не оступиться. Вдруг в стороне раздался сильный шум. Какое-то большое животное стояло впереди и сопело. Я хотел было стрелять в ту сторону, но раздумал. Испуганный зверь мог убежать, но мог и броситься. Минута мне показалась веч-

ностью. Я узнал медведя. Он усиленно нюхал воздух. Я долго стоял на месте, не решаясь пошевельнуться, наконец, не выдержал и осторожно двинулся влево. Не успел я сделать двух шагов, как услышал уханье зверя и треск ломаемых сучьев. Сердце мое сжалось от страха. Инстинктивно я поднял ружье и выстрелил в его сторону. Удаляющийся шум показывал, что животное убегало. Через минуту с бивака послышался ответный выстрел.

Тогда я вернулся назад и пошел в прежнем направлении. Через полчаса я увидел огни бивака. Яркое пламя освещало землю, кусты и стволы деревьев. Вокруг костров суетились люди. Вьючные лошади паслись на траве; около них разложены были дымокуры. При моем приближении собаки подняли лай и бросились навстречу, но, узнав меня, сконфузились и в смущении вернулись обратно.

С заходом солнца крупная мошка исчезла, и, вместо нее, появился «мокрец» *). Эти мельчайшие, почти невидимые для глаза насекомые очень жестоко кусаются. Когда начинают гореть уши, это первый признак появления мелкой мошки. Потом кажется, что на лицо ложится колючая паутина. Особенно сильное ощущение зуда бывает на лбу. Мокрец набивается в волосы, лезет в уши, в нос и в рот. Люди ругаются, плюются и то и дело обтирают лицо руками. Казаки поддели под фуражки носовые платки, чтобы хоть немного защитить шею и затылок. Меня мучила жажда, и я попросил чаю.

— Пить нельзя, — сказал казак Эпов, подавая кружку.

Я поднес ее к губам и увидел, что вся поверхность чая была покрыта какой-то пылью.

— Что это такое? — спросил я казака.

— Гнус, — ответил он. — Его обварило паром, он и нападал в горячую воду.

Сначала я попробовал сдуть мошек ртом, потом принялся снимать их ложкой, но каждый раз, как я прекращал работу, они снова наполняли кружку. Казак оказался прав. Так напиться чаю мне и не удалось. Я выплеснул чай на землю и залез в свой комарник.

После ужина люди начали устраиваться на ночь. Некоторые из них поленились ставить комарники и легли спать на открытом воздухе, покрывшись одеялами. Они долго ворочались, охали, ахали, кутались с головой, но это не спасало

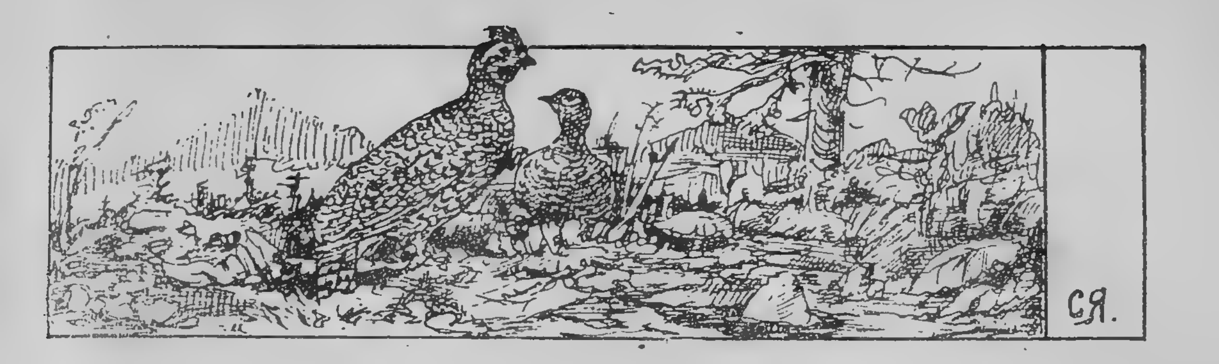
*) Местное название мелкой ночной мошки.

их от гнуса. Мелкие насекомые пробирались в каждую щелку, в каждую маленькую складку. Наконец, один из них не выдержал.

— На-те, ешьте, чорт вас возьми! — крикнул он, раскрываясь, и раскинул в стороны руки.

Раздался общий смех. Оказалось, что не он один, а все не спали, но никому первому не хотелось вставать и раскладывать дымокуры. Минуты через две разгорелся костер. Стрелки смеялись друг над другом, охали и ругались. Мало по малу на биваке стала водворяться тишина. Миллионы комаров и мошек облепили мой комарник. Под жужжание их я начал дремать и вскоре уснул крепким сном.

XII.

Великий лес.

Птицы в тайге.—Ночь в лесу. Манзы-таежники.—Плантация жень-шеня.—Проводник—старый китаец.—Старинный путь к посту Ольги.—Лес в предгориях Сихотэ-Алиня.—Утомление и недостаток продовольствия.

Утром я проснулся от говора людей. Было пять часов утра. По фырканью коней, по тому шуму, который они издавали, обмахиваясь хвостами, и по ругани казаков, я догадался, что гнуса много. Я поспешно оделся и вылез из комарника. Интересная картина представилась моим глазам. Над всем нашим биваком кружились несметные тучи мошки. Несчастные лошади, уткнув морды в самые дымокуры, обмахивались хвостами, трясли головами.

На месте костра поверх золы лежал слой мошкары. В несметном количестве она падала на огонь до тех пор, пока он не погас.

От гнуса может быть только два спасения: большие дымокуры и быстрые движения. Сидеть на месте не рекомендуется. Отдав приказ вьючить коней, я подошел к дереву, чтобы взять свое ружье, и не узнал его. Оно было покрыто густым серо-пепельным налетом — это были мошки, прилипшие к маслу. Наскоро собрав свои инструменты и не дожидаясь, когда завьючат коней, я пошел по тропинке.

В версте от фанзы тропа разделилась надвое. Правая пошла по р. Улахе, а левая — к Сихотэ-Алиню.

В этих местах растет густой смешанный лес с преобладанием кедра. Сильно размытые берега, бурелом, нанесенный водою, рытвины, ямы, поваленные деревья и клочья сухой травы, застрявшие в кустах—все это свидетельствовало о недавних больших наводнениях.

На пути нам встречались звериные следы, между которыми было много тигровых. Два раза мы спугивали оленей и кабанов, стреляли по ним, но убить не удалось — люди торопились и мешали друг другу.

Уссурийские леса кажутся пустынными. Такое впечатление получается вследствие отсутствия певчих птиц. Кое-где по пути я видел уссурийских соек. Эти дерзкие и беспокойные птицы все время шмыгали с одной ветки на другую и провожали нас резкими криками. Желая рассмотреть их, я попробовал подойти к ним поближе. Сойки сперва старались скрыться в листве и улетели только тогда, когда заметили, что я настойчиво их преследую. При полете, благодаря своему синему оперению крыльев с белым зеркалом, они кажутся красивее, чем есть на самом деле.

Время от времени в лесу слышались странные звуки, похожие на барабанный бой. Скоро мы увидели и виновника этих звуков — то была желна. Недоверчивая и пугливая, черная с красной головой, издали она похожа на ворону. С резкими криками желна перелетала с одного места на другое и, как все дятлы, пряталась за деревья.

В сырой чаще около речки ютились рябчики. Испуганные приближением собак, они отлетели в глубь леса и стали пересвистываться. Казаки хотели было поохотиться за ними, но рябчики не подпускали их близко. Я уговорил их не тратить время попусту и итти дальше.

С одного дерева снялась большая хищная птица. Это был царь ночи — уссурийский филин. Он сел на сухостойную ель и стал испуганно озираться по сторонам. Как только мы стали приближаться к нему, он полетел куда-то в сторону. Больше мы его не видели.

Чем более мы углублялись в горы, тем порожистее становилась река. Тропа стала часто переходить с одного берега на другой. Деревья, упавшие на землю, служили природными мостами. Это доказывало, что тропа была не конная, а пешеходная.

К вечеру мы дошли до третьей зверовой фанзы. В ней мы застали двух китайцев. Один был молодой, а другой — старик. Первый занимался охотой, второй был искателем жень-шеня. Молодой китаец был лет двадцати пяти, крепкого телосложения. По лицу его видно было, что он наслаждался жизнью, был счастлив и доволен своею судьбою. Он часто смеялся и постоянно забавлял себя детскими выходками. Старик был высокого роста, худощавый и более

походил на мумию, чем на живого человека. Сильно морщинистое и загорелое лицо и седые волосы на голове указывали на то, что года его подходили к седьмому десятку. Оба китайца были одеты в синие куртки, синие штаны, наколенники и улы, но одежда молодого китайца была новая, щеголеватая, а платье старика — старое и заплатанное. На головах у того и другого были шляпы: у первого — соломенная покупная, у второго — берестяная самодельная.

Уссурийский филин.

Манзы сначала испугались, но потом, узнав в чем дело, успокоились. Они накормили нас чумизной кашей и дали чаю. Из расспросов выяснилось, что мы находимся у подножья Сихотэ-Алиня, что далее к морю дороги нет вовсе.

Старик держал себя с большим достоинством и говорил мало, зато молодой китаец оказался очень словоохотливым. Он рассказал мне, что у них в тайге есть жень-шеневая плантация и что именно туда они и направляются. Я так увлекся его рассказами, что потерял направление пути и без помощи китайцев, вероятно, не нашел бы дороги обратно. Около часа мы шли косогорами, перелезали через какую-то скалу, потом спустились в долину. На пути нам встречались каскадные горные ручьи и глубокие овраги, на дне которых лежал еще снег. Наконец, мы дошли до цели своего странствования. Это был северный нагорный склон, поросший густым лесом.

Читатель ошибется, если вообразит себе жень-шеневую плантацию в виде поляны, на которой посеяны растения. Место, где найдено было в разное время несколько корней жень-шеня, считается удобным. Сюда переносятся и все другие корни. Первое, что я увидел — это были навесы из кедрового корья для защиты жень-шеня от палящих лучей солнца. Для того, чтобы не прогревалась земля, с боков были посажены папоротники и из соседнего ручья проведена узенькая канавка, по которой сочилась вода.

Дойдя до места, старик опустился на колени, сложил руки ладонями вместе, приложил их ко лбу и дважды сделал земной поклон. Он что-то говорил про себя, вероятно — молился. Затем он встал, опять приложил руки к голове и после этого принялся за работу. Молодой китаец в это время развешивал на дереве красные тряпицы с иероглифическими письменами.

— Жень-шень! Так вот каков он!

Нигде на земле нет другого растения, вокруг которого сгруппировалось бы столько легенд и сказаний. Под влиянием литературы или под влиянием рассказов китайцев, не знаю почему, но я тоже почувствовал уважение к этому невзрачному представителю аралиевых. Я встал на колени, чтобы ближе рассмотреть его. Старик объяснил это по своему: он думал, что я молюсь. С этой минуты я совсем расположил его в свою пользу.

Оба китайца занялись работой. Они убрали сухие ветки, упавшие с деревьев, пересадили два каких-то куста и полили их водой. Заметив, что воды идет в питомник мало, они пустили ее побольше. Потом они стали полоть сорные травы, но удаляли не все, а только некоторые из них и особенно были недовольны, когда поблизости находили элеутерококкус.

Предоставив им заниматься своим делом, я пошел побродить по тайге. Опасаясь заблудиться, я направился по течению воды с тем, чтобы назад вернуться по тому же ручью. Когда я возвратился на жень-шеневую плантацию, китайцы уже окончили свою работу и ждали меня. К фанзе подошли мы как-то с другой стороны, из чего я заключил, что назад мы шли другой дорогой.

Вечером мне удалось уговорить китайцев провести нас за Сихотэ-Алинь к истокам Вай-Фудина. Провожатым согласился быть сам старик. Он поставил условием, чтобы на него не кричали и не вступали с ним в пререкания. О первом

пункте не могло быть и речи, а со вторым мы все охотно согласились.

Чуть только смерклось, снова появился гнус. Манзы разложили дымокуры внутри фанзы, а мы спрятались в свои комарники. Успокоенные мыслью, что с помощью провожатых мы перейдем через Сихотэ-Алинь, скоро уснули. Теперь была только одна забота: хватит ли продовольствия?

На следующий день в 8 часов утра мы были уже готовы к выступлению. Старик пошел впереди, за ним последовал молодой китаец и два стрелка с топорами, затем — остальные люди и вьючные лошади. Старик держал в руках длинный посох. Он ничего не говорил и только молча указывал направление, которого следовало держаться, и тот валежник, который следовало убрать с дороги. Несмотря на постоянные задержки в пути, отряд наш подвигался вперед все же довольно быстро. Китайцы долго держались юго-западного направления и только после полудня повернули на юг.

В Уссурийском крае едва ли можно встретить сухие хвойные леса, т. е. такие, где под деревьями земля усеяна осыпавшейся хвоей, и не растет трава. Здесь всюду сыро, всюду мох, папоротники и мелкие осоки.

Сегодня в первый раз приказано было сократить выдачу пищи на половину. Но и при этом расчете продовольствия могло хватить только на двое суток. Если по ту сторону Сихотэ-Алиня мы не сразу найдем жилые места — придется голодать. По словам китайцев, раньше в истоках Вай-Фудина была зверовая фанза, но теперь они не знают, существует она или нет. Я хотел было остановиться и заняться охотой, но старик настаивал на том, чтобы не задерживаться и итти дальше. Помня данное ему обещание, я подчинился его требованиям. Нужно отдать справедливость старику, — он вел нас очень хорошо. В одном месте он остановился и указал на старую тропу, заросшую травой и кустарниками. Это был тот самый старинный путь, по которому уссурийские манзы раньше сообщались с заливом Ольги. Этой дорогой в шестидесятых годах прошлого столетия прошли Будищев и Максимович. Передо мною сразу встали их образы и сделанные ими описания. Судя по тому, насколько этот путь был протоптан, видно было, что здесь ранее происходило большое движение. Когда же военный порт был перенесен из Николаевска во Владивосток, китайские охотники пере-

стали ходить этой дорогой, тропа заросла и совершенно утратила свое значение.

За последние дни мы все сильно обносились: на одежде появились заплаты; изорванные головные сетки уже не приносили пользы; лица были изъедены в кровь; на лбу и около ушей появилась экзема.

Ограниченные запасы продовольствия заставили нас торопиться. Мы сократили большой привал до тридцати минут и во вторую половину дня шли до самых сумерок.

Такой большой переход трудно достался старику. Как только мы остановились на бивак, он со стоном опустился на землю и без посторонней помощи не мог уже подняться на ноги. У меня во фляге нашлось несколько капель рома, который я берег на тот случай, если кто-нибудь в пути заболеет. Теперь такой случай представился. Старик шел для нас, завтра ему придется итти опять, а потом возвращаться обратно. Я вылил в кружку весь ром и подал ему. В глазах китайца я прочел выражение благодарности. Он не хотел пить один и указывал на моих спутников. Тогда мы все сообща стали его уговаривать. После этого старик выпил ром, забрался в свой комарник и лег спать. Я последовал его примеру.

Чуть брезжилось, когда меня разбудил старик-китаец.

— Надо ходи! — сказал он лаконически.

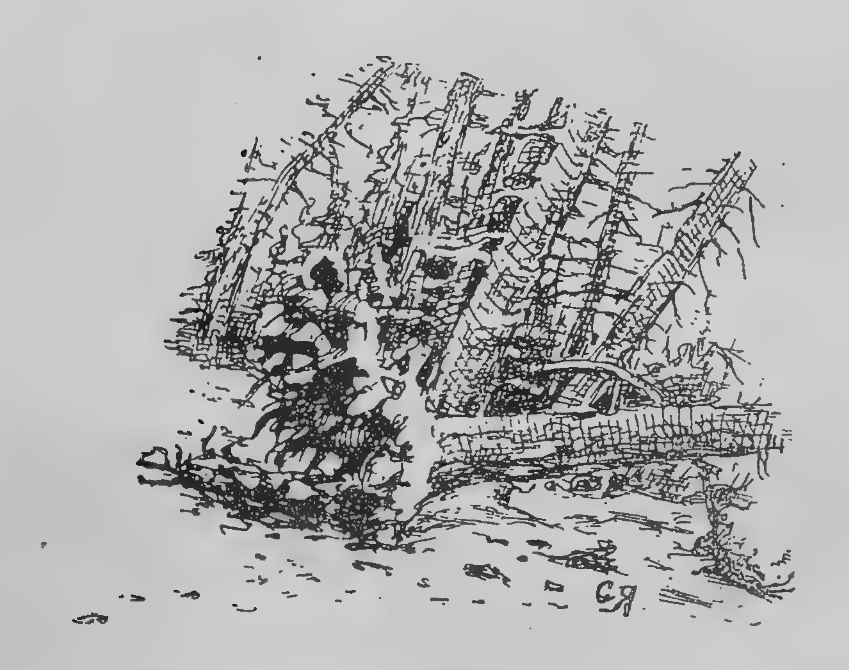
Закусив немного холодной кашицей, оставленной от вчерашнего ужина, мы тронулись в путь. Теперь проводник-китаец повернул круто на восток. Сразу с бивака мы попали в область размытых гор, предшествовавших Сихотэ-Алиню. Это были невысокие холмы с пологими склонами. Множество ручьев текло в разные стороны, так что сразу трудно было ориентироваться и указать то направление, куда стремилась выйти вода.

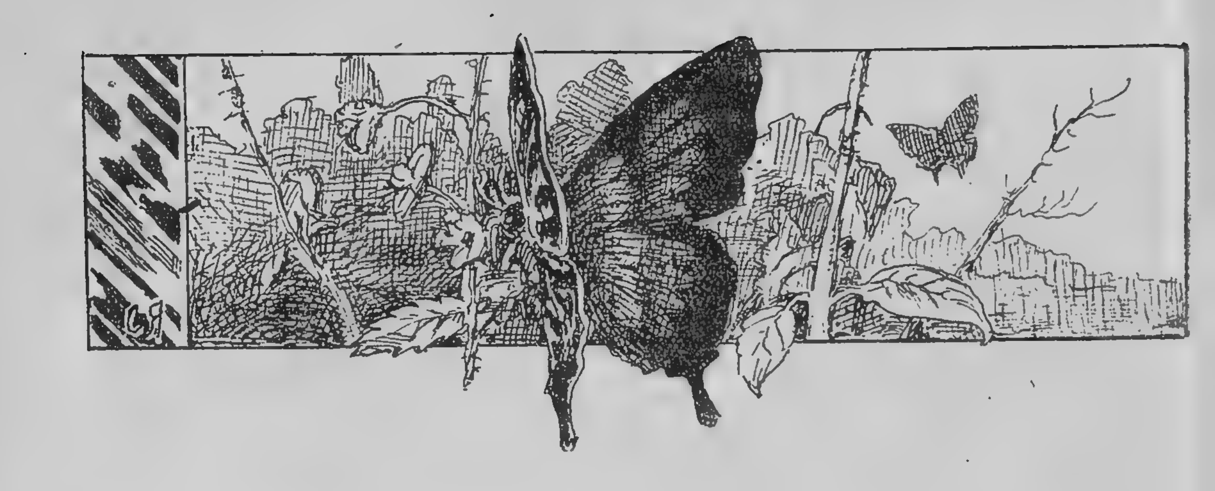
Чем ближе мы подходили к хребту, тем лес становился все гуще, тем больше он был завален колодником. Здесь мы впервые встретили тисс, реликтовый представитель субтропической флоры, имевшей когда-то распространение по всему Приамурскому краю. Он имеет красноватую кору, красноватую древесину, красные ягоды и похож на ель, но ветви его расположены, как у лиственного дерева.

К сумеркам мы дошли до водораздела. Люди сильно проголодались, лошади тоже нуждались в отдыхе. Целый день они шли без корма и без привалов. Поблизости бивака

нигде травы не было. Кони так устали, что, когда с них сняли вьюки, они легли на землю. Никто не узнал бы в них тех откормленных и крепких лошадей, с которыми мы вышли со станции Шмаковской. Теперь это были исхудалые животные, измученные безкормицей и гнусом.

Китайцы поделились с казаками жидкой похлебкой, которую они сварили из листьев папоротника и остатков чумизы. После такого легкого ужина, чтобы не мучиться голодом, все люди легли спать — и хорошо сделали, потому что на завтра выступление было назначено еще раньше, чем накануне.

XIII.

Через Сихотэ-Алинь — к морю.

Перевал через Сихотэ-Алинь.—Лес на склонах Сихотэ-Алиня.—Р. Вай-Фудин.—Горал.—Светящиеся насекомые.—Птицы в прибрежном районе.—Деревня Фудин.—Бедствия первых переселенцев.—Охотники за медведями.—Кашлев—тигриная смерть.—Конец пути.

Следующий день был 16 июня. Мы снялись с бивака в пять часов утра и сразу стали подыматься на Сихотэ-Алинь. Подъем был медленный и постепенный. Наш проводник по возможности держал прямое направление, но там, где было круто, шел зигзагами.

Чем выше мы подымались, тем больше иссякали ручьи и, наконец, пропали совсем. Однако, глухой шум под камнями указывал, что источники эти еще богаты водой. Мало по малу шум этот тоже начал стихать. Слышно было, как под землей бежала вода маленькой струйкой, — точно ее лили из чайника, потом струйки эти превратились в капли и затем все стихло.

Через час мы достигли гребня. Здесь подъем сразу сделался крутым, но ненадолго.

На самом перевале, у подножья большого кедра, стояла маленькая кумирня, сложенная из корья. Старик-китаец остановился перед ней и сделал земной поклон. Затем он поднялся и, указывая рукой на восток, сказал только два слова:

— Река Вай-Фудин.

Это значило, что мы были на водоразделе. После этого старик сел на землю и знаком дал понять, что следует отдохнуть.

Воспользовавшись этим, я прошел немного по хребту на юг и поднялся на одну из каменных глыб, торчавших здесь из земли во множестве. Глазам моим представилось интересное зрелище.

К востоку от водораздела, насколько хватал глаз, все было покрыто туманом. Вершины соседних гор казались разобщенными островами. Волны тумана надвигались на горный хребет и, как только переходили через седловины, становились опять невидимыми. К западу от водораздела воздух был чист и прозрачен. По словам китайцев, явление это обычное. Впоследствии я имел много случаев убедиться в том, что Сихотэ-Алинь является серьезной климатической границей между прибрежным районом и бассейном правых притоков Уссури.

Должно быть я долго пробыл в отлучке, потому что в отряде подняли крик.

Казаки согрели чай и ждали моего возвращения.

Прополоскав немного желудок горячей водицей, мы пошли дальше.

Спуск с хребта в сторону Вай—Фудина, как я уже сказал, был крутой. Перед нами было глубокое ущелье, заваленное камнями и буреломом. Вода, стекающая каскадами, во многих местах выбила множество ям, замаскированных папоротниками и представляющих из себя настоящие ловушки. Гранатман толкнул одну глыбу. При падении своем она увлекла другие камни и произвела целый обвал.

Спускаться по таким оврагам очень тяжело. В особенности трудно досталось лошадям. Если графически изобразить наш спуск с Сихотэ-Алиня, то он представился бы в виде мелкой извилистой линии, по направлению к востоку. Этот спуск продолжался часа два. По дну лощины протекал ручей. Среди зарослей его почти не было видно. С веселым шумом бежала вода вниз по долине, словно радуясь тому, что, наконец-то, она вырвалась из-под земли на свободу. Ниже течение ручья становилось покойнее.

Но вот еще такой же глубокий овраг подошел справа. Теперь ущелье превратилось в узкую долину, которую местное манзовское население называет Синь-Квандагоу. За перевалом хвойно-смешанный лес начал быстро сменяться лиственным. Дуб монгольский рос преимущественно по склонам гор с солнечной стороны. В долине леса были разнообразнее и богаче. Здесь можно отметить мелколистную липу — любительницу опушек и прогалин, желтый клен с глубоко-разре-

занными бледными листьями, иву пепельную — полукуст, полудерево, крылатый бересклет, имеющий вид кустарника с пробковыми крыльями вдоль по стволу и по веткам. Из настоящих кустарников можно указать на таволожник иволистный с ярко розовыми цветами, особый вид боярышника с редкими и короткими иглами и с белесоватыми листьями с нижней стороны, жимолость Маака, более двух сажен высоты, с многочисленными розоватыми цветами, и богородскую траву с лежачими по земле стеблями, ланцетовидными мелкими листьями и ярко пурпурово-фиолетовыми цветами. В стороне от тропы были еще какие-то кустарники; хотелось мне их посмотреть, но голод принуждал торопиться. На полянах наблюдателя поражало обилие цветов. Тут были ирисы самых разнообразных оттенков, от бледно-голубого до темно-фиолетового, целый ряд орхидей разных окрасок; желтый курослеп, темно-фиолетовые колокольчики, душистый ландыш, лесная фиалка, скромный цветочек земляники, розовый василек, яркая гвоздика и красные, оранжевые и желтые лилии. Этот переход от густого хвойного леса к дубовому редколесью и к полянам с цветами был настолько резок, что невольно вызывал возгласы удивления. То, что мы видели на западе, в трех и четырех переходах от Сихотэ-Алиня, тут было у самого его подножья. Кроме того, я заметил еще одну особенность — те растения, которые на западе были уже отцветшими, здесь вовсе еще не начинали цвести.

В бассейне Ли-Фудина было много гнуса и мало чешуекрылых. Здесь—наоборот: всюду мелькали кирпично-красные с радужными переливами крапивницы, беложелтые с черными и красными пятнами аполлоны и большие темно-синие махаоны. Последние часто садились на воду и, распластав крылья, предоставляли себя течению реки. Можно было подумать, что бабочки эти случайно попадали в воду и не могли подняться на воздух. Я несколько раз хотел было взять их, но едва только протягивал руку, они совершенно свободно подымались на воздух и, отлетев немного, снова опускались на воду. Всюду на цветах реяли пчелы и осы, с шумом по воздуху носились мохнатые шмели с черным, оранжевым и белым брюшком. Внизу, в траве, бегали проворные жужелицы. Этих жуков за их хищный характер можно было бы назвать тиграми среди насекомых. По тропе ползали черные могильщики и трехцветные скакуны. Последние передвигались как-то порывисто — и не разберешь, прыгали они или летали. На зонтичных растениях держались

преимущественно слоники и зеленые клопы, а около воды и по дорогам, где было посырее, с прозрачными крыльями и с большими голубыми глазами, летали стрекозы.

Полюбовавшись насекомыми, я стал рассматривать птиц. Прежде всего я увидел завирушек. Они прыгали под деревьями и копошились в старой листве. Когда я стал подходить к ним, они отлетели немного в сторону и вновь опустились на траву. По берегам горных ручьев, качая хвостиками, перебегали с камня на камень горные трясогузки. Птички эти доверчиво подпускали к себе человека и только в том случае, когда я уж очень близко к ним подходил, улетали не торопясь. Около шиповников держались свиристели. Они искусно лазили по ветвям кустарников и избегали открытых пространств. В другом месте я заметил долгохвостых синиц, шныряющих в листве деревьев и мало обращающих внимания на своих соседей. Рядом с ними суетились подвижные гаички, совсем маленькие птички с крохотным клювом и коротким хвостиком.

Из млекопитающих, судя по многочисленным следам, здесь обитали дикие козули, олени, кабаны, медведи и тигры.

Несмотря на утомление и на недостаток продовольствия, все шли довольно бодро. Удачный маршрут через Сихотэ-Алинь и столь резкий переход от безжизненной тайги к живому лесу и, наконец, тропка, на которую мы наткнулись, действовали на всех подбадривающим образом.

Дальше мы не пошли и около покинутой зверовой фанзочки стали биваком.

На следующий день 17 июня мы расстались с китайцами. Я подарил старику свой охотничий нож, а А. И. Мерзляков— кожаную сумочку. Теперь топоры нам были уже не нужны. От зверовой фанзы вниз по реке шла тропинка. Чем дальше, тем она становилась лучше. Наконец, мы дошли до того места, где р. Синь-Квандагоу сливается с рекой Тудагоу. По этой реке в 1860 году спустился Будищев. По слухам, в истоках ее есть несколько китайских фанз, обитатели которых занимаются звероловством. От места слияния упомянутых двух речек начинается Вай-Фудин, названная русскими переселенцами Аввакумовкой.

Лес кончился, и перед нами вдруг неожиданно развернулась величественная горная панорама. Общее направление р. Вай-Фудина юго-восточное. В одном месте она делает излом к югу, но затем выпрямляется вновь и уже сохраняет это направление до самого моря. На западе ясно виднелся

Сихотэ-Алинь. Я ожидал увидеть громаду гор и причудливые острые вершины, но передо мной был ровный хребет с плоским гребнем и постепенным переходом от куполообразных вершин к широким седловинам. Время и вода сделали свое дело.

Между Харчинкиной падью и р. Синь-Квандагоу среди скал и осыпей держатся горалы, имеющие по внешнему виду сходство с козлами. Животные эти относятся к антилопам и имеют размеры в длину шесть футов и в высоту до двух с половиной. Шерсть их грязно-желто-серого цвета, морда, спина и хвост — темно-бурые, горло и брюхо — белесоватые. На шее волосы несколько длиннее и образуют нечто в роде гривы; голова украшена небольшими, загнутыми назад рожками. В Уссурийском крае область распространения горала доходит до р. Имана включительно и в прибрежном районе—до бухты Терней (река Кудя-хе). Живут они небольшими табунами в таких местах, где, с одной стороны, есть хвойно-смешанный лес, а с другой—неприступные скалы. Днем горал проводит время в лесу, а ночью спускается в долину для утоления жажды. При малейшем намеке на опасность он сейчас же перебегает на скалистую сторону сопки. Зная это, охотники делятся на две группы. Одни из них заходят в лес, а другие караулят животных в камнях. Вследствие того, что горалы привязаны к определенным местам, которые хорошо известны зверопромышленникам, надо считать, что они находятся на пути совершенного исчезновения.

Часов в 10 утра мы увидели на тропе следы колес. Это было как нельзя более кстати. За последние дни лошади сильно истомились. Они еле передвигали ноги и шатались, как пьяные.

Тропа со следами колес привела нас к реке.

На другой стороне реки, под сенью огромных вязов, стояла китайская фанза. Мы обрадовались ей так, как будто это была первоклассная гостиница. Узнав, что мы последние два дня ничего не ели, гостеприимные китайцы стали торопливо готовить ужин. Лепешки на бобовом масле и чумизная каша с солеными овощами показались нам вкуснее самых изысканных городских блюд. По молчаливому соглашению мы решили остаться здесь ночевать. Китайцы убрали свои постели и предоставили нам большую часть канов. Последние были сильно нагреты, но мы предпочли лучше мучиться от жары, чем страдать от гнуса.

От множества сбившихся людей, в фанзе стояла духота, которая увеличивалась еще оттого, что все окна в ней были завешены одеялами. Я оделся и вышел на улицу.

Ночь была тихая, теплая, как раз такая, какую любят ночные насекомые. То, что я увидел, так поразило меня, что я совершенно забыл про мошек и глядел, как очарованный. Весь воздух был наполнен мигающими синеватыми искрами. Это были светляки. Свет, испускаемый ими, был прерывистый и длился каждый раз не более одной секунды. Следя за одной такой искрой, можно было проследить полет каждого отдельного насекомого. Светляки эти появляются не сразу, а постепенно, по одиночке. Рассказывают, что переселенцы из России, увидев впервые такой мигающий свет, стреляли в него из ружей и в страхе убегали. Теперь это не были одиночные насекомые, их было тысячи тысяч — миллионы. Они летали в траве, низко над землей, реяли в кустах и носились вверху над деревьями. Мигали насекомые, мерцали и звезды. Это была какая-то пляска света. Вдруг, вспыхнула яркая молния и разом озарила всю землю. Огромный метеор с длинным хвостом пронесся по небу. Через мгновение болид рассыпался на тысячу искр и упал где-то за горами. Свет погас. Как по мановению волшебного жезла исчезли фосфорисцирующие насекомые. Прошло минуты две, три и вдруг в кустах вспыхнул один огонек, за ним другой, десятый, и еще через полминуты в воздухе опять закружились тысячами светящиеся эльфы.

Как ни прекрасна была эта ночь, как ни величественны были явления светящихся насекомых и падающего метеора, но долго оставаться на улице было нельзя. Мошкара облепила мне шею, руки, лицо и набилась в волосы. Я вернулся в фанзу и лег на кан. Усталость взяла свое, и я заснул.

На другой день назначена была дневка. Надо было дать отдохнуть и людям, и лошадям. За последние дни все так утомились, что нуждались в более продолжительном отдыхе, чем ночной сон.

Вчера мы до того были утомлены, что даже не осмотрелись, как следует. Было не до наблюдений! Только сегодня, после сытного завтрака, я решил сделать прогулку по окрестностям.

Из пернатых я здесь видел восточно-сибирских жаворонков. На побережьи моря была еще весна, и потому их звонкое пение неслось отовсюду. Они то опускались к земле, то опять подымались высоко на воздух. Около ивняков крутился уссурийский малый дятел—действительно маленький,

но также пестро окрашенный, как и другие его сородичи. Между листвой кое-где мелькали японские пеночки—непоседы. Они все время были в движении,—одновременно и веселились, и охотились за насекомыми. По сторонам дороги, в кустах, мелькали зеленые овсянки. В сообществе с полевыми воробьями они клевали конский навоз и купались в пыли.

...Перепелки опять спустились в траву.

Из куриных в прибрежном районе водятся: уссурийский перепел и уссурийский фазан. Первая птица весьма похожа на куропатку и держится по долинам рек, в местах равнинных. Моя собака выгнала двух перепелок. Они с криком поднялись у ней из-под самого носа. Отлетев шагов двести, перепелки опять спустились в траву. На возвратном пути я видел двух фазанов. Когда петух поднимается из кустарников, он сперва взлетает кверху сажени на полторы и при этом неистово кричит. Крик его немного похож на крик обыкновенного петуха, когда последний чего-нибудь испугается. В другом месте собака выгнала курицу с цыплятами. По фазану собака редко делает твердую стойку. Она ложится и начинает ползти на брюхе, иногда замедляя, иногда прибавляя шаг. Испуганная птица прежде всего старается спастись бегством; она хитрит, путает следы и часто возвращается назад. Потеряв след, собака начинает бросаться в стороны. Этим моментом фазан пользуется и взлетает на

воздух. Курица всегда подымается молча и летит дальше, чем петух. Но в данном случае она вела себя иначе: летела лениво, медленно и низко над землей, летела не по прямой линии, а по окружности так, что собака едва не хватала ее за хвост зубами. Я сразу понял в чем дело. У фазанихи были цыплята и она старалась отвести от них собаку. Я взял свою Альпу на поводок и пошел назад.

Китайцы уже приготовили обед и ждали моего возвращения.

На следующий день 19-го числа мы распрощались с ними и пошли дальше. Отсюда начиналась колесная дорога. Чтобы облегчить спины лошадей, я нанял две подводы.

В нижнем течении долина Вай-Фудина очень живописна. Утесы с правой стороны имеют причудливые очертания и похожи на людей, замки, минареты и т. д. С левой стороны опять потянулись высокие двойные террасы из глинистых сланцев, постепенно переходящие на севере в горы.

На этом участке можно отметить реку Лисягоу, берущую начало с высокой Тазовской горы, о которой речь будет ниже.

Лет сорок тому назад на террасах около устья реки Лисягоу жили тазы (удэхейцы). Впоследствии их оттеснили китайцы, но большею частью они вымерли от оспенной эпидемии в 1881 году.

Туземцы эти на охоту ходили всегда на Тазовскую гору, командующую над всеми окрестными высотами, отчего она и получила свое название.

По всей долине Вай-Фудина разбросаны многочисленные китайские фанзы. Обитатели их занимаются летом земледелием и морскими промыслами, а зимой — соболеванием и охотой.

Самым большим притоком Вай-Фудина будет река Арзамасовка. Она впадает в него с левой стороны. Немного выше устья Арзамасовки, на возвышенном месте, расположился маленький русский поселок Фудин (ныне переименованный в Веткино). В 1906 году в деревне этой жило всего только четыре семьи. Жители ее были самыми первыми переселенцами из России. Какой-то особенный отпечаток носила на себе эта деревушка. Старенькие, но чистенькие домики глядели уютно; крестьяне были какие-то веселые, добродушные. Они приветливо встретили нас и разместили у себя по квартирам. Вечером собрались старики. Они рассказывали о том, сколько бедствий им пришлось перетерпеть на чужой земле в первые годы переселения. Привезли их сюда

в 1859 году и высадили в заливе Ольги, предоставив самим устраиваться, кто как может и кто как умеет. Сначала они поселились в одной версте от бухты и образовали небольшой поселок Новинку. Скоро крестьяне заметили, что чем дальше от моря, тем туманов бывает меньше. Тогда они перекочевали в долину Вай-Фудина. В 1906 году в Новинке жил только один человек. Места, где раньше были крестьянские дома, видны и по сие время. Но и на новых местах их ожидали невзгоды. По неопытности они посеяли хлеб внизу в долине; первым же наводнением его смыло, вторым—унесло все сено; тигры поели весь скот и стали нападать на людей. Ружье у крестьян было только одно, да и то пистонное. Чтобы не умереть с голоду, они нанялись в работники к китайцам с поденной платой—фунт чумизы в день. Расчет производили раз в месяц и чумизу эту за 68 верст должны были доставлять на себе в котомках. Старики долго не могли привыкнуть к новым местам. У них были еще живы воспоминания о родине; зато молодежь скоро приспособилась; из них выработались великолепные стрелки и отличные охотники. Быстрое течение в реках их уже не пугало; скоро они начали плавать и по морю. В Европейской России охота на медведя в одиночку считается геройским подвигом. Здесь же каждый юноша бьет медведя один на один. Некрасов воспел крестьянина, который убил сорок медведей, а здесь были братья Пятышкины и Мякишевы, из которых каждый, в одиночку, убил более семидесяти медведей. Затем следуют Силины и Воровы, которые убили по несколько тигров и потеряли счет убитым медведям. Один раз они задумали связать медведя так, ради забавы, и чуть за это не поплатились жизнью. Каждый из этих охотников носил на себе следы тигровых зубов и кабаньих клыков; каждый не раз видел смерть лицом к лицу, и только случай спасал их от гибели.

Во время этих рассказов в избу вошел какой-то человек. На вид ему было лет сорок пять. Он был среднего роста, сухощавый, с небольшой бородой и с длинными волосами. Вошедший поклонился, виновато улыбнулся и сел в углу на ящик.

— Кто это? — спросил Гранатман.

— Кашлев, — «Тигриная смерть», — отвечало несколько голосов. Мы стали его расспрашивать, но он оказался не из разговорчивых. Посидев немного, Кашлев встал.

— Убить зверя не трудно, ничего хитрого тут нет, хитро его только увидеть, — сказал он, затем надел свою шапку и вышел на улицу.

О Кашлеве мы кое-что узнали от других крестьян. Прозвище «Тигриная смерть» он получил за то, что на своей жизни больше всех перебил тигров. Никто лучше его не может выследить зверя. По тайге Кашлев бродит всегда один, ночует под открытым небом и часто без огня. Никто не знает, куда он уходит и когда возвратится обратно. Это настоящий лесной скиталец. На реке Сандагоу он нашел утес, около которого всегда проходят тигры. Тут он их и караулит.

Среди крестьян были и такие, которые ловят тигров живыми. При этом никаких клеток и западней не ставится. Тигров они ловят руками и связывают веревками. Найдя свежий след тигрицы с годовалыми тигрятами, они пускают много собак и с криками начинают стрелять в воздух. Им нужно, чтобы тигры разбежались в разные стороны. Тогда они начинают следить их по одиночке. Для такой охоты нужны смелость, ловкость и отвага.

Беседы наши затянулись. Это было так интересно, что мы готовы были слушать до утра. В полночь крестьяне стали расходиться по своим домам.

На другой день мы отправились в село Пермское, расположенное на четыре версты ниже Фудина.

Экономическое благосостояние пермских крестьян не заставляет желать ничего лучшего. Село это можно было назвать образцовым во всех отношениях. На свои средства они построили у себя в деревне школу. У ребятишек есть много книг по природоведению и географии России. Все крестьяне достаточно начитаны и развиты; некоторые из них интересуются техникой, применяя ее у себя в хозяйстве. При нас один новосел позволил себе выругаться площадной бранью. Надо было видеть, какую проборку задали ему старожилы. Все пермские крестьяне такие же разумные охотники, как и фудинцы. Живут пермские крестьяне безбедно.

Отдохнув в селе Пермском, мы пошли дальше. Хотелось поскорее дойти до моря.

Земля в долине Вай-Фудина весьма плодородная. Крестьяне не помнят ни одного неурожайного года, несмотря на то, что в течение сорока лет пашут без удобрения на одних и тех же местах.

В период летних дождей вода, стекающая с окрестных гор, переполняет реку и разливается по долине. Самые большие наводнения происходят в нижнем течении Вай-Фудина,

там, где река принимает в себя сразу два притока: Сыдагоу — справа и р. Арзамасовку — слева. По словам «пермцев», умеренные наводнения не только не приносят вреда, но, наоборот,—даже полезны, так как после них на земле остается плодородный ил. Большие же наводнения совершенно смывают пашни и приносят непоправимый вред.

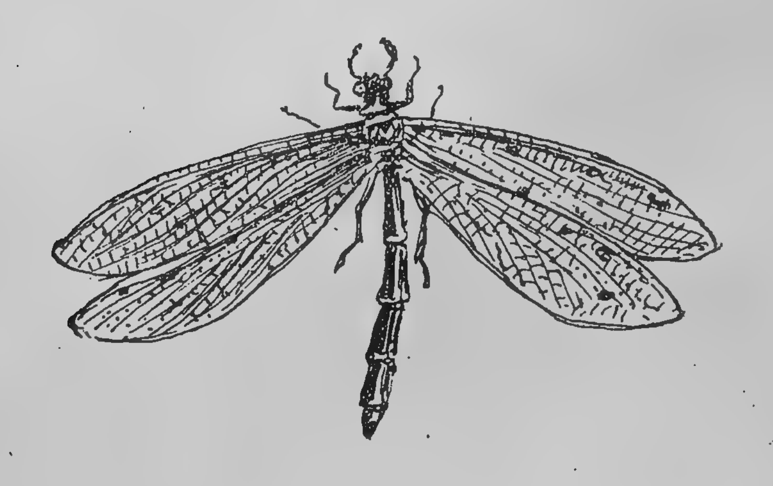
Здесь растет редкий лес дровяного характера, состоящий из низкорослой черной березы, дуба, японской ольхи со спирально скрученным стволом и ольгинской лиственницы.

От села Пермского дорога идет сначала около левого края долины у подножья террасы, а затем отклоняется вправо и постепенно подходит к реке.

На половине пути между Пермским и постом Ольги с левой стороны высится скала, называемая местными жителями «Чертовым утесом». Еще пятнадцать минут ходу, и вы подходите к морю. Читатель поймет то радостное настроение, которое нас охватило. Мы сели на камни и с наслаждением стали смотреть, как бьются волны о берег.

Путь наш был окончен!

В пост Ольги мы прибыли 21-го июня в 2 часа дня и разместились по квартирам. Все наши грузы шли на пароходе морем. В ожидании их я решил заняться обследованием окрестностей.

XIV.

Залив Ольги.

История залива. — Тихая пристань. — Китайский поселок Шимынь. — Пост Ольги. — И. А. Пятышин. — Геология залива Ольги. — Экскурсия на р. Сыдагоу. — Лесные заросли. — Тигр. — На вершине хребта. — Р. Сандагоу. — Пятнистые олени.

Залив Ольги открыт французским мореплавателем Лаперузом в 1787 году и тогда был назван портом Сеймура. Во время крымской кампании несколько английских судов преследовали русский военный корабль. Пользуясь туманом, судно укрылось в какую-то бухту. Англичане потеряли его из виду и ушли ни с чем. Так как это случилось 11 июля, в день Ольги, то русские залив своего спасения назвали ее именем.

На восточном берегу залива находится китайский поселок Ши-мынь названный русскими «Кошкой». Раньше поселок этот был главным китайским торговым пунктом в Уссурийском крае. Ежегодно сюда приходило до сотни шаланд с товарами из Хунчуна. Охотники с р. Уссури доставляли в Ши-мынь соболиные меха, ценные панты и дорогой женьшень. Дары тайги выменивались на продукты морского промысла. С 1901 года после китайских беспорядков в Маньчжурии жизнь в поселке стала замирать. По длинному ряду бараков, расположенных на берегу моря для склада товаров и разного сырья, можно судить о размерах торговых оборотов китайцев в заливе Ольги.

В самом углу залива находится русское селение пост Ольги. Первая постройка, которая появилась здесь в 1859 го-

ду, была матросская казарма. В 1878 году сюда приехал лесничий и фельдшер, а до того времени местный пристав исполнял их обязанности: он был и учителем, и врачем, чинил суд и расправу.

В 1906 году в посту Ольги была небольшая деревянная церковь, переселенческая больница, почтово-телеграфная станция и несколько мелочных лавок. Пост Ольги не деревня и не село. Ольгинцы в большинстве случаев разночинцы и запасные солдаты, арендующие землю для застройки. Никто не занимается ни огородничеством, ни хлебопашеством, никто не сеет, не жнет и не собирает в житницы, но все строят дома, хотя бы и в долг; все надеются на то, что пост Ольги в конце концов будет городом и захваченная земля перейдет в собственность, после чего ее можно будет выгодно продать.

Русско-японская война тяжело отразилась на этом маленьком русском поселке, отрезанном бездорожьем от других жилых мест Уссурийскаго края. Предметов первой необходимости, как керосин, свечи, мыло, чай и сахар нельзя было достать ни за какие деньги. В то время еще население его, в ожидании лучших дней, перебивалось с хлеба на квас. Некоторые жители выехали во Владивосток. Много домов было брошено и заколочено досками. Домовладельцы были рады-радешеньки сдать кому-нибудь свои постройки не только в аренду, но даже в бесплатное пользование, лишь бы кто-нибудь охранял их от расхищения.

Около поселка есть старинное кладбище, совершенно запущенное. Через несколько лет оно будет совсем утеряно. Первыми на нем похоронили в 1860 году матросов, умерших от цынги.

Другая достопримечательность поста — маленькая чугунная пушка на неподвижном деревянном лафете. Я видел ее в полном пренебрежении на площади около дома лесничего. По рассказам старожилов, она привезена была в пост Ольги для того, чтобы во время тумана подавать сигналы кораблям, находящимся в открытом море.

В заключение еще остается сказать несколько слов об одном местном обывателе, весьма способствовавшем процветанию этого уголка нашей далекой окраины. Я говорю о крестьянине Иване Архиповиче Пятышине. Обремененный большой семьей, этот удивительный труженик вечно находится в работе, вечно он о чем-нибудь хлопочет. Сперва Пятышин открыл в посту Ольге торговлю, но, будучи по характеру добрым и доверчивым человеком, роздал в кредит

весь свой товар и разорился. Потом он занялся рыболовством, — вода унесла у него невода. Тогда он стал добывать морскую капусту:—рабочие китайцы, забрав вперед задатки, разбежались. После этого он взялся за лесное дело:—наводнение унесло у него весь лес. Пятышин собрал все свои остатки и начал строить кирпичный завод,—но кирпич не нашел сбыта, ломку мрамора постигла та же участь; не пошло в ход также и выжигание извести. Последнее дело, которым неудачно занимался Пятышин—это подрядная постройка домов и разбивка улиц в посту Ольги. Другой на месте И. А. Пятышина давно опустил бы руки и впал в отчаяние, но он не упал духом и вновь занялся рыбной ловлей. Ни на кого он не жаловался, винил только свою судьбу и продолжал с ней бороться. Много неимущих переселенцев находило заработок у Пятышина, много личного труда и денежных средств он вложил в устроение поста Ольги. К сожалению, в свое время ниоткуда не получая поддержки, он бросил все и перекочевал на р. Ботчи, где и живет в настоящее время, занимаясь рыболовством для своего пропитания.

Первые два дня мы отдыхали и ничего не делали, потом стрелки и казаки занялись приведением в порядок своей обуви и одежды. Лошадей пустили на волю, а сам я занялся осмотром ближайших окрестностей и прежде всего взобрался на гору Крестовую.

Чудная горная панорама! В одну сторону шла широкая долина Вай-Фудина. Вследствие того, что около р. Сандагоу она делает излом, конца ее не видно. Сихотэ-Алинь заслоняли теперь другие горы. К северо-западу протянулась р. Арзамасовка. Она загибала на север и терялась где-то в горах. Продолжением бухты Тихой Пристани является живописная долина р. Ольги, текущей паралельно берегу моря.

Геологу рисуется картина далекого прошлого. Залив Ольги имел совсем не такой вид, какой он имеет теперь. Он был в три раза больше и далеко вдавался в сушу в западном направлении. Со стороны моря ясно видны границы древнего залива, в который самостоятельно впадали Вай-Фудин, Сыдагоу и Арзамасовка. Заболоченность нижней части долины Аввакумовки, протоки, озерки, слепые рукава, соединяющиеся с морем, тоже указывают на это. Около устья течение реки почти незаметно. Даже, наоборот, при свежем восточном ветре и во время приливов замечается обратное движение воды. На Чортовом утесе можно видеть следы морского прибоя. Этот безмолвный свидетель говорит нам о том, что когда-то и он был омываем волнами Тихого океана.

Вдоль берега моря и параллельно ему тянутся рядами болота и длинные озерки, отделенные друг от друга песчаными валами. Чем ближе к берегу моря, тем валы эти свежее и выражены резче. По ним грядами растут кустарниковая ольха, с коротко-волосистыми ветвями и слегка опушенными листьями, и березолистный таволожник—маленький кустарник с бледно-розовыми цветами. Во многих местах от валов уже не осталось следа и только растительность указывает бывшее их направление. Произведенные в некоторых местах раскопки дали обломки морских раковин. Здесь над приростом суши трудились одновременно и река, и море. Первая приносила готовый материал, второе складывало его в валы. Ныне в низовьях реки образовалось много островов. Они только что вышли из воды, состоят из чистого песку и еще не успели зарости травой.

Сколько понадобилось веков для того, чтобы разрушить твердую горную породу и превратить ее в песок? Сколько понадобилось времени, чтобы песчинка за песчинкой заполнить залив и вытеснить морскую воду? Не малое участие в заполнении долины принимал и плавниковый лес. Тысячами кряжин и пней завалены русло реки и острова. Стволы деревьев сейчас же заносятся песком; на поверхности остаются торчать только сучья и корни. Мало по малу погребаются и они. Каждое новое наводнение приносит новый бурелом и накладывает его сверху, потом опять заносит песком и т. д. Так отступает океан, нарастает суша и настанет время, когда р. Вай-Фудин будет впадать не в залив Ольги, а непосредственно в море.

За весь день я не встретил ни одного животного и не видел следов, но зато я не упустил случая сделать кое-какие заметки по орнитологии.

Прежде всего упомяну о зеленом дятле с красной головой. Говорят, что он ходит по земле довольно хорошо. Проворный, пугливый и крикливый, он по ухваткам походит на своих пестрых собратьев. Затем тут были маньчжурские жаворонки; голоса их слышны были повсюду. Некоторые птицы выпархивали у нас из-под ног и, отлетев немного, садились опять на землю. Казалось, на них жара не действовала совсем; они высоко подымались к небу и звонким пением оглашали окрестности. В низине из кочковатой болотинки собаки выгнали нескольких куличков. Я убил одного из них. Это оказался восточно-сибирский бекас. В другом месте из чащи вылетел красивый длинноносый дупель. На поваленных деревьях и на пнях кое-где встречались японские коньки. Они провор-

но бегали по земле и грелись на солнышке. При приближении людей, птички эти не улетали, а ловко скрывались в кустах и появлялись только тогда, когда убеждались, что опасность миновала. Судя по тому, что в этих местах было много мелких птиц, можно было допустить присутствие малого перепелятника. И действительно, одного такого ястреба я вспугнул из травы. Это было тем более странно, что ноги его совсем не приспособлены к хождению по земле. Быть может, эти хищники из опыта уяснили себе, что вид их, сидящих на сухостойных деревьях, пугает мелких птиц, тогда как спрятавшись в траве, они скорее могут рассчитывать на добычу.

День близился к концу. Солнце склонилось на запад, от деревьев по земле протянулись длинные тени. Пора было возвращаться назад. Спуск с Крестовой горы оказался труднее чем подъем. На обратном пути я несколько сбился с дороги и попал в осыпь, заросшую кустарниками и каменной полынью.

Когда я входил в селение, в домах уже засветились огни. Придя к себе, я занес свои наблюдения в дневник и рано лег спать.

26-го числа небо начало хмуриться. Порывистый ветер гнал тучи и густой туман. Это был плохой признак. Ночью пошел дождь с ветром, который не прекращался подряд трое суток. 28-го числа разразилась сильная буря с проливным дождем. Вода стекала с гор стремительными потоками; реки переполнились и вышли из берегов; сообщение поста Ольги с соседними селениями прекратилось.

В ожидании парохода, который должен был привезти наши грузы, я решил отправиться в обследование реки Сыдагоу и наметил такой маршрут: перевалить через водораздел около Тазовской горы, спуститься по реке Сандагоу и опять выйти на р. Вай-Фудин. На выполнение этого маршрута потребовалось шесть суток.

1-е июля прошло в сборах. Лошадей я оставил дома на отдыхе, из стрелков взял с собою только Загурского и Туртыгина. Вещи свои мы должны были нести на себе в котомках.

Утром после бури еще моросил мелкий дождь. В полдень ветер разорвал туманную завесу, выглянуло солнце, и вдруг все ожило: мир снова стал прекрасен. Камни, деревья, трава, дорога—приняли праздничный вид. В кустах запели птицы, в воздухе появились насекомые и даже шум воды, стекающей с гор, стал ликующим и веселым.

Река Сыдагоу длиною 57 верст. Нижняя часть долины ее, где проходит почтовый тракт, открытая и удобная для земледелия, средняя—лесистая, а верхняя—голая и каменистая.

Лес на р. Сыдагоу растет девственный и величественный. Натуралист-ботаник отметил бы здесь, кроме кедра, ели, даурской березы и маньчжурского ореха, еще и сибирскую лиственницу, растущую вместе с дубом и мелколистным кленом. Среди таволги, леспедецы, орешника и калины здесь произрастали: бородавчатая боярка с серою корою, редкими шипами и листьями, глубоко рассеченными, и пригнутый к земле черемушник, перепутанный с колючим элеутерококкусом. Обыкновенно, древесные стволы служат опорой для ползучих растений, которые стремятся вверх к солнцу; они так сильно вдавливают свои стебли в кору деревьев, что образуют в ней глубокие рубцы.

Из таких вьющихся растений ботаник указал бы на уже знакомую коломикту и лимонник с запахом и вкусом, действительно напоминающим лимон. В сырых местах росли: папоротник-чистоус, с красным пушком на стеблях, что придает растению весьма эффектный вид, и—целые заросли гигантского белокопытника. Листья его большие, раздельно зубчатые, сверху бледно-зеленые, внизу матово-бледные. Весной это самое лакомое блюдо медведей.

Как только мы вошли в лес, сразу попали на тропинку. После недавних дождей в лесу было сыро. На грязи и на песке около реки всюду попадались многочисленные следы кабанов, оленей, изюбрей, козуль, кабарожки, россомах, рысей и тигров. Мы несколько раз подымали с лежки зверей, но в чаще в них нельзя было стрелять. Один раз совсем близко от меня пробежал кабан. Это вышло так неожиданно, что пока я снимал ружье с плеча и взводил курок, от него и след простыл.

За день нам удалось пройти двадцать две версты.

Лес на левом берегу кончился, и началась гарь. Горы, окаймляющие долину, совершенно обезлесены и сплошь покрыты осыпями. Верховья реки Сыдагоу представляются в виде небольшой горной речки, в которую справа и слева впадает множество мелких ручьев.

В одном месте река делала изгиб; русло ее проходило у противоположного берега, а с нашей стороны вытянулась длинная коса. На ней мы и расположились биваком; палатку поставили у края берегового обрыва лицом к реке и спиной к лесу, а впереди развели большой огонь.

В этот день мне нездоровилось немного, и потому я не стал дожидаться ужина и лег спать. Во сне мне грезилось, будто бы я попал в капкан, и от этого сильно болели ноги. Когда я проснулся, было уже темно.

Осмотревшись, я понял причину своих снов. Обе собаки лежали у меня на ногах и смотрели на людей с таким видом,

Рысь.

точно боялись, что их побьют. Я прогнал их. Они перебежали в другой угол палатки.

— Вот диво! — сказал Загурский. — Не хотят собаки итти наружу.

Поведение собак, действительно, было странное. В особенности удивил меня Леший. Он всегда уходил в кусты и ложился где-нибудь за палаткой, а теперь жался к людям. Наконец, мы собак выгнали, но не надолго. Через несколько минут они вновь пробрались в палатку и расположились около изголовьев.

В это время, вдруг, в лесу раздался какой-то шорох. Собаки подняли головы и насторожили уши. Я встал на ноги. Край палатки приходился мне как раз до подбородка. В лесу было тихо и ничего подозрительного я не заметил. Мы сели ужинать. Вскоре опять повторился тот же шум, но сильнее и дальше в стороне. Тогда мы стали смотреть втроем, но в лесу, как нарочно, снова водворилась тишина. Это повторилось несколько раз сряду.

— Вероятно, мыши,—сказал Туртыгин.

— Иль, может быть, заяц,—ответил Загурский.

Наконец, все успокоилось. После чая стрелки стали уговариваться по скольку часов они будут караулить ночью. Я отдохнул хорошо, спать мне не хотелось, и потому предложил им ложиться, а сам решил заняться своим дневником.

— Пошли вон! — прогоняли стрелки собак из палатки.

Собаки вышли, немного посидели у огня, а затем снова полезли к людям. Леший примостился в ногах у Туртыгина, а Альпа легла на мое место.

Ночь была такая тихая, что даже осины замерли и не трепетали листьями. В сонном воздухе слышались какие-то неясные звуки: точно кто-то вздыхал, шептался, где-то капала вода, чуть слышно трещали кузнечики... По темному небу, усеянному тысячами звезд, вспыхивали едва уловимые зарницы. Красные блики от костра неровно ложились по земле, и за границей их ночная тьма казалась еще чернее.

Я подложил дров в огонь и стал делать записи в дневник. Вдруг обе собаки подняли головы и стали глухо ворчать. Я встал со своего места, осмотрелся и, хотя ничего не увидел, но зато услышал удаляющийся шорох. Вероятно, барсук или енот, — подумал я и сел снова за работу. Прошло с полчаса. Вдруг я услышал, как в стороне, слева от бивака, посыпалась галька. Кто-то спускался с обрыва к реке. По моим расчетам это было от нашего костра саженях в пятидесяти, не более. Прикрыв рукой глаза от света, я стал внимательно смотреть на реку. Собаки выражали крайний испуг. Альпа забилась в самую глубь палатки. Вслед за тем я услышал, как кто-то осторожно шел по отмели. Под давлением чьей-то ноги галька раздавалась в стороны. Это не было копытное животное. Изюбрь или олень стучат сильнее ногами; это не могло быть и маленькое животное, потому что вес его тела был бы недостаточен для того, чтобы производить такой шум. Это было крупное животное, у которо-

го большая и мягкая лапа. Бренчанье гальками удалялось по направлению к реке и вдруг я увидел на краю отмели около воды какую-то длинную тень. Тигр! — мелькнуло у меня в голове. Не спуская глаз с зверя, я потянулся за ружьем, но, как на грех, оно не попадалось мне под руку. Дальше случилось что-то похожее на суматоху. Толкнув Загурского, я схватил винтовку. Стрелок с просонья толкнул собаку. Альпа испугалась и бросилась в другую сторону и села на голову Туртыгину. В это мгновение я выстрелил. Животное, стоявшее на отмели, издало короткий отрывистый звук, похожий на храп, и бросилось в воду, затем быстро взобралось на противоположный берег и исчезло в кустах.

Сна как не было. На биваке поднялся шум. Голоса людей смешались с лаем собак. Каждый старался рассказать, что он видел. Загурский говорил, что видел кабана, а Туртыгин спорил и доказывал, что это был медведь. Собаки отбегали от костра, лаяли, но тотчас же возвращались обратно. Только перед рассветом они немного успокоились.

Часа через два темное небо начало синеть. Можно было уже рассмотреть противоположный берег и бурелом на реке, нанесенный водою. Мы пошли на то место, где видели зверя. На песке около воды были ясно видны отпечатки большой кошачьей лапы. Очевидно, тигр долго бродил около бивака с намерением чем-нибудь поживиться, но собаки почуяли его и забились в палатку.

Тигр, обитающий в Уссурийском крае, крупнее своего индийского собрата. Длина его тела вместе с хвостом равна 9—10 футам, высота 3½—4 футам, при весе в 12—15 пудов. Окраска шерсти такая же пестрая, как и у южного тигра, но встречаются иногда экземпляры, бледно окрашенные, с редкими и тусклыми полосами. Тигр—животное чрезвычайно красивое. Основной цвет его шерсти ржаво-желтый, испещренный черными полосами. На груди, шее и передних лапах они расположены реже, а на спине, крупе и на задних ногах выражены особенно ярко. Голова пестрая, бакенбардов нет; брюхо белое. Такая окраска является для тигра вполне защитной. Когда он бежит по тайге, среди кустарников, лишенных листвы, черный, желтый и белый цвета сливаются и зверь принимает однотонную буро-серую окраску. Осенью среди оранжево-красных виноградников и сухих желтых папоротников, в которых есть не мало почерневших старых листьев, тигра трудно увидеть даже на близком расстоянии. Возможно, что при более тщательных исследованиях длин-

ношерстный тигр окажется родственником пещерного тигра, обитавшего когда-то в Европе. Тогда Уссурийский край можно считать его родиной. Животное это чрезвычайно любит залезать в пещеры. Летом мне часто приходилось видеть в них тигровые следы и перегрызенные кости. Тигр мало обращает внимания на климатические условия страны. Ему не страшны ни снег, ни холод. Он держится там, где гуще заросли и где достаточно есть корма, главным образом, коз, кабанов и оленей. В Уссурийском крае он обитает в южной части страны; на побережьи моря граница его распространения доходит до мыса Гиляк. Затем он встречается по всей долине р. Уссури и ее притокам и по р. р. Мухеню, Пихце, Анюю и Хунгари, впадающим в Амур с правой стороны. Одиночные экземпляры заходят еще дальше на восток и на север. Если корма достаточно, тигр не трогает домашнего скота; только крайняя нужда заставляет его приближаться к селениям и нападать на человека. Особенно старательно тигры охотятся за собаками.

Я вспомнил Дерсу. Он говорил мне, что тигр не боится огня и смело подходит к биваку, если на нем тихо. Сегодня мы имели случай в этом убедиться. За утренним чаем мы еще раз говорили о ночной тревоге и затем стали собирать свои котомки.

Сразу с бивака мы повернули вправо и пошли по ключику в горы. Подъем был продолжительный и трудный. Чем выше мы подымались, тем растительность становилась скуднее. Лесные великаны теперь остались назади. Вместо них появились корявый дубок, маньчжурская рябина с голыми ветками и слабо опушенными листьями, желтая береза с мохнатой корой, висящей по стволу лохмотьями, рододендроны с кожистыми, иногда зимующими, листьями и белая ясеница. Туртыгин сел около одного такого куста ясеницы и стал закуривать трубку. Едва он чиркнул спичкой, как окружающие куст эфирные масла с шумом вспыхнули бесцветным пламенем. Это понравилось стрелкам и они стали устраивать такие фейерверки около каждого куста. Наконец, я остановил их, прося поберечь спички. Если непривычный человек в безветренный жаркий день попадает в заросли этого растения, с ним может сделаться дурно: так много оно выделяет из себя эфирного масла.

Когда мы поднялись на вершину хребта, утренняя мгла рассеялась и открылся великолепный вид во все стороны. Внизу протекала река Сыдагоу. Сверху хорошо было видно,

как она извивалась по лесу и блестела на солнце. На севере высилась Тазовская гора, которую мы должны были обогнуть. На юго-западе виднелся лесистый бассейн р. Пхусуна, на юго-востоке—море, а на западе—еще какие-то горы.

Хребет, по которому мы теперь шли, состоял из ряда голых вершин, подымающихся одна над другой в восходящем порядке. Впереди, верстах в двенадцати, перпендикулярно к нему шел другой такой же хребет. В состав последнего, с правой стороны, входила уже известная нам Тазовская гора. Надо было достигнуть узла, где соединялись оба хребта, и оттуда начать спуск в долину р. Сандагоу.

Часа два прошло, пока мы достигли водораздела. Теперь начинался спуск. Горы, окаймляющие истоки р. Сандагоу, также обезлесены пожарами. Обыкновенно после первого пала остаются сухостои, второй пожар подтачивает их у корня, они падают на землю и горят, пока их не зальет дождем. Третий пожар уничтожает и эти остатки, и только одна поросль около пней указывает на то, что здесь был когда-то большой лес. С исчезновением лесов, получается свободный доступ солнечным лучам к земле, а это в свою очередь сказывается на развитии травяной растительности. На горелых местах всегда растут буйные травы, превышающие рост человека. Итти по таким зарослям, заваленным буреломом, всегда очень трудно.

Спуск с хребта был не легче подъема. Люди часто падали и больно ушибались о камни и сучья валежника. Мы спускались по высохшему ложу какого-то ручья и долго не могли найти воды. Рытвины, ямы, груды камней, заросли чортова дерева, мошка и жара делали эту часть пути очень тяжелой.

После полудня мы вышли, наконец, к реке Сандагоу. В одном месте она делает большую петлю. Стрелки шли впереди, а я немного отстал от них. За поворотом стрелки увидали на протоке пятнистых оленей—телка и самку. Загурский стрелял и убил матку. Телок не убежал; он остановился и недоумевающе смотрел, что люди делают с его матерью и почему она не встает с земли. Я велел его прогнать. Трижды стрелки прогоняли телка, и трижды он возвращался назад. Пришлось попугать его собаками.

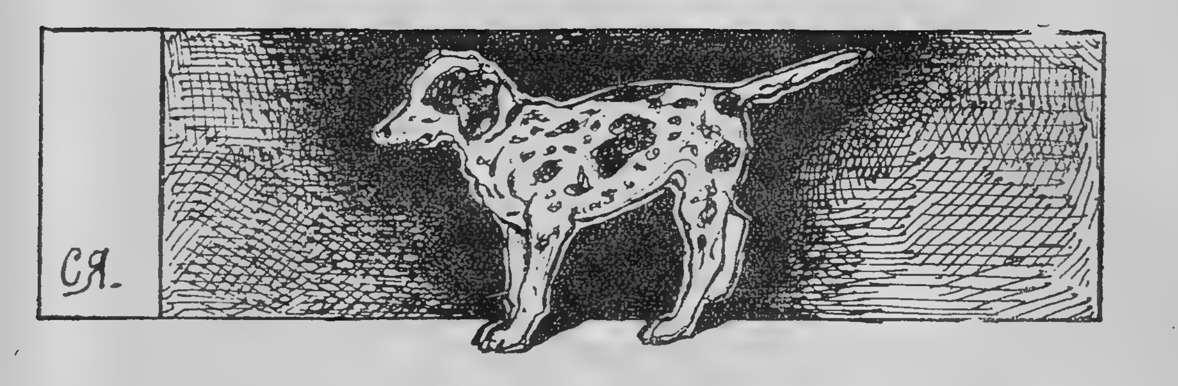
Биваком мы стали на месте охоты. Часть мяса мы решили взять с собой, а остальное передать китайцам.

За ночь погода испортилась. Утро грозило дождем. Мы спешно собрали свои котомки и к полудню дошли до утеса,

около которого Кашлев караулит тигров. Место это представляет из себя теснину, между скалой и глубокой протокой, не замерзающей даже зимой. Здесь постоянно ходят тигры, выслеживающие кабанов, а за тиграми в свою очередь охотится Кашлев.

Пройдя от скалы еще пять верст, мы дошли до первой земледельческой фанзы и указали китайцам, где можно найти оленье мясо. К вечеру мы дошли до р. Вай-Фудина, а еще через двое суток возвратились в пост Ольги.

XV.

Приключения на р. Арзамасовке.

Китаец Че-Фан. — Птицы. — Охота на кабанов. — Заблудился. — Дождь. — Опасное положение. — Услуга, оказанная Лешим. — Тропа. — Упадок сил. — Огонь. — Чужой бивак. — Мурзин. — Возвращение.

Начиная с 7 июля, погода снова стала портиться. Все время шли дожди с ветром. Воспользовавшись непогодой, я занялся вычерчиванием маршрутов и обработкой путевых дневников. На эту работу ушло трое суток. Покончив с ней, я стал собираться в новую экскурсию на р. Арзамасовку. А. И. Мерзлякову было поручено произвести съемку Касафуновой и Кабаньей пади, а Г. И. Гранатман взялся произвести рекогносцировку в направлении Арзамасовка — Тадушу.

15-го июля, рано утром, я выступил в дорогу, взяв с собой троих казаков: Мурзина, Эпова и Кожевникова.

В первый день мы дошли до фанзы китайца Че-Фана. По единогласному свидетельству всех пермских и фудинских крестьян, китаец этот отличается удивительной добротой. Когда впервые у них наводнениями размыло пашни, он пришел к ним на помощь и дал семян для новых посевов. Всякий, у кого была какая-нибудь нужда, шел к Че-Фану, и он никому ни в чем не отказывал. Если бы не Че-Фан, переселенцы ни за что не поднялись бы на ноги. Многие эксплоатировали его доброту и несмотря на это, он никогда не являлся к обидчикам в качестве кредитора.

15 и 16 июля я посвятил осмотру р. р. Угловой и Лиственничной, впадающих в Арзамасовку с левой стороны. В истоках последней мы снова вступили в первобытный и дев-

ственный лес. Из крупных четвероногих, судя по тем следам, которые я видел на земле, тут водились кабаны, изюбри, пятнистые олени и дикие козы. Два раза мы стреляли по ним, но неудачно.

Птиц тут было также очень много. По воздуху без шума носились два азиатских канюка. Они все время гонялись друг за другом. Один старался другого ударить сверху, с налета, но последний ловко увертывался от него. Верхняя птица по инерции проносилась мимо, а нижняя подымалась вверх, так что потом нельзя уже было разобраться, которая из них была нападающей и которая обороняющейся. Потом канюки спустились в траву и, распустив крылья, продолжали бой на земле. Леший спугнул их. Птицы поднялись на воздух и на этот раз разлетелись в разные стороны. Около каменистых осыпей в одиночку держались необщительные каменные дрозды. Они шаркали по камням, прятались в щелях и неожиданно появлялись где-нибудь с другой стороны. При малейшем намеке на опасность они поспешно старались скрыться в кустарниках и среди россыпей. В другом месте я заметил мухоловок. Они легко ловили на лету насекомых и так были заняты своим делом, что совершенно не замечали людей и собак и даже не обращали внимания на ружейные выстрелы. В высокой густой траве то и дело встречались длиннохвостые камышевки. Им тут и место. Они лазили по тростникам, садились на кусты, бегали по земле. У них была какая-то боязнь открытых мест, лишенных растительности. Одна из этих птичек вылетела было на дорогу, но вдруг, как бы чего-то испугавшись, метнулась назад, и тогда только успокоилась, когда опять села на камышинку. Около горного ключа между сухими кочками собака моя выгнала какую-то птицу. Я выстрелил и убил ее. Это оказался восточный горный дупель. Потом я заметил камчатскую черную трясогузку—грациозную и наивную птичку. Она не выражала страха перед человеком, бегала около воды и что-то клевала на берегу.

Землистая, сильно избитая, лишенная растительности тропа привела нас к Сихотэ-Алиню. Скоро она разделилась. Одна пошла в горы, а другая направилась куда-то по правому берегу Лиственничной. Здесь мы отаборились. Решено было, что двое из нас пойдут на охоту, а остальные останутся на биваке.

Летом охота на зверя возможна только утром на рассвете и в сумерки до темноты. Днем зверь лежит где-нибудь

в чаще, и найти его трудно. Поэтому, воспользовавшись свободным временем, мы растянулись на траве и заснули.

Когда я проснулся, первое, что бросилось мне в глаза, это отсутствие солнца. На небе появились слоистые облака, и на землю, как будто спустились сумерки. Было четыре часа. Можно было собираться на охоту. Я разбудил казаков, они обулись и принялись греть воду.

После чая мы с Мурзиным взяли свои ружья и разошлись в разные стороны. На всякий случай я захватил с собой на поводок Лешего. Вскоре я нашел кабанов и начал их следить. Дикие свиньи шли не останавливаясь и на ходу все время рыли землю. Судя по числу следов, их было, вероятно, больше двадцати. В одном месте видно было, что кабаны перестали копаться в земле и бросились в рассыпную. Потом они опять сошлись вместе. Я уже хотел было прибавить шагу, как вдруг то, что я увидел, заставило меня оглянуться. Около лужи на грязи был свежий отпечаток тигровой лапы. Я ясно представил себе, как шли кабаны, и как следом за ними крался тигр. Не вернуться ли назад, — подумал я, но тотчас же взял себя в руки и осторожно двинулся вперед.

Теперь дикие свиньи пошли в гору, потом спустились в соседнюю падь, оттуда по ребру опять стали подниматься вверх, но, не дойдя до вершины, круто повернули в сторону и снова спустились в долину. Я так увлекся преследованием их, что совершенно забыл о том, что надо осматриваться и запоминать местность. Все внимание мое было поглощено кабанами и следами тигра. Так прошел я еще около часа.

Несколько мелких капель, упавших сверху, заставили меня остановиться: начал накрапывать дождь. Сперва он немного только поморосил и перестал. Минут через десять он опять попрыскал и снова перестал. Перерывы эти делались короче, а дождь сильнее и, наконец, он полил, как следует.

Пора возвращаться на бивак, — подумал я и стал осматриваться, но за лесом ничего не было видно. Тогда я поднялся на одну из ближайших сопок, чтобы ориентироваться.

Кругом, насколько хватал глаз, все небо было покрыто тучами; только на крайнем западном горизонте виднелась узенькая полоска вечерней зари. Облака двигались к западу. Значит, рассчитывать на то, что погода разгуляется, не приходилось. Горы, которые я теперь увидел, показались мне незнакомыми. Куда итти? Я понял свою ошибку. Я слишком

увлекся кабанами и слишком мало уделил внимания окружающей обстановке. Итти назад по следам было немыслимо. Ночь застигла бы меня раньше, чем я успел бы пройти и половину дороги. Тут я вспомнил, что я, как некурящий, не имею спичек. Рассчитывая с сумерками вернуться на бивак, я не захватил их с собою. Это была вторая ошибка. Я два раза выстрелил в воздух, но не получил ответных сигналов. Тогда я решил спуститься в долину и, пока возможно, итти по течению воды. Была маленькая надежда, что до темноты я успею выбраться на тропу. Не теряя времени, я стал спускаться вниз. Леший покорно поплелся сзади.

Как бы ни был мал дождь в лесу, он всегда вымочит до последней нитки. Каждый куст и каждое дерево собирают дождевую воду на листьях и крупными каплями осыпают путника с головы до ног. Скоро я почувствовал, что одежда моя намокла.

Через полчаса в лесу стало темно. Уже нельзя было отличить яму от камня, колодник от земли. Я стал спотыкаться. Дождь усилился и пошел ровный и частый. Пройдя с версту, я остановился, чтобы перевести дух. Собака промокла. Она сильно встряхнулась и стала тихонько визжать. Я снял с нее поводок. Леший только и ждал этого. Встряхнувшись еще раз, он побежал вперед и тотчас скрылся во тьме. Чувство полного одиночества охватило меня. Я стал окликать его, но напрасно. Простояв еще минуты две, я пошел в ту сторону, куда побежала собака.

Когда идешь по тайге днем, то обходишь колодник, кусты и заросли. В темноте же всегда, как нарочно, залезешь в самую чащу. Откуда-то берутся сучья, которые то и дело цепляются за одежду, ползучие растения срывают головной убор, протягиваются к лицу и опутывают ноги.

Быть в лесу, наполненном дикими зверями, без огня, во время ненастья—жутко. Сознанье своей беспомощности заставило меня итти осторожно и прислушиваться к каждому звуку. Нервы были напряжены до крайности. Шелест листьев, шум упавшей ветки, шорох пробегающей мыши, казались преувеличенными, заставляли круто поворачивать в их сторону, и стоило много труда сдерживать себя, чтобы не выстрелить.

Наконец, стало так темно, что в глазах уже не было нужды. Я промок до костей: с фуражки за шею текла вода ручьями. Пробираясь ощупью в темноте, я залез в такой бу-

релом, из которого и днем-то едва ли можно скоро выбраться. Нащупывая руками опрокинутые деревья, вывороченные пни, камни и сучья, я ухитрился как-то выйти из этого лабиринта. Я устал и сел отдохнуть, но тотчас почувствовал, что начинаю зябнуть. Зубы выстукивали дробь; я весь дрожал, как в лихорадке. Усталые ноги требовали отдыха, а холод заставлял двигаться.

Залезть на дерево! Эта глупая мысль всегда первой приходит в голову заблудившемуся путнику. Я сейчас же отогнал ее прочь. Действительно, на дереве было бы еще холоднее, и от неудобного положения стали бы затекать ноги. Зарыться в листья. Это не спасло бы меня от дождя, но кроме того на мокрой земле можно легко простудиться. Как я ругал себя за то, что не взял с собой спичек. Я мысленно дал себе слово на будущее время не отлучаться без них от бивака даже на несколько сажен.

Я стал карабкаться через бурелом и пошел куда-то под откос. Вдруг с правой стороны послышался треск ломаемых сучьев и чье-то порывистое дыхание. Какой-то зверь бежал прямо мне навстречу. Сердце мое упало. Я хотел стрелять, но винтовка, как на грех, дульной частью зацепилась за лианы. Я вскрикнул не своим голосом и в этот момент почувствовал, что животное лизнуло меня по лицу... Это был Леший.

В душе моей смешались два чувства: злоба к собаке, что она меня так напугала, и радость, что она возвратилась. Леший с минуту повертелся около меня, тихонько повизжал и снова скрылся в темноте.

С неимоверным трудом я подвигался вперед. Каждый шаг стоил мне больших усилий. Минут через двадцать я подошел к обрыву. Где-то глубоко внизу шумела вода. Разыскав ощупью большой камень, я оттолкнул его под кручу. Камень полетел по воздуху; я слышал, как он глубоко внизу упал в воду. Тогда я круто свернул в сторону и пошел вправо, в обход опасного места. В это время опять ко мне прибежал Леший. Я уже не испугался его и поймал за хвост. Он осторожно взял зубами мою руку и стал тихонько визжать, как бы прося его не задерживать. Я отпустил его. Отбежав немного, он тотчас вернулся назад и тогда только успокоился, когда убедился, что я иду за ним следом. Так прошли мы еще с полчаса.

Вдруг в одном месте я поскользнулся и упал, больно ушибив колено о камень. Я со стоном опустился на землю и

стал потирать больную ногу. Через минуту прибежала собака и села рядом со мною. В темноте я ее не видел—только ощущал ее теплое дыхание. Когда боль в ноге утихла, я поднялся и пошел в ту сторону, где было не так темно. Не успел я сделать и десяти шагов, как опять поскользнулся, потом еще раз и еще. Тогда я стал ощупывать землю руками. Крик радости вырвался из моей груди. Это была тропа. Несмотря на усталость и боль в ноге, я пошел вперед. Теперь не пропаду, думал я, тропинка куда-нибудь приведет. Я решил итти по ней всю ночь до рассвета, но сделать это было не так-то легко. В полной темноте я не видел дороги и ощупывал ее ногою. Поэтому движение мое было до крайности медленным. Там, где тропа терялась, я садился на землю и шарил руками. Особенно трудно было разыскивать ее на поворотах. Иногда я останавливался и ждал возвращения Лешего, и собака вновь указывала мне потерянное направление. Часа через полтора я дошел до какой-то речки. Вода с шумом катилась по камням. Я опустил в нее руку, чтобы узнать направление. Речка бежала направо.

Перейдя в брод горный поток, я сразу попал на тропу. Я ни за что не нашел бы ее, если бы не Леший. Собака сидела на самой дороге и ждала меня. Заметив, что я подхожу к ней, она повертелась немного на месте и снова побежала вперед. В темноте ничего не было видно, слышно было только, как шумела вода в реке, шумел дождь и шумел ветер в лесу. Тропа вывела меня на другую дорогу. Теперь являлся вопрос, куда итти, вправо или влево. Обдумав немного, я стал ждать собаку, но она долго не возвращалась. Тогда я пошел вправо. Минут через пять появился Леший Собака бежала мне навстречу. Я нагнулся к ней. В это время она встряхнулась и всего меня обдала водою. Я уже не ругался, погладил ее и пошел следом за ней.

Итти стало немного легче; тропа меньше кружила и не так была завалена буреломом. В одном месте пришлось еще раз переходить в брод речку. Перебираясь через нее, я поскользнулся и упал в воду, но от этого одежда моя не стала мокрее.

Наконец, я совершенно выбился из сил и сел на пень. Руки и ноги болели от заноз и ушибов, голова отяжелела, веки закрывались сами собой. Я стал дремать. Мне грезилось, что где-то далеко между деревьями мелькает огонь. Я сделал над собой усилие и открыл глаза. Было темно; холод и сы-

рость пронизывали до костей. Опасаясь, чтобы не простудиться, я вскочил и начал топтаться на месте, но в это время опять увидел свет между деревьями. Я решил, что это галлюцинация. Но вот огонь появился снова. Сонливость моя разом пропала. Я бросил тропу и пошел прямо по направлению огня. Когда ночью перед глазами находится свет, то нельзя определить, близко он или далеко, низко или высоко над землею. Он просто находится где-то в пространстве.

Через четверть часа я подошел настолько близко к огню, что мог рассмотреть все около него. Прежде всего я увидел, что это не наш бивак. Меня поразило, что около костра не было людей. Уйти с бивака ночью во время дождя они не могли. Очевидно, они спрятались за деревьями. Мне стало жутко. Итти к огню или нет?—Хорошо, если это охотники, а если я наткнулся на табор хунхузов? Вдруг из чащи сзади меня выскочил Леший. Он смело подбежал к огню и остановился, озираясь по сторонам. Казалось, собака тоже была удивлена отсутствием людей. Она обошла вокруг костра, обнюхивая землю, затем направилась к ближайшему дереву, остановилась около него и завиляла хвостом. Значит, там был кто-нибудь из своих, иначе собака выражала бы гнев и беспокойство. Тогда я решил подойти к огню, но спрятавшийся опередил меня. Это оказался Мурзин. Он тоже заблудился и, разведя костер, решил ждать утра. Услышав, что по тайге кто-то идет, и не зная, кто именно, он спрятался за дерево. Его больше всего смутила та осторожность, с которой я приближался к нему, и в особенности то, что я не подошел прямо к огню, а остановился в отдалении.

Тотчас же мы стали сушиться. От намокшей одежды клубами повалил пар. Дым костра относило то в одну сторону, то в другую. Это был верный признак, что дождь скоро перестанет. Действительно, через полчаса он превратился в изморось, но с деревьев продолжали падать еще крупные капли.

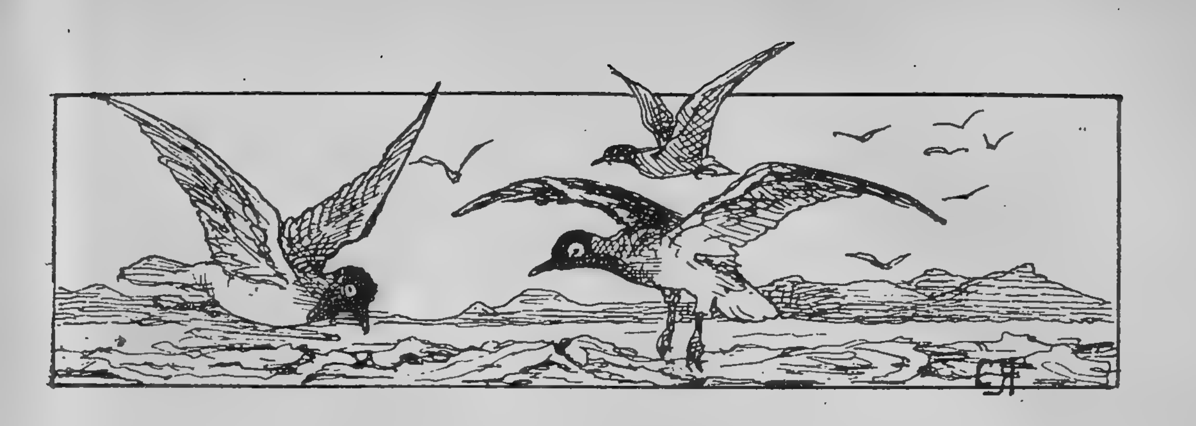
Под большой елью, около которой горел огонь, было немного суше. Мы разделись и стали сушить белье. Потом мы нарубили пихтача и, прислонившись к дереву, погрузились в глубокий сон.

К утру я немного прозяб. Проснувшись, я увидел, что костер погас. Небо еще было серое; кое-где в горах лежал туман. Я разбудил казака. Мы напились воды и пошли разыскивать свой бивак. Тропа, на которой мы ночевали,

пошла куда-то в сторону, и потому пришлось ее бросить. За речкой мы нашли другую тропу. Она привела нас на табор.

После полудня погода вновь стала портиться. Опасаясь, как бы опять не пошли затяжные дожди, я отложил осмотр Сихотэ-Алиня до другого, более благоприятного случая. Действительно, ночью полил дождь, который продолжался и весь следующий день. 21-го числа я повернул назад и через двое суток возвратился в пост Ольги.

XVI.

Залив Владимира.

Р. Ольга. — Ночевка около китайской фанзы. — Китайские морские промыслы. — Осьминог.

Пока я был на р. Арзамасовке, из Владивостока прибыли давно жданные грузы. Это было как раз кстати. Окрестности залива Ольги были уже осмотрены и надо было двигаться дальше. 24 — 25 июля прошли в сборах. За это время лошади отдохнули и оправились. Конское снаряжение и одежда людей были в порядке, запасы продовольствия пополнены.

Дальнейший план работ был намечен следующим образом: Г. И. Гранатману было поручено пройти горами между р. Арзамасовкой и р. Сибегоу (приток р. Тадушу), а А. И. Мерзляков должен был обойти р. Арзамасовку с другой стороны. В верховьях Тадушу мы должны были встретиться. Я с остальными людьми наметил себе путь по побережью моря к заливу Владимира. Мои товарищи выступили в поход 26 июля утром, а я — 28 числа после полудня.

День выпал хороший и теплый. По небу громоздились массы кучевых облаков. Сквозь них прорывались солнечные лучи и светлыми полосами ходили по воздуху. Они отражались в лужах воды, играли на камнях, в листве ольшанников и освещали то один склон горы, то другой. Издали доносились удары грома. Однако, гроза прошла стороной, и после полудня небо очистилось. Солнце так ярко светило, что, казалось, будто все предметы на земле сами издают свет и тепло. День был жаркий и душный.

Сумерки спустились на землю раньше, чем мы успели дойти до перевала. День только что кончился. С востока,

откуда-то издалека, из-за моря, точно синий туман, надвигалась ночь. Яркие зарницы поминутно вспыхивали на небе и освещали кучевые облака, столпившиеся на горизонте. В стороне шумел горный ручей, в траве неумолкаемым гомоном трещали кузнечики.

Я уже хотел подать сигнал к остановке, как вдруг один из казаков сказал, что видит огонь. Действительно, маленький огонек виднелся в стороне около леса, шагах в трехстах от дороги. Мы пошли туда. Это была китайская фанза. Собака своим лаем известила хозяев о нашем приближении. Два китайца вышли нам навстречу. В улыбках и поклонах их были страх и покорность, заискивание и гостеприимство. Китайцы предлагали мне лечь у них в фанзе, но ночь была так хороша, что я отказался от их приглашения и с удовольствием расположился у огня вместе с казаками.

Обыкновенно после долгой стоянки первый бивак всегда бывает особенно оживленным. Все полны сил и энергии, всего вдоволь, все чувствуют, что наступает новая жизнь, всякому хочется что-то сделать... Опять у стрелков появилась гармоника. Веселые голоса, шутки, смех, разносились далеко по долине.

Стояла китайская фанзочка много лет в тиши, слушая только шум воды в ручье, и, вдруг, все кругом наполнилось песнями и веселым смехом. Китайцы вышли из фанзы, тоже развели небольшой огонек в стороне, сели на корточки и молча стали смотреть на людей, так неожиданно нарушивших их покой. Мало по малу песни стрелков стали затихать. Казаки напились чаю и начали устраиваться на ночь.

Я спал плохо, раза два просыпался и видел китайцев, сидящих у огня. Кругом стояла удивительная тишина. Только время от времени доносились ржание какой-то беспокойной лошади и собачий лай. Но потом все стихло. Я завернулся в бурку и заснул крепким сном.

Перед солнечным восходом пала на землю обильная роса. Кое-где в горах еще тянулся туман. Он словно боялся солнца и старался спрятаться в глубокие лощины.

Я проснулся раньше других и стал будить команду.

Распростившись с китайцами, мы тронулись в путь. Я заплатил им за дрова и овощи. Манзы пошли было нас провожать, но я настоял на том, чтобы они возвратились обратно.

Часов в девять утра мы перевалили через водораздел и спустились в долину реки Владимировки.

Речка Владимировка имеет вид обыкновенного горного ручья, протекающего по болотистой долине, окаймленной сравнительно высокими горами.

Здесь в горах имеется несколько пещер, из которых Макрушенская — самая большая и самая интересная. До конца она до сих пор еще не прослежена и, вероятно, тянется на несколько километров.

Вход в пещеру имеет треугольную форму и расположен довольно высоко над землею (40—50 метр.).

Сначала исследователь попадает в первый зал, длиною 35—40 метр. и высотою до 30 метр. В конце его находится глубокий колодезь, в который легко провалиться. Не доходя колодца надо повернуть влево, в нишу; в ней есть длинный проход, имеющий подъем и спуск. На вершине подъема проход суживается между двумя сталагмитовыми столбами. Далее приходится продвигаться ползком. Этот проход длиною до 50 метр., после чего исследователь вступает в широкий коридор, который приводит его во второй зал снежной белизны. — Он небольшой, но очень красивый. Отсюда опять через узкий коридор можно попасть в третий зал, самый величественный. Он гораздо больше первых двух, взятых вместе. Здесь сталактиты и сталагмиты образовали роскошные колоннады. Всюду по стенам слои натечной извести, производящие впечатление застывших водопадов. Кое-где местами, в котловинах, собралась вода, столь чистая и прозрачная, что исследователь замечает ее только тогда, когда попадает в нее ногой. Тут опять есть очень глубокий колодезь и боковые ходы. В этом большом зале наблюдателя невольно поражают удивительные акустические эффекты — на каждое громкое слово отвечает стоголосное эхо, а при падении камня в колодезь поднимается грохот, словно пушечная стрельба; кажется, будто происходят обвалы и рушатся своды.

К вечеру отряд наш дошел до устья р. Владимировки и расположился биваком на берегу моря.

Весь следующий день был посвящен осмотру залива Владимира. Китайцы называют его Хулу-ай.

На берегах залива мы нашли несколько промысловых фанз. По кучкам около них можно было сказать, чем занимались их обитатели. В одном месте было навалено много створок раковин «большого гребешка». Некоторые кучи уже обросли травою. Китайцы берут у моллюсков только одни мускулы, соединяющие створки раковин, и в сухом виде

отправляют их в город. В Китае этот продукт ценится очень дорого, как особое лакомство.

Около другой фанзочки были нагромождены груды панцырей крабов, высохших и покрасневших на солнце. Тут же на цыновках сушилось мясо, взятое из ног и клещей животных.

Следующая фанзочка принадлежала капустоловам, а рядом с ней тянулись навесы из травы, под которыми сушилась морская капуста. Здесь было много народу. Одни китайцы особыми крючьями доставали ее со дна моря, другие сушили капусту на солнце, наблюдая за тем, чтобы она высохла ровно настолько, чтобы не стать ломкой и не утратить своего зеленовато-бурого цвета. Наконец, третья группа китайцев была занята увязыванием капусты в пучки и укладкой ее под навесы.

Идя вдоль берега моря, я издали видел, как у противоположного берега в полосе мелководья по колено в воде с шестами в руках бродили китайцы. Они были так заняты своим делом, что заметили нас только тогда, когда мы подошли к ним вплотную. Раздетые до пояса и в штанах, засученных по колено, китайцы осторожно двигались в воде и что-то высматривали на дне моря. Иногда они останавливались, тихонько опускали в воду свои палки и что-то выбрасывали на берег. Это оказался съедобный ракушник. Палки, которыми работали китайцы, имели с одной стороны небольшую сеточку в виде ковшика, а с другой—железный крючок. Увидев двухстворчатку, манза отрывал ее багром от камней, а затем вынимал сеточкой. Китайцы на берегу сейчас же опускали их в котел с горячей водой. Умирая, моллюски сами раскрывали раковины. Тогда при помощи ножей вынималось их содержимое и заготовлялось впрок продолжительным кипячением.

Китайцы далеко разбрелись по берегу по одному и по два человека. Я сел на камни и стал смотреть в море. Вдруг слева от меня раздались какие-то крики. Я повернулся в ту сторону и увидел, что в воде происходила борьба. Китайцы старались палками выбросить какое-то животное на берег, наступали на него, в то же время боялись его и не хотели упустить. Я побежал туда. Животное, с которым боролись китайцы, оказалось большим осьминогом. Своими сильными щупальцами он цеплялся за камни, иногда махал ими по воздуху, затем вдруг стремительно бросался в одну какую-нибудь сторону, видимо, с намерением прорваться к

открытому морю. В это время на помощь прибежало еще три китайца.

Огромный осьминог был настолько близко к берегу, что я мог его хорошо рассмотреть. Я затрудняюсь сказать, какого он был цвета. Окраска его постоянно менялась: то она была синеватая, то красная, то ярко-зеленая, то серая и даже желтоватая. Чем ближе китайцы подвигали моллюска на мель, тем беспомощнее он становился. Наконец, манзы вытащили его на берег. Это был огромный мешок с головой, от которой отходили длинные руки, унизанные множеством присосков. Когда он подымал кверху сразу два — три щупальца, можно было видеть его большой черный клюв. Иногда этот клюв сильно выдвигался вперед, иногда совсем втягивался внутрь, и на месте его оставалось только небольшое отверстие. Особенно интересны были его глаза. Трудно найти другое животное, у которого глаза так напоминали бы человеческие.

Мало по малу движения осьминога становились медленнее; по телу его начали пробегать судороги, окраска стала блекнуть, и наружу все больше и больше стал выступать один общий фиолетово-серый цвет.

Наконец, животное успокоилось настолько, что к нему явилась возможность подойти без опаски. Я измерил его. Этот представитель головоногих был чрезвычайно больших размеров. Мешок с внутренностями был длиною 2 фута 8 дюйм. Турбинный аппарат, при помощи которого двигается животное, находился спереди около головы, немного сбоку. Голова моллюска в ширину имела большие размеры, чем в длину и равнялась 11 дюймам. Роговой клюв, до нельзя напоминающий клюв попугая, был 3½ дюймов по наружной кривизне и два дюйма, если мерить его сбоку. Щупальцы (ноги) осьминога были 4 фута 2 дюйма длиною и толщиною около головы 5 дюймов в окружности. Пневматические присоски, которыми была усеяна вся внутренняя сторона щупальцев, около головы имели размеры трехкопеечной монеты, а на конце — величиной в серебряный пятачок.

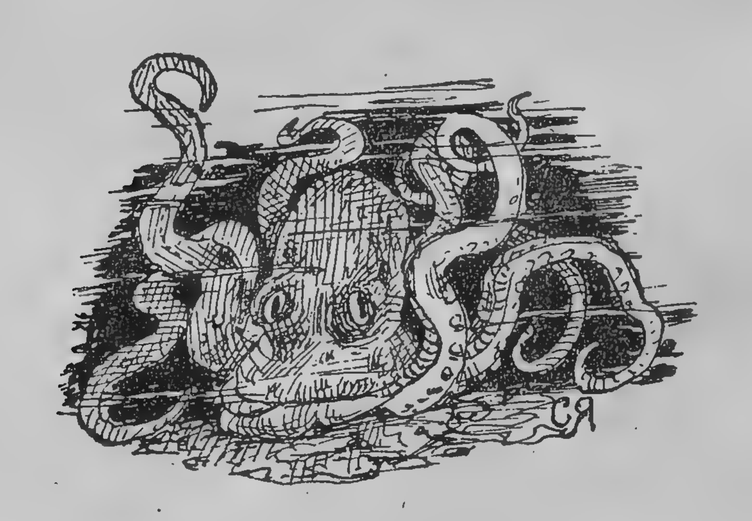
Этот интересный экземпляр осьминога был достоен помещения в любой музей, но у меня не было подходящей посуды и достаточного количества формалина, поэтому пришлось ограничиться только куском его ноги. Этот обрезок я положил в одну банку с раковинами раков-отшельников. Вечером, когда я стал разбирать содержимое банки, то к своему удивлению не нашел двух раковин. Оказалось,

что они были глубоко засосаны обрезком ноги спрута. Значит, присоски ее действовали некоторое время и после того, как она была отрезана и положена в банку с формалином.

Осмотр морских промыслов китайцев и охота за осьминогом заняли почти целый день. Незаметно подошли сумерки и пора было подумать о биваке. Я хотел было итти назад и разыскивать бивак, но узнал, что мои спутники расположились около китайской фанзы близ устья реки Хулуая.

Вечером китайцы угощали меня мясом осьминога. Они варили его в котле с морской водой. На вид оно было белое, на ощупь упругое и вкусом несколько напоминало белые грибы.

В сумерки один из казаков убил кабана. Мяса у нас было много, и потому мы поделились с китайцами. В ответ на это хозяин фанзы принес нам овощей и свежего картофеля. Он предлагал мне свою постель, но, опасаясь блох, которых всегда очень много в китайских жилищах, я предпочел остаться на открытом воздухе.

XVII.

Дерсу Узала.

Происхождение названия Тадушу. — Фанза Си-ян. — Рассказы старика-маньчжура. — Население. — Сумерки и ненастье. — Бивак незнакомца. — Встреча. — Ночная беседа. — Лудевая фанза. — Перевал Венюкова.

Солнечный восход застал нас в дороге.

Залив Владимира соединяется с долиной р. Тадушу пешеходной тропой. Ею можно пользоваться и для движения с вьючными обозами. Тропа начинается у р. Хулуая и идет горами среди роскошного леса, состоящего из дуба, березы, липы и осокоря. Горные ручьи она обходит в истоках и пересекает долину р. Тапоузы.

В лесу попадалось много следов пятнистых оленей. Вскоре мы увидели и самих животных. Их было три: самец, самка и теленок. Казаки стреляли, но промахнулись, чему я был несказанно рад, так как продовольствия у нас было вдоволь, а время пантовки давно уже миновало.

Тадушу! — Так вот, та самая река, по которой первым прошел М. Венюков. Здесь китайцы преградили ему путь и потребовали, чтобы он возвратился обратно. При устье Тадушу Венюков поставил большой деревянный крест с надписью, что он здесь был в 1857 году. Креста этого я нигде не нашел. Вероятно, китайцы уничтожили его после ухода русских. Следом за Венюковым Тадушу посетили Максимович, Будищев и Пржевальский.

Расспросив китайцев о дорогах, я наметил себе маршрут вверх по реке Тадушу через хребет Сихотэ-Алинь, в бассейн реки Ли-Фудзина и оттуда на р. Ното. Затем я полагал по этой последней опять подняться до Сихотэ-Алиня

и попытаться выйти на р. Тетюхе. Если бы это мне не удалось, то я мог бы снова вернуться на Тадушу, где и дождаться прихода Г. И. Гранатмана и А. И. Мерзлякова.

Р. Тадушу почему-то называется на одних картах Лифуле, на других — Лэй-фын-хе, что значит Удар Грома. Китайцы называют ее Да-цзо-шу (т.-е. Большой Дуб). Старожилы - манзы говорят, что дуб этот рос в верховьях реки около Сихотэ-Алиня. Дерево было дуплистое и такое большое, что внутри его могли свободно поместиться восемь человек. Однажды молния ударила в дерево и разбила его в щепы. Отсюда и получилось название Лэй-фин-хе и Да-цзо-шу, впоследствии искаженные.

Наш путь лежал по левому берегу реки. Там, где ранее было древнее ее устье, тропа взбирается на гору и идет по карнизу. Отсюда открывается великолепный вид на восток — к морю и на запад — вверх по долине. Слева характер горной страны выражен очень резко. Особенно величественной кажется голая сопка, которую местные китайцы называют Дита-шань. По рассказам тазов, на ней раньше водилось много пятнистых оленей, но теперь они почти все выбиты. Внизу у подножья горы почти на самой тропе видны обнажения бурого угля.

Из правых притоков Тадушу интересна р. Лисягоу; по ней проходит тропа на р. Арзамасовку. Подъем на перевал с южной стороны пологий, зато спуск в долину Тадушу — крутой и очень живописный. Около устья реки Лисягоу в долину Тадушу вдается горный отрог, соединяющийся с соседними горами глубокой седловиной, отчего он кажется как бы отдельно стоящей сопкой. У подножья ее расположилась богатая фанза Сиян, окруженная старыми осокорями.

День кончился. На землю спустилась ночная тень. Скоро все должно было погрузиться во мрак.

Когда мы подходили к фанзе, в дверях ее показался хозяин дома. Это был высокий старик, немного сутуловатый, с длинной седой бородой и с благообразными чертами лица. Достаточно было взглянуть на его одежду, дом и пристройки, чтобы сказать, что живет он здесь давно и с большим достатком. Китаец приветствовал нас по своему. В каждом движении его, в каждом жесте сквозило гостеприимство. Мы вошли в фанзу. Внутри ее было также все в порядке, как и снаружи. Я не раскаивался, что принял приглашение старика.

Вечером после ужина я стал его расспрашивать о реке Тадушу и о дороге на Ли-Фудзин. Сначала он говорил неохотно, но потом оживился и, вспоминая старину, рассказал много интересного. Оказалось, что он был маньчжур, по имени Кинь-Чжу, родом из Нингуты. На р. Тадушу он жил более шестидесяти лет и уже собирался уехать на родину, чтобы там схоронить свои кости. После этого он рассказал мне о первых годах своей жизни в дикой стране среди туземцев. От этого маньчжура я впервые услышал интересное сказание о давно минувшем Уссурийского края. То была междоусобная борьба между каким-то царем Куань-Юном, жившим на реке Сучане, и князем Чин-я-тай-цзы из г. Нингуты. Далее он говорил о битве на р. Даубихе и на горе Коуче-дын-цза (около поста Ольги). Старик говорил пространно и очень красиво. Слушая его, я совершенно перенесся в то далекое прошлое и забыл, что нахожусь на р. Тадушу. Не один я увлекся его рассказами; я заметил, что в фанзе все китайцы притихли и слушали повествование старика. Далее он говорил о какой-то страшной болезни, которая уничтожила почти все оставшееся после войны население. Тогда край впал в запустение. Первые китайцы, появившиеся в уссурийской тайге, были искатели жень-шеня. Вместе с ними пришел сюда и он, Кинь-Чжу. На Тадушу он заболел и остался у туземцев, потом женился на туземной женщине и прожил с тазами до глубокой старости.

Наконец, старик кончил: я очнулся и вновь увидел себя в современной обстановке. В фанзе было душно, я вышел на улицу подышать свежим воздухом. Небо было черное; звезды горели ярко и переливались всеми цветами радуги; на земле было тоже темно. Рядом в конюшне пофыркивали кони. В соседнем болоте стонала выпь; в траве стрекотали кузнечики... Долго я сидел на берегу реки. Величавая тишина ночи и спокойствие, царившее во всей природе, так гармонировали друг с другом. Я вспомнил Дерсу, и мне стало грустно. Я поднялся, пошел в фанзу, лег на приготовленную постель, но долго не мог уснуть.

На другой день, распростившись со стариком, мы пошли вверх по реке. Погода нам благоприятствовала. Несмотря на то, что небо было покрыто кучевыми облаками, солнце светило ярко.

В верхней части долины живут тазы. Они, как всегда, ютятся в маленьких фанзочках манзовского типа. Китайцы их немилосердно эксплоатируют. Грязь в жилище, грязь в одежде и грязь на теле являются источниками всяческих

болезней и причиной их вымирания. Китайцы приходят в Уссурийский край одинокими и отбирают от туземцев женщин силой. От этого брака получаются дети, которых нельзя причислить ни к китайцам, ни к туземцам. Большая часть туземного населения Южно-Уссурийского края, в том числе и на р. Тадушу, будут именно такие нечисто-

В соседнем болоте стонала выпь...

кровные тазы. Очень многие из них, в особенности женщины, курят опий. Это тоже является одной из главных причин их обеднения.

Табак курят все, даже малые ребятишки. Мне неоднократно приходилось видеть детей, едва умеющих ходить, сосущих грудь матери и курящих трубку. Забавно было смотреть на малыша, которого мать только что отогнала от груди. Это так сильно его обидело, что он горько заплакал, потом взял трубку, направился к огню и сквозь слезы стал раскуривать ее угольком.

После полудня погода стала заметно портиться. На небе появились тучи. Они низко бежали над землей и задевали за вершины гор. Картина сразу переменилась: долина приняла хмурый вид. Скалы, которые были так красивы при солнечном освещении, теперь казались угрюмыми; вода в реке потемнела. Я знал, что это значит, велел ставить палатки и готовить побольше дров на ночь.

Когда все бивачные работы были закончены, стрелки стали проситься на охоту. Я посоветовал им не уходить далеко и пораньше возвращаться на бивак. Загурский пошел по долине р. Динзахе, Туртыгин—вверх по Тадушу, а я с остальными людьми остался на биваке.

Должно быть, солнце скрылось за горизонтом, потому что вдруг стало темно. Дневной свет некоторое время еще спорил с сумерками, но видно было, что ночь скоро возьмет верх и завладеет сперва землею, а потом и небесами.

Через час Туртыгин возвратился и доложил мне, что верстах в двух от нашего бивака, у подножья скалистой сопки, он нашел бивак какого-то охотника. Этот человек расспрашивал его, кто мы такие, куда идем, давно ли мы в дороге, и когда узнал мою фамилию, то стал спешно собирать свою котомку. Это известие меня взволновало.

— Кто бы мог это быть?

Туртыгин говорил, что ходить туда не стоит, так как незнакомец сам обещал к нам притти. Странное чувство овладело мною. Что-то неудержимо влекло меня туда, навстречу этому незнакомцу. Я взял свое ружье, крикнул собаку и быстро пошел по тропинке.

Сразу от огня вечерний мрак мне показался темнее, чем он был на самом деле, но через минуту глаза мои привыкли, и я стал различать тропинку. Луна только что нарождалась. Тяжелые тучи быстро неслись по небу и поминутно закрывали ее собою. Казалось, луна бежала им навстречу и точно проходила сквозь них. Все живое кругом притихло; в траве чуть слышно стрекотали кузнечики...

Обернувшись назад, я уже не видел огней на биваке. Простояв с минуту, я пошел дальше.

Вдруг, собака моя бросилась вперед и яростно залаяла. Я поднял голову и невдалеке от себя увидел какую-то фигуру.

— Кто здесь?—окликнул я.

И в ответ на свой оклик я услышал голос, который заставил меня вздрогнуть.

— Какой люди ходи?

— Дерсу! Дерсу! — закричал я радостно и бросился к нему навстречу.

Если бы в это время был посторонний наблюдатель, то он увидел бы, как два человека схватили друг друга в объятия, словно хотели бороться. Не понимая, в чем дело, моя Альпа яростно бросилась на Дерсу, но тотчас узнала его и злобный лай ее сменился ласковым визжанием.

— Здравствуй, капитан! — сказал гольд, оправляясь.

— Откуда ты? Как ты сюда попал? Где был? Куда идешь? — засыпал я его своими вопросами.

Он не успевал мне отвечать.

Наконец, мы оба успокоились и стали говорить, как следует.

— Моя недавно Тадушу пришел, — говорил он. — Моя слыхал четыре капитана и двадцать солдат Ши-Мыне (пост Ольги) есть. Моя думай, надо туда ходи. Сегодня один солдат посмотри, тогда все понимай.

Поговорив еще немного, мы повернули назад к нашему биваку. Я шел радостный и веселый. И как было не радоваться: Дерсу был опять со мною...

Через несколько минут мы подошли к биваку. Стрелки расступились и с любопытством стали рассматривать гольда.

Дерсу нисколько не изменился и не постарел. Одет он был попрежнему в кожаную куртку и штаны из выделанной оленьей кожи. На голове его была повязка и в руках — та же самая берданка, только сошки, как будто, новее.

С первого же раза стрелки поняли, что мы с Дерсу — старые знакомые. Он повесил свое ружье на дерево и тоже принялся меня рассматривать. По выражению его глаз, по улыбке, которая играла на его губах, я видел, что и он доволен нашей встречей.

Я велел подбросить дров в костер и согреть чай, а сам принялся его расспрашивать, где он был и что делал за эти три года. Дерсу мне рассказал, что, расставшись со мною около озера Ханка, он пробрался на р. Ното, где ловил соболей всю зиму, весной перешел в верховья р. Улахе, где охотился за пантами, а летом отправился на Фудзин к горам Сяен-Лаза. Пришедшие сюда из поста Ольги китайцы сообщили ему, что наш отряд направляется к северу по побережью моря. Тогда он пошел на Тадушу.

Мои спутники не долго сидели у огня. Они рано легли спать, а мы остались вдвоем с Дерсу и просидели всю ночь.

Я живо вспомнил р. Лефу, когда он впервые пришел к нам на бивак, и теперь опять, как и тот раз, я смотрел на него и слушал его рассказы.

Сумрачная ночь близилась к концу. Воздух начал синеть. Уже можно было разглядеть серое небо, туман в горах, сонные деревья и потемневшую от росы тропинку. Свет костра потускнел; красные уголья стали блекнуть. В природе чувствовалось какое-то напряжение; туман подымался все выше и выше, и, наконец, пошел частый и мелкий дождь.

Тогда мы легли спать.

Теперь я ничего не боялся. Мне не страшны были ни хунхузы, ни дикие звери. ни глубокий снег, ни наводнения. Со мною был Дерсу. С этими мыслями я крепко уснул.

Проснулся я в 9 часов утра. Дождь перестал, но небо по прежнему было сумрачное. В такую погоду скверно итти, но еще хуже сидеть на одном месте. Поэтому приказание — вьючить коней — было встречено всеми с удовольствием. Через полчаса мы были уже в дороге. У нас с Дерсу опять произошло молчаливое соглашение. Я знал, что он пойдет со мной. Это было вполне естественно. Другого решения у него и не могло явиться. По пути мы зашли к скалистой сопке и там захватили его имущество, которое попрежнему все помещалось в одной котомке.

Тропа привела нас к фанзе Лудевой, расположенной как раз на перекрестке путей, идущих на Ното и на Ли-Фудзин. Раньше обитатели этой фанзы занимались ловлей оленей ямами, отчего фанза и получила такое название. В настоящее время она представляет собою постоялый двор. Здесь всегда можно встретить прохожих китайцев, идущих от моря на Уссури или обратно. Хозяин фанзы снабжает их продовольствием за плату и, таким образом, зарабатывает значительную сумму денег. Фанза расположена у подножья большой террасы, которая сильно выдвигается в долину и прижимает р. Тадушу к горам с правой стороны. Поверхность террасы заболочена и покрыта группами тощей березы.

Мы прошли мимо Лудевой фанзы и направились к Сихотэ-Алиню. Хмурившаяся с утра погода стала понемногу разъясняться. Туман, окутывавший горы, начал клубиться и подыматься кверху; тяжелая завеса туч разорвалась; выглянуло солнышко и улыбнулась природа. Сразу все оживилось; со стороны фанзы донеслось пение петухов, засуетились птицы в лесу, на цветах снова появились насекомые.

У подножья хребта мы сделали привал. Сухая рыба с солью, пара сухарей и кружка горячего кофе составили обед, который в тайге считается очень хорошим.

Подъем на Сихотэ-Алинь крутой около гребня. Самый перевал представляет из себя широкую седловину, заболоченную и покрытую выгоревшим лесом. Абсолютная высота его равняется 247 саж. Его следовало бы назвать именем М. Венюкова. Он прошел здесь в 1857 году, а следом за ним, как по проторенной дорожке, пошли и другие. Вечная память и вечная слава первому исследователю Уссурийского края!

На самом перевале около тропы с правой стороны стоит небольшая кумирня, сложенная из накатника. Внутри ее была помещена лубочная картина, изображающая китайских богов, а перед ней поставлены два деревянных ящика с огарками от бумажных свечей. С другой стороны лежало несколько листочков табаку и два куска сахару. Это жертва богу лесов. На соседнем дереве была повешена красная тряпица с надписью: «Шань мэн чжэн вэй Си-жи Ци-го вой да суай Цзин цзан да-цин чжэньшань-лин», т.-е. «господину истинному духу гор (тигру). В древности в государстве Ци он был главнокомандующим Да-циньской династии, а ныне охраняет леса и горы».

От перевала Венюкова Сихотэ-Алинь имеет вид гряды, медленно повышающейся на север (376 саж). Этот подъем так незаметен для глаза, что во время пути совершенно забываешь, что идешь по хребту, и только склоны по сторонам напоминают о том, что находишься на водоразделе. Места эти покрыты березняком, которому можно дать не более сорока лет. Он, вероятно, появился здесь после пожаров.

Спуск с хребта длинный и пологий. Идя по траве, то и дело натыкаешься на обгорелые, поваленные деревья. Сейчас же за перевалом начинается болото, покрытое замшистым хвойным лесом.

Часам к трем по полудни мы дошли до того места, где Ли-Фудзин сливается с р. Дун-Бей-Цой, и стали биваком на галешниковой отмели.

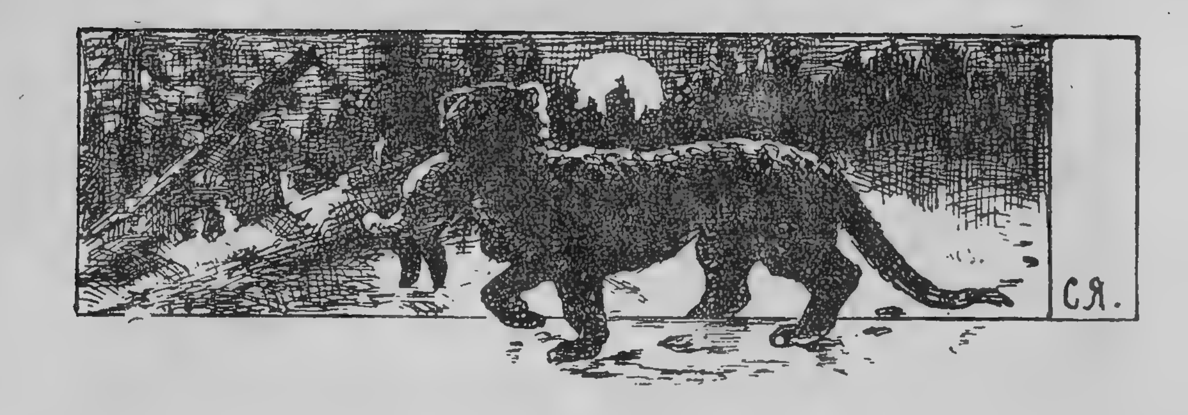
Первое, что мы сделали,—развели дымокуры, а затем уже принялись таскать дрова из лесу. Стрелки хотели было ночевать в комарниках, но Дерсу посоветовал ставить односкатную палатку.

К вечеру погода начала хмуриться; туман поднялся вверх и превратился в тучи. Дерсу помогал стрелкам во всех

работах, и они сразу его оценили. Он хотел было ставить свою палатку отдельно, но я уговорил его ночевать вместе. Тогда Дерсу схватил топор и побежал в тайгу за кедровым корьем. Сперва он надрубил у дерева кору сверху и снизу зубцами, затем прорубил ее вдоль и стал снимать заостренной палкой. Таких пластов было снято шесть. Два пласта он положил на землю, два пошли на крышу, а остальные поставил с боков для защиты от ветра.

В сумерки пошел крупный дождь. Комары и мошки сразу куда-то исчезли. После ужина стрелки легли спать, а мы с Дерсу долго еще сидели у огня и разговаривали. Он рассказывал мне о жизни китайцев на Ното, рассказывал о том, как они его обидели: отобрали меха и ничего не заплатили.

XVIII.

А м б а.

Анимизм Дерсу. — Тигр-преследователь. — Дерсу говорит со зверем. — Квандагоу. — Охота на солонцах. — Дерсу просит тигра не сердиться. — Возвращение. — Волнение гольда. — Ночь.

На другой день густой, тяжелый туман окутывал все окрестности. День казался серым, пасмурным, было холодно, сыро...

Пока люди собирали имущество и вьючили лошадей, мы с Дерсу, наскоро напившись чаю и захватив в карман по сухарю, пошли вперед. Обыкновенно по утрам я всегда уходил с бивака раньше других. Производя маршрутные съемки, я подвигался настолько медленно, что часа через два отряд меня обгонял, и на большой привал я приходил уже тогда, когда люди успевали поесть и снова собирались в дорогу. То же самое было и после полудня: уходил я раньше, а на бивак приходил лишь к обеду.

Еще накануне Дерсу говорил мне, что в этих местах бродит много тигров, и потому не советовал отставать от отряда.

Путь наш лежал правым берегом Ли-Фудзина. Иногда тропинка отходила в сторону, углубляясь в лес настолько, что трудно было ориентироваться и указать, где течет Ли-Фудзин, но вдруг совершенно неожиданно мы снова выходили на реку и шли около береговых обрывов.

Кто не бывал в тайге Уссурийского края, тот не может себе представить, какая это чаща, какие это заросли. Буквально в нескольких шагах ничего нельзя увидеть. В двух

или трех саженях не раз случалось подымать с лежки зверя, и только шум и треск сучьев указывал направление, в котором уходило животное. Вот именно по такой тайге и мы шли уже подряд в течение двух суток.

Погода нам не благоприятствовала. Все время моросило, на дорожке стояли лужи, трава была мокрая, с деревьев падали редкие крупные капли. В лесу стояла удивительная тишина. Точно все вымерло. Даже дятлы и те куда-то исчезли.

— Чорт знает, что за погода,—говорил я своему спутнику.—Не то туман, не то дождь—не разберешь, право. Ты как думаешь, Дерсу? Разгуляется погода или станет еще хуже?

Гольд посмотрел на небо, оглянулся кругом и молча пошел дальше. Через минуту он остановился и сказал:

— Наша так думай: это земля, сопка, лес—все равно люди. Его теперь потеет. Слушай... Его дышит — все равно люди...

Он пошел снова вперед и долго еще говорил мне о своих воззрениях на природу, где все было живым, как люди.

Было уже около 11 часов утра. Судя по времени, вьючный обоз должен был давно уже обогнать нас, а между тем сзади, в тайге, ничего не было слышно.

— Надо подождать,—сказал я своему спутнику.

Он молча остановился, снял с плеча свою берданку, приставил ее к дереву, сошки воткнул в землю и стал искать свою трубку.

— Тьфу! Моя трубку потерял,—сказал он с досадой.

Он хотел итти назад и искать свою трубку, но я советовал ему подождать, в надежде, что люди, идущие сзади, найдут его трубку и принесут с собою.

Мы простояли минут двадцать. Старику, видимо, очень хотелось курить. Наконец, он не выдержал, взял свое ружье и сказал:

— Моя думай, трубка тут близко есть. Надо назад ходи.

Обеспокоенный тем, что вьюков нет долго и опасаясь, что с лошадьми могло что-нибудь случиться, я вместе с Дерсу пошел назад. Гольд шел впереди, и, как всегда, качал головой и рассуждал вслух сам с собой.

— Как это моя трубку потерял? Али старый стал, али моя голова худой, али как...

Он не докончил фразы, остановился на полуслове, затем попятился назад и, нагнувшись к земле, стал рассматри-

вать что-то у себя под ногами. Я подошел к нему. Дерсу озирался, имел несколько смущенный вид и говорил шопотом:

— Посмотри, капитан, это Амба. Его сзади наша ходи. Это шибко худо. След совсем свежий. Его сейчас тут был...

Действительно, совершенно свежие отпечатки большой кошачьей лапы отчетливо виднелись на грязной тропинке. Когда мы шли сюда, следов на дорожке не было. Я это отлично помнил, да и Дерсу не мог бы пройти мимо них. Теперь же, когда мы повернули назад и пошли навстречу отряду, появились следы: они направлялись в нашу сторону. Очевидно, зверь все время шел за нами «по пятам».

— Его близко тут прятался,—сказал Дерсу, указав рукой в правую сторону.—Его долго тут стоял, когда наша там остановился и моя трубку искал. Наша назад ходи, его тогда скоро прыгал. Посмотри, капитан, в следах воды еще нету...

Действительно, несмотря на то, что кругом всюду были лужи, вода еще не успела наполнить следы, выдавленные лапой тигра. Не было сомнения, что страшный хищник только что стоял здесь и затем, когда услышал наши шаги, бросился в чащу и спрятался где-нибудь за буреломом.

— Его далеко ходи нету. Моя хорошо понимай. Погоди, капитан!..

Несколько минут мы простояли на одном месте в надежде, что какой-нибудь шорох выдаст присутствие тигра, но тишина была гробовая. Эта тишина была какой-то особенно таинственной, страшной.

— Капитан!—обратился ко мне Дерсу,—теперь надо хорошо смотри. Твоя винтовка патроны есть? Тихонько надо ходи. Какая ямка, какое дерево на земле лежи, надо хорошо посмотри. Торопиться не надо. Это—Амба. Твоя понимай—Амба?!..

Говоря это, он сам осматривал каждый куст и каждое дерево. Так прошли мы около получаса. Дерсу все время шел впереди и не спускал глаз с тропинки.

Наконец, мы услышали голоса: кто-то из казаков ругал лошадь. Через несколько минут подошли люди с конями. Две лошади были в грязи. Седла тоже были замазаны глиной. Оказалось, что при переправе через одну проточку обе лошади оступились и завязли в болоте. Это и было причиной их запоздания. Как я и думал, стрелки нашли трубку Дерсу на тропе и принесли ее с собой.

Чтобы итти дальше, нужно было поправить вьюки, переложить грузы и хоть немного обмыть лошадей от грязи.

Я хотел было сделать привал и варить чай, но Дерсу советовал поправить одну седловку и итти дальше. Он говорил, что где-то недалеко, в этих местах, есть охотничий балаган. Там он полагал остановиться биваком. Подумав немного, я согласился.

Люди начали снимать с измученных лошадей вьюки, а я с Дерсу снова пошел по дорожке. Не успели мы сделать и двухсот шагов, как снова наткнулись на следы тигра. Страшный зверь опять шел за нами и опять, как и в первый раз, почуяв наше приближение, уклонился от встречи. Дерсу остановился и, оборотившись лицом в ту сторону, куда скрылся тигр, закричал громким голосом, в котором я заметил нотки негодования:

— Что ходишь сзади?.. Что нужно тебе, Амба? Что ты хочешь? Наша дорога ходи, тебе мешай нету. Как твоя сзади ходи? Али в тайге места мало?!..

Он потрясал в воздухе своей винтовкой. В таком возбужденном состоянии я никогда его не видывал. В глазах Дерсу была видна глубокая вера в то, что тигр, Амба, слышит и понимает его слова. Он был уверен, что тигр или примет вызов, или оставит нас в покое и уйдет в другое место. Прождав минуты три, старик облегченно вздохнул, затем, закурив свою трубку и взбросив винтовку на плечо, уверенно пошел дальше по тропинке. Лицо его снова стало равнодушно сосредоточенным. Он устыдил тигра и заставил его удалиться.

Приблизительно еще с час мы шли лесом. Вдруг, чаща начала редеть. Перед нами открылась большая поляна. Тропа перерезала ее наискось, по диагонали. Продолжительное путешествие по тайге сильно нас утомило. Глаз искал отдыха и простора. Поэтому можно себе представить, с какою радостью мы вышли из лесу и стали осматривать поляну.

— Это—Квандагоу,—сказал Дерсу.—Скоро наша балаган найди есть.

Елань *), по которой мы теперь шли, была покрыта зарослями низкорослого папоротника—орляка. За лесом, с северной стороны, слабо сквозь туман виднелись высокие горы, покрытые лесом. По низине кое-где стояли одиночные деревья, преимущественно клен, дуб и даурская береза. С правой стороны поляны было узкое болото с солонцами,

*) Поляна в лесу около реки.

куда, по словам Дерсу, постоянно по ночам выходили изюбри и дикие козы, чтобы полакомиться водяным лютиком и погрызть соленую черную землю.

— Надо наша сегодня на охоту ходи, — говорил Дерсу, показывая сошками на болото.

Часам к трем пополудни мы действительно нашли двускатный балаганчик. Сделан он был из кедрового корья китайскими охотниками так, что дым от костра, разложенного внутри, выходил по обе его стороны и не позволял комарам проникнуть внутрь помещения. Около балагана протекал небольшой ручей. Пришлось опять долго возиться с переправой лошадей на другой берег, но, наконец, и это препятствие было преодолено.

Между тем погода попрежнему, как выражался Дерсу, «потела». С утра хмурившееся небо начало как бы понемногу проясняться. Туман поднялся выше, кое-где появились просветы, дождь перестал, но на земле было еще попрежнему сыро...

Я решил остаться здесь на ночь. Мне очень хотелось поохотиться на солонцах, тем более, что у нас давно не было мяса, и мы уже четвертые сутки питались одними сухарями.

Через несколько минут на биваке закипела та веселая и спешная работа, которая знакома всякому, кому приходилось подолгу бывать в тайге и вести страннический образ жизни. Развьюченные лошади были пущены на волю. Как только с них сняли седла, они сперва повалялись на земле, потом, вытряхнувшись, пошли на поляну кормиться.

На случай дождя, все вьюки сложили в одно место и прикрыли их брезентами.

Пока возились с лошадьми и разбирали седла, кто-то успел уже разложить костер и повесить над огнем чайник.

На биваке Дерсу проявлял всегда удивительную энергию. Он бегал от одного дерева к другому, снимал бересту, рубил жерди и сошки, ставил палатку, сушил свою и чужую одежду и старался разложить огонь так, чтобы внутри балагана можно было сидеть и не страдать от дыма глазами. Я всегда удивлялся, как успевал этот, уже старый человек, делать сразу несколько дел и как работа в руках у него спорилась и кипела. Мы давно уже разулись и отдыхали, а Дерсу все еще хлопотал около балагана.

Через час наблюдатель со стороны увидел бы такую картину: на поляне около ручья пасутся лошади; спины их мокры от дождя. Дым от костров не подымается кверху, а

стелется низко над землею и кажется неподвижным. Спасаясь от комаров и мошек, все люди спрятались в балаган. Один только человек все еще торопливо бегает по лесу— это Дерсу; он хлопочет о заготовке дров на ночь.

В августе месяце, да еще в пасмурный день, смеркается очень рано. Так было и теперь. Туман держался только по вершинам гор. Клочья его бродили по кустам и казались привидениями.

Наскоро поужинав, мы пошли с Дерсу на охоту. Путь наш лежал по тропинке к биваку, а оттуда наискось к солонцам около леса. Множество следов изюбрей и диких коз было заметно по всему лугу. Черноватая земля солонцов была почти совершенно лишена растительности. Малые низкорослые деревья, окружавшие их, имели чахлый и болезненный вид. Здесь местами земля была сильно истоптана. Видно было, что изюбри постоянно приходили сюда и в одиночку, и целыми стадами.

Выбрав удобное местечко, мы сели и стали поджидать зверя. Я прислонился к пню и стал осматриваться. Темнота быстро сгущалась около кустов и внизу под деревьями. Дерсу долго не мог успокоиться. Он ломал сучки, чтобы открыть себе обстрел, и зачем-то пригибал растущую позади него березку.

Кругом в лесу и на поляне стояла мертвящая тишина, нарушаемая только однообразным жужжанием комаров. Такая тишина как-то особенно гнетуще действует на душу. Невольно сам уходишь в нее, подчиняешься ей и, кажется, сил не хватило бы нарушить ее словом или каким-нибудь неосторожным движением.

В воздухе и на земле становилось все темнее и темнее. Кусты и деревья начали принимать неопределенные очертания: они казались живыми существами и как будто передвигались с одного места на другое. Порой мне грезилось, что это олени; фантазия дополняла остальное. Я сжимал ружье в руках и готов был уже выстрелить, но каждый раз, взглянув на спокойное лицо Дерсу, я приходил в себя. Иллюзия сразу пропадала, и темный силуэт оленя снова принимал фигуру куста или дерева. Как мраморное изваяние сидел Дерсу. Он пытливо смотрел на кусты около солонцов и спокойно выжидал свою добычу. Один раз он вдруг насторожился, тихонько поднял свое ружье и стал напрягать зрение. Сердце мое усиленно забилось. Я тоже стал смотреть в ту сторону, куда смотрел старик, но ничего не видел. Скоро я заметил, что Дерсу успокоился; успокоился и я также.

Стало совсем темно, так темно, что в нескольких шагах нельзя уже было рассмотреть ни черной земли на солонцах, ни темных силуэтов деревьев. Комары нестерпимо кусали шею и руки. Я прикрыл лицо сеткой. Дерсу сидел без сетки и, казалось, совершенно не замечал их укусов.

Вдруг до слуха моего донесся шорох. Я не ошибся. Шорох исходил из кустов, находящихся по другую сторону солонцов, как раз против того места, где мы сидели. Я посмотрел на Дерсу. Он пригибал голову и, казалось, силой своего зрения хотел проникнуть сквозь темноту и узнать причину этого шума. Иногда шорох усиливался и становился очень явственным, иногда затихал и прекращался совершенно. Сомнений не было—кто-то осторожно приближался к нам через заросли. Это изюбрь шел грызть и лизать соленую землю. Мое воображение рисовало уже стройного оленя с красивыми ветвистыми рогами. Я отбросил сетку, стал слушать и смотреть, совершенно позабыв про комаров. Я искал глазами изюбря, который по моим расчетам был от нас в семидесяти или восьмидесяти шагах, не более.

Вдруг грозное ворчание, похожее на отдаленный гром, пронеслось в воздухе:

— Рррррр!..

Дерсу схватил меня за руку:

— Амба, капитан!—сказал он испуганным голосом.

Жуткое чувство сразу всколыхнуло мое сердце. Я хотел бы передать, что я почувствовал, но едва ли я сумею это сделать.

Я почувствовал, как какая-то истома, какая-то тяжесть стала опускаться мне в ноги. Колени заныли, точно в них налили свинцу. Ощущение это знакомо всякому, кому случалось неожиданно чего-нибудь сильно испугаться. Но в то же время другое чувство, чувство, смешанное с любопытством и с охотничьею страстью, наполнило мою душу.

— Худо! Наша напрасно сюда ходи. Амба сердится! Это его место,—говорил Дерсу и, я не знаю, говорил ли он сам с собою или обращался ко мне. Мне показалось, что он испугался.

— Ррррррр!..—снова раздалось в тихом ночном воздухе.

Вдруг Дерсу быстро поднялся с места. Я думал, он хочет стрелять. Но велико было мое удивление, когда я увидел, что в руках у него не было винтовки, и когда я услышал речь, с которой он обратился к тигру.

— Хорошо, хорошо, Амба! Не надо сердиться, не надо!.. Это твое место. Наша это не знал. Наша сейчас другое место ходи. В тайге место много. Сердиться не надо!..

Гольд стоял, протянув руки к зверю. Вдруг он опустился на колени, дважды поклонился в землю и вполголоса что-то стал говорить на своем наречии. Мне почему-то стало жаль старика...

Наконец, Дерсу медленно поднялся, подошел к пню и взял свою берданку.

— Пойдем, капитан!—сказал он решительно и, не дожидаясь моего ответа, быстро через заросли пошел на тропинку. Я безотчетно последовал за ним.

Спокойный вид Дерсу, уверенность, с какой он шел без опаски и не озираясь, успокоили и меня: я почувствовал, что тигр не пойдет за нами и не решится сделать нападение.

Пройдя шагов двести, я остановился и стал уговаривать старика подождать еще немного.

— Нет,—сказал Дерсу,—моя не могу. Моя тебе вперед говори, в компании стрелять Амба никогда не буду! Твоя хорошо это слушай! Амба стреляй моя товарищ нету...

Он снова молча зашагал по тропинке. Я хотел было остаться один, но жуткое чувство овладело мною, я побежал и догнал гольда.

Начинала всходить луна. И на небе, и на земле сразу стало светлее. Далеко, на другом конце поляны мелькал огонек нашего бивака. Он то замирал, то как будто угасал на время, то вдруг снова разгорался яркою звездочкой.

Всю дорогу мы шли молча. У каждого из нас были свои думы, свои воспоминания. Жаль мне было, что я не увидел тигра. Эту мысль я вслух высказал своему спутнику.

— О, нет!—ответил Дерсу.—Его худо посмотри. Наша так говори: Такой люди, который никогда Амба посмотри нету—счастливый; его всегда хорошо живи.

Дерсу глубоко вздохнул, помолчал немного и продолжал:

— Моя много Амба посмотри. Один раз напрасно его стреляй. Теперь моя шибко боится. Однако, моя когда-нибудь худо будет.

В словах старика было столько душевного волнения, что я опять стал жалеть его, начал успокаивать и старался перевести разговор на другую тему.

Через час мы подошли к биваку. Лошади, испуганные нашим приближением, шарахнулись в сторону и начали

храпеть. Около огня засуетились люди. Два казака вышли нам навстречу.

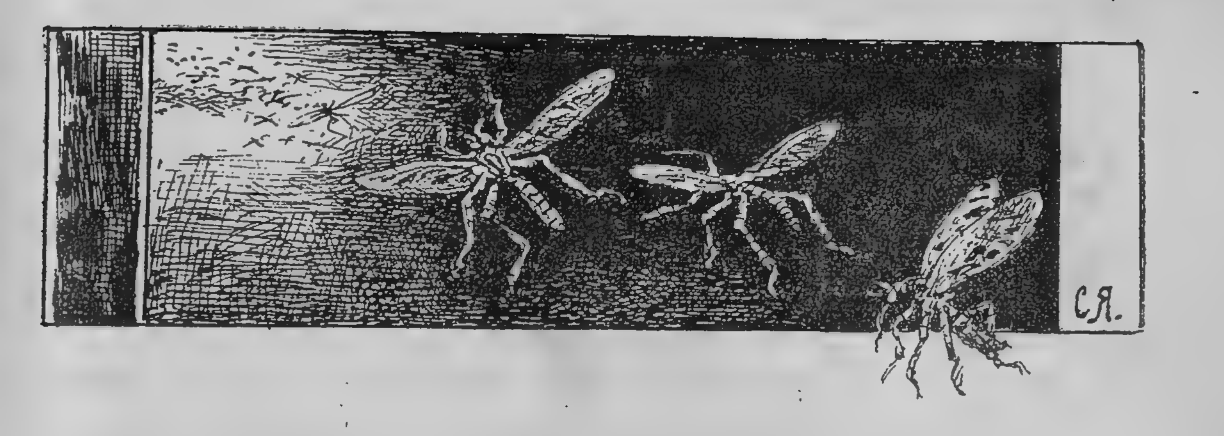
— Сегодня кони все время чего-то боятся, — сказал один из них. — Не едят, все куда-то смотрят. Нет ли какого зверя поблизости?

Я приказал казакам взять коней на поводки, развести костры и выставить вооруженного часового.

Весь вечер молчал Дерсу. Встреча с тигром произвела на него сильное впечатление. После ужина он тотчас же лег спать, и я заметил, что он долго не мог уснуть, ворочался с боку-на-бок и как будто разговаривал сам с собою.

Я рассказал людям, что случилось с нами. Казаки оживились, начали вспоминать свою жизнь на Уссури, свои приключения на охоте, кто что видел и с кем что случилось. Наши разговоры затянулись далеко за полночь. Наконец, усталость начала брать свое: кто-то зевнул, кто-то начал стлать постель и укладываться на ночь. Через несколько минут в балагане все уже спали. Кругом воцарилась тишина. Слышно было только мерное дыхание спящих, да треск горящих сучьев в костре. С поля доносилось пофыркивание лошадей, в лесу ухал филин и где-то далеко, далеко кричал сыч-воробей.

XIX.

Ли-Фудзин.

Содержимое котомки Дерсу. — Приспособленность к жизни в тайге. — Родные могилы. — Заживо погребенные. — Р. Ното. — Барсук. — Нападение шершней. — Лекарственное растение.

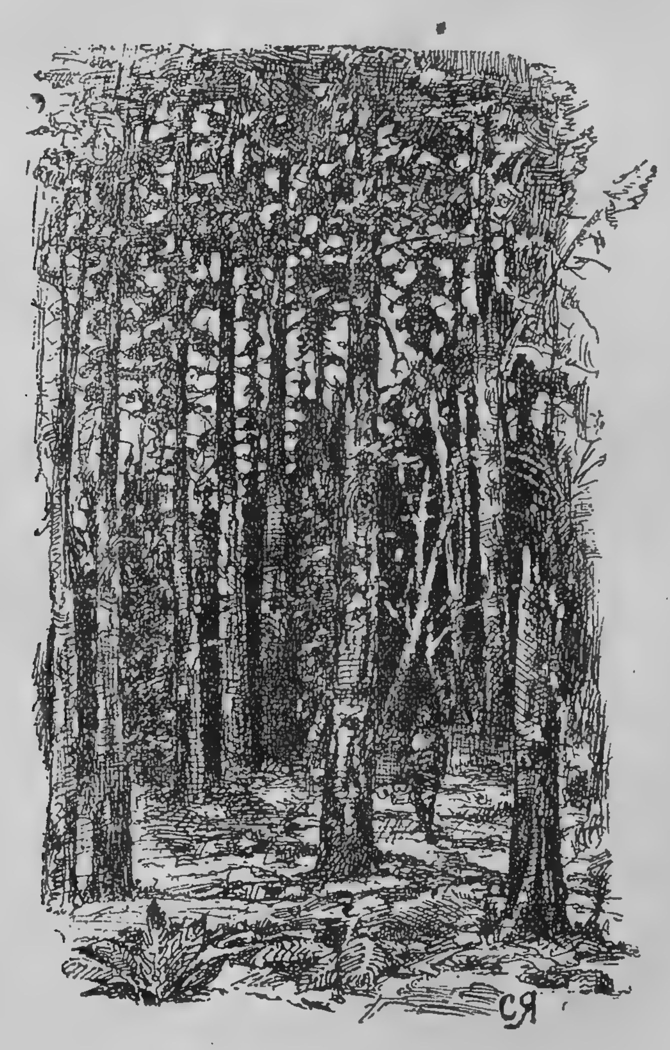
Чуть только начало светать, наш бивак опять атаковали комары. О сне нечего было и думать. Точно по команде все встали. Казаки быстро завьючили коней и, не пивши чаю, тронулись в путь. С восходом солнца туман начал рассеиваться; кое-где проглянуло синее небо.

В долине Ли-Фудзина растут великолепные смешанные леса. Около воды деревья скорее способствуют обрушиванию берегов, чем их закреплению. Большое дерево, подмытое водой, при падении своем увлекает огромную глыбу земли, а вместе с ней и деревья, растущие поблизости. Бурелом этот плывет по реке до тех пор, пока не застрянет где-нибудь в протоке. Тотчас вода начинает заносить его песком и галькой. Нередко можно видеть водопады, основанием которых служат гигантские стволы тополей или кедров. Если такому плавнику посчастливится пройти через перекаты, то до устья дойдет только ствол измочаленный и лишенный коры и веток.

В среднем течении Ли-Фудзин проходит у подножья так называемых «Черных скал». Здесь река разбивается на несколько протоков, которые имеют вязкое дно и илистые берега. Вследствие засоренности главного русла, вода не успевает пройти через протоки и затопляет весь лес. Тогда сообщение по тропе прекращается. Путники, которых слу-

чайно застанет здесь непогода, карабкаются через скалы и в течение целого дня успевают пройти не более трех или четырех верст.

В полдень мы остановились на большой привал и стали варить чай.

...Растут великолепные смешанные леса.

При уходе из поста Ольги С. З. Балк дал мне бутылку с ромом. Ром этот я берег, как лекарство, и давал его пить с чаем в ненастные дни. Теперь в бутылке осталось только несколько капель. Чтобы не нести напрасно посуду, я вылил остатки рома в чай и кинул ее в траву. Дерсу стремглав бросился за ней.

— Как можно его бросай? Где в тайге другую бутылку найти?—воскликнул он, развязывая свою котомку.

Действительно, для меня, горожанина, пустая бутылка никакой цены не имела. Но для дикаря, живущего в лесу, она составляла большую ценность.

По мере того, как он вынимал свои вещи из котомки, я все больше и больше изумлялся. Чего тут только не было: порожний мешок из-под муки, две стареньких рубашки, свиток тонких ремней, пучок веревок, старые унты, гильзы от ружья, пороховница, свинец, коробочка с капсулями, полотнище палатки, козья шкура, кусок кирпичного чаю вместе с листовым табаком, банка из-под консервов, шило, маленький топор, жестяная коробочка, спички, кремень, огниво, трут, смолье для растопок, береста, еще какая-то баночка, кружка, маленький котелок, туземный кривой ножик, жильные нитки, две иголки, пустая катушка, какая-то сухая трава, кабанья желчь, зубы и когти медведя, копытца кабарги и кости рыси, нанизанные на веревочку, две медных пуговицы и множество разного другого хлама. Среди этих вещей я узнал такие, которые я раньше бросал по дороге. Очевидно, все это он подбирал и нес с собой.

Осматривая его вещи, я рассортировал их на две части и добрую половину посоветовал выбросить. Дерсу взмолился. Он просил ничего не трогать и доказывал, что потом все может пригодиться. Я не стал настаивать и решил вперед ничего не бросать, прежде, чем не спрошу на то его согласия. Точно боясь, чтобы от него не отняли чего-нибудь, Дерсу спешно собрал свою котомку и особенно старательно спрятал бутылку.

Около Черных Скал тропа разделилась. Одна (правая) пошла в горы в обход опасного места, а другая направилась куда-то через реку. Дерсу, хорошо знающий эти места, указал на правую тропу.

Сразу с привала начался подъем, но до самой вершины тропа не доходит. С версту она идет косогором, а затем опять спускается в долину.

К вечеру небо снова заволокло тучами. Я опасался дождя, но Дерсу сказал, что это не тучи, а туман, и что завтра будет день солнечный и даже жаркий. Я знал, что его предсказания всегда сбываются, и потому спросил его о приметах.

— Моя так посмотри, думай—воздух легкий, тяжело нету.

Гольд вздохнул и показал себе на грудь.

Он так сжился с природой, что органически всем своим существом мог предчувствовать перемену погоды. Как будто для этого у него было еще шестое чувство.

Дерсу удивительно приспособился к жизни в тайге. Место для своего ночлега он выбирал где-нибудь под деревом между двумя корнями, так что дупло защищало его от ветра; под себя он подстилал кору пробкового дерева; на сучок где-нибудь вешал унты так, чтобы они не спалились от огня. Винтовка тоже была рядом с ним, но она не лежала на земле, а покоилась на двух коротеньких сошках. Дрова у него всегда горели лучше, чем у нас. Они не бросали искр, и дым от костра относило в сторону. Если ветер начинал меняться, он с подветренной стороны ставил заслон. Все у него было к месту и под рукой.

По отношению к человеку природа безжалостна. После короткой ласки она вдруг нападает и как будто нарочно старается подчеркнуть его беспомощность. Путешественнику постоянно приходится иметь дело со стихиями: дождь, ветер, наводнение, гнус, болота, холод, снег и т. д. Даже самый лес представляет из себя стихию. Дерсу не находился под давлением природы. Он скорее был в соответствии с окружающей его обстановкой.

Следующий день был 7-е августа. Как только взошло солнце, туман начал рассеиваться, и через какие-нибудь полчаса на небе не было ни одного облачка. Роса перед рассветом обильно смочила траву, кусты и деревья. Утром я немного прозяб и потому встал раньше других. Дерсу не было на биваке. Он ходил на охоту, но неудачно и возвратился обратно как раз ко времени выступления. Мы сейчас же тронулись в путь.

Верст через десять нам пришлось еще раз переправляться через реку, которая тут разбивается на множество проток, образуя низкие острова, заросшие лесом. Слои ила, бурелом, рытвины и пригнутый к земле кустарник — все это указывало на недавнее большое наводнение.

Вдруг лес сразу кончился, и мы вышли к полянам, которые китайцы называют Сяень-лаза. Их три: первая—длиною в две версты, вторая—с полверсты и третья—самая большая, занимающая площадь в шесть квадратных верст. Поляны эти отделены друг от друга небольшими перелесками. Здесь происходит слияние Ли-Фудзина с р. Синанцей, по которой мы прошли первый раз через Сихотэ-Алинь к посту Ольги. Выйдя из леса, река отклоняется сначала влево, а за-

тем около большой поляны снова пересекает долину и подходит к горам с правой стороны.

Дальше мы не пошли и стали биваком на берегу реки, среди дубового редколесья.

Возвратившиеся с разведок казаки сообщили, что видели много звериных следов, и стали проситься на охоту.

Днем четвероногие обитатели тайги забиваются в чащу, но перед сумерками начинают подыматься со своих лежек. Сначала они бродят по опушкам леса, а когда ночная мгла окутает землю, выходят пастись на поляны.

Казаки не стали дожидаться сумерок и пошли тотчас, как только развьючили лошадей и убрали седла. На биваке остались мы двоем с Дерсу.

Сегодня я заметил, что он весь день был как-то особенно рассеян. Иногда он садился в стороне и о чем-то напряженно думал. Он опускал руки и смотрел куда-то вдаль. На вопрос, не болен ли он, старик отрицательно качал головой, хватался за топор и, видимо, всячески старался отогнать от себя какие-то тяжелые мысли.

Прошло два с половиной часа. Удлинившиеся до невероятных размеров тени на земле указывали, что солнце уже дошло до горизонта. Пора было итти на охоту. Я окликнул Дерсу. Он точно чего-то испугался.

— Капитан! — сказал он мне, и в голосе его зазвучали просительные ноты,—моя не могу сегодня охота ходи. Там (он указал рукой в лес) помирай есть моя жена и мои дети.

Потом он стал говорить, что по их обычаю на могилы покойников нельзя ходить, нельзя вблизи стрелять, рубить лес, собирать ягоды и мять траву—нельзя нарушать покой усопших.

Я понял причину его тоски, и мне жаль стало старика. Я сказал ему, что совсем не пойду на охоту и останусь с ним на биваке.

В сумерки я услышал три выстрела—и обрадовался. Охотники стреляли далеко в стороне от того места, где находились могилы.

Когда совсем смеркалось, возвратились казаки и принесли с собой козулю. После ужина мы рано легли спать. Два раза я просыпался ночью и видел Дерсу, сидящего у огня в одиночестве.

Утром мне доложили, что Дерсу куда-то исчез. Вещи его и ружье остались на месте. Это означало, что он вернется. В ожидании его я пошел побродить по поляне и незаметно подошел к реке. На берегу ее около большого камня я за-

стал гольда. Он неподвижно сидел на земле и смотрел в воду. Я окликнул его. Он повернул ко мне свое лицо. Видно было, что он провел бессонную ночь.

— Пойдем, Дерсу!—обратился я к нему.

— Тут раньше моя живи, раньше здесь юрта была и амбар. Давно сгорели. Отец, мать тоже здесь раньше жили...

Он не докончил фразы, встал и, махнув рукой, молча пошел на бивак. Там все уже готово было к выступлению; казаки ждали только нашего возвращения.

Вскоре после полудня мы дошли до знакомой нам фанзы Иолайзы. Когда мы проходили мимо тазовских фанз, Дерсу зашел к ним. К вечеру он прибежал испуганный и сообщил страшную новость: два дня тому назад по приговору китайского суда заживо были похоронены в земле китаец и молодой таза. Такое жестокое наказание они понесли за то, что из мести убили своего кредитора. Погребение состоялось в лесу, в версте расстояния от последних фанз. Мы бегали с Дерсу на это место и увидели там два невысоких холмика земли. Над каждой могилой была поставлена доска, на которой тушью были написаны фамилии погребенных. Усопшие уже не нуждались в нашей помощи, да и что могли сделать мы вчетвером среди многочисленного, хорошо вооруженного китайского населения!?

Я полагал провести в фанзе Иолайза два дня, но теперь это место мне стало противным. Мы решили уйти подальше и где-нибудь в лесу остановиться на дневку.

Вместе с Дерсу мы выработали такой план: с р. Фудзина пойти на р. Ното, подняться до ее истоков, перевалить через Сихотэ-Алинь и по р. Вангоу снова выйти на р. Тадушу. Дерсу знал эти места очень хорошо и потому расспрашивать китайцев о дороге не было надобности.

Утром 8-го августа мы оставили Фудзин — это ужасное место, где людей хоронят живыми. От фанзы Иолайза мы вернулись сначала к горам Сяень-Лаза, а оттуда пошли прямо на север по небольшой речке Поу-гоу, что в переводе на русский язык значит Козья долина. Проводить нас немного вызвался один пожилой таза. Он все время шел с Дерсу и что-то рассказывал ему вполголоса. Впоследствии я узнал, что они были старые знакомые, и таза собирался тайно переселиться с Фудзина куда-нибудь на побережье моря. Расставаясь с ним, Дерсу в знак дружбы подарил ему ту самую бутылку, которую я бросил на Ли-Фудзине. Надо было видеть, с какой довольной улыбкой таза принял от него этот подарок.

После полудня Дерсу нашел маленькую тропку, которая привела нас к перевалу, покрытому густым лесом. Здесь было много барсучьих нор. Одни из них были старые, другие—совсем свежие. В некоторых норах поселились лисицы, что можно было узнать по следам на песке.

Отряд наш несколько отстал, а мы с Дерсу шли впереди и говорили между собой. Вдруг, шагах в тридцати от себя, я увидел, что в зарослях кто-то шевелится. Это оказался барсук. Окраска его буро-серая с черным, морда белесоватая с продольными темными полосами около глаз. Барсук—животное всеядное, ведущее одиночную жизнь. Китайцы и туземцы специально за ним не охотятся, но бьют, если он попадается под выстрелы. Шкура его, покрытая жесткими волосами, употребляется на чехлы к ружьям и оторочку сумок.

Замеченный мною барсук часто подымался на задние ноги и старался что-то достать, но что именно, я рассмотреть никак не мог. Он так был занят своим делом, что совершенно не замечал нас. Долго мы следили за ним, наконец, мне наскучило это занятие, и я пошел вперед. Испуганный шумом барсук бросился в сторону и быстро исчез из виду.

Придя на то место, где было животное, я остановился и стал осматриваться. Вдруг я услышал крики Дерсу. Он махал руками и давал мне понять, чтобы я скорее отходил назад. В это самое время я почувствовал сильную боль в плече. Схватив рукой больное место, я поймал какое-то крупное насекомое. Оно тотчас ужалило меня в руку. Тут только я заметил на кусте бузины совсем рядом с собой большое гнездо шершней. Я бросился бежать и стал ругаться. Несколько насекомых погналось следом.

— Погоди, капитан,—сказал Дерсу, вынимая топор из котомки. Выбрав тонкое деревцо, он срубил его и очистил от веток. Потом набрал бересты и привязал ее к концу жерди. Когда шершни успокоились, он зажег бересту и поднес ее под самое гнездо. Оно вспыхнуло, как бумага. Подпаливая шершней, Дерсу приговаривал:

— Что, будешь нашего капитана кусать?

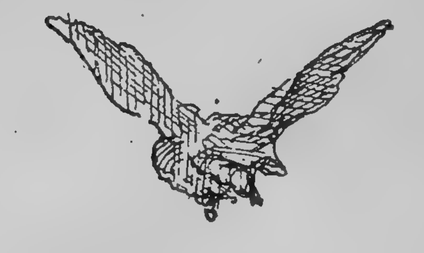
Покончив с шершнями, он побежал опять в лес, нарвал какой-то травы и, растерев ее на лезвие топора, приложил мне на больные места, а сверху прикрыл кусочками мягкой бересты и обвязал тряпицами. Минут через десят боль стала утихать. Я просил его показать мне эту траву. Он опять сходил в лес и принес растение, которое оказалось маньчжурским ломоносом. Дерсу сообщил мне, что трава эта

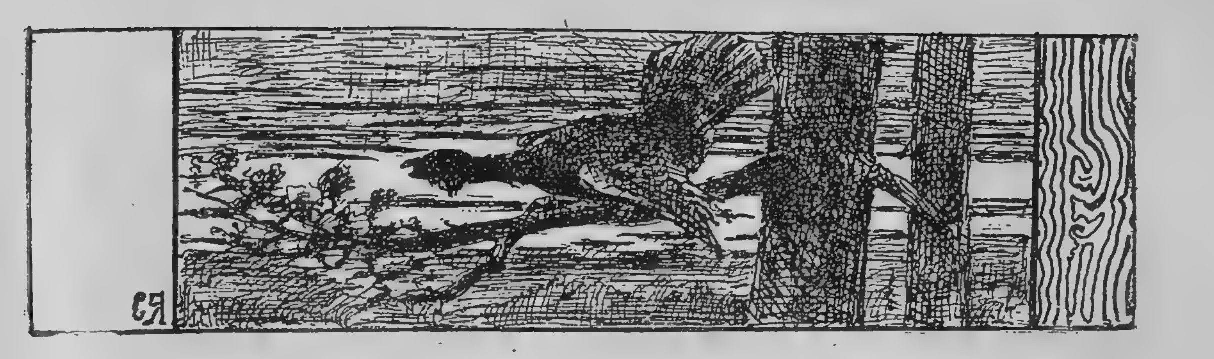
также помогает и от укусов змей, что эту-то именно траву и едят собаки. Она вызывает обильное выделение слюны; слюна, смешанная с соком травы, при зализывании укушенного места, является спасительной и парализует действие яда. Покончив с перевязкой, мы пошли дальше. Разговор наш теперь вертелся около шершней и ос. Дерсу считал их самыми «вредными людьми» и говорил:

— Его постоянно сам кусай. Теперь моя всегда его берестой пали.

К вечеру в этот день нам удалось дойти до р. Ното. Верховья ее по справедливости считаются самыми глухими местами Уссурийского края. Китайские фанзы, разбросанные по тайге, нельзя назвать ни охотничьими, ни земледельческими. Сюда стекается весь беспокойный манзовский элемент, падкий до легкой наживы, способный на грабежи и убийства.

Тут мы нашли брошенные юрты туземцев и старые развалившиеся летники, около которых и стали на бивак.

XX.

Проклятое место.

Енотовидная собака. — Охота на кабанов. — Лес в истоках р. Дананцы. — Привидения. — Перевал. — Птицы. — Река Вангоу. — Страшный выстрел. — Дерсу ранен. — Солонцы. — Брошенная лудева. — Встреча с Гранатманом и Мерзляковым. — Р. Динхазе. — Птицы. — Искатель жень-шеня.

Дня через два мы достигли водораздела. И подъем на хребет, и спуск с него были одиноково крутыми. По ту сторону перевала мы сразу попали на тропинку, которая привела нас к фанзе соболевщика-китайца. Осмотрев ее, Дерсу сказал, что хозяин ее жил здесь несколько дней подряд и ушел только вчера. Я высказал сомнение. В фанзе мог быть и не хозяин, а работник или случайный прохожий. Вместо ответа Дерсу указал мне на старые вещи, выброшенные из фанзы и замененные новыми. Это мог сделать только сам хозяин. С этими доводами нельзя было не согласиться.

Не доходя верст десяти до перевала, тропа делится на две. Одна идет на восток, другая поворачивает к югу. Если итти по первой, то можно выйти на р. Динзахе, вторая приведет на р. Вангоу (притоки Тадушу). Мы выбрали последнюю. Тропа эта пешеходная, много кружит и часто переходит с одного берега реки на другой.

В походе Дерсу всегда внимательно смотрел себе под ноги. Он ничего не искал, но делал это просто так, по привычке. Один раз он нагнулся и поднял с земли палочку. На ней были следы туземного ножа. Место среза давно уже почернело.

Разрушенные юрты, порубки на деревьях, пни, на которых раньше стояли амбары, и эта струганная палочка сви-

детельствовали о том, что удэхейцы были здесь год тому назад.

В сумерки мы стали биваком на гальке, в надежде, что около воды нас не так будут допекать комары.

Козулятина приходила к концу, надо было достать еще мяса. Мы сговорились с Дерсу и пошли на охоту. Было решено, что от рассошины *) я пойду вверх по реке, а он — по ручейку в горы.

Уссурийская тайга оживает два раза в сутки: утром перед восходом солнца и вечером во время заката.

Когда мы вышли с бивака, солнце стояло уже низко над горизонтом. Золотистые лучи его пробирались между стволами деревьев в самые затаенные уголки тайги. Лес был удивительно красив в эту минуту. Величественные кедры своей темной хвоей как будто хотели прикрыть молодняк. Огромные тополи с узловатыми ветвями, насчитывающие себе около трехсот лет, казалось, спорили в силе и мощности с вековыми дубами. Рядом, с ними в сообществе, росли гигантские липы и высокоствольные ильмы. Позади них виднелся коренастый ствол осокоря, потом—черная береза, за ней—ель и пихта, граб, пробковое дерево, желтый клен и т. д. Дальше за ними уже ничего не было видно. Там все скрывалось в зарослях крушины, бузины и черемушника.

Вдруг сразу в лесу сделалось сумрачно. Солнечные лучи освещали теперь только вершины гор и облака на небе. Свет, отраженный от них, еще некоторое время освещал землю, но мало-по-малу и он стал блекнуть. Жизнь пернатых начала замирать, зато стала просыпаться другая жизнь — жизнь крупных четвероногих.

До слуха моего донесся шорох. Скоро я увидел и виновника шума—это была енотовидная собака, животное, занимающее среднее место между собаками, куницами и енотами. Тело ее длиной около 80 сантим. поддерживается короткими ногами, голова заостренная, хвост длинный, общая окраска серая с темными и белесоватыми просветами, шерсть длинная, отчего животное кажется больше, чем есть на самом деле.

Енотовидная собака обитает почти по всему Уссурийскому краю, преимущественно же в западной и в южной его половине и держится, главным образом, по долинам около рек. Животное это довольно злобное, ведущее большей частью ночной образ жизни и весьма прожорливое. Его можно

*) Место слияния двух горных ручьев.

бы назвать всеядным; оно не отказывается от растительной пищи, но любимое лакомство его составляют рыбы и мыши. Если летом корма было достаточно, то зимой енотовидная собака погружается в спячку.

Проводив ее глазами, я постоял с минуту и пошел дальше.

Через полчаса свет на небе еще более отодвинулся на запад. Из белого он стал зеленым, потом желтым, оранжевым и, наконец, темнокрасным. Медленно земля совершала свой оборот и, казалось, уходила от солнца навстречу ночи.

Вдруг я услышал треск сучьев и вслед затем какое-то сопение. Я замер на месте. Из чащи, окутанной мраком, показались две темные массы. Я узнал кабанов. Они направлялись к реке. Судя по неторопливому шагу животных, я понял, что они меня не видали. Один кабан был большой, а другой поменьше. Я выбрал меньшего и стал в него целиться. Вдруг большой кабан издал резкий крик, и одновременно я спустил курок. Эхо подхватило звук выстрела и далеко разнесло его по лесу. Большой кабан шарахнулся было в сторону. Я думал, что промахнулся, и хотел уже было двинуться вперед, но в это время увидел раненого зверя, подымающегося с земли. Я выстрелил второй раз, животное ткнулось мордой в траву и опять стало подыматься. Тогда я выстрелил в третий раз. Кабан упал и остался недвижим. Я подошел к нему. Это была свинья средней величины, вероятно, не более восьми пудов весом.

Чтобы мясо не испортилось, я выпотрошил кабана и хотел было уже итти на бивак за людьми, но опять услышал шорох в лесу. Это оказался Дерсу. Он пришел на мои выстрелы. Я очень удивился, когда он спросил меня, кого я убил. Я мог и промахнуться.

— Нет, — засмеялся он, — моя хорошо понимай, тебе убей есть.

Я просил объяснить мне, на чем он основывает свои предположения. Гольд сказал мне, что обо всем происшедшем он узнал не по выстрелам, а по промежуткам между ними. Одним выстрелом редко удается убить зверя. Обыкновенно приходится делать два, три выстрела. Если бы он слышал только один выстрел, то это значило бы, что я промахнулся. Три выстрела, часто следующих один за другим, говорят за то, что животное убегает и выстрелы пускаются вдогонку. Но выстрелы с неравными промежутками между ними доказывают, что зверь ранен, и охотник его добивает.

Решено было, что до рассвета кабан останется на месте, а с собой мы возьмем только печень, сердце и почки животного. Затем мы разложили около него огонь и пошли назад.

Было уже совсем темно, когда мы подходили к биваку. Свет от костров отражался в реке яркой полосой. Полоса эта как будто двигалась, прерывалась и появлялась вновь у противоположного берега. С бивака доносились удары топора, говор людей и смех. Расставленные на земле комарники, освещенные изнутри огнем, казались громадными фонарями. Казаки слышали мои выстрелы и ждали добычи. Принесенная кабанина тотчас же была обращена в ужин, после которого мы напились чаю и улеглись спать. Остался только один караульный для охраны коней, пущенных на волю.

11-го числа мы продолжали свой путь по р. Дананце. Здесь в изобилии растет кедр. По мере приближения к Сихотэ-Алиню строевой лес исчезает все больше и больше, и на смену ему выступают леса поделочного характера, и, наконец, в самых истоках растет исключительно замшистая и жидкая ель, лиственница и пихта. Корни деревьев не углубляются в землю, а стелются по поверхности. Сверху они чуть-чуть только прикрыты мхами. От этого деревья недолговечны и стоят непрочно. Молодняк двадцатилетнего возраста свободно опрокидывается на землю усилиями одного человека. Отмирание деревьев происходит от вершин. Иногда умершее дерево продолжает еще долго стоять на корню, но стоит до него слегка дотронуться, как оно тотчас же обваливается и рассыпается в прах.

Такие леса всегда пустынны. Не видно нигде звериных следов, нет птиц, не слышно жужжания насекомых. Стволы деревьев в массе имеют однотонную буро-серую окраску. Тут нет подлеска, нет даже папоротников и осок. Куда ни глянешь, всюду кругом мох: и внизу под ногами, и на камнях, и на ветвях деревьев. Тоскливое чувство навевает такая тайга. В ней всегда стоит мертвая тишина, нарушаемая только однообразным свистом ветра по вершинам сухостоев. В этом шуме есть что-то злобное, предостерегающее. Такие места туземцы считают обиталищами злых духов.

К вечеру мы немного не дошли до перевала и остановились у предгорий Сихотэ-Алиня. На этот день на разведки я послал казаков, а сам с Дерсу остался на биваке. Мы скоро поставили односкатную палатку, повесили над огнем чайник и стали ждать возвращения людей. Дерсу молча курил трубку, а я делал записи в свой дневник.

В переходе от дня к ночи всегда есть что-то таинственное. В лесу в это время становится сумрачно и тоскливо; кругом воцаряется жуткое безмолвие. Затем появляются какие-то едва уловимые звуки. Как будто слышатся глубокие вздохи. Откуда они исходят? Кажется, это вздыхает сама тайга. Я оставил работу и весь отдался влиянию окружающей меня обстановки. Голос Дерсу вывел меня из задумчивости.

— Худо здесь наша спи,—сказал он как бы про себя.

— Почему?—спросил я его.

Он молча указал рукой на клочья тумана, которые появились в горах, и, точно привидения, бродили по лесу.

— Тебе, капитан, понимай нету,—продолжал он.—Его тоже все равно люди.

Дальше из его слов я понял, что раньше это были люди, но они заблудились в горах, погибли от голода и вот теперь души их бродят по тайге в таких местах, куда редко заходят живые. Вдруг Дерсу насторожился.

— Слушай, капитан,—сказал он тихо.

Я прислушался: со стороны, противоположной той, куда ушли казаки, издали, доносились какие-то странные звуки. Точно кто-нибудь рубил дерево. Потом все стихло. Прошло минут десять, и опять новый звук пронесся в воздухе. Точно кто-то лязгал железом, но только очень далеко. Вдруг сильный шум прокатился по всему лесу. Должно быть, упало дерево.

— Это его, его!—забормотал испуганно Дерсу, и я понял, что он говорит про души заблудившихся и умерших. Затем он вскочил на ноги и что-то по-своему стал сердито кричать в тайгу. Я спросил его, что это значит.

— Моя мало, мало ругался, — отвечал он. — Моя ему сказал, что наша одну только ночь здесь спи и завтра ходи дальше.

В это время с разведок вернулись казаки и принесли с собой оживление. Ночных звуков больше не было слышно, и ночь прошла спокойно.

На рассвете (это было 12 августа) меня разбудил Дерсу. Выпив наскоро кружку горячего чая, я велел казакам седлать коней, а сам вместе с Дерсу пошел вперед. Мне хотелось измерить высоту перевала через Сихотэ-Алинь. Исполнив эту работу, мы спустились в долину р. Вангоу и, пройдя еще верст пять, остановились, чтобы подождать вьючный обоз. Дерсу сел на берегу речки и стал переобуваться, а я пошел дальше. Тропинка описывает здесь дугу градусов

в сто двадцать. Отойдя немного, я оглянулся назад и увидел его, сидящего на берегу речки. Он махнул мне рукой, чтобы я его не дожидался.

Едва я вступил на опушку леса, как сразу наткнулся на кабанов, но выстрелить не успел. Заметив, куда побежали животные, я бросился им наперерез. Действительно, через несколько минут я опять догнал их. Сквозь чащу я видел, как что-то мелькнуло. Выбрав момент, когда темное пятно остановилось, я приложился и выстрелил. В то же мгновение я услышал человеческий крик и затем болезненный стон. Безумный страх овладел мной. Я понял, что стрелял в человека, и кинулся через заросли к роковому месту. То, что я увидел, поразило меня, как обухом по голове. На земле лежал Дерсу.

— Дерсу! Дерсу—закричал я не своим голосом и бросился к нему.

Он уперся левой рукой в землю и, приподнявшись немного на локте, правой рукой закрыл глаза. Я тормошил его и торопливо, испуганно спрашивал, куда попала пуля.

— Спина больно,—отвечал он.

Я поспешно стал снимать с него верхнюю одежду. Его куртка и нижняя рубашка были разорваны. Наконец, я его раздел. Вздох облегчения вырвался из моей груди. Пулевой раны нигде не было, но с одного спинного позвонка пуля сорвала кожу. Вокруг контуженного места был кровоподтек немного более пятикопеечной монеты. Тут только я заметил, что я дрожу, как в лихорадке. Я сообщил Дерсу характер его ранения. Он тоже успокоился. Заметив мое волнение, он стал меня успокаивать.

— Ничего, капитан! Тебе виноват нету. Моя назади был. Как тебе понимай, что моя вперед ходи.

Я поднял его, посадил, и стал расспрашивать, как могло случиться, что он оказался между мною и кабанами. Оказалось, что кабанов он заметил со мной одновременно. Прирожденная охотничья страсть тотчас в нем заговорила. Он вскочил и бросился за животными. А так как я двигался по круговой тропе, а дикие свиньи шли прямо, то, следуя за ними, Дерсу скоро обогнал меня. Куртка его по цвету удивительно подходила к цвету шерсти кабана. Дерсу в это время пробирался по чаще согнувшись. Я принял его за зверя и выстрелил. Пуля разорвала куртку и контузила спину, вследствие чего у него отнялись ноги.

Минут через десять подошли вьюки. Первое, что я сделал—это смазал ушиб раствором иода, затем освободил од-

ну лошадь, а груз разложил по другим коням. На освободившееся седло мы посадили Дерсу и пошли дальше от этого проклятого места.

К вечеру Дерсу немного успокоился. Зато я не мог найти себе места. Мысль, что я стрелял в человека, которому обязан жизнью, не давала мне покоя. Я проклинал сегодняшний день, проклинал кабанов и охоту. Ведь, если бы на сантиметр я взял левее, если бы моя рука немного дрогнула, Дерсу был бы убит! Всю ночь я не мог уснуть. Мне все мерещился лес, кабаны, мой выстрел, крик Дерсу и куст, под которым он лежал. В испуге я вскакивал с кана и несколько раз выходил на улицу; я старался успокоить себя тем, что все обошлось благополучно, что Дерсу жив и находится со мной, но ничего не помогало. Тогда я развел огонь и попробовал было читать. Скоро я заметил, что представляю себе не то, что написано в книге, а другую картину... Наконец, стало светать. На мое счастье проснулся очередной артельщик. Он принялся готовить утренний завтрак, а я стал ему помогать.

Утром Дерсу почувствовал себя легче. Боль в спине утихла совсем. Он начал ходить, но все еще жаловался на головную боль и слабость. Я опять приказал одного коня предоставить больному. В девять часов утра мы выступили с бивака.

В нижнем течении р. Вангоу мы нашли старую лудеву, т.-е. забор, преграждавший доступ животным к водопою. Он был сделан частью из буреломного леса, частью из живых деревьев. При помощи кольев валежник закрепляется так, чтобы животные не могли разбросать его ногами. Кое-где оставляются проходы, в которых копаются глубокие ямы, сверху искусно замаскированные травой и сухой листвой. Ночью олени идут к воде, натыкаются на забор и, пытаясь обойти его, попадают в ямы. Такие лудевы тянутся иногда на пятьдесят верст с лишним и имеют около двухсот действующих ям.

Лудева на р. Вангоу была заброшена. Видно было, что китайцы не навещали ее уже давно. В одной из ям мы нашли изюбря. Бедное животное попало туда, видимо, суток трое тому назад. Мы остановились и стали рассуждать о том, как его спасти. Один из казаков хотел было спуститься в яму, но Дерсу посоветовал не делать этого. Олень мог убиться сам и переломить охотнику ноги. Тогда мы решили вынуть его арканами. Так и сделали. В две петли, брошенные на землю, изюбрь попал ногами, третью набросили ему на голо-

ву и быстро вытащили наверх. Казалось, что он задохся. Но едва петли были сняты, он тотчас начал ворочать глазами. Отдышавшись немного, олень поднялся на ноги и, шатаясь, пошел в сторону, но, не доходя до лесу, увидел ручей и, не обращая на нас более внимания, стал жадно пить воду.

Дерсу ужасно ругал китайцев за то, что они, бросив лудеву, не позаботились завалить ямы землей. Через час мы подошли к знакомой нам лудевой фанзе. Дерсу совсем оправился и хотел было сам итти разрушать лудеву, но я советовал ему остаться и отдохнуть до завтра. После обеда я вызвал всех китайцев на работу и приказал казакам строго следить за тем, чтобы все ямы были уничтожены.

После пяти часов пополудни погода стала портиться: с моря потянул туман; откуда-то на небе появились тучи. В сумерки возвратились казаки и доложили, что в трех ямах они еще нашли двух мертвых оленей и одну живую козулю.

Весь следующий день мы простояли на месте. Погода была переменная, но больше дождливая и пасмурная. Люди стирали белье, починяли одежду и занимались чисткой оружия. Дерсу оправился окончательно, чему я несказанно радовался.

После полудня мы услышали выстрелы. Это Г. И. Гранатман и А. И. Мерзляков давали знать о своем возвращении. Встреча наша была радостной. Начались расспросы и рассказы друг другу о том, кто где был и кто что видел. Разговоры эти затянулись до самой ночи.

14-го августа мы были готовы к продолжению путешествия. Теперь я полагал подняться по р. Динзахэ и спуститься в бассейн Тетюхе, а Г. И. Гранатман с А. И. Мерзляковым взялись обследовать другой путь по р. Вандагоу, впадающей в Тетюхе с правой стороны недалеко от устья.

15-го августа в 9 часов утра оба наши отряда разделились и пошли каждый своей дорогой.

Густой туман, лежавший до сих пор в долинах, вдруг начал подыматься. Сначала оголились подошвы гор, потом стали видны склоны и их седловины. Дойдя до вершин, он растянулся в виде скатерти и остался неподвижен. Казалось, вот-вот хлынет дождь, но благоприятные для нас стихии взяли верх: день был облачный, но не дождливый.

Сначала на протяжении десяти верст по долине р. Динзахе тянутся поляны, отделенные друг от друга небольшими перелесками, а затем начинаются сплошные леса, такие же роскошные, как и на р. Ли-Фудзине.

Некоторые деревья поражали своей величиной. Измеренные стволы их в обхвате на грудной высоте дали следующие цифры: кедр—9 футов 8 дюймов, пихта—4 фута 9 дюймов, ель—9 футов 1 дюйм, береза белая—7 футов 7 дюймов, тополь — 15 футов 2 дюйма, пробковое дерево — 2 фута 2 дюйма.

Река Динзахе сильно извивается по долине. Местами она очень мелка, течет по гальке и имеет много перекатов, но местами образует глубокие ямы. Вода в массе, вследствие посторонних примесей, имеет красивый опаловый цвет.

С каждым днем гнуса становилось все меньше и меньше. Это очень облегчило работу. Комары стали какие-то желтые, холодные и злые.

Первым большим притоком Динзахе с правой стороны будет р. Канхеза. По ней можно выйти на р. Вангоу. В этот день мы прошли сравнительно немного и на ночь остановились в густом лесу около брошеной зверовой фанзы.

Когда стемнело, с моря ветром опять нанесло туман. Сгущение пара было так велико, что влага непосредственно из воздуха оседала на землю мелкой изморозью. Туман был так густ, что в нескольких шагах нельзя было рассмотреть человека. На нем, как на экране, отражались тени людей. Они ходили по радиусам, принимали гигантские размеры и прыгали с одного места на другое. В такой сырости не хочется долго сидеть у огня. После ужина все, словно сговорившись, залезли в комарники и легли спать.

С восходом солнца туман рассеялся. По обыкновению, мы с Дерсу не стали дожидаться, когда заседлают лошадей, и пошли вперед по тропе.

Чем дальше, тем лес становился гуще. В этой девственной тайге было что-то такое, что манило в глубину ее и в то же время пугало своей неизвестностью. В спокойном проявлении сил природы здесь произрастали представители всех лиственных и хвойных пород маньчжурской флоры. Эти молчаливые великаны могли бы многое рассказать из того, чему они были свидетелями двести и триста лет тому назад.

Проникнуть в самую глубь тайги удается немногим. Она слишком велика. Путнику все время приходится иметь дело с растительной стихией. Много тайн хранит в себе тайга и ревниво оберегает их от человека. Она кажется угрюмой, молчаливой, мертвой. Таково первое впечатление. Но кому случалось поближе с ней познакомиться, тот скоро привыкает к ней и тоскует, если долго не видит леса. Мертвой тай-

га кажется только снаружи, на самом деле она полна жизни. Мы с Дерсу шли не торопясь и наблюдали птиц.

В чаще подлесья в одиночку кое-где мелькали бойкие ремезы-овсянки. Там и сям на деревьях можно было видеть уссурийских малых дятлов. Из них особенно интересен зеленый дятел с золотистой головкой. Он усердно долбил деревья и нимало не боялся приближения людей. В другом ме-

Азиатская трясогузка.

сте порхало несколько темных дроздов. Рядом по веткам шоркали две уссурийских сойки-пересмешницы. Один раз мы вспугнули сокола—дербнюка. Он низко полетел над землей и скрылся вскоре за деревьями. Над водой резвились стрекозы. За одной из них гналась азиатская трясогузка; она старалась поймать стрекозу на лету, но последняя ловко от нее увертывалась.

Вдруг где-то в стороне тревожно закричала кедровка. Дерсу сделал мне знак остановиться.

— Погоди, капитан,—сказал он.—Его сюда ходи.

Действительно, крики приближались. Не было сомнения, что эта тревожная птица кого-то провожала по лесу. Минут через пять из зарослей вышел человек. Увидев нас,

он остановился, как вкопанный. На лице его изобразилась тревога.

Я сразу узнал в нем искателя жень-шеня. Одет он был в рубашку и штаны из синей дабы, кожаные унты, а на голове красовалась коническая берестяная шляпа. Спереди на нем был одет промасленный передник, для защиты одежды от росы, а сзади к поясу привязана была шкурка барсука, позволявшая садиться на мокрый валежник без опасения замочить одежду. У его пояса висел нож, костяная палочка для выкапывания жень-шеня и мешочек, в котором хранились кремень и огниво. В руках китаец держал длинную палку для разгребания травы и листвы под ногами.

Дерсу сказал ему, чтобы он не боялся и подошел поближе. Это был человек лет пятидесяти пяти, уже поседевший. Лицо и руки его так загорели, что приняли цвет оливково-красный. Никакого оружия у него не было.

Когда китаец убедился, что мы не хотим ему сделать зла, он сел на колодник, достал из-за пазухи тряпицу и стал вытирать ею потное лицо. Вся фигура старика выражала крайнее утомление.

Так вот он, искатель жень-шеня!.. Это был своего рода пустынник, ушедший в горы и отдавший себя под покровительство лесных духов.

Из расспросов выяснилось, что в верховьях Динзахе у него есть фанза. В поисках за чудодейственным корнем он иногда уходил так далеко, что целыми неделями не возвращался к своему дому.

Он рассказал нам, как найти его жилище и просил у него остановиться. Отдохнув немного, старик попрощался с нами, взял свою палку и пошел дальше. Я долго следил за ним глазами. Один раз он нагнулся к земле, взял мох и положил его на дерево. В другом месте он бантом закрутил ветку черемухи. Это условные знаки. Они означали, что данное место осмотрено и другому жень-шеньщику делать здесь нечего. Великий смысл заключается в этом. Искатели не будут ходить по одному и тому же месту и понапрасну тратить время. Через несколько минут старик исчез из виду, и мы тоже пошли своею дорогой.

В полдень мы были на половине пути от Тадушу до перевала, а к вечеру дошли до р. Удагоу, самого верхнего притока Динзахе. Тут мы действительно нашли маленькую фанзочку, похожую на туземную юрту с двускатной крышей, опирающейся непосредственно на землю. Два окна, расположенные по сторонам двери, были заклеены бу-

магой, разорванной и вновь заклеенной лоскутами. Здесь уже не было орудий звероловства, зато были заступы, скребки, лопаточки, берестяные коробочки разной величины и палочки для выкапывания жень-шеня.

Шагах в пятидесяти от фанзы стояла маленькая кумирня со следующей надписью: «Чжень шань лин ван си жи Хань чао чжи го сян Цзинь цзо жень цзян фу лу мэнь», т.-е.— «Находящемуся в лесах и горах князю (тигру). В древнее время при ханьской династии, спасавший государство. В настоящие дни—дух, дающий счастье людям».

XXI.

Возвращение к морю.

Енотовидные собаки. — Устье р. Тютихе. — Стрельба по уткам. — Философия Дерсу. — Птицы на берегу моря. — Гроза. — Ход рыбы. — Тазы. — Потрава пашен кабанами. — Летяга.

За перевалом, следуя течению воды к востоку, мы часа в три с половиной дня вышли на реку Инза-Лаза-Гоу (долина серебряной скалы).

Здесь в реке было много мальмы. Стрелки занялись ловлей рыбы на удочку, а я взял ружье и отправился на разведки в горы. Проходив до самых сумерок и ничего не найдя, я пошел назад по берегу реки. Вдруг в одной яме я услышал шум, похожий на полосканье. Подойдя осторожно к обрыву, я заглянул вниз и увидел двух енотовидных собак. Они так были заняты ловлей рыбы, что совершенно не замечали моего присутствия. Передними ногами еноты стояли в воде и зубами старались схватить шмыгающих мимо них рыбешек. Я долго наблюдал за животными. Иногда они вдруг круто оборачивались назад, бросались за землеройками и принимались торопливо рыть землю. Но вот один из зверьков поднял голову, внимательно посмотрел в мою сторону и издал какой-то звук, похожий на тявканье. Вслед затем оба енота быстро исчезли в траве и больше уже не показывались около речки.

На биваке я застал всех в сборе. После ужина мы еще с час занимались каждый своей работой, а затем напились чаю и легли спать, кто где нашел для себя удобнее.

Следующий день мы продолжали свой маршрут по долине р. Инза-Лаза-Гоу. По пути я замечал, что в некоторых

местах земля была истоптана и изрыта. Я думал, что это кабаны, но Дерсу указал мне на исковерканное деревцо, лишенное коры и листьев, и сказал:

— Его скоро начинай кричи!

Из объяснений его я понял, что как только у изюбря окрепнут молодые рога (панты), он старается содрать с них кожу, для чего треплет какое-нибудь деревцо. Другой самец, придя на это место, понимает, что это значит. Он начинает злиться, рыть землю ногами и бить деревцо рогами.

Нижняя часть долины Инза-Лаза-Гоу представляет из себя три широких котловины. Китайские фанзы расположены с левой стороны.

Верстах в двух от устья реки начинаются болота. Песчаные валы и лужи стоячей воды между ними указывают место, до которого раньше доходило море. В приросте суши принимали участие наносы реки и морской прибой.

Длинное озеро, которое сохранилось между валами в одной версте от моря, вероятно, было самое глубокое место залива. Ныне озеро это почти все заросло травой.

На нем плавало множество уток. Я остался с Дерсу ради охоты, а отряд ушел вперед. Стрелять уток, плававших на озере, не имело смысла. Без лодки мы все равно не могли бы их достать. Тогда мы стали караулить перелетных. Я стрелял из дробовика, а Дерсу из винтовки и редкий раз он давал промахи. Глядя на его стрельбу, я невольно вслух высказывал похвалу.

— Моя раньше хорошо стреляй,—отвечал он.—Никогда пуля мимо ходи нету. Теперь мало-мало плохо.

В это мгновенье над нами высоко пролетала утка. Дерсу быстро поднял ружье и выстрелил. Птица, простреленная пулей, перевернулась в воздухе, камнем полетела вниз и грузно ударилась о землю. Я остановился и в изумлении посматривал то на него, то на утку. Дерсу развеселился. Он предложил мне бросать кверху камни величиной в куриное яйцо. Я бросил десять камней, и восемь из них он в воздухе разбил пулями. Дерсу был доволен. Но не тщеславие говорило в нем, он просто радовался тому, что средства к жизни может еще добывать охотой.

Долго мы бродили около озера и стреляли птиц. Время летело незаметно. Когда вся долина залилась золотистыми лучами заходящего солнца, я понял, что день кончился. Вслед за трудовым днем приближался покой; вся природа готовилась к отдыху. Едва солнце успело скрыться за гори-

зонтом, как с другой стороны из-за моря стала подыматься ночь.

Широкой полосой перед нами расстилались пески; они тянулись версты на три. Далеко впереди, точно караван в пустыне, двигался наш отряд. Собрав поскорее птиц, мы пошли за ним следом.

Около моря караван наш остановился. Через несколько минут кверху взвилась струйка белого дыма, — это разложили огонь на биваке. Мы прибавили шагу и через полчаса были около своих.

Казаки стали на ночь рядом с маленькой фанзой, построенной из плавникового леса, около береговых обрывов. Здесь жили два китайца, занимающиеся сбором съедобных ракушек в полосе мелководья. Большего радушия и большего гостеприимства, чем у них, я нигде не встречал.

За этот переход все сильно устали. На несчастье я сильно натер пятку. Надо было всем отдохнуть, поэтому я решил сделать здесь дневку и дождаться возвращения Г. И. Гранатмана и А. И. Мерзлякова.

Ночью больная нога не позволила мне сомкнуть глаз, и я несказанно был рад, когда стало светать. Сидя у огня, я наблюдал, как к жизни пробуждалась природа.

Раньше всех проснулись бакланы. Они медленно, не торопясь, летели над морем куда-то в одну сторону, вероятно, на корм. Над озером, заросшим травой, носились табуны уток. В море, на земле и в воздухе стояла глубокая тишина.

Дерсу поднялся раньше других и начал греть чай. В это время стало всходить солнце. Словно живое, оно выглянуло из воды одним краешком, затем отделилось от горизонта и стало взбираться вверх по небу.

— Как это красиво!—воскликнул я.

— Его самый главный люди,—ответил мне Дерсу, указывая на солнце. — Его пропади — кругом все пропади.

Он подождал с минуту и затем опять стал говорить: «Земля тоже люди. Голова его — там (он указал на северо-восток), а ноги — туда (он указал на юго-запад). Огонь и вода тоже два сильные люди. Огонь и вода пропади — тогда все сразу кончай».

В этих простых словах было много анимистического, но было много и мысли. Услышав наш разговор, стали просыпаться стрелки.

Весь день я просидел на месте. Солдаты тоже отдыхали и только по временам ходили посмотреть лошадей, чтобы они не ушли далеко от бивака.

Погода в эти дни стояла переменная: дули резкие западные ветры; ночи стали прохладные; приближалась осень.

Нога моя скоро поправилась, и явилась возможность продолжать путешествие.

Там, где р. Тютихе впадает в море, нет ни залива, ни бухты. Есть только небольшое углубление береговой линии, подверженное волнению, с широкой намывной полосой прибоя, на которую море наметало множество морской травы.

Такие травяные завалы всегда служат местопребыванием разного рода куликов. Прежде всего я заметил быстро бегающих по песчаной отмели восточно-сибирских грязовиков. Они заходили в воду и, казалось, совершенно не обращали внимания на прибой. Рядом с ними были кулички-травники. Эти красноногие смирные птички держались маленькими стайками, ходили по траве и выискивали в ней корм. При приближении человека, они испуганно, с криком, снимались с места и летели сначала в море, потом, вдруг, круто поворачивали в сторону и разом, точно по команде, садились снова на берег. Там, где морская трава чередовалась с полосками песку, можно было видеть уссурийских зуйков. Симпатичные птички эти постоянно заглядывали под щепки, камни и ракушки и то и дело заходили в воду, и только когда сильная прибойная волна дальше обыкновенного забегала на берег, они вспархивали и держались на воздухе до тех пор, пока вода не отходила назад. Невдалеке от них по берегу чинно расхаживали два кулика—сороки и что-то клевали. Около мысов плавали нырковые морские утки — белобоки с серой спиной и пестрые каменушки. Они то и дело ныряли за кормом. Поднявшись на поверхность воды, утки осматривались по сторонам, встряхивали своими коротеньким хвостиком и опять принимались за нырянье. Дальше в море держались тихоокеанские бакланы. Они ныряли очень глубоко и всплывали на поверхность на значительном расстоянии от того места, где погружались в воду. Над морем носилось множество чаек. Из них особенно выделялась восточно-сибирская хохотунья. Порой они спускались на воду и тогда подымали неистовый крик, действительно напоминающий человеческий смех. Чайки по очереди снимались с воды, перелетали друг через друга и опять садились рядом, при этом одна другую старалась ударить клювом или отнять пойманную добычу. В другой стороне над самым

устьем реки Тютихе кружились два белохвостых орлана. Они долго и зорко высматривали добычу и вдруг, точно сговорившись, разом опустились на берег. Вороны, чайки и кулички без спора уступили им свои места.

Последние два дня были грозовые. Особенно сильная гроза была 23-го числа вечером. Уже с утра было видно, что в природе что-то готовится: весь день сильно парило; в воздухе стояла мгла. Она постепенно увеличивалась и после полудня сгустилась настолько, что даже ближние горы приняли неясные и расплывчатые очертания. Небо сделалось белесоватым. На солнце можно было смотреть невооруженным глазом: вокруг него появилась желтая корона.

— Будет Агды, — говорил Дерсу. — Постоянно так начинай.

Часа в два дня с запада донеслись глухие раскаты грома. Все птицы разом куда-то исчезли. Стало сумрачно, точно сверху на землю опустился темный саван, и вслед затем пошел редкий и крупный дождь. Вдруг, могучий удар грома потряс воздух. Сильные молнии сверкали то тут, то там и не успевали в небе заглохнуть одни раскаты, как появлялись новые. Горное эхо вторило грозе и разносило громовые удары «во все стороны света белого». К дождю присоединился вихрь. Он ломал мелкие сучья, срывал листву с деревьев и высоко подымал ее на воздух. Вслед затем хлынул сильный ливень. Буря эта продолжалась до восьми часов вечера.

На другой день, 24-го августа, сразу было три грозы. Я заметил, что по мере приближения к морю, грозы затихали. Над водой вспышки молнии происходили только в верхних слоях атмосферы — между облаками. Как и надо было ожидать, последний ливень перешел в мелкий дождь, который продолжался всю ночь и следующие двое суток без перерыва.

26-го вечером дождь перестал, и небо немного очистилось. Утром солнце взошло во всей своей лучезарной красоте, но земля еще хранила на себе следы непогоды. Отовсюду сбегала вода; все мелкие ручейки превратились в бурные и пенящиеся потоки.

В этот день вечером на Тютихе пришли Г. И. Гранатман и А. И. Мерзляков.

26-го августа мы отдыхали, 27-е число посвятили сборам, а 28-го вновь выступили в поход. Я с Дерсу и с четырьмя казаками пошел вверх по р. Тютихе, Г. И. Гранатман

отправился на р. Иодзыхе, а А. И. Мерзлякову было поручено произвести обследование побережья моря до залива Джигит.

В долине р. Тютихе живет много китайцев и туземцев. Я насчитал сорок четыре фанзы, из числа которых было шесть тазовских. Последние несколько отличаются от тех тазов, которых мы видели около залива Ольги. У них уже и физический облик был несколько иной. Вследствие притеснения китайцев и благодаря злоупотреблению спиртом, они находились в ужасной нищете. Позаимствовав кое-что от китайской культуры, они увеличили свои потребности, но не изменили в корне уклада жизни, вследствие чего началось быстрое падение их экономического благосостояния. У стариков еще живы воспоминания о тех временах, когда они жили одни и были многочисленным народом. Тогда не было китайцев, и только с приходом их появляются те страшные болезни, от которых они гибли тысячами. Среди тазов я не нашел ни одной семьи, в которой не было бы прибора для курения опиума. Особенно этой пагубной страсти преданы женщины. Тут я нашел одну старуху, которая еще помнила свой родной язык. Я уговорил ее поделиться со мною своими знаниями. С трудом она могла вспомнить только одиннадцать слов. Я записал их, — они оказались принадлежащими удэхэйцам. Пятьдесят лет тому назад старуха (ей тогда было 20 лет) ни одного слова не знала по-китайски, а теперь она совершенно утратила все национальное, самобытное, даже — язык.

Мы попали на р. Тютихе в то время, когда кета шла из моря в реки метать икру. Представьте себе тысячи-тысяч рыб от 8 до 12 фунтов весом, наводняющих реку и стремящихся вверх к порогам. Какая-то неудержимая сила заставляет их итти против воды и преодолевать препятствия.

В это время кета ничего не ест и питается только тем запасом жизненных сил, которые она приобрела в море. Сверху, с высоты речных террас видно все, что делалось в воде. Рыбы было так много, что местами за ней совершенно не было видно дна реки. Интересно наблюдать, как кета проходит пороги. Она двигается зигзагами, перевертывается с боку на бок, кувыркается и все-таки идет вперед. Там, где ей мешает водопад, она подпрыгивает из воды и старается зацепиться за камни. Избитая, израненная, она гибнет в верховьях реки, а на смену ей из моря идут все новые толпы, точно на приступ.

Сперва мы с жадностью набросились на рыбу, но вскоре она приелась и опротивела.

После продолжительного отдыха у моря люди и лошади шли охотно.

Дальние горы задернулись синей дымкой вечернего тумана. Приближался вечер. Скоро кругом должна была воцариться тишина. Однако, я заметил, что по мере того, как становилось темнее, какими-то неясными звуками наполнялась долина. Слышались человеческие крики и лязганье по железу. Некоторые звуки были далеко, а некоторые совсем близко.

— Дерсу, что это такое? — спросил я гольда.

— Манзы чушку гоняй, — отвечал он.

Я не понял его и подумал, что китайцы загоняют своих свиней на ночь. Дерсу возражал. Он говорил, что пока не убрана кукуруза и не собраны овощи с огородов, никто свиней из загонов не выпускает.

Мы пошли дальше. Минут через двадцать я заметил огни, но не около фанз, а в стороне от них.

— Манзы чушку гоняй, — опять сказал Дерсу, и я опять его не понял.

Наконец, мы обогнули утесы и вышли на поляну. Звуки стали сразу яснее. Китаец кричал таким голосом, как будто аукался с кем-нибудь, и время от времени колотил палкой в медный тазик. Услышав шум приближающегося отряда, он закричал еще больше и стал разжигать кучу дров, сложенных около тропинки.

— Погоди, капитан, — сказал Дерсу. — Так худо ходи. Его могу стреляй. Его думай, наша чушка есть.

Я начал понимать. Китаец принимал нас за диких свиней и, действительно, мог выстрелить из ружья. Дерсу что-то закричал ему. Китаец тотчас ответил и побежал нам навстречу. Видно было, что он и испугался, и обрадовался нашему приходу.

Я решил здесь ночевать. Казаки принялись развьючивать лошадей и ставить палатки, а я вошел в фанзу и стал расспрашивать китайцев. Они пеняли на свою судьбу и говорили, что вот три ночи подряд кабаны травят пашни и огороды. За двое суток они уничтожили почти все огородные овощи. Осталась одна кукуруза. Около нее днем китайцы уже видели диких свиней и не было сомнения, что ночью они появятся снова. Китаец просил меня стрелять в воздух,

за что обещал платить деньги. После этого он выбежал из фанзы и опять начал кричать и бить в тазик. Далеко из-за горы ему вторил другой китаец, еще дальше — третий. Эти нестройные звуки неслись по долине и таяли в тихом ночном воздухе. После ужина мы решили заняться охотой.

Когда заря потухла на небе, китаец сбегал к кукурузе и зажег около нее огонь. Взяв ружья, мы с Дерсу отправились на охоту. Китаец тоже пошел с нами. Он не переставал кричать, но Дерсу сказал, что это не помешает, и кабаны все равно придут на пашню. Через несколько минут мы были около кукурузы. Я сел на пень с одной стороны, Дерсу с другой и стали ждать. От костра столбом подымался кверху дым; красный свет прыгал по земле неровными пятнами и освещал кукурузу, траву, камни и все, что было поблизости.

Нам пришлось ждать недолго. За пашней, как раз против того места, где мы сидели, послышался шум. Он заметно усиливался. Кабаны взбивали ногами траву и фырканьем выражали свое неудовольствие, чуя присутствие людей. Несмотря на крики китайца, несмотря на огонь, дикие свиньи прямо шли к кукурузе. Через минуту, две мы увидели их. Передние уже начали потраву. Мы выстрелили почти одновременно. Дерсу уложил одно животное, я — другое. Кабаны бросились назад, но через четверть часа они опять появились в кукурузе. Снова — два выстрела и еще пара свиней осталась на месте; одно животное, раскрыв рот, ринулось к нам навстречу, но выстрел Дерсу уложил его на месте. Китаец бросал в свиней головешками. Выстрелы гремели один за другим, но ничего не помогало. Кабаны шли точно на приступ. Я хотел было итти к убитым животным, но Дерсу не пустил меня, сказав, что это очень опасно, потому что среди них могли быть раненые. Подождав еще немного, мы пошли в фанзу и, напившись чаю, легли спать. Но уснуть не удалось: китаец всю ночь кричал и колотил в медный таз.

На рассвете китаец успокоился, и мы уснули крепким сном. Часов в девять я проснулся и спросил про кабанов. Дерсу сообщил мне, что ночью мы убили пять животных. После нашего ухода кабаны все-таки пришли на пашню и потравили остальную кукурузу начисто. Китаец был очень опечален. Мы взяли с собой только одного кабана, а остальных бросили на месте.

По словам туземцев, раньше кабанов было значительно меньше. Они расплодились последние десять лет и,

если бы их не уничтожали тигры, они заполонили бы всю тайгу.

Распростившись с китайцем, мы пошли своей дорогой.

Чем дальше, тем интереснее становилась долина. С каждым поворотом открывались все новые и новые виды. Художники нашли бы здесь неистощимый материал для своих этюдов. Некоторые виды были так красивы, что даже стрелки, почти всегда равнодушные к красотам природы, не могли оторвать от них своих глаз и смотрели, как зачарованные.

Кругом высились горы с причудливыми гребнями, и утесы, похожие на человеческие фигуры, которым как будто кто-то «неведомый» приказал окарауливать сопки. Другие скалы походили на животных, птиц или просто казались длинной колоннадой.

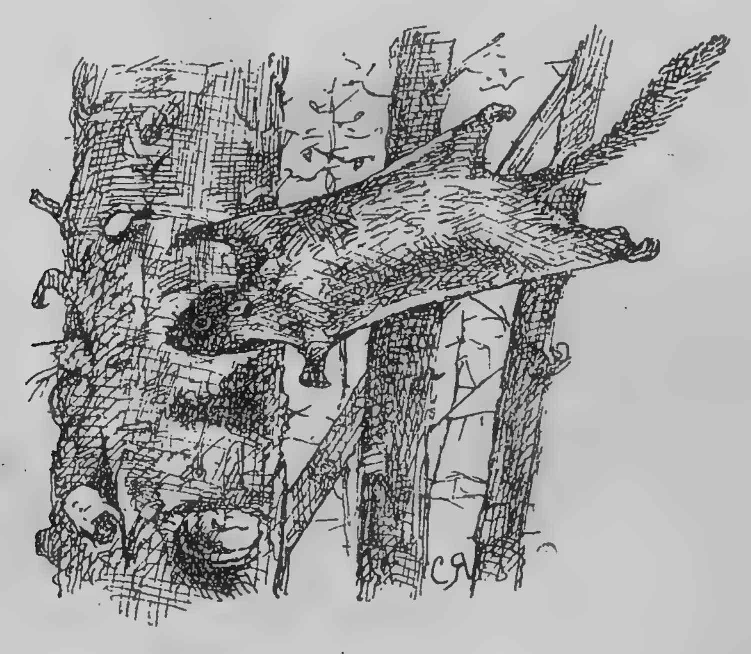
С каждым днем комаров и мошек становилось все меньше и меньше. Теперь они стали появляться только перед сумерками и на рассвете. Это, вероятно, объясняется сильными росами и понижением температуры после захода солнца.

Ночи стали значительно холоднее. Наступило самое хорошее время года. Зато для лошадей, в другом отношении, стало хуже. Трава, которой они, главным образом, кормились в пути, стала засыхать. За неимением овса, изредка, где были фанзы, казаки покупали буду и понемногу подкармливали их утром перед походом и вечером на биваках.

К сумеркам мы дошли до последнего жилья, это была корейская фанза около разведки вновь открытой серебро-свинцовой руды. У корейца было много клопов, поэтому мы не останавливались у него, а, пройдя еще с версту, стали биваком на берегу реки.

Вечером, после ужина, мы все сидели у костра и разговаривали. Вдруг что-то белесовато-серое пролетело мимо, бесшумно и неторопливо. Стрелки говорили, что это птица, а я думал, что это большая летучая мышь. Через несколько минут странное существо появилось снова. Оно не махало крыльями, а летело горизонтально и несколько наклонно книзу. Животное село на осину и затем стало взбираться вверх по стволу. Окраска зверька до того подходила под цвет коры дерева, что, если бы он оставался неподвижным, то его совершенно нельзя было бы заметить. Поднявшись сажени на три, он остановился и, казалось, замер на месте. Я взял дробовое ружье и хотел было стрелять, но меня остановил Дерсу. Он быстро нарезал мелких веток и прикрепил их

в виде веника к длинной палке, затем подошел к дереву и поднял их так, чтобы не закрывать свет костра. Ослепленное огнем, животное продолжало сидеть на одном месте. Когда веник был достаточно высоко, Дерсу прижал его к дереву, затем велел одному казаку держать палку, а сам взобрался до ближайшего сука, сел на него и веником, как тряпкой, схватил свою добычу. Испуганный зверек запищал и стал биться. Это оказалась летяга. Она относится к отряду

Вдруг что-то белесовато-серое пролетело мимо...

грызунов и к семейству беличьих. По бокам туловища, между передними и задними ногами, имеется эластичная складка кожи, которая позволяет ей планировать от одного дерева к другому. Все тело летяги покрыто мягкой шелковистой светло-серой шерстью с пробором на хвосте.

Летяга распространена по всему Уссурийскому краю и живет в смешанных лесах, где есть береза и осина. Пойманный нами экземпляр был длиной 20 и шириной (вместе с растянутой перепонкой) 6 дюйм. Солдаты столпились кругом и рассматривали летучего грызуна. Особенно оригинальна была его голова с большими усами и огромными черными глазами, приспособленными для восприятия возможно большего количества световых лучей ночью. Когда все кончили рассматривать летягу, Дерсу поднял его над головой, что-то громко сказал и пустил на свободу. Летяга низко полетела

над землею и скрылась в темноте. Я спросил гольда, зачем он отпустил летягу.

— Его птица нету, мышь нету, — отвечал он. — Его нельзя убей.

Мы долго беседовали с ним на эту тему. Он рассказывал мне и о других животных.

На вопрос, какой зверь, по его мнению, самый вредный, Дерсу подумал и сказал:

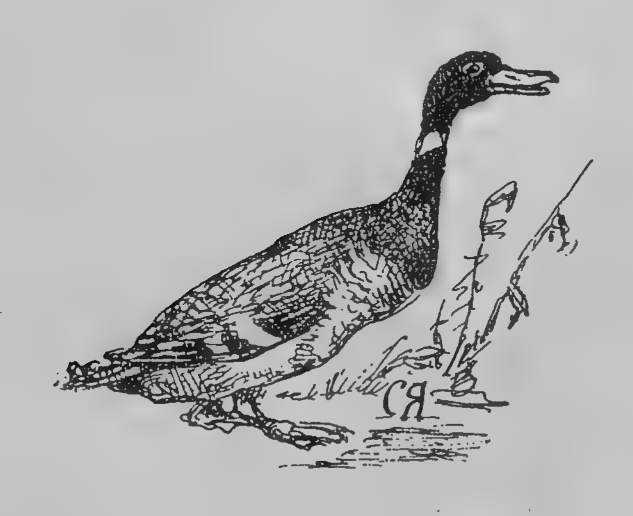
— Крот!

А на вопрос, почему именно крот, а не другое животное, от ответил:

— Так, никто его не хочу стреляй, никто не хочу его кушай.

Этими словами Дерсу хотел сказать, что крот животное бесполезное, никчемное.

Оглянувшись кругом, я увидел, что все уже спали. Пожелав Дерсу покойной ночи, я завернулся в бурку, лег поближе к огоньку и сладко уснул.

XXII.

Рев изюбрей.

Жень-шень. — Перевал Скалистый. — Сильный вихрь. — Р. Горбуша. — Медведь, добывающий желуди. — Изюбри. — Тигр на охоте за оленями. — Факел. — Возвращение на бивак.

На следующий день, 30 августа, мы пошли дальше. В трех верстах от корейской фанзы за «щеками» *) долина повернула к северо-западу. С левой стороны ее по течению тянется невысокая, но обширная речная терраса. Когда-то здесь был большой лес. Три раза следовавшие друг за другом пожары уничтожили его совершенно. Остались только редкие обгорелые стволы. Этот горелый лес тянется далеко в стороны. Чрезвычайно грустный и безжизненный вид имеют такие гари.

К полудню мы вошли в густой лес. Здесь был сделан небольшой привал.

Подкрепив свои силы едой, мы с Дерсу отправились вперед, а лошади остались сзади. Теперь наша дорога стала подыматься куда-то в гору. Я думал, что река Тютихе протекает здесь по ущелью, и потому тропа обходит опасное место. Однако, я заметил, что это была не та тропа, по ко-

*) Узкие места долины со скалистыми обрывами с обеих сторон.

торой мы шли раньше. Во-первых, на ней не было конных следов, а во-вторых, она шла вверх по ручью, в чем я убедился, как только увидел воду. Тогда мы решили повернуть назад и итти напрямик к реке в надежде, что где-нибудь пересечем свою дорогу. Оказалось, что эта тропа увела нас далеко в сторону. Мы перешли на левую сторону ручья и пошли у подножья какой-то сопки.

Вековые дубы, могучие кедры, черная береза, клен, аралия, ель, тополь, граб, пихта, лиственница и тис росли здесь в живописном беспорядке. Что-то особенное было в этом лесу. Внизу под деревьями царил полумрак. Дерсу шел медленно и, по обыкновению, внимательно смотрел себе под ноги. Вдруг он остановился и, не спуская глаз с какого-то предмета, снял с себя котомку, положил на землю ружье и сошки, бросил топор, затем лег на землю ничком и стал кого-то о чем-то просить.

— Дерсу, что с тобой? — спросил я его.

Дерсу поднялся и, указав рукой на траву, сказал одно только слово:

— Панцуй! (жень-шень).

Тут росло много травы. Которая из них была жень-шень, я не знал. Дерсу показал мне его. Я увидел небольшое травянистое растение, величиною в 25 сантиметров, с четырьмя листьями. Каждый лист состоял из пяти листочков, из которых средний был длиннее, два покороче, а два крайние — самые короткие. Жень-шень уже отцвел, и появились плоды. Это были маленькие кругленькие коробочки, расположенные так же, как и у зонтичных. Коробочки еще не вскрылись и не осыпали семян. Дерсу очистил вокруг растения землю от травы, потом собрал все плоды и завернул их в тряпицу. После этого он попросил меня придержать растение сверху рукой, а сам принялся выкапывать корень. Откапывал он его очень осторожно. Все внимание было обращено на то, чтобы не порвать корневые мочки. Затем он понес его к воде и стал осторожно смывать землю.

Я помогал ему, как мог. Мало-по-малу земля стала отваливаться и через несколько минут корень можно было рассмотреть. Он был длиною 3½ дюйма с двумя концами, значит — мужской. Дерсу отрезал растение, уложил его вместе с корнем в мох и завернул в бересту. После этого он одел свою котомку, взял в руки ружье и сошки и сказал:

— Ты, капитан, счастливый!

По дороге я спросил гольда, что он думает делать с жень-шенем. Дерсу сказал, что он хочет его продать и на вырученные деньги купить патронов. Тогда я решил купить у него жень-шень и дать ему денег больше, чем дали бы китайцы. Я высказал ему свои соображения, но результат получился совсем неожиданный. Дерсу тотчас полез за пазуху и, подавая мне корень, сказал, что отдает его даром. Я отказался, но он начал настаивать. Мой отказ и удивил, и обидел его. Только впоследствии я понял, что делать подарки в обычае туземцев, и что обычай требует отблагодарить дарившего равноценной вещью.

Разговаривая, таким образом, мы скоро вышли на р. Тютихе и здесь нашли потерянную тропинку. С первого же взгляда Дерсу увидел, что наш вьючный отряд прошел вперед. Мы прибавили шагу и скоро дошли до главного водораздела, где застали наш отряд, расположившийся на отдых.

С этой стороны Сихотэ-Алинь казался грозным и недоступным. Вследствие размывов, а может быть от каких-либо других причин, здесь образовались узкие и глубокие распадки, похожие на ущелья. Казалось, будто горы дали трещины и эти трещины разошлись. По дну оврагов бежали ручьи, но их не было видно; внизу во мгле слышно было только, как шумели каскады. Ниже бег воды становился покойнее, и тогда в рокоте ее можно было уловить игривые нотки.

Каким затерявшимся кажется человек среди этих скалистых гор, лишенных растительности. Незадолго до сумерок мы взобрались на перевал, высота которого измеряется в 710 саж. Я назвал его «Скалистым». Отсюда, сверху, все представляется в мелком масштабе; вековой лес, растущий в долине, кажется щетиной, а хвойные деревья — тоненькими иглами.

Биваком мы встали там, где иссякала река, но где еще можно было набрать воды в чайник.

Перед вечером небо вдруг как-то быстро стало расчищаться. Тучи, которые доселе лежали неподвижно-ровной пеленой, разорвались. Облака имели разлохмаченный вид, двигались вразброд, навстречу друг другу, и вслед затем налетел такой сильный шквал, что столетние деревья закачались, как слабые тростники. В воздухе закружилась сухая трава, листва, сорванная с деревьев, и мелкие сучья. Какая-то птица пыталась было бороться с разбушевавшей-

ся стихией, но скоро выбилась из сил. Ее понесло куда-то вниз, и она скорее упала, чем опустилась, на землю. Вдруг один кедр, накренился и начал медленно падать. Со страшным грохотом рухнул он на землю, увлекая за собой соседний молодняк. Около часу свирепствовал этот вихрь и затем пропал так же неожиданно, как и появился. В лесу попрежнему стало тихо.

Я оделся, взял свое ружье, свистнул собаку и пошел вниз по речке. Отойдя немного от фанзы, я сел на камень и стал слушать. Монотонный шум ручья, который обыкновенно не замечаешь днем, вечером кажется сильнее. Внизу под обрывом плескалась рыба, по ту сторону реки в лесу ухал филин-пугач, в горах ревели изюбри, и где-то по близости тоскливо кричала кабарга. Я так увлекся созерцанием природы, что не заметил, как прошло время. Одежда моя стала мокнуть от росы. Я вернулся на бивак, лег к огню и уснул, как убитый.

Следующие два дня (3-го и 4-го сентября) мы употребили на переход от Сихотэ-Алиня до устья р. Горбуши. Я намеревался сначала пройти по ней до перевала, а затем спуститься по р. Аохобе к морю. Так и сделали. Река Горбуша небольшая — длиною не более 8 километров. Там, где она сливается с другой такой же небольшой речкой «Безымянной», есть две пещеры. В них на мягкой наносной почве валялось много костей и виднелись свежие тигровые следы.

Около полудня, окончив смотр пещер, мы с Дерсу, как всегда, пошли вперед. За рекой тропа поднялась немного на косогор. Здесь мы сели отдохнуть. Я начал переобуваться, а Дерсу стал закуривать трубку. Он уже хотел было взять ее в рот, как, вдруг, остановился и стал пристально смотреть куда-то в лес. Через минуту он рассмеялся и сказал:

— Ишь, хитрый! Чего-чего понимай.

— Кто? — спросил я его.

Он молча указал рукою. Я поглядел в ту сторону, но ничего не видел. Дерсу посоветовал мне смотреть не на землю, а на деревья. Тогда я заметил, что одно дерево затряслось, потом еще и еще раз. Мы встали и тихонько двинулись вперед. Скоро все разъяснилось. На дереве сидел белогрудый медведь и лакомился желудями.

Животное это по размерам своим значительно уступает обыкновенному бурому медведю. Максимальная его длина пять футов, а высота в плечах два с половиной фута, при наибольшем весе в десять пудов. Окраска его шерсти — чер-

ная, блестящая, а на груди находится белое пятно, которое захватывает нижнюю часть шеи. Иногда встречаются (правда, очень редко) такие медведи, у которых все брюхо и даже лапы белые. Голова зверя конусообразная, с маленькими глазами и большими ушами. Вокруг нее растут длинные волосы, имеющие вид пышного воротника.

Белогрудые медведи устраивают свои берлоги в дуплах старых тополей. Следовательно, область распространения их тесно связана с маньчжурской флорой. Северная граница этой области проходит приблизительно от устья реки Уссури к истокам Имана и оттуда — по побережью моря к мысу Олимпиады. Главной пищей им служат: весной—корни росанки и листва белокопытника, летом — ягоды коломикты, черемухи и желуди, а осенью — лещина, маньчжурские и кедровые орехи и плоды дикой яблони. В зимнюю спячку этот медведь впадает рано. Вверху, в стволе, он прогрызает небольшую отдушину, вокруг которой собирается замерзший иней. По этому признаку охотники узнают о присутствии в дупле зверя.

Подойдя к медведю шагов на сто, мы остановились и стали за ним наблюдать. «Косолапый» взобрался на самую вершину дерева и там устроил себе нечто в роде лабаза *). Много желудей оставалось на тех сучьях, до которых он не в силах был дотянуться. Тогда медведь начал сильно трясти дерево и поглядывать на землю. Расчет его оказался правильным. Желуди созрели, но не настолько, чтобы осыпаться самостоятельно. Через некоторое время он спустился вниз и принялся искать их в траве.

— Тебе какой люди? — закричал ему Дерсу.

Медведь быстро обернулся, насторожил уши и стал усиленно нюхать воздух. Мы не шевелились. Медведь успокоился и хотел было опять приняться за еду, но Дерсу в это время свистнул. Медведь поднялся на задние лапы, затем спрятался за дерево и стал выглядывать оттуда одним глазом. В это время ветер подул нам в спину. Медведь рявкнул, прижал уши и без оглядки пустился наутек. Через несколько минут подошли казаки с конями.

Перейдя через водораздел, мы спустились в долину реки Аохобе и, пройдя по ней еще версты четыре, стали биваком на левом лесистом ее берегу.

---

*) Так называется искусственный помост на ветвях деревьев, на котором ночью охотники караулят зверя.

Конец августа и начало сентября — самое интересное время в тайге. В это время начинается рев изюбрей и бой самцов за обладание матками. Для подзывания изюбря обыкновенно делается берестяной рожок, для чего снимается береста лентой, вершка в два шириной. Она скручивается спиралью, и, таким образом, получается труба длиной в два фута. Звук получается от втягивания в себя воздуха.

Убить оленя во время рева очень легко. Самцы, ослепленные страстью, совершенно не замечают опасности и подходят к охотнику, если он их подманивает рожком, почти вплотную. Мясом мы были вполне обеспечены, поэтому я не пустил казаков на охоту, но сам решил пойти в тайгу ради наблюдений.

Запасшись такими рожками, мы с Дерсу отправились в лес и, отойдя от бивака с версту, разошлись в разные стороны. Выбрав место, где заросли были не так густы, я сел на пень и стал ждать.

По мере того, как угасал день, в лесу становилось все тише и тише.

В переходе от дня к ночи в тайге всегда есть что - то торжественное. Угасающий день нагоняет на душу чувство жуткое и тоскливое. Одиночество родит мысли, воспоминания. Я так ушел в себя, что совершенно забыл о том, где я нахожусь, и зачем пришел сюда в этот час сумерок.

Вдруг, где-то на юге, заревел один изюбрь. Призывной крик его разнесся по всему лесу, и тотчас в ответ ему ответил другой — совсем недалеко от меня. Это должно быть был старый самец. Он начал с низких нот, затем постепенно перешел на высокие и окончил густой октавой. Я ответил ему на берестяном рожке. Не более, как через минуту, я услышал треск сучьев и вслед за тем увидел стройного оленя. Он шел уверенной грациозной походкой, покачивая головой и поправляя рога, задевающие за сучья деревьев. Я замер на месте. Изюбрь остановился и, закинув голову, делал носом гримасы, стараясь по запаху узнать, где находится его противник. Минуты две я любовался прекрасным животным и совершенно не имел намерения лишать его жизни. Чувствуя присутствие врага, олень волновался. Он начал рогами рыть землю, затем поднял свою голову вверх и издал могучий крик. Легкий пар вылетел у него изо рта. Не успело ему ответить эхо, как со стороны Синанцы послышался другой рев. Олень встрепенулся, как-то завыл, затем вой

его перешел в рев, короткий и яростный. В это время олень был удивительно красив.

Вдруг, слева от меня послышался слабый шум. Я оглянулся и увидел самку. Когда я снова повернул голову к оленям, самцы уже дрались. С изумительной яростью они бросились друг на друга. Я ясно слышал удары их рогов и тяжелые вздохи, вырывавшиеся из груди вместе со стонами. Задние ноги животных были вытянуты, а передние подогнуты под брюхо. Был момент, когда они так крепко сцепились рогами, что долго не могли разойтись. Сильным встряхиванием головы один олень отломал у другого верхний отросток рога и только этим освободил себя и противника. Бой изюбрей продолжался минут десять. Наконец, стало ясно, что один из них должен уступить. Он тяжело дышал и понемногу пятился назад. Заметив отступление противника, другой олень стал нападать еще яростнее. Скоро оба изюбря скрылись у меня из виду.

Шум борьбы постепенно удалялся. Очевидно, один олень гнал другого. Самка следовала сзади в некотором расстоянии. Вдруг, по лесу прокатился отдаленный звук выстрела, я понял, что это стрелял Дерсу. Нужно заметить, что олени дрались во множестве. Рев их несся отовсюду — в лесу стоял настоящий гомон.

Начинало быстро темнеть. На небе последние вспышки зари боролись еще с ночным мраком, быстро наступавшим с востока.

Через полчаса я пришел на бивак. Дерсу был уже дома. Он сидел у огня и чистил свою винтовку. Он мог бы убить несколько изюбрей, но ограничился одним только рябчиком.

Долго сидели мы у костра и слушали рев зверей. Изюбри не давали нам спать всю ночь. Сквозь дремоту я слышал их крики и то и дело просыпался. У костра сидели казаки и ругались. Искры, точно фейерверк, вздымались кверху, кружились и одна за другой гасли в темноте. Наконец, стало светать. Изюбриный рев понемногу стих. Только одинокие изюбри долго еще не могли успокоиться. Они слонялись по теневым склонам гор и ревели, но им уже никто не отвечал. Но вот взошло солнце, и тайга снова погрузилась в безмолвие.

Оставив всех людей на биваке, мы с Дерсу пошли на Сихотэ - Алинь. Для этого мы воспользовались одним из ключиков, текущих с водораздела к р. Синанце. Подъем был

сначала длинный и пологий, а затем сделался крутым. Пришлось идти без тропы по густой кустарниковой заросли, заваленной горелым лесом.

Приближалась осень. Листва на деревьях уже стала опадать на землю. Днем она шуршит под ногами, а вечером от росы опять становится мягкой. Это позволяет охотнику подойти к зверю очень близко.

Часам к шести пополудни мы возвратились на бивак. Было еще довольно светло, когда наиболее ярые изюбри начали реветь; сначала на высоких горах, а потом — и в долинах.

Бой изюбрей в прошлый вечер произвел на меня сильное впечатление; я решил опять пойти в тайгу и пригласил с собой Дерсу. Мы переправились через реку и вступили в лес, полный таинственного сумрака. Отойдя от бивака версты полторы, мы остановились около тихого ручья и стали слушать. Когда солнце скрылось за горизонтом, на землю спустились сумерки, и чем темнее становилось в тайге, тем больше ревели изюбри. Эта волшебная музыка наполняла весь лес. Мы пробовали было подходить к оленям, но неудачно. Раза два мы видели животных, но как-то плохо: или видна была одна голова с рогами, или задняя часть тела и ноги. В одном месте мы заметили красивого самца. Около него уже табунилось три матки. Олени не стояли на месте, а тихонько шли. Мы следовали за ними по следам. Если бы не Дерсу, я давно потерял бы их из виду. Самец шел впереди. Он чувствовал, что он сильней других самцов и потому отвечал на каждый брошенный ему вызов. Вдруг Дерсу остановился и стал прислушиваться. Он повернулся назад и замер в неподвижной позе. Оттуда слышался рев старого быка, но только ноты его голоса были расположены не в том порядке, как обыкновенно у изюбрей.

— Гм, тебе понимай, какой это люди? — спросил меня тихо Дерсу.

Я ответил, что думаю, что это изюбрь, но только старый.

— Это — Амба, — ответил он мне шопотом. — Его шибко хитрый. Его постоянно так изюбря обмани. Изюбрь теперь понимай нету, какой люди кричи. Амба скоро матка поймай есть.

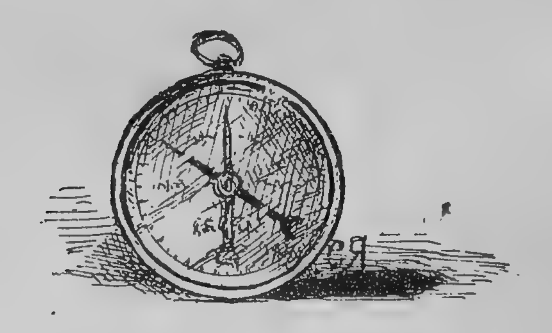
Как бы в подтверждение его слов, в ответ на рев тигра, изюбрь ответил громким голосом. Тотчас ответил и тигр.

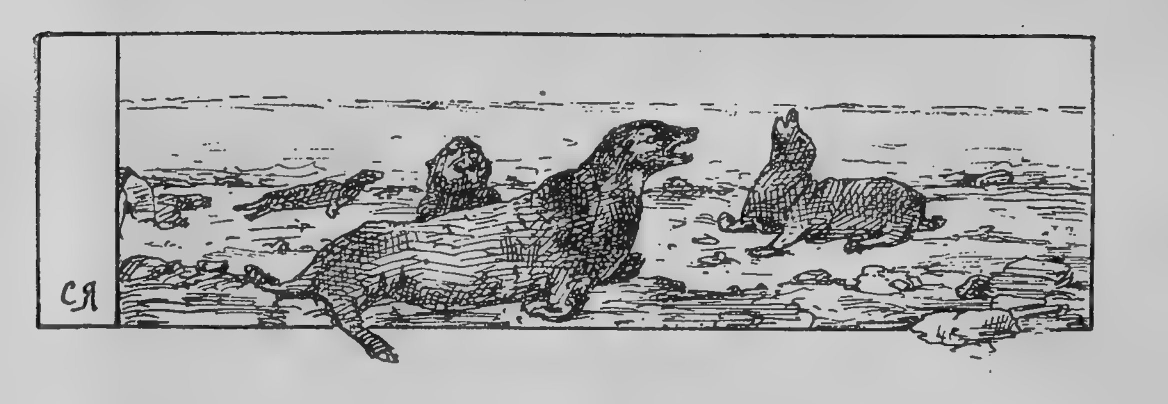
Он довольно ловко подражал оленю, но только под конец его рев закончился коротким мурлыканьем.

Тигр приближался и, вероятно, должен был пройти близко от нас. Дерсу казался взволнованным. Сердце мое усиленно забилось. Я поймал себя на том, что чувство страха начало овладевать и мной. Вдруг Дерсу принялся кричать.

— А - та - та, та - та - та, та - та - та!!...

После этого он выстрелил из ружья два раза в воздух, затем бросился к березе, спешно сорвал с нее кору и зажег спичкой. Ярким пламенем вспыхнула сухая береста и в то же мгновение вокруг нас стало вдвое темнее. Испуганные выстрелом изюбри шарахнулись в сторону, и затем все стихло. Дерсу взял палку и накрутил на нее горящую бересту. Через минуту мы шли назад, освещая дорогу факелом. Перейдя реку, мы вышли на тропинку и по ней возвратились на бивак.

XXIII.

Охота на медведя.

Р. Митухе. — Страшный зверь. — Три выстрела. — Бегство. — Бурый медведь. — Трофей, закопанный в землю. — Отсталые перелетные птицы. — Лежбище сивучей. — Злоупотребление огнестрельным оружием. — Поиски бивака. — Дым и холодные утренники. — Озера. — Лудева.

На другой день (7 сентября) мы продолжали наше путешествие по долине р. Аохобе, придерживаясь левой ее стороны.

После полудня мы как-то сбились с дороги и попали на зверовую тропу. Она завела нас далеко в сторону. Перейдя через горный отрог, покрытый осыпями и почти лишенный растительности, мы случайно вышли на какую-то речку. Она оказалась притоком Мутухе. Русло ее во многих местах было завалено буреломным лесом. По этим завалам можно судить о размерах наводнений. Видно, что на Мутухе они коротки, но чрезвычайно стремительны, что объясняется близостью гор и крутизной их склонов.

Долину реки Мутухе можно считать самым зверовым местом на побережьи моря. Из зарослей леспедецы и орешника то и дело выбегали олени, козули и кабаны. Казаки ахали, волновались, и мне стоило не мало трудов удержать их от стрельбы и бесполезного истребления животных. Часа в три я подал сигнал к остановке.

Мне очень хотелось убить медведя. Другие бьют медведей «один на один», думал я. Почему бы мне не сделать то же? Охотничий задор разжег во мне чувство тщеславия, и я решил попытать счастье.

Многие охотники рассказывают о том, как они били медведя без всякого страха, и выставляют при этом только комичные стороны охоты. По рассказам одних, медведь убегает после выстрела; другие говорят, что он становится на задние лапы и идет навстречу охотнику, и что в это время в него можно влепить несколько пуль. Дерсу не соглашался с этим. Слушая такие рассказы, он сердился, плевался, но никогда не вступал в пререкания.

Узнав, что я хочу итти на медведя один, он посоветовал мне быть осторожнее и предлагал свои услуги. Его уговоры еще больше подзадорили меня, и я еще тверже решил во что бы то ни стало поохотиться за «косолапым» в одиночку.

Я отошел от бивака не более полуверсты, но уже успел вспугнуть двух козуль и кабана. Здесь было так много зверя, что получалось впечатление зверинца, где животные собраны в одно место и ходят на свободе.

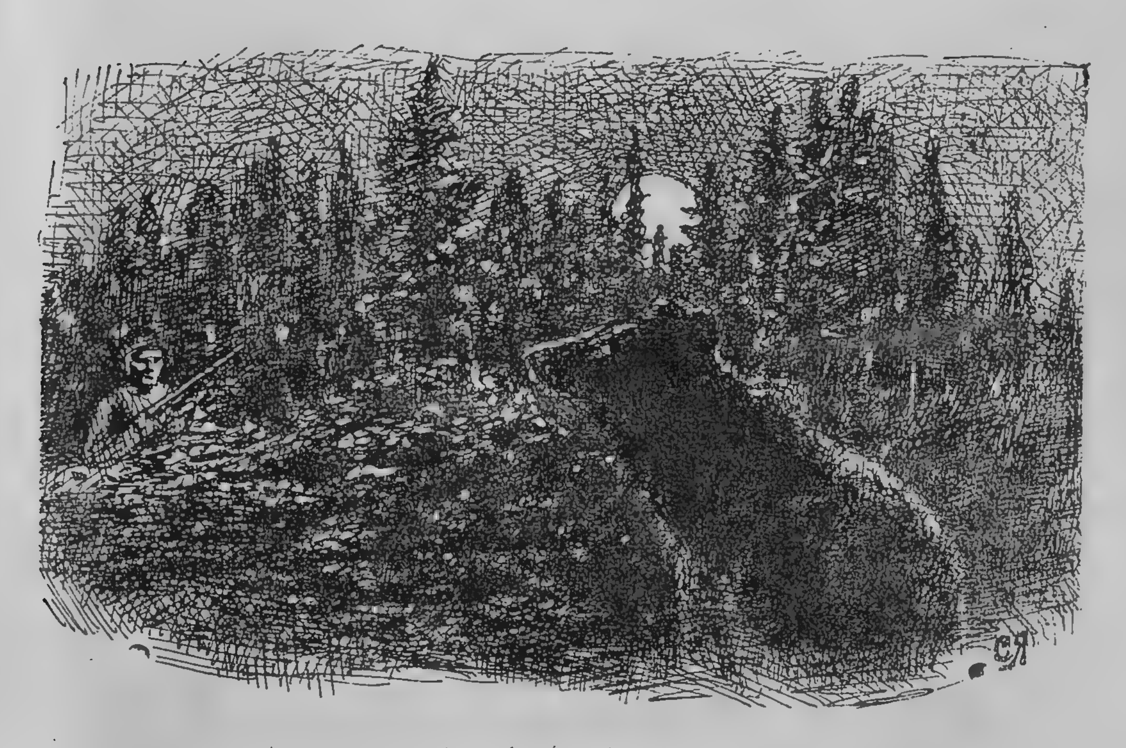
Перейдя ручей, я остановился среди редколесья и стал ждать. Через несколько минут я увидел оленя; он пробежал по опушке леса; рядом в орешнике шумели кабаны и взвизгивали поросята.

Вдруг впереди меня послышался треск сучьев, и вслед затем я услышал чьи-то редкие шаги. Кто-то шел мерной тяжелой походкой. Я испугался и хотел было уйти назад, но поборол в себе чувство страха и остался на месте. Вслед затем я увидел в кустах какую-то темную массу. Это был большой медведь. Он шел наискось по увалу и был немного выше меня. Он часто останавливался, копался в земле, переворачивал валежник и что-то внимательно под ним рассматривал. Выждав, когда зверь был от меня шагах в сорока, я медленно прицелился и спустил курок. Сквозь дым выстрела я видел, как медведь с ревом быстро повернулся и схватил себя зубами за то место, куда ударила пуля. Что дальше случилось, я плохо помню. Все произошло так быстро, что я уже не мог разобраться, что чему предшествовало. Тотчас же после выстрела медведь во весь дух бросился ко мне навстречу. Я почувствовал сильный толчок, и в это время произошел второй выстрел. Когда и как я успел зарядить ружье, это для меня самого осталось загадкой. Кажется, я упал на левую сторону. Медведь перевернулся через голову и покатился по склону вправо. Как случилось, что я очутился опять на ногах, и как я не выпустил ружья из рук, не помню. Я побежал вдоль увала и в это время услышал за

собой погоню. Медведь бежал за мной следом, но уже не так быстро, как раньше. Вспомнив, что ружье мое не заряжено, я остановился и быстро передернул затвор.

— Надо стрелять! От хорошего прицела зависит спасение жизни, мелькнуло у меня в голове.

Я вставил приклад ружья в плечо, но ни мушки, ни прицела не видел. Я видел только мохнатую голову медведя,

Это был большой медведь...

его раскрытый рот и злобные глаза. Если бы кто-нибудь в это время посмотрел на меня со стороны, то, наверное, увидел бы, как лицо мое исказилось от страха.

Я ни за что не поверю охотникам, уверяющим, что в зверя, бегущего им навстречу, они стреляют так же спокойно, как в пустую бутылку. Это неправда. Неправда потому, что чувство самосохранения свойственно всякому человеку. Вид разъяренного зверя не может не волновать охотника и непременно отразится на меткости его стрельбы.

Когда медведь был от меня совсем близко, я выстрелил почти в упор. Он опрокинулся, а я отбежал снова. Когда оглянулся назад, то увидел, что медведь катается на земле. В это время с правой стороны я еще услышал шум. Инстинктивно я обернулся и замер на месте. Из кустов показалась голова другого медведя, но сейчас же опять спряталась в зарослях. Тихонько, стараясь не шуметь, я побежал влево и вышел на реку.

Минут двадцать я бесцельно бродил по одному месту пока не успокоился. Идти на бивак с пустыми руками—стыдно. Если я убил медведя, то бросить его было жалко. Но там был еще другой медведь — нераненый. Что делать? Так я бродил до тех пор, пока солнце не ушло за горизонт. Лучи его оставили землю и теперь светили куда-то в небо. Тогда я решил пройти стороной и издали взглянуть на медведей. Чем ближе я подходил к опасному месту, тем становилось страшнее. Нервы мои были напряжены до последней крайности. Каждый шорох заставлял меня испуганно оборачиваться. Всюду мне мерещились медведи, всюду казалось, что они идут за мной по пятам. Я часто останавливался и прислушивался. Наконец, я увидел дерево, около которого последний раз свалился медведь. Оно показалось мне особенно страшным. Я решил обойти его по косогору и посмотреть с гребня увала. Для этого я сделал большой круг. В подозрительных местах я останавливался и бросал камнями.

Вдруг я заметил, что в кустах кто-то шевелится. Медведь! подумал я и попятился назад. Но в это время услышал человеческий голос. Это был Дерсу. Я страшно обрадовался и побежал к нему. Увидев меня, гольд сел на лежавшее на земле дерево и стал закуривать свою трубку. Я подошел к нему и спросил, как он попал сюда. Дерсу рассказал мне, что с бивака он услышал мои выстрелы и пошел мне на помощь. По следам он установил, где я стрелял в медведя, и как он на меня бросился. Затем он указал место, где я упал; дальше следы показали ему, что медведь гнался за мной и т. д. Одним словом, он рассказал мне все, что со мной случилось.

— Должно быть, подранок, ушел,— сказал я своему товарищу.

— Его остался здесь, — ответил Дерсу и указал на большую кучу земли.

Я понял все. Мне вспомнились рассказы охотников о том, что медведь, найдя какое-нибудь мертвое животное, всегда закапывает его в землю. Когда мясо станет разлагаться, он лакомится им. Но я не знал, что медведь закапывает медведя. Для Дерсу это тоже было новинкой.

Через несколько минут мы откопали медведя. Кроме земли, на него было наложено много камней и валежника.

Я стал раскладывать огонь, а Дерсу принялся потрошить зверя. Убитый мною медведь был из крупных, черно-бурой масти, длиной 8, высотой 4 фута, весом около двадцати пудов. Он имеет притупленную морду, небольшие уши и маленькие глаза. К гигантской силе его надо прибавить крепкие клыки и когти в семь сантиметров длиной. Животное это распространено по всему Уссурийскому краю, но чаще всего встречается в северной его половине и на берегу моря между мысом Гиляк и устьем р. Амура. Любопытно то, что окраска его на юге черная, а чем севернее, тем больше приближается к светло-бурой. Нрав этого медведя довольно добродушный, пока его не трогают, но раненый он становится положительно ужасен. Пища его, главным образом, растительная, но при случае он не прочь полакомиться мясом и рыбой. Берлогу бурый медведь устраивает под корнями деревьев, в расщелинах камней и даже просто в земле. Подобно своим древним сородичам, он чрезвычайно любит забиваться в пещеры и жить в них не только зимой, но даже и в теплое время года. В зимнюю спячку бурый медведь впадает поздно. Некоторые из них бродят по тайге иногда до декабря месяца. Они не любят лазить по деревьям, — быть может, препятствием этому служит их большой вес.

В убитого мной медведя попали все три пули. Одна в бок, другая — в грудь и третья — в голову. Когда Дерсу покончил свою работу, было уже темно. Подложив в костер сырых дров, чтобы они горели до утра, мы тихонько пошли на бивак.

Вечер был тихий и прохладный. Полная луна плыла по ясному безоблачному небу и по мере того, как свет месяца становился ярче, наши тени делались короче и чернее. По дороге мы опять вспугнули диких кабанов. Они с шумом разбежались в разные стороны. Наконец, между деревьями показался свет. Это был наш бивак.

После ужина казаки рано легли спать. За день я так переволновался, что не мог уснуть. Я поднялся, сел к огню и стал думать о пережитом. Ночь была ясная — тихая. Красные блики от огня, черные тени от деревьев и голубоватый свет луны — мешались между собой. По опушкам сонного леса бродили дикие звери. Иные совсем близко подходили к биваку. Особенным любопытством отличались дикие козули. Наконец, я почувствовал дремоту, лег рядом с казаками и уснул крепким сном.

На рассвете, раньше всех, проснулся Дерсу. Затем встал я, а потом и другие. Солнце только что взошло и своими лучами едва озарило верхушки гор.

Закусив немного, мы собрали свои котомки и тронулись в путь.

Там, где долина Оленьей реки сходится с долиной реки Медвежьей, на конце увала, приютилась маленькая фанза. Она была пуста. Окинув ее взором, Дерсу сказал, что здесь живут корейцы, четыре человека, что они занимаются ловлей соболей и недавно ушли на охоту на всю зиму.

Здесь по речкам, в болоте и на берегу моря на песке мы застали кое - каких перелетных птиц. Судя по малочисленности как особей, так и видов, видно, что по берегу моря не бывает большого перелета. Тут было несколько амурских кроншнепов. Они красиво расхаживали по траве. При приближении нашем птицы останавливались, пристально смотрели на нас и затем с хриплым криком снимались с места. Отлетев немного, они опять спускались на землю, но были уже настороже. В другой стороне, около воды, ходила восточная белолобая казарка. Я сначала принял ее за гуся. Она мне показалась больше размерами, чем есть на самом деле. Мурзин обошел ее по кустам и убил пулей. Из уток здесь было много маленьких чирков. Они держались в ручьях, заросших ольхой и кустарниками. Когда я очень близко подходил к ним, они не улетали, а только немного отплывали в сторону и, видимо, совершенно не боялись человека.

Путь по р. Мутухе до перевала чрезвычайно каменист, и движение по нему затруднительно. Расщелины в камнях и решетины между корнями представляют из себя настоящие ловушки. Опасения поломать ногу коням делают эту дорогу трудно проходимой. Надо удивляться, как местные

некованные китайские лошади ухитряются ходить здесь, да еще нести на себе значительные тяжести.

Пройдя по реке верст пять, мы повернули на восток к морю.

Уже с утра я заметил, что в атмосфере творится что-то неладное. В воздухе стояла мгла; небо из синего стало белесоватым; дальних гор совсем не было видно. Я указал Дерсу на это явление и стал говорить ему много из того, что мне было известно из метеорологии о сухой мгле.

— Моя думай — это дым, — отвечал он.—Ветер нету, который сторона гори, понимай не могу.

Едва мы поднялись наверх, как сразу увидели, в чем дело. Из-за гор, с правой стороны Мутухе, большими клубами подымался белый дым. Дальше на север тоже курились сопки. Очевидно, пал уже успел охватить большое пространство. Полюбовавшись им несколько минут, мы пошли к морю и, когда достигли береговых обрывов, повернули влево, обходя глубокие овраги и высокие мысы.

Вдруг какие-то странные звуки, похожие на хриплый и протяжный лай, донесло до нас ветром снизу. Я тихонько подошел к краю обрыва и то, что увидел, было удивительно интересно. Множество сивучей—больших и малых лежало на берегу моря.

Сивуч относится к отряду ластоногих и к семейству ушастых тюленей. Это довольно крупное животное и достигает до двух саженей длины и полуторых сажен в обхвате около плеч, при весе в 40 — 50 пуд. Он имеет маленкие ушные раковины, красивые черные глаза, большие челюсти с сильными клыками, длинную, сравнительно, шею, на которой шерсть несколько длиннее, чем на всем остальном теле, и большие ноги (ласты) с голыми подошвами. Обыкновенно самцы в два раза больше самок.

В Приморской области сивучи встречаются по всему побережью Японского моря. За ними охотятся туземцы, главным образом, ради их толстой шкуры, которая идет на обувь и на выделку ремней для собачьей упряжи.

Нежиться на камнях, обдаваемых пеной прибоя, видимо, доставляло сивучам большое удовольствие. Они потягивались, закидывали голову назад, подымали кверху задние ноги, сколько было возможно, поворачивались вверх брюхом и вдруг совершенно неожиданно соскальзывали

с камня в воду. Камень не оставался порожним; тотчас же около него показывалась другая голова и другое животное спешило занять вакантное место. На берегу лежали самки и рядом с ними молодняк, а в стороне, около пещер, выбитых волнами, дремали большие самцы. Старые были светло - бурого цвета, молодые — более темные. Последние держали себя как-то особенно гордо. Подняв кверху голову, они медленно поворачивали ее из стороны в сторону и, несмотря на их неуклюжее тело, им нельзя было отказать в грации. По манере себя держать, по величию и быстроте движений, они заслуживали бы названий морских львов, как и их сородичи у берегов Калифорнии.

По свойственной казакам - охотникам привычке, Мурзин поднял свое ружье и стал целиться в ближайшего к нам сивуча, но Дерсу остановил его и тихонько в сторону отвел винтовку.

— Не надо стреляй, — сказал он. — Таскай не могу. Напрасно стреляй — худо.

Тут только мы заметили, что к лежбищу ни с какой стороны подойти было нельзя. Справа и слева оно замыкалось выдающимися в море уступами, а со стороны суши были отвесные обрывы сажен в 25 высотой. К сивучам можно было только подъехать на лодке. Убитого зверя взять с собой мы не могли; значит, убили бы его зря и бросили бы на месте.

Минут двадцать мы наблюдали сивучей. Я не мог оторвать от них своих глаз. Вдруг я почувствовал, что кто-то трогает меня за плечо.

— Капитан! надо ходи, — говорил Дерсу.

Из всех виденных мной за эти дни животных более всего мне понравились ластоногие.

Итти по вершине хребта всегда легче, чем косогором, потому, что выдающиеся вершины можно обходить по горизонталям. Когда мы вышли опять на тропу, ночь уже опустилась на землю. Нам предстояло теперь подняться на высокую гору и оттуда спуститься в седловину. Высота перевала оказалась равной 370 саж.

Картина, которую я увидел с вершины горы, так поразила меня, что я вскрикнул от удивления. Шел пал: линия огней опоясывала горы—точно иллюминация. Величествен-

ная и жуткая картина. Огни мерцали и гасли, но тотчас вновь разгорались с большей силой. Они уже перешли через седловины и теперь спускались в долину. Наиболее высокие вершины еще не были во власти огня. Пал шел кверху правильным кольцом, — точно на приступ. На небе стояли два зарева. Одно — на западе, другое на востоке. Одно трепетало, другое было покойное.—Начинала всходить луна. Из-за горизонта показался сначала край ее. Медленно, нерешительно выплывала она из воды все выше и выше — большая, тусклая и багровая...

— Капитан! ходи надо, шепнул опять мне Дерсу.

Мы спустились в долину и, как только нашли воду, тотчас же остановились среди дубового редколесья. Дерсу велел нам нарвать травы для бивака, а затем пустил встречный пал. Как порох, вспыхнула сухая трава и опавшие листья. Огонь быстро пошел по ветру и в стороны. Теперь лес имел сказочный, феерический вид. Я стал следить за палом. Огонь шел по листве медленно, но, когда добирался до травы, то сразу перескакивал вперед. Жар увлекал кверху сухую ветошь. Она летела и горела в воздухе. Таким образом, огонь перебрасывался все дальше и дальше. Наконец, пал подошел к кустам. С сильным шумом взвилось огромное пламя. Тут росла желтая береза с лохматой корой. В одно мгновенье она превратилась в сплошной факел, — но только на минуту; кора обгорела и потухла. Старые деревья с сухой сердцевиной горели, стоя на корню. Позади пала, там и сям, взвивались струйки белого дыма: это тлели на земле головешки. Испуганные животные и птицы спасались бегством. Мимо меня пробежал заяц; по начинавшему загораться колоднику прыгал бурундук; с резкими криками от одного дерева к другому носился пестрый дятел.

Я шел за огнем все дальше и дальше, не опасаясь заблудиться, шел до тех пор, пока желудок не напомнил, что пора возвратиться назад. Я полагал, что костер укажет мне место бивака. Обернувшись, я увидел много огней: это догорал валежник. Который из них был наш огонь, я разобрать не мог. Один из огней мне показался больше других. Я направился к нему, но это оказался горящий сухой пень. Я пошел к другому — опять то же. Так я переходил от огня к огню и все не мог найти бивака. Тогда я принялся кричать. Совсем с другой стороны донесся до меня отклик. Я повернул обратно и вскоре добрался до своих. Мои спутники подтрунивали надо мной, и я сам от души смеялся.

Опасения Дерсу сбылись. Во вторую половину ночи пал стал двигаться прямо на нас, но, не найдя себе пищи, прошел стороной. Вопреки ожиданиям, ночь была теплая, несмотря на безоблачное небо. В таких случаях, когда я видел что-либо непонятное, я обращался к Дерсу и всегда получал от него верные объяснения.

— Мороз ходи не могу, — ответил он. — Посмотри кругом, дыму много.

Тогда я вспомнил, как садоводы, при помощи дымокуров, спасают сады свои от утренников.

Днем мы видели изюбря; он пасся около горящего валежника. Олень спокойно перешагнул через него и стал ощипывать кустарники. Частые палы, видимо, приучили животных к огню, и они перестали его бояться.

Солнечный восход застал нас в дороге. После спуска с перевала тропа некоторое время идет по береговому валу, сложенному из окатанной гальки, имея справа море, а слева — болото.

Заметно, что с каждым днем птиц становится все меньше и меньше. За эти дни я отметил только: 1) уссурийскую длиннохвостую неясыть — птицу, смелую ночью и трусливую днем: в яркие солнечные дни она забивается в глухие хвойные леса не столько ради корма, сколько ради мрака, который там всегда господствует; 2) уссурийского белоспинного дятла, — птица эта предпочитает старые смешанные леса, где есть много рухляка и сухостоев; 3) клинохвостого сорокопута — жадного и задорного хищника, нападающего даже на таких птиц, которые больше его размерами; 4) зеленого конька, обитающего по опушкам лесов и 5) черноголовых овсянок — красивых, желтобрюхих птичек с черными шапочками на головах. Они предпочитали открытые места теневым и собирались в небольшие стайки.

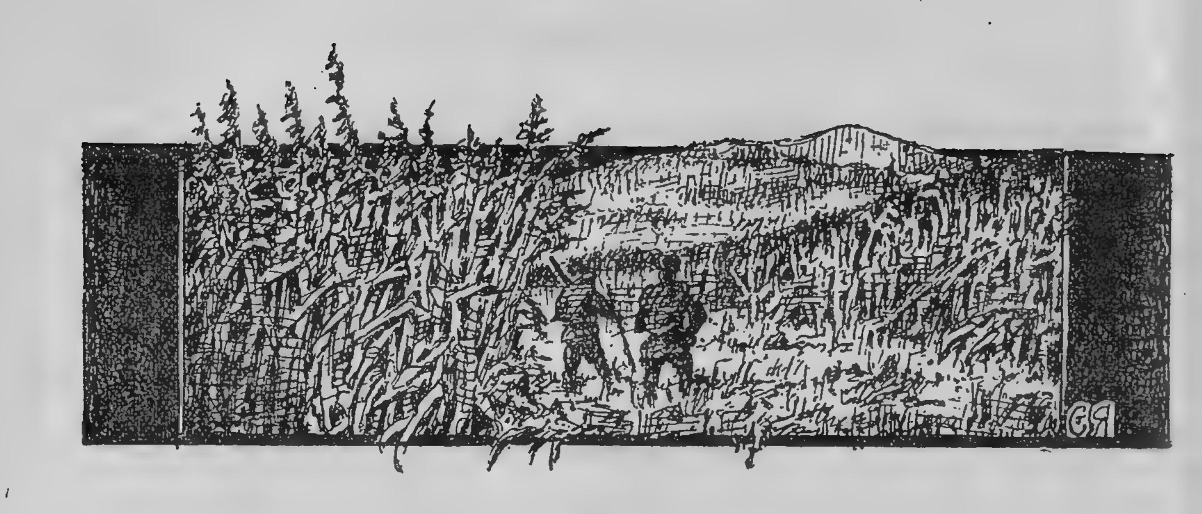
Тропа, по которой мы шли, привела нас к лудеве длиною в 24 версты с 74 действующими ямами. Большего хищничества, чем здесь, я никогда нигде не видел.

— Все кругом скоро манза совсем кончай, — сказал Дерсу. — Моя думай, еще десять лет — олень, соболь, белка пропади есть.

Рядом с фанзой стоял на сваях сарай, целиком набитый оленьими жилами, связанными в пачки. Судя по весу одной такой пачки, тут было собрано жил, вероятно, около

50 пудов. Китайцы говорили нам, что оленьи сухожилия они два раза в год отправляют во Владивосток, а оттуда — в Чифу. На стенах фанзочки сушилось около сотни шкурок сивучей. Все они принадлежали молодняку. Не было сомнения, что китайцы знали о лежбище ластоногих около р. Мутухе и хищнически хозяйничали там.

XXIV.

Встреча с хунхузами.

Следы. — Хунхузы. — Дерсу на разведках. — Перестрелка. — Чжан-Бао. — Грибная фанза. — Каменная кожа. — Отъезд Н. А. Пальчевского и А. И. Мерзлякова.

Днем на тропе Дерсу нашел человеческие следы. Он стал внимательно их изучать. Один раз он поднял окурок папиросы и кусок синей дабы. По его мнению, здесь проходили два человека. Это не были рабочие манзы, а какие-то праздные люди, потому что трудящийся человек не бросит новую дабу только потому, что она запачкана; он и старую тряпку будет носить до тех пор, пока она совсем не истреплется. Затем, рабочие курят трубки, а папиросы для них слишком дороги. Продолжая свои наблюдения, он нашел место, где прошедшие два человека отдыхали, при чем один из них переобувался; брошенная ружейная гильза указывала на то, что китайцы были вооружены винтовками.

Чем дальше мы шли, тем разнообразнее были находки. Вдруг Дерсу остановился.

— Еще два люди ходили,—сказал он.—Теперь четыре стало. Моя думай, это худые люди.

Мы посоветовались и решили оставить тропу и пойти целиной. Взобравшись на первую попавшуюся сопку, мы стали осматриваться. Впереди, верстах в четырех от нас, виднелся залив Пластун; влево—высокий горный хребет, за которым, вероятно, должна быть р. Синанца; сзади—озеро Долгое, справа—цепь размытых холмов, а за ними—море.

Не заметив ничего подозрительного, я хотел было опять вернуться на тропу, но гольд посоветовал спуститься к ключику, текущему к северу, и дойти по нему до р. Тхетибе.

Через час пути мы дошли до опушки леса. Здесь Дерсу велел нам ожидать его возвращения, а сам пошел на разведки.

Тхетибе представляет из себя небольшую горную речку, протекающую по широкой и заболоченной долинке, поросшей ивой, ольхой и белой березой.

Приближались сумерки. Болото приняло одну общую желто-бурую окраску и имело теперь безжизненный и пустынный вид. Горы окутались в синюю дымку вечернего тумана и казались хмурыми. По мере того, как становилось темнее, ярче на небе разгоралось зарево лесного пожара. Прошел час, другой, а Дерсу не возвращался. Я начал беспокоиться.

Вдруг, где-то далеко, послышался крик, затем раздалось четыре выстрела, опять крик и—еще один выстрел. Я хотел было бежать туда, но вспомнил, что таким образом мы потеряем друг друга.

Минут через двадцать гольд возвратился. Вид его был крайне встревоженный. Насколько возможно, он спешно рассказал, что с ним случилось. Идя по следам четырех человек, он дошел до залива Пластун и здесь увидел палатку. В ней было около двадцати человек вооруженных китайцев. Убедившись, что это хунхузы, он пополз по кустам обратно, но в это время его учуяла собака и подняла лай. Три китайца схватили ружья и бросились за ним в погоню. Убегая, Дерсу попал в зыбучее болото. Хунхузы закричали, чтобы он остановился и затем стали стрелять. Выйдя на сухое место, Дерсу прицелился с колена в одного из разбойников и выстрелил. Он хорошо видел, что китаец упал. Двое других остались около раненого, а он побежал дальше. Чтобы сбить хунхузов с толку, Дерсу на глазах у них нарочно направился в сторону противоположную той, где мы притаились, а затем кружным путем вернулся обратно.

— Моя рубашка хунхузы дырку делай,—сказал Дерсу и показал свою куртку, простреленную пулей.

— Надо наша скоро ходи,—закончил он рассказ и стал надевать котомку.

Мы тихонько двинулись вперед, стараясь не шуметь.

Гольд повел нас осыпями, по сухому ложу речки и избегал тропинок.

Часов в десять вечера мы достигли р. Иодзыхе, но не пошли в фанзы, а остались ночевать под открытым небом. Ночью я сильно зяб, кутался в палатку, но сырость проникала всюду. Никто не смыкал глаз. С нетерпением мы ждали рассвета, но время, как на зло, тянулось бесконечно долго.

Как только стало светать, мы тотчас тронулись дальше. Надо было как можно скорее соединиться с Г. И. Гранатманом и А. И. Мерзляковым. Дерсу полагал, что будет лучше, если мы оставим тропу и пойдем горами. Так и сделали. Перейдя вброд реку, мы вышли на тропинку и только собирались юркнуть в траву, как навстречу нам из кустов вышел таза с винтовкою в руках. Сначала он испугался и изрядно, в свою очередь, напугал нас, но, увидев на мне форменную фуражку, полез за пазуху и подал пакет. Это было письмо от Н. А. Пальчевского. Последний извещал меня, что с р. Санхобе в поиски за хунхузами выступил отряд охотников под начальством китайского старшины Чжан-Бао. Пока я читал письмо, Дерсу расспрашивал таза, а таза, в свою очередь, расспрашивал его. Выяснилось, что Чжан-Бао с своими тридцатью охотниками ночевал недалеко от нас и теперь, вероятно, подходил уже к р. Иодзыхе.

Действительно, минут через двадцать мы с ним встретились.

Чжан-Бао был мужчина высокого роста лет сорока пяти. Одет он был в обыкновенную китайскую синюю одежду, только несколько опрятнее, чем у простых рабочих манз. На подвижном лице его лежала печать перенесенных лишений. Он носил черные усы, по китайскому обычаю опущенные книзу, в которых уже кое-где пробивалась седина. В черных глазах этого человека сквозил ум, на губах постоянно играла улыбка, и в то же время лицо его никогда не теряло серьезности. Прежде чем что-нибудь сказать, он всегда обдумывал свой ответ и говорил тихо, не торопясь. Мне не приходилось встречать человека, в котором так совмещались бы серьезность, добродушие, энергия, рассудительность, настойчивость и таланты дипломата. В личности Чжан-Бао, в его жестах, во всей его фигуре, в манере держать себя — было что-то особенное.

Дружина, которой командовал Чжан-Бао, состояла из китайцев и тазов. Все это были молодые люди, крепкие, сильные, хорошо вооруженные. Я, как военный человек, сра-

зу заметил, что в его отряде была крепкая дисциплина. Все распоряжения его исполнялись быстро, и не было случая, чтобы он свои приказания повторял дважды.

Во всем районе от Кусуна до залива Ольги Чжан-Бао считался самой авторитетнейшей личностью. Китайцы и тазы обращались к нему за советами, и если где-нибудь надо было примирить двух непримиримых врагов, китайцы опять-таки обращались к Чжан-Бао. Он часто заступался за обиженных, и на этой почве у него было много тайных врагов. Особенную ненависть он питал к хунхузам и своими преследованиями навел на них такой страх, что далее реки Иодзыхе они заходить не решались.

Шайка, на которую мы наткнулись, приехала в залив Пластун на лодках с намерением заняться грабежом шаланд, заходящих сюда во время непогоды.

Чжан-Бао приветствовал меня вежливо, но с достоинством. Узнав, что Дерсу ночью подвергся нападению хунхузов, он стал подробно его расспрашивать, где это случилось, и при этом палочкой чертил план на песке.

Собрав сведения, он сказал, что ему нужно торопиться, и что он вернется на р. Санхобе дня через два или три. Затем он простился со мной и пошел с охотниками далее.

Теперь уже нам нечего было скрываться от китайцев, поэтому мы отправились в первую попавшуюся фанзу, напились чаю и легли спать. В полдень мы встали, напились чаю еще раз и затем пошли вверх по долине р. Дангоу, что по-китайски означает Восточная Падь.

Растительность в долине реки Дунгоу довольно скудная. Редколесье из дуба и черной березы, лиственницы и липы дровяного и поделочного характера нельзя назвать лесом. Молодняка нигде нет, он систематически два раза в год уничтожается палами. Склоны гор, обращенные к югу, поросли кустарниками, главным образом,—таволгой, калиной и леспедецей. Все остальное пространство луговое и заболоченное. Ширина реки 2—3 сажени; она порожиста и мелководна. Некоторые пороги очень красивы и имеют вид небольших водопадов.

Во вторую половину дня нам удалось пройти только до перевала. Заметив, что вода в речке начинает иссякать, мы отошли немного в сторону и стали биваком недалеко от водораздела. Весело затрещали сухие дрова в костре. Мы грелись около огня, пили чай и делились впечатлениями предыдущей ночи. Недолго длилась наша беседа. Утренний отдых в фанзе был непродолжителен. Организм требовал еще

сна. Положив в огонь сырых дров, чтобы они дольше горели, мы легли на траву и крепко заснули.

Когда на другой день я поднялся, солнце было уже высоко. Напившись чаю, мы взяли свои котомки и пошли к перевалу. Здесь тропа долгое время идет по хребту, огибая его вершины то с одной, то с другой стороны. Поэтому кажется, что она то подымается, то опускается и как будто пересекает несколько горных отрогов.

С перевала тропа идет вниз по маленькому ключику и скоро пересекает небольшую горную речку Мулумбе, впадающую в озеро Хунтами. Китайцы название это толкуют по своему и производят его от слов Му-лу, что значит «Самка изюбря».

Несомненно, и тут мы имеем дело со старой лагуной, процесс высыхания которой далеко еще не закончен. Всему виной торфяники, прикрывшие ее сверху и образовавшие болото. Около моря сохранилась еще открытая вода. Это озеро Благодати. Вероятно, тут было самое глубокое место бухты.

Мелкие ручьи, сбегающие с гор, текут по узким оврагам и питают болото водой. Между ними образовались небольшие релки, покрытые ольхой, березой, а где посуше—дубовым редколесьем. Тропа идет через эти овраги, но затем круто поворачивает к болоту. Расстояние от Мулумбе до реки Каимбе не более 5 верст, но на этот переход мы употребили почти целый день—болото оказалось зыбучим. Мы пробовали было итти стороной около тропы, но это оказалось еще хуже. Наконец, перед сумерками болото было пройдено. Впереди около речки Каимбе виднелась какая-то фанза; к ней мы и направили свои стопы.

В фанзе жило два китайца. Ни огородов, ни пашен вокруг ее не было видно. Однако, зоркий глаз Дерсу усмотрел поперечную пилу, топоры с длинными ручками, кузовки, плетеные из лыка, и длинные каны, несоответствующие числу обитателей фанзы. Оказалось, что китайцы занимаются сбором древесных грибов и лишайников с камней. Грибы относятся к семейству дрожалковых грибков и собираются исключительно с дуба. Они своеобразно ароматны и содержат в себе много воды (98%). Для культуры их китайцы валят на землю множество дубовых деревьев. Когда дуб начинает гнить, на нем появляются грибы, по внешнему виду похожие на белые кораллы. Китайцы из называют «му-эр». Их собирают и сушат сначала на солнце, а потом в фанзе на сильно нагретых канах.

Лишайники темно-оливково-зеленые (называемые китайцами Шихэй-пи, т.-е. каменная кожа) в сухом состоянии становятся черными. Их собирают с известковых и сланцевых скал и отправляют во Владивосток в плетеных корзинах, как гастрономическое лакомство.

Нельзя не удивляться предприимчивости китайцев. Одни из них охотятся за оленями, другие ищут жень-шень, третьи соболюют, четвертые заняты добычей кабарожьего мускуса, там видишь капустоловов, в другом месте ловят крабов или трепангов, там сеют мак и добывают опий и т. д. Что ни фанза, то новый промысел: ловля жемчуга, добыча какого-то растительного масла, ханшина, корней астрогала, — да всего и не перечтешь.

Мы так устали за день, что не пошли дальше и остались здесь ночевать.

Внутри фанзы было чисто, опрятно. Гостеприимные китайцы уступили нам свои места на канах и, вообще, старались всячески услужить. На улице было темно и холодно; со стороны моря доносился шум прибоя, а в фанзе было уютно и тепло...

Вечером манзы угостили нас «каменной кожей». Темно-бурые слизлые лишайники были безвкусны, хрустели на зубах, как вязига, и могли удовлетворить разве только гастрономическому вкусу китайцев.

По их словам, до Санхобе оставался только один переход. Желая дойти туда засветло, мы выступили на другой день очень рано.

От грибной фанзы тропа идет горами вдоль берега моря и на пути пересекает пять горных отрогов, поросших редколесьем из дуба, липы и черной березы.

Китайцы в грибной фанзе сказали правду. Только к вечеру мы дошли до реки Санхобе. Тропа привела нас прямо к китайскому поселку. В одной фанзе горел огонь. Сквозь тонкую бумагу в окне я услышал голос Н. А. Пальчевского и увидел его профиль. В такой поздний час он меня не ожидал. Г. И. Гранатман и А. И. Мерзляков находились в соседней фанзе. Узнав о нашем приходе, они тотчас прибежали. Начались обоюдные расспросы. Я рассказывал им, что случилось с нами в дороге, а они мне говорили о том, как работали на Санхобе. Как ни интересен был наш разговор, но усталость взяла свое. Н. А. Пальчевский заметил это и стал устраивать мне постель. Я лег на кан и тотчас уснул.

Весь следующий день мы провели в беседе. Река Санхобе являлась крайним пунктом нашего путешествия по бе-

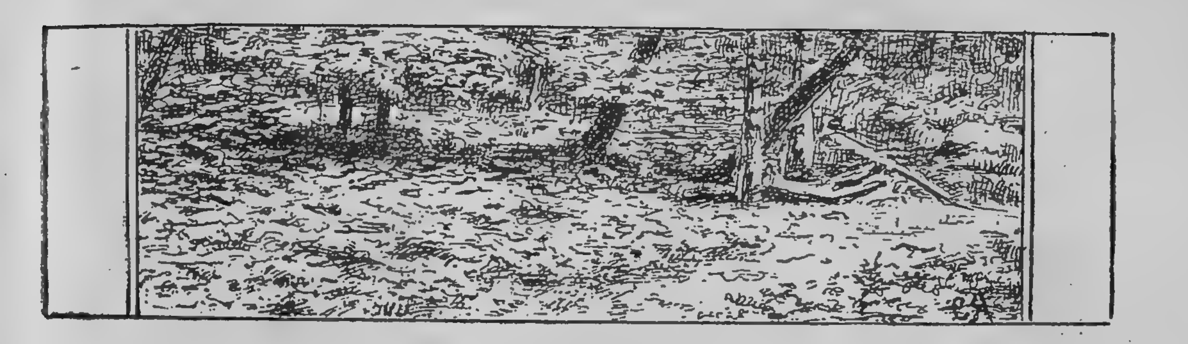
регу моря. Отсюда нам надо было итти к Сихотэ-Алиню и далее—на Иман. На совете решено было остаться на Санхобе столько времени, сколько потребуется для того, чтобы подкрепить силы и снарядиться для зимнего похода.

В виду приближения зимнего времени, довольствие лошадей сделалось весьма затруднительным. Поэтому я распорядился всех коней с А. И. Мерзляковым и с частью команды отправить назад к заливу Ольги. Вследствие полного замирания растительности, Н. А. Пальчевский тоже пожелал возвратиться во Владивосток. Для этого он решил воспользоваться шхуной Гляссера, которая должна была уйти через двое суток.

Таким образом, для зимнего похода через Сихотэ-Алинь оставались только я, Г. И. Гранатман, Дерсу, двое казаков (Мурзин и Кожевников) и стрелок Бочкарев.

25-го сентября мы расстались с Н. А. Пальчевским, а на следующий день в поход выступил и А. И. Мерзляков.

XXV.

Пожар в лесу.

Население реки Санхобе. — Река Сица. — Изучение следов. — Заноза. — Нарыв на подошве. — Лесной пожар. — Операция. — Беседы с Чжан-Бао. — Сборы.

Население реки Санхобе смешанное и состоит из китайцев и тазов. Первые живут ближе к морю, вторые—дальше в горах. Китайских фанз 38; в них насчитывается 233 человека. Тазовских фанз 14. В них живет 72 мужчины, 54 женщины и 89 детей обоего пола.

Положение здешних тазов весьма тяжелое. Они имеют совершенно забитый и угнетенный вид. Я стал было их расспрашивать, но они испугались чего-то, пошептались между собою и под каким-то предлогом удалились.

Санхобейские тазы почти ничем не отличаются от тазов на реке Тадушу. Они так же одеты, говорят по-китайски и занимаются хлебопашеством... Но около каждой фанзы есть амбар на сваях, где хранится разный скарб. Этот амбар является типичной туземной постройкой. Кроме того, я заметил у стариков тунгусские кривые ножи, которыми они владеют весьма искусно. Эти ножи заменяют им и шило, и буравчик, и долото, и наструг.

По рассказам тазов, лет тридцать тому назад на р. Санхобе свирепствовала оспа. Не было ни одной фанзы, которую не посетила бы эта страшная болезнь. Китайцы боялись хоронить умерших и сжигали их на кострах, выволакивая трупы из фанз крючьями. Были случаи, когда вместе с мертвыми сжигались и больные, впавшие в бессознательное состояние.

В этот день вечером возвратился Чжан-Бао. Он сообщил нам, что не застал хунхузов в заливе Пластун. После

перестрелки с Дерсу они ушли на шаланде в море, направляясь, повидимому, на юг.

Следующие три дня, 28—30 сентября, я просидел дома, вычерчивал маршруты, делал записи в путевых дневниках и писал письма. Казаки убили изюбря и сушили мясо, а Бочкарев готовил зимнюю обувь. Я не хотел отрывать их от дела и не брал с собой в экскурсии по окрестностям.

Река Санхобе состоит из двух рек одинаковой величины: Сицы и Дунцы. Путь мой на Иман, на основании расспросных сведений, был намечен по реке Дунце. Поэтому я решил теперь, пока есть время, осмотреть реку Сицу. На эту работу у меня ушло ровно семь суток.

1-го октября я, вместе с Дерсу, с котомками за плечами выступил из своей «штаб-квартиры».

На половине пути от моря до места слияния Сицы и Дунцы с левой стороны есть скала Да-лаза. Рассказывают, что однажды какой-то старик китаец нашел около нее жень-шень крупных размеров. Когда корень принесли в фанзу, сделалось землетрясение, и все люди слышали, как ночью скала Да-лаза стонала. По словам китайцев, река Санхобе на побережьи моря является северной границей, до которой произрастает жень-шень. Дальше на север никто его не встречал.

Нижняя часть долины Сицы представляется в виде больших котловин, обставленных высокими горами. Здесь растут великолепные леса, среди которых много кедра. Около реки лес вырублен лесопромышленником Хроманским, но вывезена только четвертая его часть. Все остальное брошено на месте. При падении своем лесные великаны поломали множество других деревьев, которые не предполагались к вырубке. В общем, здесь больше испорченного сухого леса, чем живого. По такому лесу итти целиной невозможно. Один раз мы пробовали было свернуть с тропы в сторону и через несколько шагов попали в такой бурелом, что еле-еле выбрались обратно. Площадь этого рубленого леса занимает пространство около 15 квадратных верст, из которых пять приходится в длину и три в ширину. Тропа проходит почти по середине леса. Для того, чтобы проложить ее, вероятно, понадобилось употребить не мало усилий и испортить не мало пил и топоров.

По мере того, как исчезали следы человеческие, встречалось все более и более следов звериных. Тигр, рысь, мед-

ведь, россомаха, изюбрь, олень, козуля и кабан — постоянные обитатели здешней тайги.

Река Сица—быстрая и порожистая. Пороги ее не похожи на пороги других рек Уссурийского края — это скорее шумные и пенистые каскады. В среднем течении река шириной около пяти сажен и имеет быстроту течения 8 верст в час в малую воду. Истоки ее представляются в виде одного большого ручья, принимающего в себя множество мелких ручьев, стекающих с гор по коротким распадкам.

Дерсу шел молча и смотрел на все равнодушно. Я восторгался пейзажами, а он рассматривал сломанный сучок на высоте кисти руки человека и по тому, куда прутик был загнут, он знал о направлении, в котором шел человек. По свежести излома он определял время, когда это произошло, угадывал обувь и т. д. Каждый раз, когда я не понимал чего-нибудь или высказывал сомнение, он говорил мне:

— Как тебе, сколько года в сопках ходи, понимай нету?

То, что для меня было непонятно, ему казалось простым и ясным. Иногда он замечал следы там, где, при всем желании что-либо усмотреть, я ничего не видел. А он видел, что прошла старая матка изюбря и годовалый теленок. Они щипали листву таволожника, потом стремительно убежали, очевидно, испугавшись чего-то.

Все это делалось не ради рисовки: мы слишком хорошо знали друг друга. Делалось это просто по вкоренившейся многолетней привычке не пропускать никакой мелочи и ко всему относиться внимательно. Если бы он не занимался изучением следов с детства, то умер бы с голода. Когда я пропускал какой-нибудь ясный след, Дерсу подсмеивался надо мной, покачивал головой и говорил:

— Гм! Все равно мальчик. Так ходи, головой качай. Глаза есть, посмотри не могу, понимай нету. Верно—это люди в городе живи. Олень искай не надо; кушай хочу—купи. Один сопка живи не могу—скоро пропади.

Да, он был прав. Тысячи опасностей ожидают одинского путешественника в тайге и только тот, кто умеет разбираться в следах, может из этой борьбы выйти победителем.

Во время пути я наступил на колючее дерево. Острый шип проколол обувь и вонзился в ногу. Я быстро разулся и вытащил занозу, но должно быть не всю. Вероятно, кончик ее остался в ране, потому что на другой день ногу стало ломить. Я попросил Дерсу еще раз осмотреть рану, но она уже успела запухнуть по краям. Этот день я шел, зато ночью но-

га сильно болела. До самого рассвета я не мог сомкнуть глаз. На утро стало ясно, что на ноге у меня образовался большой нарыв.

Недостаток взятого с собой продовольствия принуждал итти вперед. Мы уже и так сидели без хлеба и кормились только тем, что добывали охотой. На биваке были и перевязочные материалы, и медикаменты. В тайге могло застать ненастье и неизвестно, сколько времени я провалялся бы без движения. Поэтому, как ни больно было, но я решил итти дальше. Я твердо ступал только на одну правую ногу, а левую волочил за собой. Дерсу взял мои котомки и ружье. При спусках около оврагов он поддерживал меня и всячески старался облегчить мои страдания.

С большим трудом мы прошли в этот день только восемь верст, а до бивака оставалось еще двадцать четыре.

Ночью ногу страшно ломило. Опухоль распространилась по всей ступне. Удастся ли мне дотащиться хотя бы до первой тазовской фанзы? Эта мысль, видимо, беспокоила и Дерсу. Он часто поглядывал на небо. Я думал, что он смотрит, не будет ли дождя, но у него были опасения другого рода. По небу тянулась какая-то мгла; она сгущалась все больше и больше. Месяц только что зарождался, но лик его не был светлым, как всегда, а казался красноватым и тусклым. Порой его совсем не было видно. Наконец, из-за гор показалось зарево.

— Шибко большой дым,—говорил мой спутник.

Чуть свет мы были уже на ногах. Все равно спать я не мог и, пока была хоть малейшая возможность, надо было итти. Я никогда не забуду этого дня. Я шел и через каждые сто шагов садился на землю. Чтобы обувь не давила ногу, я распорол ее.

Скоро мы дошли до того места, где Да-лаза-гоу впадает в Сицу. Теперь мы вошли в лес, заваленный буреломом. Кругом все было окутано дымом. В пятидесяти шагах нельзя было рассмотреть деревьев.

— Капитан! Надо торопиться,—говорил Дерсу.—Моя мало-мало боится. Трава гори нету, лес—гори!

Последние усилия собрал я и потащился дальше. Где был хоть маленький подъем, я полз на коленях. Каждый корень, еловая шишка, маленький камешек, прутик, попавший под больную ногу, заставляли меня вскрикивать и ложиться на землю.

В дыму итти становилось все труднее и труднее. Начинало першить в горле. Стало ясно, что мы не успеем пройти

буреломный лес, который, будучи высушен солнцем и ветром, представлял из себя теперь огромный костер.

Известно, что когда разгорается сильное пламя, то образуется вихрь. Шум этого вихря уловило привычное ухо голь-

По земле бежали огненные волны.

да. Надо было перейти на другую сторону реки. Это было единственное спасение. Но для того, чтобы перейти Да-лаза-гоу, надо было крепко держаться на ногах. Для меня теперь это было совершенно немыслимо. Что делать? Вдруг Дерсу, не говоря ни слова, схватил меня на руки и быстро перенес через реку. Тут была широкая полоса гальки. Он опустил меня на землю, как только вышел из воды, и тотчас побежал

обратно за ружьями. В это время нанесло дым, и ничего не стало видно. Когда я очнулся, рядом со мной на камнях лежал Дерсу. Мы оба были покрыты мокрой палаткой. Сверху сыпались искры. Густой едкий дым не позволял дышать.

Первый раз в жизни я видел такой страшный лесной пожар. Огромные кедры, охваченные пламенем, пылали точно факелы. Внизу, около земли, было море огня. Тут все горело; горела трава, сухая листва и валежник; слышно было как лопались от жара и стонали живые деревья. Желтый дым большими клубами быстро вздымался кверху. По земле бежали огненные волны; языки пламени вились вокруг пней и облизывали накалившиеся камни.

Вдруг ветер переменился и дым отнесло в сторону. Дерсу поднялся и растолкал меня. Я попробовал было еще итти по галешниковой отмели, но вскоре убедился, что это свыше моих сил. Я мог только лежать и стонать.

Так как при ходьбе я больше упирался на пятку, то сильно натрудил и ее. Другая нога устала и тоже болела в колене. Убедившись, что дальше я итти не могу, Дерсу поставил палатку, натаскал дров и сообщил мне, что пойдет к китайцам за лошадью. Это был единственный способ выбраться из тайги. Дерсу ушел, и я остался один.

За рекой все еще бушевало пламя. По небу вместе с дымом летели тучи искр. Огонь шел все дальше и дальше. Одни деревья горели скорее, другие—медленнее. Я видел, как через реку перебрел кабан, затем переплыл полоз Шренка; как сумасшедшая, от одного дерева к другому носилась желна, и не умолкая кричала кедровка. Я вторил ей своими стонами. Наконец, стало смеркаться.

Я понял, что сегодня Дерсу не придет. Больная нога сильно отекла. Я разделся и ощупал нарыв,—он уже назрел, но огрубевшая от долгой ходьбы кожа на подошве не прорывалась. Я вспомнил, что имею перочиный нож. Тогда я стал точить его о камни. Подложив дров в костер, я выждал, когда они хорошенько разгорелись, и вскрыл нарыв. От боли у меня потемнело в глазах. Черная кровь и гной густой массой хлынули из раны. С ужасными усилиями я дополз до воды, оторвал рукав от рубашки и начал промывать рану. После этого я перевязал ногу и вернулся к костру. Через час я почувствовал облегчение: боль в ноге еще была, но уже не такая, как раньше.

В той стороне, куда пошел пожар, виднелось красное зарево. В лесу во многих местах мерцали огни. Это догорал

валежник. Я долго сидел в палатке и поглаживал рукой больную ногу. Пламя костра согрело меня, и я погрузился в сон. Когда я проснулся, то увидел около костра Дерсу и китайца. Я был покрыт одеялом. На костре грелся чай; в стороне стояла оседланная лошадь. Боль в ноге утихла, и опухоль начала спадать. Согрев воду, я еще раз промыл рану, затем напился чаю, закусил китайским пресным хлебом и стал одеваться. Дерсу и китаец помогли мне взобраться на коня, и мы тронулись в путь.

За ночь лесной пожар ушел далеко, но в воздухе все еще было дымно.

После полудня мы прибыли на Санхобе. Г. И. Гранатмана не было дома. Он куда-то пошел на разведки и возвратился только через двое суток.

Пришлось мне сидеть на месте до тех пор, пока рана на ноге не зажила, как следует. Через три дня я уже мог ходить, а через неделю совсем оправился. Чжан-Бао несколько раз навещал меня. От него я узнал много интересного. Он рассказал мне, как несколько лет тому назад вблизи бухты Терней разбился пароход «Викинг», а также о том, как в 1905 году японцы убили его помощника Лю-Пула и как он отомстил им за это; рассказал он мне также о партии каторжан, которые в 1906 году высадились на материке около мыса Олимпиады. Путь их по берегу моря сопровождался грабежами и убийствами. Чжан-Бао со своими охотниками догнал их около озера Благодати и всех перебил...

Наблюдая за китайцами, я убедился, какой популярностью среди них пользовался Чжан-Бао. Слова его передавались из уст в уста. Все, что он приказывал, исполнялось охотно и без проволочек. Многие приходили к нему за советом и, кажется, не было такого запутанного дела, которого он не мог бы разобрать и найти виновных. Находились и недовольные. В большинстве случаев это были люди с преступным прошлым. Чжан-Бао обуздывал их страсти.

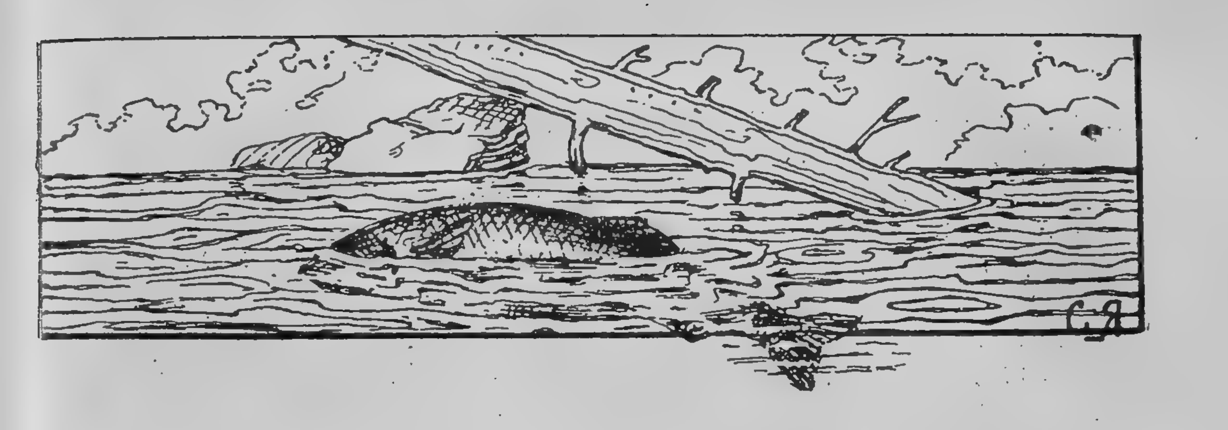
Он постоянно посылал разведчиков то на р. Иодзыхе, то на берег моря, то по тропе на север. Вечером он делал сводки этим разведкам и сообщал их мне ежедневно. Чжан-Бао вел большую корреспонденцию. Каждый почти день прибегал к нему нарочный и приносил письма.

Все эти дни Дерсу пропадал где-то у тазов. Среди них он нашел старика, который раньше жил на р. Улахе, и которого он знал еще в молодые годы. Он успел со всеми перезнакомиться и везде был желанным гостем.

Дня за два до моего отхода Чжан-Бао пришел ко мне проститься. Неотложные дела требовали его личного присутствия на р. Такеме. Он распорядился назначить двух китайцев, которые должны были проводить меня до Сихотэ-Алиня, возвратиться обратно другой дорогой и сообщить ему о том, что они в пути увидят.

15 октября был последний день наших сборов. Из муки мы напекли лепешек, насушили мяса. Предусмотрено было все, не забыта была даже сухая трава для обуви.

XXVI.

Зимний поход.

Выступление. — Уборка рыбы в истоках реки птицами и зверями. — Признаки непогоды. — Пурга. — Перевал Терпения.

16-го числа выступить не удалось. Задержали проводники-китайцы. Они явились только на другой день около полудня. Тазы провожали нас от одной фанзы до другой, прося зайти к ним хоть на минутку. По адресу Дерсу сыпались приветствия; женщины и дети махали ему руками. Он отвечал им тем же. Так от одной фанзы до другой, с постоянными задержками, мы дошли, наконец, до последнего тазовского жилья, чему я, откровенно говоря, очень порадовался. Дальше тропа перешла за реку и потянулась вдоль ее левого берега еще версты две с половиной, а затем стала взбираться на перевал.

Приближались сумерки. Поэтому мы стали биваком тотчас, как только спустились к воде.

Часов в двенадцать я проснулся. У огня сидел китаец проводник и караулил бивак. Ночь была тихая, лунная. Я посмотрел на небо, оно показалось мне каким-то странным, приплюснутым,—точно спустилось к земле. Вокруг луны было матовое пятно и большой радужный венец. В таких же пятнах были и звезды. Наверно, к утру будет крепкий мороз, — подумал я, затем завернулся в свое одеяло, прижался к спящему рядом со мной казаку и опять погрузился в сон.

Утром меня разбудил дождь — мелкий и частый. Недомоганье мое кончилось, и я чувствовал себя совсем здоро-

вым. Ни мало не мешкая, мы собрали свои котомки и пошли дальше.

После полудня дождь усилился, нам пришлось рано стать на бивак.

До вечера еще было много времени, и потому мы с Дерсу взяли свои винтовки и пошли на разведки. Осенью, во время ненастья, лес имеет особенно унылый вид. Голые стволы деревьев, окутанные холодным туманом, пожелтевшая трава, опавшая на землю листва и дряблые потемневшие папоротники указывали, что наступили уже сумерки года. Приближалась зима.

Вдруг какой-то странный шум послышался в стороне. Мы оставили тропу и пошли к берегу реки. Интересная картина представилась нашим глазам. Река была буквально запружена рыбой. Это была кета. Местами от дохлой рыбы образовались целые завалы. Тысячи ее набились в заводи и протоки. Теперь она имела отвратительный вид. Плавники ее были обтрепаны, и все тело изранено. Большая часть рыб была мертвой, но некоторые из них еще не утратили способности двигаться. Они все еще стремились вверх против воды, точно рассчитывали там найти избавление от своих страданий.

Для уборки рыбы природа позаботилась прислать санитаров в лице медведей, кабанов, лисиц, барсуков, енотовидных собак, орлов, ворон, сизоворонок, соек и т. д. Дохлой кетой питались преимущественно птицы, четвероногие же старались поймать живую рыбу. Вдоль реки они протоптали целые тропы. В одном месте мы увидели медведя. Он сидел на галешниковой отмели и лапами старался схватить рыбу.

Бурый медведь и родственный ему камчатский медведь отъедают у рыб головы, а мясо бросают. Белогрудые же медведи, наоборот, едят мясо, а головы оставляют.

В другом месте рыбой лакомились два кабана. Они отъедали у рыб только хвосты. Пройдя еще немного, я увидел лисицу. Она выскочила из зарослей, схватила одну из рыбин, но, из предосторожности, не стала ее есть на месте, а потащила в кусты.

Больше же всего здесь было пернатых. Орлы сидели около воды и лениво, не торопясь, точно сознавая свое могущество, клевали то, что осталось от медвежьей трапезы. Особенно же много было ворон. Своим черным оперением они резко выделялись на светлой каменистой отмели. Вороны передвигались прыжками и особое предпочтение оказы-

вали той рыбе, которая стала уже разлагаться. По кустам шныряли сойки, они ссорились со всеми птицами и пронзительно кричали.

Вода в протоках кое-где начала уже замерзать. Вмерзшая в лед рыба останется так на всю зиму. Весной, как

Медведь старался схватить рыбу.

только солнышко пригреет землю, она вместе со льдом будет вынесена в море, и там уничтожением ее займутся уже морские животные.

— Какой круговорот!? Как все это разумно! Ничто не пропадает. Даже в глухой тайге есть кому позаботиться об уборке падали.

— Один люди другой люди кушай,—высказывал Дерсу вслух свои мысли.—Чего-чего рыба кушай, потом кабан рыбу кушай, теперь надо наша кабана кушай.

Говоря это, он прицелился и выстрелил в одну из свиней. С ревом подпрыгнуло раненое на смерть животное, кинулось было к лесу, но тут же ткнулось мордой в землю и начало барахтаться. Испуганные выстрелом птицы с криком поднялись на воздух и в свою очередь испугали рыбу, которая, как сумасшедшая, взад и вперед начала носиться по протоке.

К сумеркам мы возвратились на бивак. Дождь перестал, и небо очистилось. Взошла луна. На ней ясно и отчетливо видны были темные места и белые пятна. Значит, воздух был чист и прозрачен.

К полудню наш отряд достиг маленькой зверовой фанзочки, расположенной у слияния трех горных ручьев. По среднему лежал наш путь. Вечером я измерил высоту места. Барометр показал 300 сажен над уровнем моря.

Все эти дни стояла хорошая тихая погода. Было настолько тепло, что мы шли в летних рубашках и только к вечеру одевались потеплее. Я восторгался погодой, но Дерсу не соглашался со мной.

— Посмотри, капитан,—говорил он,—как птицы торопятся кушать. Его хорошо понимай, будет худо.

Барометр стоял высоко. Я стал посмеиваться над гольдом, но он на это только возразил:

— Птица сейчас понимай, моя понимай после.

От упомянутой фанзы до перевала через Сихотэ-Алинь будет верст восемь. Хотя котомки наши и давали себя чувствовать, но тем не менее мы шли бодро, и редко делали привалы. Часам к четырем пополудни мы добрались до Сихотэ-Алиня, оставалось только подняться на его гребень. Я хотел было итти дальше, но Дерсу удержал меня за рукав.

— Погоди, капитан,—сказал он.—Моя думай, здесь надо ночевать.

— Почему?—спросил я его.

— Утром птицы торопились кушать, а сейчас, посмотри сам, ни одной нету.

Действительно, перед закатом солнца птицы всегда проявляют особую живость, а теперь в лесу стояла мертвая тишина. Точно по приказу, они все сразу куда-то спрятались.

Дерсу советовал крепче ставит палатки и, главное, приготовить как можно больше дров не только на ночь, но и на весь завтрашний день. Я не стал с ним больше спорить и по-

шел в лес за дровами. Часа через два начало смеркаться. Солдаты натаскали много дров, казалось, больше, чем нужно, гольд не унимался, и я слышал, как он говорил китайцам:

— Солдаты понимай нету, наша надо сам работай.

Они вновь принялись за дело. Тогда на помощь им я послал обоих казаков. И только, когда на небе угасли последние отблески вечерней зари, мы прекратили работу.

Взошла луна. Ясная ночь глядела с неба на землю. Свет месяца пробирался в глубину темного леса и ложился по сухой траве длинными полосами. На земле и на небе — всюду кругом было спокойно и ничто не предвещало непогоды. Сидя у огня, мы попивали горячий чай и подтрунивали над гольдом.

— На этот раз ты соврал,—говорили ему казаки.

Дерсу не отвечал и молча продолжал укреплять свою палатку. Он забился под скалу, с одной стороны приворотил большой пень и обложил его камнями, а дыры между ними заткнул мхом. Сверху он еще натянул свою палатку, а впереди разложил костер. Мне так показалось у него уютно, что я немедленно перебрался к нему со своими вещами.

Время шло, а кругом было попрежнему тихо. Я тоже начал думать, что Дерсу ошибся, как вдруг около месяца появилось матовое пятно, с радужной окраской по наружному краю. Мало-по-малу диск луны стал тускнеть, контуры его сделались расплывчатыми, неясными. Матовое пятно расширилось и поглотило наружное кольцо. Какая-то мгла быстро застилала небо, но откуда она взялась и куда двигалась, этого сказать было нельзя.

Я полагал, что дело окончится небольшим дождем и, убаюканный этой мыслью, заснул. Сколько я спал, не помню. Проснулся я оттого, что кто-то меня будил. Я открыл глаза, передо мной стоял Мурзин.

— Снег идет,—доложил он мне.

Я сбросил с себя одеяло. Кругом была темная ночь. Луна совершенно исчезла. С неба сыпался мелкий снег. Огонь горел ярко и освещал палатки, спящих людей и сложенные в стороне дрова. Я разбудил Дерсу. Он испугался, спросонья посмотрел по сторонам, посмотрел на небо и стал закуривать свою трубку.

— Совсем тихо, — сказал он. — Много солнца (т. е. несколько дней) не было ветра. Однако, будет пурга.

Действительно, кругом было тихо, но в этой тишине чувствовалось что-то угрожающее. Через несколько минут

снег пошел сильнее; он падал на землю с каким-то особенным шуршанием. Проснулись остальные люди и стали убирать свои вещи.

Вдруг снег начал кружиться.

— Начинай есть,—сказал Дерсу.

И точно в ответ на его слова, в горах послышался шум, потом налетел сильный порыв ветра с той стороны, откуда мы его вовсе не ожидали. Дрова разгорелись ярким пламенем. Вслед за первым порывом налетел второй, потом третий, пятый, десятый, и каждый порыв был продолжительнее предыдущего. Хорошо, что палатки наши были крепко привязаны, иначе их сорвало бы ветром.

Я посмотрел на Дерсу. Он спокойно курил трубку и равнодушно посматривал на огонь. Начинавшаяся пурга его не пугала. Он так много их видел на своем веку, что эта не была для него новинкой. Дерсу как бы понял мои мысли и сказал:

— Дрова много есть, палатка хорошо ставили. Ничего!

Через час начало светать.

Пурга—это снежный ураган, во время которого температура понижается до 20° С. и ветер бывает так силен, что снимает с домов крыши и вырывает с корнями деревья. Итти во время пурги положительно нельзя; единственное спасение — отстаиваться на месте. Обыкновенно всякая снежная буря сопровождается человеческими жертвами.

Кругом нас творилось что-то невероятное. Ветер бушевал неистово, ломал сучья деревьев и переносил их по воздуху, словно легкие пушинки. Огромные старые кедры раскачивались из стороны в сторону, как тонкоствольный молодняк. Теперь уже ни гор, ни неба, ни земли—ничего не было видно. Все кружилось в снежном вихре. Порой сквозь снежную завесу чуть-чуть виднелись силуэты ближайших деревьев, но — только на мгновение. Новый порыв ветра, и туманная картина пропадала.

Мы забились в свои палатки и в страхе притихли. Дерсу посматривал на небо и что-то говорил сам с собой. Я напомнил ему пургу, которая захватила нас около озера Ханка в 1902 году.

— Моя тогда шибко боялся,—отвечал он мне.—Дрова нету—скоро кончай.

После полудня пурга разразилась со всей силой. Хотя мы были и защищены утесами и палаткой, однако, это была ненадежная защита. То становилось жарко и дымно, как

на пожаре, когда ветер дул нам в лицо, то холодно, когда пламя отклонялось в противоположную сторону.

Мы уже не ходили за водой, а набивали чайники снегом, благо в нем не было недостатка. К сумеркам пурга достигла своей наибольшей силы, и, по мере того, как становилось темнее, страшнее казалась буря.

Мало кто спал в эту ночь. Я находился в состоянии какого-то полузабытья. Вся забота была только о том, чтобы согреться.

21-го числа мы еще отстаивались от пурги. Теперь ветер переменился и дул с северо-востока, зато порывы его сделались сильнее. Даже вблизи бивака ничего нельзя было рассмотреть.

— Чего его сердится?—говорил в досаде и со страхом Дерсу.—Неужели наша чего-нибудь худо делал?

— Кто?—спросили казаки.

— Моя не знаю, как по-русски говори, — отвечал гольд. — Его сопка постоянно живи, ветер могу гоняй, дерево ломай. Наша говори Каньгу.

Больших трудов стоило нам поддержать костер. Скверно то, что каждый порыв ветра выносил из него уголья и засыпал их снегом. Около палатки намело большие сугробы. После полудня появились вихри необычайной силы. Они вздымали с земли тучи снега и вдруг рассыпались белой пылью, потом зарождались снова и с воем носились по лесу. Каждый такой вихрь оставлял после себя след из множества поваленных деревьев. Иногда на мгновение наступала короткая пауза, и тотчас вслед за ней опять начиналась пляска снежных привидений.

После полудня небо стало понемногу расчищаться, но вместе с тем, стала понижаться температура. Сквозь густую завесу туч в виде неясного пятна чуть-чуть проглянуло солнце.

Надо было позаботиться о дровах. Мы побежали и стали подбирать тот бурелом, который валялся по близости. Работали мы долго, пока Дерсу не скомандовал «довольно!» Никого не надо было уговаривать. Все разом бросились к палаткам и стали греть у огня руки. Так мы промаялись еще одну ночь.

К утру погода мало изменилась к лучшему. Ветер был резкий и порывистый. На совете решено было попытаться перевалить через Сихотэ-Алинь в надежде, что на западной стороне его будет тише. Решающее значение имел голос Дерсу.

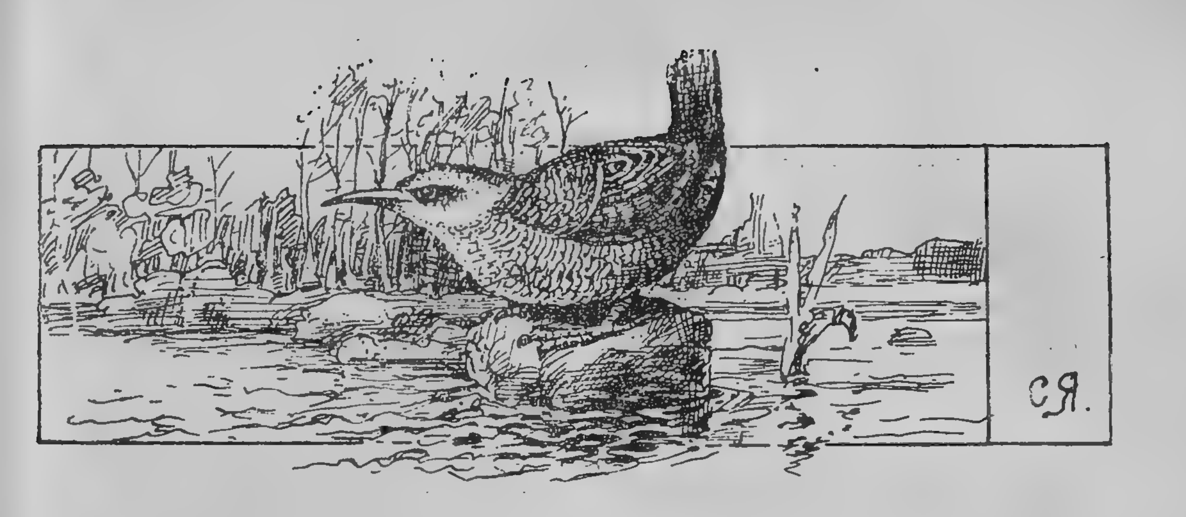
— Моя думай, его скоро кончай, — сказал он и начал первый собираться в дорогу.

Сборы наши были недолги. Минут через двадцать мы с котомками за плечами уже лезли в гору.

От бивака сразу начинался крутой подъем. За эти два дня выпало много снегу. Местами он был глубиной до полусажени. На гребне мы остановились передохнуть. По барометрическим измерениям высота перевала оказалась равной 454 саженям. Мы назвали его перевалом «Терпения».

Жуткая картина представилась нам на Сихотэ-Алине. Здесь ветром были повалены целые полосы леса. Пришлось обходить их далеко стороной. Я уже говорил, что корни деревьев, растущих в горах, распространяются по поверхности земли; сверху они едва только прикрыты мхами. Некоторые из них были оторваны. Деревья качались и подымали всю корневую систему. Черные расщелины то открывались, то закрывались среди снежного покрова, словно гигантские пасти. На одном из корней вздумал было качаться Кожевников. В это время налетел сильный шквал, дерево наклонилось, и едва казак успел отскочить в сторону, как оно со страшным шумом рухнуло на землю, разбрасывая во все стороны комья мерзлой земли.

XXVII.

К Иману.

Дерсу разбирается в следах. — Птицы. — Корейцы. — Кабарожья лудева. — Удэхейцы. — Ночевка в юрте. — Р. Иман. — Удэхейская лодка. — Сидатун и его обитатели.

Спуск с Сихотэ-Алиня к западу был пологий, заваленный глыбами камней и поросший густым лесом. Небольшой ручей, в который мы спустились, привел нас к реке Нанце. Она течет с северо-востока вдоль хребта Сихотэ-Алиня и постепенно склоняется к северо-западу. Долина Нанцы широкая, болотистая и покрыта густым хвойно-замшистым лесом. Китайская охотничья тропа проложена частью по краю долины, частью по горам, которые имеют здесь вид сильно размытых холмов.

По пути нам попалась юрта, сложенная из кедрового корья с двускатной крышей, приспособленная под фанзу. Утомленные двумя предшествующими ночами, мы стали около нее биваком и, как только поужинали, тотчас легли спать.

23-го октября мы продолжали путь вниз по реке Нанце. На свеже-выпавшем снегу был виден отчетливо каждый след. Тут были отпечатки ног лосей, кабарги, соболей, хорьков и т. п. Дерсу шел впереди и внимательно их рассматривал. Вдруг он остановился, посмотрел во все стороны и проговорил:

— Кого она боялась?

— Кто? — спросил я его.

— Кабарга, — отвечал он.

Я посмотрел на следы и ничего особенного в них не заметил. Следы, как следы — маленькие, частые...

Дерсу удивительно разбирался в приметах. Он угадывал даже душевное состояние животных. Достаточно было небольшой неровности в следах, чтобы он усмотрел, что животное волновалось.

Я просил Дерсу указать мне данные, на основании которых он заключил, что кабарга боялась. То, что рассказал он мне, было опять так просто и ясно. Кабарга шла ровным шагом, затем остановилась и пошла осторожнее, потом шарахнулась в сторону и побежала прыжками. На свеже-выпавшем снегу все это видно было, как на ладони. Я хотел было итти дальше, но Дерсу остановил меня.

— Погоди, капитан, — сказал он. — Наша надо посмотри, какой люди пугал кабаргу.

Через минуту он крикнул мне, что кабарга боялась соболя. Я подошел к нему. На большом поваленном дереве, занесенном снегом, действительно виднелись его следы. Видно было, что маленький хищник крался тихонько, прятался за сук, затем бросился на кабаргу. Потом Дерсу нашел место, где кабарга валялась на земле. Капли крови указывали на то, что соболь прокусил ей кожу около затылка. Далее следы доказывали, что кабарге удалось сбросить с себя соболя. Она побежала дальше, а соболь погнался было за ней, но отстал, затем свернул в сторону и полез на дерево.

Чувствую, что если бы я подольше походил с Дерсу и если бы он был общительнее, вероятно, я научился бы разбираться в следах, если и не так хорошо, как он, то все же лучше, чем другие охотники. Это было удивительно интересно.

Многое Дерсу видел и молчал. Молчал потому, что не хотел останавливаться, как ему казалось, на всяких мелочах.

Только в исключительных случаях, когда на глаза ему попадалось что-нибудь особенно интересное, он рассуждал вслух, сам с собой.

После полудня ветер стих окончательно. На небе не было ни единого облачка; яркие солнечные лучи отражались от снега, и от этого день казался еще светлее. Хвойные деревья оделись в зимний наряд; отяжелевшие от снега ветви пригнулись к земле. Кругом было тихо, безмолвно. Казалось, будто природа находилась в том дремотном со-

стоянии, которое, как реакция, всегда наступает после пережитых треволнений.

Из царства пернатых я видел здесь большеклювых ворон, красноголовых желн, пестрых дятлов и поползней. Раза два мы спугивали белых крохалей с черной головой и с красным носом. Птицы эти остаются на зимовку в Уссурийском крае и приобретают белую защитную окраску. Сплошь и рядом мы замечали их только тогда, когда подходили к ним вплотную.

Следует еще упомянуть об одной симпатичной птичке, которая за свой игривый нрав заслужила у казаков название «веселушки». Это оляпка. Она величиной с дрозда и всегда держится около воды. Одна из них подпустила меня очень близко. Я остановился и стал за ней наблюдать. Оляпка была настороже; она часто поворачивалась, кричала и в такт голоса покачивала своим хвостиком, но затем, вдруг, бросилась в воду и нырнула. Туземцы говорят, что она свободно ходит по дну реки, не обращая внимания на быстроту течения. Вынырнув на поверхность и увидев людей, оляпка с криком полетела к другой полынье, потом к третьей. Я следовал за ней до тех пор, пока река не отошла в сторону.

В другом месте мы спугнули даурского бекаса. Он держался около воды, там, где еще не было снега. Я думал, что это отсталая птица, но вид у него был веселый и бодрый. Впоследствии я часто встречал их по берегам незамерзших проток. Из этого я заключаю, что бекасы держатся в Уссурийском крае до половины зимы и только после декабря перекочевывают к югу.

За ночь река Кулумбе замерзла настолько, что явилась возможность итти по льду. Это очень облегчило наше путешествие. Сильным ветром снег с реки смело. Лед крепчал с каждым днем. Тем не менее, на реке было много еще проталин. От них подымался густой туман.

Через какие-нибудь верст пять мы подошли к двум корейским фанзам. Хозяева их, два старика и два молодых корейца, занимались охотой и звероловством. Фанзочки были новенькие, чистенькие; они так мне понравились, что я решил сделать здесь дневку.

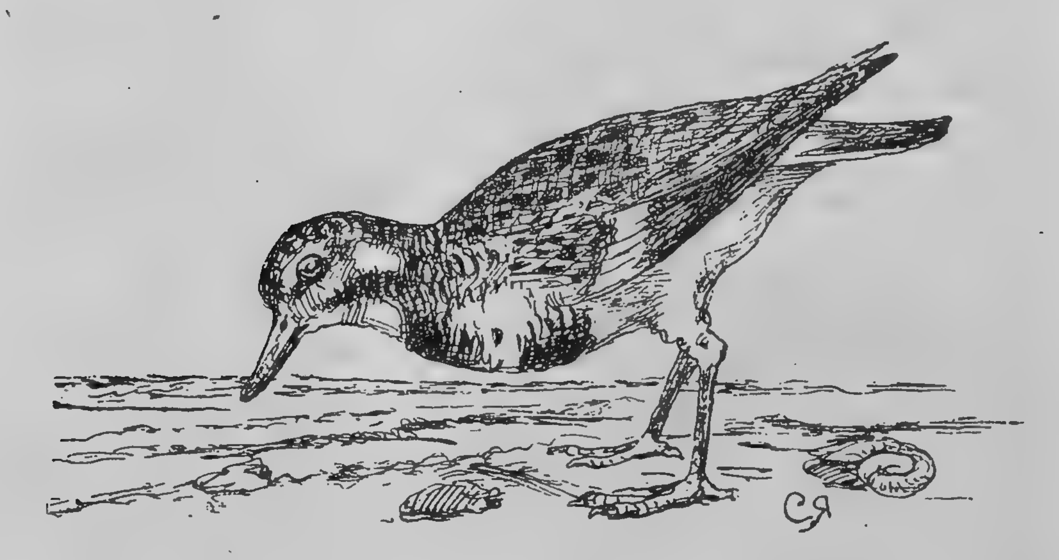
После полудня два корейца стали собираться в тайгу для осмотра кабарожьей лудевы. Я пошел вместе с ними.

Лудева была в полуверсте от фанзы. Это была изгородь высотой в четыре фута, сложенная из буреломного леса.

Чтобы деревья нельзя было растащить, корейцы закрепили их кольями.

Такие лудевы ставятся всегда в горах на кабарожьих тропах. В изгороди местами оставляются проходы, а в них настораживаются веревочные петли. Попав головой в петлю, испуганная кабарга начинает метаться и, чем сильнее бьется, тем больше себя затягивает.

В осматриваемой лудеве было двадцать две петли. В четырех из них они нашли мертвых животных — трех са-

Ржанка.

мок и одного самца. Корейцы оттащили самок в сторону и бросили на съедение воронам. На вопрос, почему они бросили пойманных животных, корейцы ответили, что только одни самцы дают ценный мускус, который китайские купцы скупают у них по 3 рубля за штуку. Что же касается до мяса, то и одного самца с них довольно, а завтра они поймают еще столько же. По словам корейцев, в зимний сезон они убивают до 125 кабарожек, из которых 75% приходится маток.

На следующий день мы нарочно выступили пораньше, чтобы наверстать то, что потеряли на дневке. Одну из кабарожек, брошенных корейцами, мы взяли с собой.

За день нам удалось пройти около пятнадцами верст. В сумерки стрелки заметили в стороне на протоке одинокую туземную юрту. Дым, выходящий из отверстия в крыше, указывал, что в ней есть люди. Около нее на стойках

сушилось множество рыбы. Юрта была сложена из кедрового корья и прикрыта сухой травой. Она имела сажени полторы в длину и полсажени в высоту. Вход в нее был завешан берестяным пологом. На берегу лежали две опрокинутые вверх дном лодки: одна большого размера с каким-то странным носом в роде ковша, другая — легонькая, с заостренными концами спереди и сзади. Русские называют ее оморочкой.

Когда мы подошли поближе, две собаки подняли лай. Из юрты вышло какое-то человекоподобное существо, которое я сперва принял было за мальчишку, но серьга в носу изобличила в нем женщину. Она была очень маленького роста, как двенадцатилетняя девочка, и одета в кожаную рубашку — длиной до колен, штаны, сшитые из выделанной изюбриной кожи, наколенники, разукрашенные цветными вышивками, такие же расшитые унты и красивые цветистые нарукавники. На голове у нее было белое покрывало.

Карие глаза, расположенные горизонтально, прикрывались сильно развитою монгольской складкой век, выдающиеся скулы, широкое переносье, вдавленный нос и узкие губы — все это придавало ее лицу выражение, чуждое европейцу: оно казалось плоским, пятиугольным и, в действительности, было шире черепа.

Женщина с удивлением посмотрела на нас и вдруг на лице ее изобразилась тревога. Какие русские могут притти сюда? Порядочные люди не пойдут. — Это «чолдоны» *) — подумала она и спряталась обратно в юрту. Чтобы рассеять ее подозрения, Дерсу заговорил с ней по-удэхейски и представил меня, как начальника экспедиции. Тогда она успокоилась. Этикет требовал, чтобы женщина не проявляла шумно своего любопытства. Она сдерживала себя и рассматривала нас тихонько, украдкой.

Юрта, маленькая снаружи, внутри была еще меньше. В ней можно было только сидеть или лежать. Я распорядился, чтобы казаки ставили палатки.

Переход от окитаенных тазов на берегу моря к туземцам, у которых еще сохранилось так много первобытного, был очень резок.

Женщина молча принялась готовить ужин. Она повесила над огнем котел, налила воды и положила в него две больших рыбины, затем достала свою трубку, набила ее та-

*) Так удэхейцы называют разбойников.

баком и принялась курить, время от времени задавая Дерсу вопросы.

Когда ужин был готов, пришел сам хозяин. Это был мужчина лет тридцати, сухощавый, среднего роста. Одет он был тоже в длинную рубашку, подвязанную пояском так, что получался напуск в талии. По всему правому борту рубашки, вокруг шеи и по подолу тянулась широкая полоса, покрытая узорными вышивками. На ногах у него были надеты штаны, наколенники и унты из рыбьей кожи, а на голове — белое покрывало и поверх него маленькая шапочка из козьего меха с торчащим кверху беличьим хвостиком. Красное загорелое лицо, пестрота костюма, беличий хвостик на головном уборе, кольца и браслеты на руках, делали этого дикаря очень похожим на краснокожего. Впечатление это еще более усилилось, когда он, почти не обращая на нас внимания, сел у огня и молча стал курить свою трубку.

Этикет требовал, чтобы гости первые нарушили молчание. Дерсу знал это и потому спросил его о дороге и о глубине выпавшего снега. Разговор завязался. Узнав, кто мы и откуда идем, удэхеец сказал, что ему известно было, что мы должны спуститься по Иману. Об этом он слыхал от своих сородичей, живущих ниже по реке, и сообщил, что там внизу нас давно уже ожидают. Это известие очень меня удивило.

Вечером жена его осмотрела нашу одежду, починила ее, где надо, и взамен изношенных унтов дала новые. Хозяин дал мне для подстилки медвежью шкуру, сверху я покрылся одеялом и скоро уснул.

Ночью я проснулся от страшного холода. Сбросив с головы одеяло, я увидел, что огня в юрте нет. В очаге тлело только несколько угольков. Через отверстие в крыше виднелось темное небо, усеянное звездами. С другой стороны юрты раздавался храп. Очевидно, ложась спать, удэхейцы во избежание пожара, нарочно погасили огонь. Я попробовал было плотнее завернуться в одеяло, но ничего не помогало, — холод проникал под каждую складку. Я поднялся, зажег спичку и посмотрел на термометр; он показывал —17° С. Тогда я оторвал часть своей берестяной подстилки, положил ее на огонь и стал раздувать уголья. Через минуту вспыхнуло пламя. Собрав разбросанные головешки к огню, я оделся и вышел из юрты. В стороне под покровом палатки спали казаки; около них горел костер. Я погрелся у огня и хотел уже было пойти назад в юрту, но в это время увидел в стороне около реки отсвет другого костра. Здесь, внизу, под

яром, я нашел Дерсу. Водой подмыло берег, сверху нависла большая дерновина; под ней образовалось нечто в роде ниши. В этом углублении он устроил себе ложе из травы, а впереди разложил огонь. Во рту у Дерсу была трубка, а рядом лежало ружье. Я разбудил его. Гольд вскочил и, думая, что проспал, начал спешно собирать свою котомку. Узнав, в чем дело, он тотчас же уступил мне свое место и сам поместился рядом. Через несколько минут здесь под яром я находился в большем тепле и спал гораздо лучше, чем в юрте на шкуре медведя.

Проснулся я тогда, когда все были уже на ногах. Бочкарев варил кабарожье мясо. Когда мы стали собираться, удэхеец тоже оделся и заявил, что пойдет с нами до Сидатуна.

От юрты тропа стала забирать к правому краю долины и пошла косогорами на север, а потом свернула к юго-западу. Верст через десять мы опять подошли к р. Кулумбе, которая здесь разбивается на протоки и достигает ширины до 12 сажен и глубины по фарватеру до шести футов.

В этот день мы прошли немного. По мере того, как уменьшались взятые с собой запасы продовольствия, котомки делались легче, а нести их становилось все труднее — лямки сильно резали плечи, и я заметил, что не я один, а все чувствовали это.

От холодного ветра снег стал сухим и рассыпчатым, что в значительной степени затрудняло движение. В особенности трудно было подниматься в гору: люди часто падали и съезжали книзу. Силы были уже не те — стала появляться усталость, чувствовалась потребность в более продолжительном отдыхе, чем обыкновенная дневка.

Около реки мы нашли еще одну пустую юрту. Казаки и Бочкарев устроились в ней, а китайцам пришлось спать снаружи около огня. Дерсу сначала хотел было поместиться вместе с ними, но, увидев, что они заготовляли дрова, не разбирая, какие попадались под руку, решил спать отдельно.

— Понимай нету, — говорил он. — Моя не хочу рубашка гори. Надо хорошие дрова искать.

Пустая юрта, видимо, часто служила охотникам для ночевок. Кругом нее весь сухой лес давно уже был вырублен и пожжен. Дерсу это не смутило. Он ушел поглубже в тайгу и издалека приволок сухой ясень. До самых сумерок он таскал дрова, и я помогал ему, сколько мог. Зато всю ночь мы спали хорошо, не опасаясь за палатку и за одежду.

Багровая заря вечером и мгла на горизонте перед рассветом были верными признаками того, что утром будет мороз. Так оно и случилось. Солнце взошло мутное, деформированное. Оно давало свет, но не тепло. От диска его кверху и книзу шли яркие лучи, а по сторонам были светящиеся радужные пятна, которые на языке полярных народов называются «ушами солнца».

Удэхеец, сопровождавший нас, хорошо знал эти места. Он находил тропы там, где надо было сократить дорогу. Версты две не доходя до устья Кулумбе, тропа свернула в лес, которым мы шли еще около часа. Вдруг лес сразу кончился и тропа оборвалась. Перед нами была река Иман. Она еще не замерзла и только по краям имела забереги. На другом берегу, как раз против того места, где мы стояли, копошились какие-то маленькие люди. Это оказались удэхейские дети. Немного дальше в тальниках виднелась юрта и около нее — амбар на сваях. Дерсу крикнул ребятишкам, чтобы они подали лодку. Мальчики испуганно посмотрели в нашу сторону и убежали. Вслед затем из юрты вышел мужчина с ружьем в руках. Он перекинулся с Дерсу несколькими словами и затем переехал в лодке на нашу сторону.

Удэхейская лодка — длинный плоскодонный челнок, настолько легкий, что один человек без труда может вытащить его на берег. Передняя часть его тупая, но дно выдается вперед; оно расширено и загнуто кверху, так что получается нечто в роде ковша или лопаты, вследствие чего вся лодка кажется несуразной. Благодаря такой конструкции, она не разрезает воду, а, так сказать, взбирается на нее. Имея центр тяжести высоко поднятый, она кажется очень валкой. Когда мы вошли в лодку, она так закачалась, что я невольно ухватился руками за борта. Но как только мы успокоились и отчалили от берега, я убедился, насколько она была устойчива. Удэхеец управлял ею при помощи длинного шеста, стоя на ногах. Сильными толчками он продвигал лодку против воды; течение относило ее в сторону и постепенно прибивало к противоположному берегу.

Наконец, мы пристали к тому месту, где была юрта, и высадились на лед. Навстречу нам вышли женщина и трое ребятишек. Они испуганно прятались за свою мать. Пропустив нас, женщина тоже вошла в юрту, села на корточки у огня и закурила трубку, а дети остались на улице и принялись укладывать рыбу в амбар. В юрте было множество щелей. В них свистал ветер. Посредине помещения горел огонь. Время от времени ребятишки забегали в юрту и грели

у огня свои озябшие ручонки. Я удивился, как легко они были одеты: с открытой грудью, без рукавиц и без головного убора они работали и, казалось, ни мало не страдали от стужи. Если который-нибудь из них дольше других засиживался у огня, отец прикрикивал на него и выгонял вон.

— Он озяб, — сказал я Дерсу, и просил его перевести слова мои удэхейцу.

— Пусть привыкает, — отвечал тот, — иначе умрет с голоду.

С этим нельзя было не согласиться. Кому приходится иметь дело с природой и пользоваться дарами ее в сыром виде, надо быть в общении с ней даже тогда, когда она не ласкает.

Расспросив удэхейцев о дороге, мы отправились дальше и очень скоро дошли до того места, где Иман поворачивает на северо-запад. Здесь, в углу с левой стороны, примыкает к реке большая поляна. Она длиной пять и шириной около двух верст. В конце ее находятся четыре фанзы. Это и есть китайский охотничий поселок Сидатун. На другой стороне Имана живут туземцы (пять семейств) в трех юртах. У них я и остановился.

31-го числа морозы заметно усилились; по реке плыл лед. Несмотря на это, удэхейцы решили вести нас на лодке, сколько это будет возможно.

XXVIII.

Тяжелое положение.

Плавание по р. Иману. — Пороги. — Ледоход. — Крушение лодки. — Р. Арму. — Р. Синанца. — Голодовка. — Остатки медвежьей трапезы. — Лапша из кожи. — Утомление. — Ли-тан-куй. — Волнения удэхейцев. — Стойбище Вагунбе. — Восстание туземцев. — Пение шамана.

1-го ноября рано утром мы покинули Сидатун и поплыли вниз по Иману.

К плаванию по горным рекам в туземных лодках надо привыкнуть с детства. Надо далеко смотреть вперед, надо знать, где следует придержать лодку, где повернуть ее носом против воды, или, наоборот, разогнать елико возможно и проскочить опасное место. Все это надо учитывать и быстро принимать соответствующие меры. Малейший промах — и лодка, подхваченная быстрым течением, в один миг будет разбита о камни. На порогах вода находится в волнении, лодка качается, и потому сохранять равновесие в ней еще труднее. Для нас трудность плавания увеличивалась еще тем, что по реке плыл лед, и фарватер ее был стеснен заберегами. Льды заставляли плыть не там, где нам хотелось, а там, где это было возможно. Особенно это было заметно в тех случаях, когда порог находился на месте поворота. Чем больше увеличивались забереги, тем быстрее становилось течение по средине реки.

На Имане, как на всех горных речках, много порогов. Один из них, тот самый, который находится на половине пути между Сидатуном и р. Арму, считается самым опасным. Здесь шум воды слышен еще издали. Уклон дна реки заметен прямо на глаз. С противоположного берега нависла скала. Вода с пеной бьет под нее. От брызг она вся обмерзла.

Удэхейцы задержали лодку и посоветовались между собою, затем поставили ее поперек воды и тихонько стали спускать по течению. В тот момент, когда сильная струя воды понесла лодку к скале, они ловким толчком вывели ее в новом направлении. По глазам удэхейцев я увидел, что мы подвергались большой опасности. Спокойнее всех был Дерсу. Я поделился с ним своими впечатлениями.

— Ничего, капитан, — отвечал он мне. — Удэхе — все равно рыба. Шибко хорошо понимай в лодке ходи. Наша так не могу.

Чем дальше, тем плыть было труднее. Льдов становилось больше, забереги делались шире.

Вся эта часть Имана покрыта хвойно-смешанным лесом; на островах преобладают лиственные породы с примесью строевого кедра, а по берегам реки и по галешниковым отмелям — заросли тальника, дающего неисчерпаемый материал для лыж, юрт, острог, нарт и т. д.

На лодках нам удалось проехать немного. Начавшая с утра хмуриться погода опять разразилась пургой. Удэхейцы очень искусно лавировали между льдинами, отталкивая их в сторону шестами.

За р. Гадала Иман делает крутой поворот. Здесь скопилось много пловучего льда. Посредине шел узкий проход. Был ли он сквозной или замыкался, этого не знали наши проводники. Удэхейцы задержали лодку и обратились ко мне с вопросом — рисковать или нет? Путешествие с котомкой на плечах до того надоело, что я решил попытать счастье. Дерсу начал было меня отговаривать, но я не согласился с ним, думая, что в случае неудачи нам все же удастся выбраться на берег. Стоять на одном месте долго было нельзя. Мы тронулись вперед, но не успели сделать и двадцати саженей, как увидели, что проход был закрыт. Дальше шел сплошной лед. Подходить к нему вплотную было опасно. Если нашу тяжело загруженную лодку течение прижало бы ко льду, она сразу наполнилась бы водой. Надо было спешно выходить назад, но это оказалось не так просто. Повернуть лодку в узком проходе было нельзя. Пришлось двигаться кормой против воды. Как на грех, мы находились на самом фарватере, и шесты едва доставали дна. С большими усилиями мы прошли половину. Вдруг один удэхеец что-то закричал. По тревожному тону его голоса я понял, что нам грозит опасность, и оглянулся назад. Навстречу нам неслась огромная льдина. Она должна была закупорить проход раньше, чем мы успеем из него выйти. Удэхейцы напрягли

все свои силы, но льдина не ждала. Она с шумом ударилась об один край прохода и затем о другой. В это время случилось еще худшее — то, чего мы вовсе не ожидали. От сильных толчков все льды пришли в движение. Проход начал суживаться.

— Лед скоро лодку ломай, — закричал Дерсу не своим голосом. — Скорей надо ходи!

Он выскочил из лодки и по плавающему льду побежал к берегу, таща за собой веревку. Раза два он проваливался, но скоро опять взбирался на лед. К счастью, до берега было недалеко. Следуя его примеру, выскочили и казаки. Кожевников и Бочкарев достигли берега благополучно, но Мурзин провалился. Он начал карабкаться на льдину, но она перевернулась. Чем больше он карабкался, тем глубже погружался в воду. Еще минута, и он опустился бы на дно. Тогда на выручку ему бросился Дерсу. Был момент, когда он сам мог погибнуть. В это время я, вместе с удэхейцами, перебирался с одной льдины на другую. Мы тащили лодку и в то же время держались за нее. К счастью, нос лодки скоро оказался вблизи Дерсу и Мурзина, и это спасло их обоих. Лодка опять загрузла. Она стала поперек реки, и ее повлекло по течению вместе со льдом. Тогда мы стали бросать на берег наши котомки и затем вылезли сами. Через несколько минут лодку прижало к утесу. Словно живое существо, она некоторое время еще сопротивлялась льдам и вздрагивала, потом вдруг треснула и сломалась пополам. Раздался еще один хруст; из воды показался один обломок — и затем все исчезло.

Выбравшись на берег, первое, что мы сделали, — разложили костер. Надо было обсушиться. Кто-то подал мысль, что следует согреть чай и поесть. Начали искать мешок с продовольствием, но его не оказалось. Не досчитались также одной винтовки. Нечего делать, мы закусили тем, что было у каждого в кармане, и пошли дальше. Удэхейцы говорили, что к вечеру мы дойдем до фанзы Сехозегоуза. Там в амбаре они надеялись найти мороженую рыбу.

В сумерки мы действительно дошли до фанзы. Она оказалась пустой. В амбаре ее казаки нашли две сухих рыбины. Пришлось довольствоваться этим скудным ужином.

От горного ключа Таухомигоу Иман поворачивает на северо-запад и делает большую петлю. Здесь он принимает в себя с правой стороны один из самых больших своих притоков — Арму.

От места нашей стоянки до Арму, по словам проводников, было три дня ходу. Но можно сократить расстояние, если пересечь иманскую петлю напрямик горами. Тогда можно выйти прямо к местности Сянь-ши-хеза, находящейся ниже Арму по течению верст на пятьдесят. Ввиду недостатка в продовольствии, сокращение пути теперь было особенно важно. Удэхейцы обещали проводить нас до того места, где нужно было свернуть с Имана, а дальше мы должны были итти сами, без провожатых.

На следующий день к полудню (2 ноября) мы дошли до реки Хугадо, текущей по кривой от запада к югу. По ней нам надлежало подняться до перевала через горный хребет, являющийся причиной петли Имана. Эта речка длиной версты три с половиной. Подъем на хребет и спуск с него одинаковой крутизны приблизительно в тридцать градусов, а высота перевала относительно реки Имана равна 180 саж.

Теперь перед нами было два ключа: один шел к северу, другой к западу. Нам, вероятно, следовало итти по правому, но я по ошибке взял северное направление. Сейчас же за перевалом мы стали на бивак, как только нашли дрова и более или менее ровное место.

Утром 3-го ноября мы съели последнюю юколу и пошли в путь с легкими котомками. Теперь единственная надежда оставалась на охоту. Поэтому было решено, что Дерсу пойдет вперед, а мы, чтобы не пугать зверя, пойдем сзади шагах в трехстах от него. Наш путь лежал по неизвестной нам речке, которая, насколько это можно было видеть с перевала, текла на запад.

Мы все надеялись, что Дерсу убьет что-нибудь, — но напрасно. Выстрелов не было слышно. После полудня долина расширилась. Здесь мы нашли маленькую, едва заметную тропинку. Она шла влево на север, пересекая кочковатое болото.

Голод давал себя чувствовать. Все шли молча, никто не хотел разговаривать. Вдруг я увидел Дерсу; он тихонько переходил с места на место, нагибался и что-то подбирал с земли. Я окликнул его. Он махнул мне рукой.

— Ты что нашел — спросил его Г. И. Гранатман.

— Медведь кушай рыбу — отвечал он, — голова бросай, — моя подбирай.

В самом деле, на снегу валялось много рыбьих голов. Видно было, что медведи приходили сюда уже после того, как выпал снег.

«На безрыбьи и рак — рыба». Во время голодухи можно покормиться и медвежьими объедками. Все дружно принялись за работу и через четверть часа у людей все карманы были набиты рыбьими головами.

Увлеченные работой мы и не заметили, что маленькая долинка привела нас к довольно большой реке. Это была Синанца с притоками: Даягоу, Маягоу и Пилигоу. Если верить удэхейцам, то завтра к полудню мы должны будем дойти до Имана.

Перейдя на другую сторону реки, мы устроили бивак в густом хвойном лесу. Какими вкусными нам показались рыбьи головы! Около некоторых голов было еще много мяса, такие головы были счастливыми находками. Мы разделили их поровну между собою. Поужинали мы вкусно, но не сытно. Ночь была морозная, но в дровах не было недостатка, и потому мы спали хорошо.

На рассвете 4-го ноября мы встали голодными.

Теперь путь наш лежал вниз по р. Синанце. Она течет по широкой межскладчатой долине в меридиональном направлении с некоторым склонением на восток. Река эта очень извилиста.

Я заметил, что в этих местах снегу было гораздо больше, чем на р. Кулумбе. Глубина снежного покрова местами доходила почти до колен. Итти по такому снегу было трудно. В течение часа удавалось сделать версты две не больше.

Расчет на охоту не оправдался, не оправдалась также надежда найти опять рыбьи головы. Казак Кожевников один раз видел кабаргу и стрелял в нее, но промахнулся.

Судя по времени, мы уже должны были дойти до Имана. За каждым поворотом я рассчитывал увидеть устье Синанцы, но дальше шел лес, потом опять поворот, опять лес и т. д.

В сумерки мы достигли маленького балагана, сложенного из корья. Я обрадовался этой находке, но Дерсу остался ею недоволен. Он обратил мое внимание на то, что вокруг балагана было несколько костров. Костры и полное отсутствие каких бы то ни было предметов таежного обихода свидетельствовали о том, что балаган этот служит путникам только местом ночевок и, следовательно, до р. Имана было еще не менее перехода.

Голод сильно мучил людей. Тоскливо сидели казаки у огня, вздыхали и мало говорили между собой. Я несколько раз принимался расспрашивать Дерсу о том, не заблудились ли мы, правильно ли мы идем, но он сам был в этих

местах первый раз, и все его соображения основывались лишь на догадках. Чтобы как-нибудь утолить голод, казаки легли раньше спать. Я тоже лег, но мне не спалось. Беспокойство и сомнения мучили меня всю ночь. Если завтра мы ничего не убьем и не дойдем до Имана, — будет плохо. Летом без пищи можно продержаться несколько дней, но зимой голодные легко замерзают.

Утром Дерсу проснулся раньше всех и разбудил меня. Снова появились опасения за предстоящий путь. Надо итти, пока еще есть возможность, пока еще двигаются ноги. Но едва мы тронулись в путь, как я почувствовал, что силы уже не те: котомка показалась мне вдвое тяжелее, чем вчера; через каждые полверсты мы садились и отдыхали. Хотелось лежать и ничего не делать. Плохой признак! Так пробились мы до полудня и прошли очень мало. Не было сомнения, что при таких условиях дойти до Имана нам не удастся и сегодня. По пути мы раза два стреляли мелких птиц и убили трех поползней и одного дятла, но что значили эти птицы для пяти человек.

Между тем погода начала хмуриться, небо опять заволокло тучами. Резкие порывы ветра подымали снег с земли. Воздух был наполнен снежной пылью; по реке кружились вихри. В одних местах ветром совершенно сдуло снег со льда, в других, наоборот, намело большие сугробы. За день все сильно прозябли. Наша одежда износилась и уже не защищала от холода.

С левой стороны высилась скалистая сопка. К реке она подходила отвесными обрывами. Здесь мы нашли небольшое углубление в роде пещеры и развели в нем костер. Дерсу повесил над огнем котелок и скипятил воду. Затем он достал из своей котомки кусок изюбриной кожи, опалил ее на огне и стал ножем мелко крошить, как лапшу. Когда кожа была изрезана, он высыпал ее в котелок и долго варил. Затем он обратился ко всем со следующими словами:

— Каждый люди надо кушай. Брюхо обмани. Силы мало-мало прибавляй. Потом надо скоро ходи. Отдыхать не могу. Тогда сегодня, солнце кончай, наша Иман найди есть.

Уговаривать никого было не нужно. Каждый готов был глотать все, что угодно. Хотя кожа варилась долго, но она была все же настолько тверда, что не поддавалась зубам. Дерсу не советовал есть много и останавливал жадных, говоря:

— Не надо много есть — худо!

Через полчаса мы снялись с привала. Действительно, съеденная кожа, хотя и не утолила голода, но дала желудку механическую работу. Каждый раз, как кто-нибудь отставал, Дерсу начинал ругаться.

День уже кончился, а мы все шли. Казалось, что реке Синанце и конца не будет. За каждым поворотом открывались все новые и новые плесы. Мы еле волочили ноги, шли, как пьяные, и, если бы не уговоры Дерсу, то давно стали бы на бивак. Часов в шесть вечера появились первые признаки близости жилья: следы лыж и нарт, свежие порубки, пиленые дрова и т. д.

— Иман далеко нету, — сказал Дерсу довольным голосом.

Все почувствовали прилив энергии и прибавили шагу, и, вдруг, как бы в ответ на его слова впереди послышался отдаленный собачий лай. Еще один поворот, и мы увидели огоньки. Это было китайское селение Сянь-ши-хеза.

Через четверть часа мы подходили уже к поселку. Я никогда не уставал так, как в этот день. Дойдя до первой фанзы, мы вошли в нее и, не раздеваясь, легли на кан. Не хотелось ни есть, ни пить, ни говорить, — хотелось только лежать.

Естественно, что наше появление вызвало среди китайцев тревогу. Хозяин фанзы волновался больше всех. Он тайком послал куда-то двух рабочих. Спустя некоторое время, в фанзу пришел еще один китаец. На вид ему было лет тридцать пять. Он был среднего роста, коренастого сложения и с типично выраженными монгольскими чертами лица. Наш новый знакомый был одет заметно лучше других. Держал он себя очень развязно и имел голос крикливый. Он обратился к нам на русском языке и стал расспрашивать, кто мы такие и откуда идем. Речь его была чистая, правильная, нековерканная; слова свои он часто пересыпал русскими пословицами. Затем он стал уговаривать нас перейти к нему в фанзу, назвал себя Ли-тан-ку'ем, сыном Ли-чин-фу, говорил, что его дом лучший во всем поселке, а фанза, в которой мы остановились, принадлежит бедняку и т. д. Затем он вышел на улицу и о чем-то долго шептался с хозяином фанзы. Последний подошел ко мне и тоже стал просить, чтобы мы перешли к Ли-тан-ку'ю. Нечего делать, пришлось уступить. Откуда-то взялись рабочие, которые успели уже перенести наши вещи. Когда мы шли по тропе, Дерсу тихонько дернул меня за рукав и сказал:

— Его шибко хитрый люди. Моя думай, его обмани хочу. Сегодня моя спи не буду.

Мне самому китаец этот казался подозрительным и очень не нравились его заискивания.

Ночью я проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Я быстро вскочил на ноги. Рядом со мной сидел Дерсу. Он сделал мне знак, чтобы я не шумел, и затем рассказал, что Ли-тан-куй давал ему деньги и просил его уговорить меня не ходить к удэхейцам на Вагунбе, а обойти юрты их стороной, для чего обещал дать специальных проводников и носильщиков. Дерсу отвечал ему, что это не от него зависит. После этого он, Дерсу, лег на кан и притворился спящим. Ли-тан-куй выждал, когда, по его мнению, Дерсу уснул, тихонько вышел из фанзы и куда-то уехал верхом на лошади.

— Надо наша завтра на Вагунбе ходи. Моя думай, там что-то худо есть,—закончил он свой рассказ.

В это время снаружи послышался конский топот. Мы сунулись на свои места и притворились спящими. Вошел Ли-тан-куй. Он остановился в дверях, прислушался и, убедившись, что все спят, тихонько разделся и лег на свое место. Вскоре я опять заснул и проснуся уже тогда, когда солнце было высоко на небе.

Проснулся я от какого-то шума и спросил, что случилось. Казаки доложили мне, что к фанзе пришло несколько человек удэхейцев. Я оделся и вышел к ним на улицу. Меня поразила та неприязнь, с какой они на меня смотрели.

После чая я объявил, что пойду дальше. Ли-тан-куй стал уговаривать меня, чтобы я остался еще на один день, обещал заколоть чушку и т. д. Дерсу в это время подмигнул мне, чтобы я не соглашался. Тогда Ли-тан-куй начал навязывать своего проводника, но я отказался и от этих услуг. Как ни хитрил Ли-тан-куй, но обмануть нас ему не удалось.

От Сян-ши-хе-зы тропа идет по правому берегу реки у подножья высоких гор. Все иманские китайцы хорошо вооружены и живут очень зажиточно. Они относились к нам крайне враждебно. На вопросы о дороге и о численности населения они отвечали грубо: Бу чжи дао (т.-е. не знаю), а некоторые говорили прямо: «Знаю, да не скажу».

Немного дальше и несколько в стороне было удэхейское стойбище Вагунбе, состоящее из 4 фанз и юрт. По сведениям, здесь обитало 85 удэхейцев.

Когда мы подходили к их жилищам, они все высыпали нам навстречу. Удэхейцы встретили меня далеко не дружелюбно и не пригласили даже к себе в юрты.

Первый вопрос, который они задали мне, был такой: почему я ночевал в доме Ли-тан-куя? Я ответил им и, в свою очередь, спросил их, почему они так враждебно ко мне относятся. Удэхейцы отвечали, что давно ждали меня и вдруг узнали, что я пришел и остановился у китайцев на Сян-шихе-за.

Скоро все объяснилось: оказалось, что здесь произошла целая трагедия. Китаец Ли-тан-куй был Цай-тун'ом *) долины Имана, эксплоатировал туземцев и жестоко наказывал их, если они к назначенному времени не доставляли определенного числа мехов. Многие семьи он разорил совершенно, издевался над ними, детей отбирал и продавал за долги. Наконец, двое из них—Масенда и Само из рода Гялондига, выведенные из терпения, поехали в г. Хабаровск с жалобой на Ли-тан-куя. Там обещали им помочь и, между прочим, сказали, что я должен притти на Иман со стороны моря и велели обратиться ко мне, полагая, что на месте я легко разберусь с этим вопросом. Удэхейцы вернулись, сообщили сородичам о результатах своей поездки и терпеливо стали ждать моего прихода. О поездке Само и Масенды узнал Ли-тан-куй. Тогда, для примера другим, он приказал избить жалобщиков палками. Один из них умер во время наказания, а другой, хотя и выжил, но остался калекой на всю жизнь. Тогда в Хабаровск поехал брат убитого Гулунга. Ли-тан-куй велел его схватить и заморозить на реке. Узнав об этом, удэхейцы решили с оружием в руках защищать товарища. Создалось осадное положение. Уже две недели удэхейцы сидели на месте, не ходили на охоту и, за недостатком продовольствия, терпели нужду. Вдруг до них дошла весть, что я пришел на Сян-ши-хе-за и остановился в доме Ли-тан-куя. Я объяснил им, что мне ничего не было известно из того, что случилось на Имане, и что, придя в Сян-ши-хе-за, я до того был утомлен и голоден, что, не разбирая, воспользовался первой попавшейся мне фанзой.

Вечером все старики собрались в одну юрту. На совете решено было, что по прибытии в Хабаровск, я обо всем до-

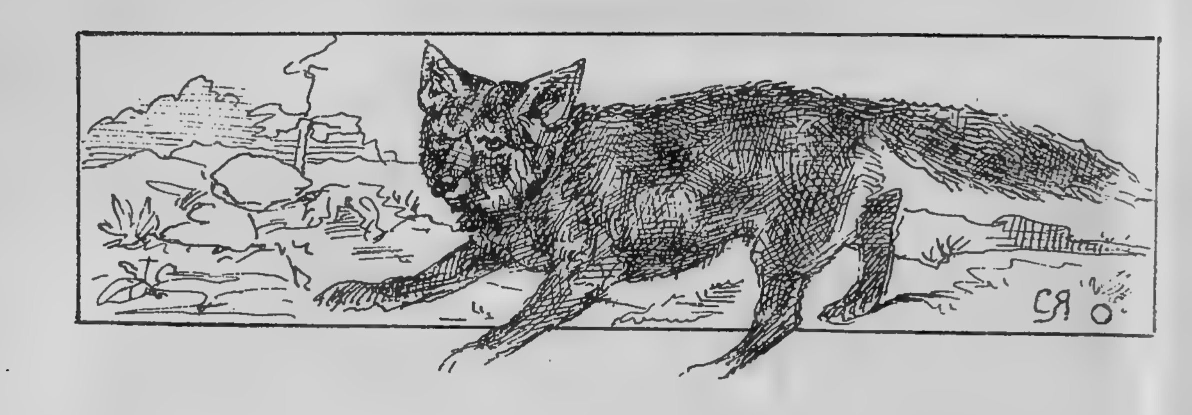
*) Цай-тун — хозяин долины, ростовщик, ссужающий туземное население продовольствием и предметами первой необходимости, за что они должны отдавать ему все меха.

ложу как можно скорее и попрошу выслать на Сян-ши-хе-за отряд казаков.

Когда старики разошлись, я оделся и вышел из юрты. Кругом было темно,—так темно, что в двух шагах нельзя было рассмотреть человека. О местонахождении удэхейских жилищ можно было только узнать по искрам и клубам дыма, которые вырывались из отверстий в крышах. Вдруг в тихом вечернем воздухе пронеслись странные звуки: то были удары в гонг или бубен, и вслед затем послышалось пение, похожее на стон и плач. В этих звуках было что-то жуткое и тоскливое. Как волны, они неслись в стороны и таяли в холодном ночном воздухе. Я окликнул Дерсу. Он вышел и сказал мне, что в самой крайней юрте шаман лечит больного ребенка. Я отправился туда, но у самого входа в юрту наткнулся на старуху; она загородила мне дорогу. Я понял, что присутствие мое при камлании нежелательно и пошел назад по тропе.

В той стороне, где находились китайские фанзы, виднелись огоньки. Я почувствовал, что прозяб, вернулся в юрту и стал греться у огня.

XXIX.

Последний путь.

Проводы. — Картун. — Враждебное настроение китайцев. — Отказ в ночлеге. — Ориентировка при помощи обоняния.—Мяолин.—Буйный хозяин. — Село Котельное. — Угощение в дер. Гоголевке. — Услуга попутчика. — Расставание с Дерсу. — Станция Иман. — Возвращение в Хабаровск.

На следующий день утром (8-го ноября) мы отправились дальше.

Все удэхейцы пошли нас провожать. Эта толпа людей, пестро одетых, с загорелыми лицами и с беличьими хвостиками на головных уборах, производила странное впечатление. Во всех движениях ее было что-то дикое и наивное.

Мы шли в середине, старики рядом, а молодежь бежала по сторонам, увлекаясь следами выдр, лисиц и зайцев. На конце поляны удэхейцы остановились и пропустили меня вперед. Из толпы вышел седой старик. Он подал мне коготь рыси и велел положить его в карман для того, чтобы я не забыл просьбы их относительно Ли-тан-ку'я. После этого мы расстались; удэхейцы вернулись назад, а мы пошли своей дорогой.

Иман мало где течет одним руслом, чаще он разбивается на протоки. Некоторые из них имеют по нескольку верст длины и далеко отходят в сторону. Из них наиболее замечательны: Тагоуза, Наллю и Картунская.

За эти дни мы очень утомились. Хотелось остановиться и отдохнуть. По рассказам удэхейцев, впереди было большое китайское селение Картун. Там мы думали продневать,

собраться с силами и, если возможно, нанять лошадей. Но нашим мечтам не суждено было сбыться.

Картун, собственно, представляет из себя большую котловину в шесть верст длиной и версты три шириной. Здесь насчитывается 42 китайских фанзы с населением в 575 мужчин.

Местность Картун можно считать границей, где кончаются смешанные и начинаются лиственные леса. Горы в стороне от реки покрыты кедровым лесом, который зимой резко выделяется своей темной хвоей.

День кончился, когда мы подошли к Картуну. Солнце только что успело скрыться за горизонтом. Лучи его играли еще в облаках и этим отраженным сиянием освещали землю. В стороне около реки виднелись китайские фанзы. Они прятались за елками, точно хотели укрыться от глаз случайных прохожих. Мы направились к ним.

Более зажиточных фанз, чем на Картуне, я нигде не видывал. Они были расположены на правом берегу реки и походили скорее на заводы, чем на жилые постройки.

Я зашел в одну из них. Китайцы встретили меня враждебно. До них уже долетели вести о том, кто мы, и почему удэхейцы нас сопровождают. Неприятно быть в доме, когда хозяева нелюбезны. Я перешел в другую фанзу. Там нас встретили еще хуже, в третьей мы не могли достучаться, в четвертой, пятой, десятой, нам был оказан такой же прием. Против рожна не пойдешь. Я ругался, ругались казаки, ругался Дерсу, но делать было нечего. Оставалось только покориться. Ночевать около фанз мне не хотелось. Поэтому я решил итти дальше, пока не найду место, подходящее для бивака.

Настал вечер. Красивое сияние на небе стало блекнуть. Кое-где зажглись звезды. Китайские фанзы остались далеко сзади, а мы все шли. Вдруг Дерсу остановился и, закинув назад голову, стал нюхать воздух.

— Погоди, капитан,—сказал он.—Моя запах дыма найди есть. Это удэхе,—сказал он через минуту.

— Почему ты знаешь,—спросил его Кожевников.—Может быть, китайская фанза?

— Нет,—говорил Дерсу.—Это удэхе. Китайская фанза большой труба есть; дым высоко ходи. Из юрты дым низко ходи. Удэхе рыбу жарят.

Сказав это, он уверенно пошел вперед. Порой он останавливался и усиленно нюхал воздух. Так прошли мы пятьдесят шагов, потом сто, двести, а обещанной юрты все еще

не было видно. Усталые люди начали смеяться над стариком. Дерсу обиделся:

— Ваша хочу тут спи, а моя хочу юрта ходи, рыбу кушай,—отвечал он спокойно.

Я последовал за ним, а следом за мной пошли казаки. Минуты через три мы, действительно, подошли к удэхейскому стойбищу. Тут было две юрты. В них жило 9 мужчин и 3 женщины с 4 детьми. Войдя в одну из юрт, я увидел женщин, поджаривающих на огне сухую рыбу. Очевидно, обоняние у Дерсу было развито гораздо сильнее, чем у нас. Запах дыма и жареной рыбы он слышал, по крайней мере, шагов за 250, если не больше.

Через несколько минут мы сидели у огня, ели рыбу и пили чай. За этот день я так устал, что едва мог сделать в дневнике необходимые записи. Я просил удэхейцев не гасить ночью огня. Они обещали по очереди не спать и тотчас принялись колоть дрова.

Ночью был туманный мороз. Откровенно говоря, я был бы очень рад, если бы к утру разразилась непогода. По крайней мере, мы отдохнули бы и выспались, как следует; но едва взошло солнце, как туман сразу рассеялся. Прибрежные кусты и деревья около проток заиндевели и стали похожи на кораллы. На гладком льду иней осел розетками. Лучи солнца играли в них и от этого казалось, будто по реке рассыпаны бриллианты.

Я видел, что казаки торопятся домой, и пошел навстречу их желаниям. Один из удэхейцев вызвался проводить нас до Мяолина. Так назывался большой ханшинный завод, находящийся на правом берегу Имана верстах в семи от Картуна, ниже по течению.

Сегодня дорога мне показалась еще более тяжелой.

Часа в два дня мы дошли до Мяолина. Это была одна из самых старых фанз в Иманском районе. В ней проживало 16 китайцев и одна гольдячка. Хозяин фанзы поселился здесь лет пятьдесят тому назад еще юношей, а теперь он насчитывал себе уже семь десятков лет. Вопреки ожиданиям, он встретил нас, хотя и не очень любезно, но все же распорядился накормить и позволил ночевать у себя в фанзе. Вечером он напился пьян. Начал о чем-то меня просить, но затем перешел к более резкому тону и стал шуметь.

— Мяолин не вчерашний и не сегодняшний,—говорил он.—Мяолин такой же старый, как и я, а вы пришли меня прогонять. Я вам Мяолин не отдам. Если мне придется уходить отсюда, я его сожгу.

Затем он объявил, что сейчас зажжет фанзу, пошел на двор и притащил оттуда большую охапку соломы. Все это кончилось тем, что Дерсу уложил его спать на той же соломе.

Утром мы рано ушли, оставив старика спать в его фанзе, которую он не хотел нам уступить, и которую мы не собирались у него отнимать.

Странное дело, чем ближе мы подходили к Уссури, тем самочувствие становилось хуже. Котомки наши были почти пустые, но нести их было тяжелее, чем пудовые в начале дороги. Лямки до того нарезали плечи, что дотронуться до них было больно. От напряжения болела голова, появилась слабость.

Чем ближе мы приближались к железной дороге, тем хуже относилось к нам население. Одежда наша изорвалась, обувь износилась. Крестьяне смотрели на нас, как на бродяг.

От Мяолина тропа пошла по кочковатому лугу в обход болот и проток. Часа через два она привела нас к невысоким сопкам, поросшим дубовым редколесьем.

Люди шли лениво и часто отдыхали. Незадолго до сумерок мы добрались до участка, носящего странное название Паровози. Откуда произошло это название, так я и не мог добиться. Здесь жил старшина удэхейцев Сарл Кимунка со своей семьей. В 1901 году он с чиновником переселенческого управления Михайловым ходил вверх по реке Иману до Сихотэ-Алиня. В награду за это ему был отведен хуторской участок. Сарл Кимунка по личному опыту знал, какие трудности испытывает исследователь Сихотэ-Алиня, поэтому у него в фанзе мы нашли самый радушный прием и сытный ужин из чумизной каши и юколы.

На следующий день мы встали поздно, закусили немного рыбой и пошли дальше. Сарл Кимунку проводил нас до корейцев, недавно поселившихся около Паровози. Внизу Иман еще не замерз—надо было переправиться на лодке. Мы обошли все фанзы и нигде не нашли ни одного мужчины. Женщины испуганно смотрели на нас и прятали своих детей. Наконец, мы плюнули и пошли к реке. Удэхеец где-то нашел спрятанную в кустах плоскодонку. В ней он перевез нас через реку по одиночке и затем возвратился назад.

На левом берегу Имана, у подножья отдельно стоящей сопки, расположилось четыре землянки: это было русское селение Котельное. Переселенцы только что прибыли из России и еще не успели обстроиться, как следует. Мы зашли в одну мазанку и попросились переночевать. Хозяева из-

бушки оказались очень радушными. Они стали расспрашивать нас, кто мы такие и куда идем, а потом принялись пенять на свою судьбу.

С каким удовольствием я поел крестьянского хлеба! Вечером в избу собрались все крестьяне. Они рассказывали про свое житье-бытье на новом месте и часто вздыхали. Должно быть, не сладко им досталось переселение. Если бы не кета, они все погибли бы от голода; только рыба их и поддержала.

От села Котельного начиналась дорога, отмеченная верстовыми столбами. Около деревни на столбе значилась цифра 74. Нанять лошадей не было денег. Мне непременно хотелось довести съемки до конца, что было возможно только при условии, если итти пешком. Кроме того, ветхая одеженка заставляла нас согреваться движением.

Мы выступили рано утром, почти на рассвете.

После полудня мы дошли до корейской деревушки Лукъяновки, состоящей из 52 фанз, разбросанных на значительном расстоянии друг от друга. Здесь мы отдохнули немного и пошли дальше. Сумерки застали нас в дороге. Мы все сильно устали, прозябли, и хотелось есть. Скоро я перестал разбирать цифры на инструменте, но дорога была видна. Тогда я стал работать с огнем. По сигналу один из казаков подносил зажженную спичку к инструменту. При минутном освещении я замечал цифру прибора, отмечал ее на планшете и шел дальше. Наконец, впереди мелькнул огонек.

— Деревня!—воскликнули все в один голос.

— Ночью огонь постоянно обмани, — сказал на это Дерсу.

Действительно, в темноте огонь виден далеко. Иногда он кажется дальше, чем есть на самом деле, иногда — совсем близко, почти рядом. Мы шли и, казалось, огонь тоже уходил от нас. Я уже хотел было сделать привал, но огонь вдруг сразу появился совсем близко. В темноте мы разглядели избу, другую, третью—всего восемь домов. Это была деревня Вербовка. Многих крестьян не было дома; они ушли на заработки в город. Испуганные женщины приняли нас за хунхузов и не хотели отворять дверей. Пришлось прибегнуть к помощи старосты. Он приютил меня, Дерсу и Бочкарева у себя, а Г. И. Гранатмана, Мурзина и Кожевникова у соседа.

За этот день мы прошли 33 версты и страшно устали. От переутомления я долго не мог уснуть и все время ворочался с боку на бок. Каждое новое положение давало слад-

кую истому, но вслед затем выступала ноющая боль в суставах.

До железной дороги оставалось еще 42 версты. Посоветовавшись с моими спутниками, я решил попытаться пройти это расстояние в один переход. Для исполнения этого плана мы выступили очень рано. Около часа я работал опять с огнем. Когда взошло солнце, мы подходили уже к Гоголевке.

Утро было морозное. Вся деревня курилась; из труб столбами поднимался белый дым. Он расстилался по воздуху и принимал золотисто-розовую окраску.

Я не хотел здесь останавливаться, но один из местных жителей узнал, кто мы такие, и просил зайти к нему напиться чаю. Он угощал нас молоком, хлебом и медом.

Чай с хлебом подкрепил наши силы. Поблагодарив гостеприимного хозяина, мы отправились дальше и вскоре подошли к деревне Звенигородке. До железной дороги оставалось теперь только 22 версты. Но что значит это расстояние после сытного завтрака, когда знаешь, что это последние версты; когда знаешь, что сегодня возможно совсем закончить путь.

День был ясный, солнечный, но холодный. Мне страшно надоела съемка и только упорное желание довести ее до конца не позволяло бросить работу. Во время работы зябли руки, и я согревал их дыханием. Через час пути мы догнали какого-то человека. Он вез на станцию рыбу.

— Как же вы так работаете?—спросил он меня. Неужели вам не холодно?

— Я ответил ему, что за дорогу мои перчатки износились.

— Так возьмите-ж мои,—сказал возчик рыбы.—У меня есть запасная пара.

Говоря это, он достал с воза теплые вязаные перчатки и подал их мне. Я взял перчатки и продолжал работать. Версты две мы шли вместе, я чертил, а он рассказывал мне про свое житье и ругательски ругал всех и каждого. Изругал он своих односельчан, изругал переселенческого чиновника, досталось и учителю. Надоела мне эта ругань. Лошаденка его шла медленно, и я видел, что при таком движении к вечеру мне не удастся дойти до Имана. Я снял перчатки, отдал их возчику, поблагодарил его и, пожелав успеха, прибавил было шагу.

— Как,—закричал он вслед,—неужто вы мне не заплатите?

— За что?—спросил я.

— А за перчатки.

— Да ведь вы получили их обратно, — ответил я ему.

— Вот тебе раз,—протянул с недовольством мой «благодетель», — я вас пожалел, а вы мне не хотите денег платить.

— Хороша у тебя жалость!—вмешались казаки.

Больше всех рассердился Дерсу. Он шел, плевался и все время ругал возчика рыбы разными словами.

— Вредный люди,—говорил он,—моя такой не хочу посмотри. У него лица совсем нету.

В выражениях гольда потерять лицо значило потерять совесть. И нельзя было не согласиться, что у возчика, действительно, не было совести.

— Как такой люди живи,—не унимался Дерсу. — Моя думай, его живи не могу — его скоро сам пропади.

После полудня мы подошли к р. Ваку и сделали привал на дороге. По прямой линии до железной дороги оставалось не более двух верст, но на верстовом столбе стояла еще цифра шесть. Это потому, что дорога здесь огибает большое болото. Ветром доносило свистки паровозов и уже можно было рассмотреть станционные постройки.

Я втайне лелеял мысль, что на этот раз Дерсу поедет со мной в Хабаровск. Мне очень жаль было с ним расставаться. Я заметил, что последние дни он был ко мне как-то особенно внимателен, что-то хотел сказать, о чем-то спросить и, видимо, не решался. Наконец, преодолев свое смущение, он попросил патронов. Из этого я понял, что он решил уйти.

— Дерсу, не уходи!—сказал я ему.

Он вздохнул и стал говорить о том, что боится города и что делать ему там нечего. Тогда я предложил ему дойти со мной до станции железной дороги, где я мог бы снабдить его на дорогу деньгами и продовольствием.

— Не надо, капитан,—ответил гольд.—Моя соболь найди—его все равно деньги.

Напрасно я уговаривал его, он стоял на своем. Дерсу говорил, что он отправится вверх по р. Ваку и в истоках ее будет гонять соболей, а затем, когда станут таять снега, перейдет на р. Даубихе. Там, около урочища Анучина, жил знакомый ему старик гольд. У него он и решил провести два весенних месяца. Мы условились, что в начале лета, когда я пойду в новую экспедицию, пришлю за ним казака, или приеду сам. Дерсу согласился и обещал ждать. После этого я отдал ему все имеющиеся у меня патроны. Мы сидели и го-

ворили все об одном и том же. Я уже три раза уславливался с ним, где нам опять встретиться, и всячески старался оттянуть время. Мне тяжело было с ним расставаться.

— Ну, надо ходи,—сказал Дерсу, и стал надевать свою котомку.

— Прощай, Дерсу, — сказал я, крепко пожимая ему руку.—Спасибо за то, что ты помогал мне. Прощай! Я никогда не забуду то многое, что ты для меня сделал.

Большое красное солнце только что зашло, оставив за собой на горизонте тусклое сияние. Первая, как всегда, зажглась Венера, за ней—Юпитер и другие крупные звезды. Дерсу хотел было еще что-то сказать, но смутился и стал рукавом обтирать приклад своей винтовки. С минуту мы простояли молча, затем еще раз пожали друг другу руки и разошлись. Он свернул на протоку влево, а мы пошли прямо по дороге. Отойдя немного, я оглянулся и увидел гольда. Он вышел на галешниковую отмель и рассматривал на снегу чьи-то следы... Я окликнул его и стал махать головным убором. Дерсу отвечал мне рукой.

— Прощай Дерсу,—подумал я про себя и пошел дальше. Казаки потянулись за мной.

Теперь перед нами расстилалась равнина, покрытая сухой буро-желтой травой и занесенная снегом. Ветер гулял по ней и трепал сухие былинки. За туманными горами на западе догорала вечерняя заря, а со стороны востока уже надвигалась холодная, темная ночь. На станции зажглись белые, красные и зеленые огоньки.

За этот день мы так устали, как не уставали за все время путешествия. Люди растянулись и шли вразброд. До железной дороги оставалось еще две версты, но эти две версты дались нам хуже двадцати в начале путешествия. Собрав последние остатки сил, мы потащились к станции, но не дойдя до нее каких-нибудь 200—300 шагов, сели отдыхать на шпалы. Проходившие мимо рабочие удивились тому, что мы отдыхаем так близко от станции. Один из них даже пошутил:

— Должно быть, до станции далеко,—сказал он товарищу со смехом.

Наконец, мы добрели до поселка и остановились в первой попавшейся гостинице. Городской житель, вероятно, возмущался бы ее обстановкой, дороговизной и грязью, но мне она показалась раем. Мы заняли два номера и расположились, как «богатые».

Все трудности и все лишения остались позади. Сразу появился интерес к газетам. Я все время вспоминал Дерсу. Где-то он теперь?—думал я. Вероятно, устроил себе бивак где-нибудь под берегом, натаскал дров, разложил костер и дремлет с трубкой во рту. С этими мыслями я уснул.

Утром я проснулся рано. Первая мысль, которая мне доставила наслаждение, было сознание, что более нести котомку не надо.

Вечером мы ходили в баню. После бани мы все вместе пили чай. Это было в последний раз. Вскоре пришел поезд, и мы разошлись по вагонам.

17-го ноября вечером мы прибыли в Хабаровск. Казаки прямо с вокзала направились в казармы, Г. И. Гранатман остановился у А. И. Мерзлякова, а я — у своих товарищей. В дальнейшем мне предстояла обработка собранных материалов до начала будущего лета, когда я вновь решил продолжить свои исследования в горной области Сихотэ-Алиня.

ЧАСТЬ II.

I.

Отъезд.

План экспедиции. — Состав отряда. — Мулы. — Питательные базы. — Прибытие Дерсу. — Помощь, оказанная моряками. — Плавание на миноносцах. — Прибытие в залив Ольги. — Высадка в б. Джигит. — Горбуша. — Птицы.

С января до апреля 1907 г. я был занят составлением отчетов за прошлую экспедицию и только в половине мая мог начать сборы в новое путешествие.

В этих сборах есть всегда много прелести. Общий план экспедиции был давно уже предрешен, оставалось только разработать детали.

Теперь обследованию подлежала центральная часть Сихотэ-Алиня, между 45° и 47° северной широты, побережье моря от того места, где были закончены работы в прошлом году, значит от бухты Терней к северу, сколько позволит время, и затем маршрут по Бикину до реки Уссури.

Организация этой экспедиции в общих чертах была такая же, как и в 1906 году. Изменения были сделаны только по некоторым пунктам на основании прошлогоднего опыта.

Новый отряд состоял из девяти стрелков *), ботаника Н. А. Десулави, студента киевского университета П. П. Бор-

---

*) Сагид Сабитов, Степан Аринин, Иван Туртыгин, Иван Фокин, Василий Захаров, Эдуард Калиновский, Василий Легейда, Дмитрий Дьяков и Степан Казимирчук.

дакова и моего помощника А. И. Мерзлякова. В качестве вольнонаемного препаратора пошел брат последнего, Г. И. Мерзляков.

Лошади на этот раз были заменены мулами. Обладая более твердым шагом, они хорошо ходят в горах и невзыскательны на корм, но зато вязнут в болотах. В отряде остались те же собаки: Леший и Альпа.

За месяц вперед А. И. Мерзляков был командирован в город Владивосток за покупкой мулов для экспедиции. Важно было приобрести животных некованных, с крепкими копытами. А. И. Мерзлякову поручено было отправить мулов на пароходе в залив Джигит, где и оставить их под присмотром троих стрелков, а самому ехать дальше и устроить на побережьи моря питательные базы. Таких баз намечено было пять: в заливе Джигит, в бухте Терней, на реках Такеме, Амгу, Кумуху и у мыса Кузнецова.

В апреле все было закончено, и А. И. Мерзляков выехал во Владивосток. Надо было еще исполнить некоторые предварительные работы и потому я остался в Хабаровске еще недели на две.

Я воспользовался этой задержкой и послал Захарова в Анучино искать Дерсу. От села Осиновки он поехал на почтовых лошадях, заглядывая в каждую фанзу и расспрашивая встречных, не видел ли кто-нибудь старика гольда из рода Узала. Немного не доезжая урочища Анучино, в фанзочке на краю дороги, он застал какого-то туземного охотника, который увязывал котомку и разговаривал сам с собой.

На вопрос, не знает ли он гольда Дерсу Узала, охотник отвечал:

— Это моя.

Тогда Захаров объяснил ему, зачем он приехал. Дерсу тотчас стал собираться. Переночевали они в Анучине и на утро отправились обратно.

Я очень обрадовался приезду Дерсу. Целый день мы провели с ним в разговорах. Гольд рассказывал мне о том, как в верховьях р. Санда-Ваку зимой он поймал двух соболей, которых выменял у китайцев на одеяло, топор, котелок и чайник, а на оставшиеся деньги купил китайской дрели, из которой сшил себе новую палатку. Патроны он купил у русских охотников; удэхейские женщины сшили ему обувь, штаны и куртку. Когда снега начали таять, он перешел в урочище Анучино и здесь жил у знакомого старика гольда. Видя, что я долго не являюсь, он занялся охотой и убил пантача оленя, рога которого оставил в кредит у китайцев.

Между прочим, в Анучине его обокрали. Там он познакомился с каким-то промышленником и, по своей наивной простоте, рассказал ему о том, что соболевал зимой на реке Ваку и выгодно продал соболей. Промышленник предложил ему зайти в кабак и выпить вина. Дерсу охотно согласился. Почувствовав в голове хмель, гольд отдал своему новому приятелю на хранение все деньги. На другой день, когда Дерсу проснулся, промышленник исчез. Дерсу никак не мог этого понять. Люди его племени всегда отдавали друг другу на хранение меха и деньги, и никогда ничего не пропадало.

3-го мая я кончил все свои работы и на другой день распрощался с Хабаровском.

В то время правильного пароходного сообщения по побережью Японского моря не существовало. Переселенческое управление первый раз, в виде опыта, зафрахтовало пароход «Эльдорадо», который ходил только до залива Джигит. Определенных рейсов еще не было, и сама администрация не знала, когда вернется пароход и когда он снова отправится в плавание.

Нам не повезло. Мы приехали во Владивосток два дня спустя после ухода «Эльдорадо». Меня выручили П. Г. Тигерстедт и А. Н. Пель, предложив отправиться с ними на миноносцах. Они должны были итти к Шантарским островам и по пути обещали доставить меня с командой в залив Джигит *). Миноносцы уходили в плавание только во второй половине июня. Пришлось с этим мириться. Во-первых, потому, что не было другого случая добраться до залива Джигит, а во-вторых, проезд по морю на военных судах позволял мне съэкономить значительную сумму денег. Кроме того, потеря времени во Владивостоке наполовину окупалась быстротой хода миноносцев.

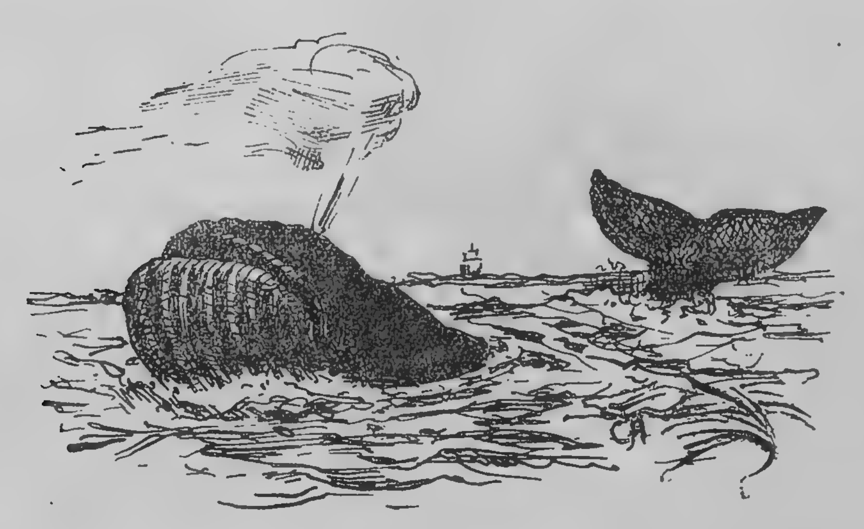
22-го июня, после полудня, мы перебрались на суда. Вечером в каюте беседы наши с моряками затянулись далеко за полночь. Я рассчитывал хорошо уснуть, но не удалось. Задолго до рассвета поднялся сильный шум — снимались с якоря. Я оделся и вышел на палубу. Занималась заря; от воды поднимался густой туман; было холодно и сыро. Чтобы не мешать матросам, я спустился обратно в каюту, достал из чемодана тетради и начал свой дневник. Вскоре

*) Отряд состоял из пяти миноносцев: «Грозный», «Гремящий», «Стерегущий», «Бесшумный» и «Бойкий».

легкая качка известила о том, что мы вышли в открытое море. Шум на палубе стал утихать.

Часов около десяти с половиной миноносцы были на линии о-ва Аскольда, называемого китайцами Циндао, что значит «Зеленый остров».

В открытом море нам встретились киты-полосатики и касатки. Киты плыли медленно в раз взятом направлении, мало обращая внимания на миноносцы, но касатки погнались за судами и, когда поравнялись с нами, начали выскакивать из воды. Один из спутников стрелял. Два раза он промахнулся, а в третий раз попал. На воде появилось большое кровавое пятно. После этого все касатки сразу исчезли.

Киты плыли медленно...

Ночью поднялся сильный ветер, и море разбушевалось. Утром, несмотря на непогоду, миноносцы снялись с якоря и пошли дальше. Я не мог сидеть в каюте и вышел на палубу. Следом за «Грозным» шли другие миноносцы в кильватерной колонне. Ближайшим к нам был миноносец «Бесшумный». Он то спускался в глубокие промежутки между волнами, то вновь взбегал на валы, увенчанные белыми гребнями. Когда пенистая волна накрывала легкое суденышко с носа, казалось, что вот-вот море поглотит его совсем, но вода скатывалась с палубы, миноносец всплывал на поверхность и упрямо шел вперед. Когда мы вошли в залив Ольги, было уже темно. Мы решили провести ночь на суше и потому съехали на берег и развели костер.

Дерсу, против ожидания, легко перенес морскую качку. Он и миноносец считал живым существом:

— Моя хорошо понимай — его (он указал на миноносец «Грозный») сегодня шибко сердился.

Мы уселись у костра и стали разговаривать. Наступила ночь. Туман, лежавший доселе на поверхности воды, поднялся кверху и превратился в тучи. Раза два принимался накрапывать дождь. Вокруг нашего костра было темно — ничего не видно. Слышно было, как ветер трепал кусты и деревья, как неистовствовало море и лаяли в селении собаки.

Наконец, стало светать. Вспыхнувшую было на востоке зарю тотчас опять заволокло тучами. Теперь уже все было видно: тропу, кусты, камни, берег залива и опрокинутую вверх дном лодку. Под ней спал китаец. Я разбудил его и велел везти нас к миноносцу.

На судах еще кое-где горели огни. У трапа меня встретил сонный вахтенный начальник. Я пошел к себе в каюту, разделся и лег в постель. Душа моя была спокойна: Дерсу был со мной, значит, успех обеспечен. Теперь я ничего не боялся. С этими мыслями я уснул.

За ночь море немного успокоилось, ветер стих, и туман начал рассеиваться. Наконец, выглянуло солнце и осветило угрюмые скалистые берега.

30-го числа вечером миноносцы дошли до залива Джигит. П. Г. Тигерстедт предложил мне переночевать на судне, а завтра с рассветом начать выгрузку. Всю ночь качался миноносец на мертвой зыби. Качка была бортовая, и я с нетерпением ждал рассвета. С каким удовольствием мы все сошли на твердую землю. Когда миноносцы стали сниматься с якоря, в рупор ветром донесло: «желаем успеха».

Минут через десять миноносцы скрылись из виду.

Местом высадки был назначен залив Джигит, а не бухта Терней, на том основании, что там, вследствие постоянного прибоя, нельзя выгружать мулов.

Как только ушли миноносцы, мы стали ставить палатки и собирать дрова. В это время кто-то из людей пошел за водой. Он вернулся и сообщил, что в устье реки бьется много рыбы. Стрелки закинули неводок и поймали столько рыбы, что не могли вытащить сеть на берег. Пойманная рыба оказалась горбушей.

Горбуша еще не имела того безобразного вида, который она приобретает впоследствии, хотя челюсти ее и начали уже немного загибаться и на спине появился небольшой горб. Я распорядился взять только несколько рыб, а

остальных пустить обратно в воду. Все с жадностью набросились на горбушу, но она скоро приелась, и потом уже никто не обращал на нее внимания.

После полудня мы с Н. А. Десулави пошли осматривать окрестности. Он собирал растения, а я охотился.

Из пернатых в этот день мы видели сокола-сапсана. Он сидел на сухом дереве на берегу реки и, казалось, дремал, но вдруг завидел какую-то птицу и погнался за ней. В другом месте две вороны преследовали сорокопута. Последний прятался от них в кусты, но вороны облетали куст с другой стороны, прыгали с ветки на ветку и старались всячески поймать маленького разбойника. Тут же было несколько овсянок: маленькие рыженькие птички были сильно встревожены криками сорокопута и карканьем ворон и поминутно то садились на ветви деревьев, то опускались на землю.

II.

Пребывание в зал. Джигит.

Староверы. — Их взгляд на туземцев. — Первобытный коммунизм. — Таинственные следы. — Золотая лихорадка. — Туман. — Потерянный трофей. — Бессонная ночь. — Случайная находка. — Стрельба по утке. — Состязание. — Выстрелы гольда. — Сказка о рыбаке и рыбке. — Мнение гольда.

Дня через три (7 июля) пришел пароход «Эльдорадо», но ни А. И. Мерзлякова, ни мулов на нем не было. Приходилось, значит, ждать другой оказии. На этом пароходе в Джигит приехало две семьи староверов. Они выгрузились около наших палаток и заночевали на берегу. Вечером я подошел к их огню и увидел старика, беседующего с Дерсу. Удивило меня то обстоятельство, что старовер говорил с гольдом таким приятельским тоном, как будто они были давно знакомы между собой. Они вспоминали каких-то китайцев, говорили про тазов и многих называли по именам.

— Должно быть, вы раньше встречали друг друга, — спросил я старика.

— Как же, как же, — отвечал старовер, — я давно знаю Дерсу. Он был еще молодым, когда мы вместе с ним ходили на охоту. Жили мы в то время на р. Даубихе, в деревне Петропавловке, а на охоту ходили на р. Улахе, бывали на Фудзине и на Ното.

И опять они принялись делиться воспоминаниями: вспомнили, как ходили за «пантами», как стреляли медведей, вспоминали какого-то китайца, которого называли «Косозубым», вспоминали переселенцев, которых называли странными прозвищами «Зеленый Змий» и «Деревянное Ботало». Первый, по их словам, отличался злобным характером, второй — чрезмерной болтливостью. Гольд отвечал и смеялся от души. Старик угощал его медом и калачиками. Мне приятно было видеть, что Дерсу любят.

Старовер пригласил меня присесть к огню и мы разговорились. Естественно, что разговор перешел на тему об их переселении на новое место.

Дерсу не дождался конца нашей беседы и ушел, а я еще долго сидел у старика и слушал его рассказы. Когда я собрался уходить, случайно разговор опять перешел на Дерсу.

— Хороший он человек, правдивый, — говорил старовер. — Одно только плохо — нехристь он, азиат; в бога не верует, а вот поди-ка живет на земле все равно так же, как и я. Чудно, право! И что с ним только на том свете будет? У него и души-то нет, а пар.

— Да то же, что со мной и с тобой, — ответил я ему.

Я распрощался с ним и пошел к своему биваку. У огня со стрелками сидел Дерсу. Взглянув на него, я сразу увидел, что он куда-то собирается.

— Ты куда? — спросил я его.

— На охоту, — отвечал он. — Моя хочу один козуля убей — надо староверу помогай, у него детей много. Моя считал — шесть есть.

«Не душа, а пар» — вспомнились мне слова старовера. Хотелось мне отговорить Дерсу не ходить на охоту, но этим я доставил бы ему только огорчение, — и я воздержался.

На другой день утром Дерсу возвратился очень рано. Он убил оленя и просил меня дать ему лошадь для доставки мяса на бивак. Кроме того, он сказал, что видел свежие следы такой обуви, которой нет ни у кого из людей нашего отряда и ни у кого из староверов. По его словам, неизвестных людей было трое. У двоих были новые сапоги, а у третьего старые, стоптанные, с железными подковами на каблуках. Зная наблюдательность Дерсу, я нисколько не сомневался в правильности его выводов.

Часам к десяти утра Дерсу возвратился и привез с собой мясо. Он разделил его на три части. Одну часть отдал стрелкам, другую — староверам, третью — китайцам соседних фанз. Стрелки стали протестовать.

— Нельзя, — возражал Дерсу. — Наша так не могу. Надо кругом люди давай. Чего, чего один люди кушай — грех.

Этот первобытный коммунизм всегда красной нитью проходил во всех его действиях. Трудами своей охоты он одинаково делился со всеми соседями, независимо от национальности, и себе оставлял ровно столько, сколько давал другим.

Дня через два я, Дерсу и Захаров переправились на другую сторону залива Джигит. Не успели мы отойти от берега и ста шагов, как Дерсу опять нашел чьи-то следы. Они привели нас к оставленному биваку. Дерсу принялся осматривать его с большим вниманием. Он установил, что здесь ночевали русские — четыре человека, что приехали они из города и раньше никогда в тайге не бывали. Первое свое заключение он вывел из того, что на земле валялись коробки из-под папирос, банка из-под консервов, газета и корка такого хлеба, какой продается в городе. Второе он усмотрел из неумелого устройства бивака, костра и, главное, — по дровам. Видно было, что ночевавшие собирали всякий рухляк, какой попадался им под руку, при чем у одного из ночующих сгорело одеяло.

С тех пор все чаще и чаще приходилось слышать о каких-то людях, скрывающихся в тайге. То видели их самих, то находили биваки, лодки, спрятанные в кустах и т. д. Это становилось подозрительным. Если бы это были китайцы, вопрос решился бы не в их пользу. Мы усмотрели бы в них хунхузов. Но, судя по следам, это были русские.

Каждый день приносил что-нибудь новое. Наконец, недостаток продовольствия принудил этих таинственных людей выйти из лесу. Некоторые из них явились к нам на бивак с просьбой продать им сухарей. Естественно, начались расспросы, из которых выяснилось следующее:

В г. Владивостоке в начале этого года разнесся слух, что в окрестностях залива Джигит находятся богатейшие золотые россыпи и даже алмазы. Масса безработных, в надежде на скорое и легкое обогащение, бросилась на побережье моря. Они пробирались туда на лодках, шхунах и на пароходах небольшими партиями. Высадившись где-нибудь на берег около Джигита, они пешком, с котомками

за плечами, тайком пробирались к воображаемому Эльдорадо. Золотая лихорадка охватила всех — и старых и молодых. И в одиночку, и по двое, и по трое, перенося всяческие лишения, усталые, обеспокоенные долгими и тщетными поисками, эти несчастные, измученные люди бродили по горам в надежде найти хоть крупинку золота. Они тщательно скрывали цели своего приезда, прятались в тайге и нарочно распускали самые нелепые слухи, лишь бы сбить с толку своих конкурентов. Они все перессорились между собой и начали следить друг за другом. Когда без всяких данных одна партия шла искать золото в какой-нибудь распадок, другой казалось, что именно там-то и есть алмазы. Эта другая партия старалась опередить первую, и нередко дело доходило до кровопролития. Видя, что золото не так-то легко найти и что для этого нужны опыт, время и деньги, они решили поселиться тут же, где-нибудь по близости. Тогда они отправились во Владивосток и, получив в Переселенческом управлении денежные пособия, возвратились назад в качестве переселенцев. Часть золотоискателей поселилась в бухте Терней.

В заливе Джигит нам пришлось просидеть около двух недель. Надо было дождаться мулов во что бы то ни стало. Без вьючных животных мы не могли тронуться в путь. Это время я использовал на съемку заливов Джигит и Рында.

Два дня я просидел в палатке, не отрываясь от планшета. Наконец, был нанесен последний штрих и поставлена точка. Я взял ружье и пошел на охоту за козулями.

У правого края долины Иодзыхе тянутся пологие заболоченные увалы, покрытые тощей травой, кустарниками леспедецы и редколесьем из дуба, липы и белой березы. Между увалами вода промыла длинные овраги. Сюда я и направил свои стопы. Хотя день был солнечный, но со стороны моря ветром гнало туман. Он не проникал далеко на материк и скоро рассеивался в воздухе.

Отойдя от бивака версты четыре, я нашел маленькую тропинку и пошел по ней к лесу. Скоро я заметил, что ветки деревьев стали хлестать меня по лицу. Наученный опытом, я понял, что тропа эта зверовая и, опасаясь, как бы она не завела меня куда-нибудь далеко в сторону, бросил ее и пошел целиною. Здесь я долго бродил по оврагам, но ничего не нашел.

Большая часть дня уже прошла. Приближался вечер. По мере того, как становилось прохладнее, туман глубже проникал на материк. Словно грязная вата, он спускался

с гор в долины, распространяясь все шире и шире и поглощая все, с чем приходил в соприкосновение.

Вдруг выбежали две козули. Я быстро поднял ружье и выстрелил. Одна козуля упала, другая отбежала немного и остановилась. Я выстрелил второй раз. Она споткнулась, но тотчас оправилась и медленно пошла в кусты. Не теряя времени, я погнался за подранком, но не мог догнать его. Опасаясь потерять ту козулю, которая была уже убита, я повернул назад. Место, где лежал козел, я хорошо не запомнил и, вероятно, прошел мимо его. Тогда я принялся искать его в другом направлении, но тщетно. Кусты и деревья были до-нельзя похожи друг на друга. Животное пропало, точно провалилось сквозь землю. Я решил вернуться на бивак, а завтра притти сюда с людьми и возобновить поиски. Выбрав направление, которое мне казалось правильным, я пошел вдоль оврага.

Вдруг радиус моего кругозора стал быстро сокращаться: навалился густой туман. Точно стеной отделил он меня от остального мира. Теперь я мог видеть только те предметы, которые находились в непосредственной близости от меня. Из тумана навстречу мне поочередно выдвигались то лежащее на земле дерево, то куст лозняка, пень, кочка или еще что-нибудь в этом роде.

В такую погоду сумерки наступают рано. Чтобы не заблудиться, я решил вернуться на тропинку. По моим соображениям, она должна была находиться слева и сзади. Прошел час, другой, а тропинка не попадалась. Тогда я переменил направление и пошел по оврагу, но он стал загибать в сторону. Ночевка в лесу без огня в прошлом году на р. Арзамасовке не послужила мне уроком. Я опять не захватил с собой спичек. На выстрелы в воздух ответных сигналов не последовало. Я устал и сел отдохнуть на валежник, но тотчас почувствовал, что начинаю зябнуть. Холодная сырость принудила меня подняться и итти дальше. Должно быть, взошла луна; сквозь туман ее не было видно, но на земле стало светлее. Часа два я еще бродил наудачу. Местность была поразительно однообразна: поляны, перелески, овраги, кусты, отдельные деревья и валежник на земле — все это было так похоже друг на друга, что по этим предметам никак нельзя было ориентироваться. Наконец, я окончательно выбился из сил и, подойдя к первому лежащему на земле дереву, сел на него, опершись спиной на сук и задремал. Я сильно зяб, постоянно вскакивал и топтался на одном месте. Так промаялся я до утра. Рядом лежало другое дерево.

Оно показалось мне знакомым. Я подошел к нему и узнал именно то, на котором сидел в первый раз.

Наконец, стало светать. В воздухе разлился неясный, серовато-синий свет утра. Туман казался неподвижным и сонным; трава и кусты были мокрые. Мало-по-малу начали просыпаться пернатые обитатели леса. Откуда-то появилась ворона. Она каркнула один раз и лениво полетела наискось через поляну. За ней проснулись дятлы, лесные голуби и сизоворонки. Когда стало совсем светло, я стряхнул с себя сонливость и уверенно пошел по краю оврага. Не успел я сделать и трех саженей от валежника, на котором дремал, как сразу натолкнулся на мертвого козла.

Оказалось, что я все время кружил около него. Досадно мне стало за бессонную ночь, но тотчас это досадное чувство сменилось радостью. Я возвращался на бивак не с пустыми руками. Это невинное тщеславие свойственно каждому охотнику.

Через полчаса стало совсем светло. Солнца не было видно, но во всем чувствовалось его присутствие. Туман быстро начал рассеиваться. Кое-где проглянуло синее небо, и вдруг яркие лучи прорезали мглу и осветили мокрую землю. Тогда все стало ясно, стало видно, где я нахожусь, и куда надо итти. Странным мне показалось, как это я не мог взять правильного направления ночью. Солнышко пригрело землю, стало тепло, хорошо, и я прибавил шагу.

Через два часа я был на биваке. Товарищи не беспокоились за меня, думая, что я заночевал где-нибудь в фанзе у китайцев. Напившись чаю, я тотчас лег на свою постель и уснул крепким сном.

Несколько дней спустя после этого, мы занимались пристрелкой ружей. Людям были розданы патроны и указана цель для стрельбы с упора. По окончании пристрелки у меня стали просить разрешения открыть вольную стрельбу. Стреляли в бутылку, стреляли в белое пятно на дереве, потом в круглый камешек, поставленный на краю утеса.

Откуда-то взялась нырковая утка. Не обращая внимания на стрельбу, она спустилась на воду недалеко от берега. Двое стрелков стали в нее целить, и так как каждому хотелось выстрелить первому, то оба горячились, волновались и мешали друг другу. Два выстрела произошли почти одновременно. Одна пуля сделала недолет, а другая всплеснула воду далеко за уткой. Испуганная птица нырнула и вновь всплыла на поверхность воды, но уже дальше от берега. Тогда в нее выстрелил Захаров и тоже не попал. Пуля уда-

рилась в воду совсем в стороне. Утка опять нырнула. Стрелки бросили стрельбу в пятнышко и, выстроившись на берегу в одну линию, открыли частый огонь по уходящей птице и чем больше они горячились, тем дальше отгоняли птицу. По моим соображениям, она была теперь шагах в трехстах, если не больше. В это время на бивак возвратился Дерсу. Взглянув на него, я сразу понял, что он был навеселе. На лице его играла улыбка. Подойдя к палатке, он остановился и, прикрыв рукой глаза от солнца, стал смотреть, в кого так стреляют... Как раз в этот момент выстрелил Калиновский. Пуля сделала такой большой недолет, что даже не напугала утку. Узнав, что стрелки не могли попасть в нее тогда, когда она была близко, он подошел к ним и, смеясь, сказал:

— Ваша хорошо стреляли. Теперь моя хочу утку гонять.

Сказав это, он быстро поднял свое ружье и, почти не целясь, выстрелил. Крик удивления вырвался у всех сразу. Пуля ударила под самую птицу так, что обдала ее водою. Утка до того была напугана, что с криком сорвалась с места и, отлетев немного, нырнула в воду. Спустя несколько минут, она показалась на поверхности, но уже значительно дальше. С поразительной быстротой Дерсу опять вскинул винтовку и опять выстрелил. Если бы утка не взлетела на воздух, можно было бы подумать, что пуля ударила именно в нее. Теперь птица отлетела очень далеко. Чуть-чуть ее можно было рассмотреть простым глазом. Мы взяли бинокли. Дерсу смеялся и подтрунивал над стрелками. Дмитрий Дьяков, который считал себя хорошим стрелком, стал доказывать, что выстрелы Дерсу были случайными и что он стреляет не хуже гольда. Товарищи предложили ему доказать свое искусство. Дьяков сел на одно колено, долго приспособлялся и долго целился, наконец, спустил курок. Пуля сделала рикошет далеко перед уткой. Птица нырнула, но тотчас же опять показалась на поверхности. Тогда Дерсу медленно поднял свое ружье, прицелился и выстрелил. В бинокль видно было, как пуля опять вспенила воду под самой уткой.

Вероятно, такое состязание в стрельбе длилось бы еще долго, если бы сама утка не положила ему конец. Она снялась с воды и полетела в открытое море.

На другой день вечером, сидя у костра, я читал людям сказку «О рыбаке и рыбке». Дерсу в это время что-то тесал топором. Он перестал работать, тихонько положил топор

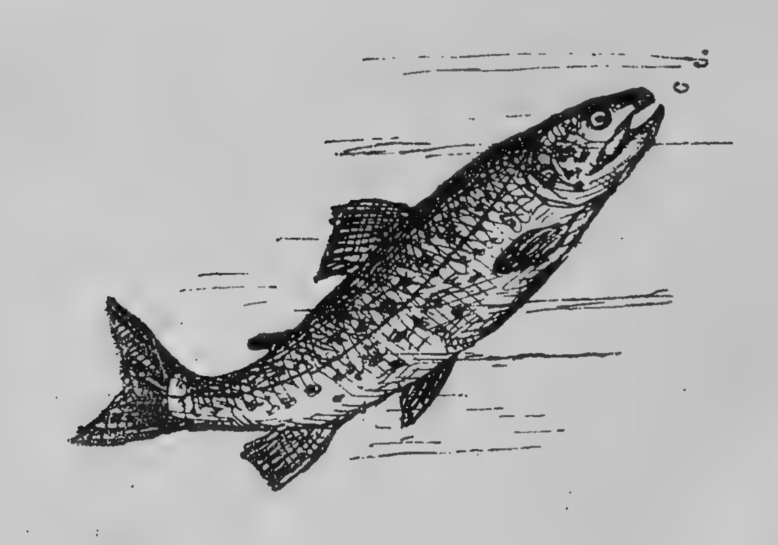
на землю и, не изменяя позы, не поворачивая головы, стал слушать. Когда я кончил сказку, Дерсу поднялся и сказал:

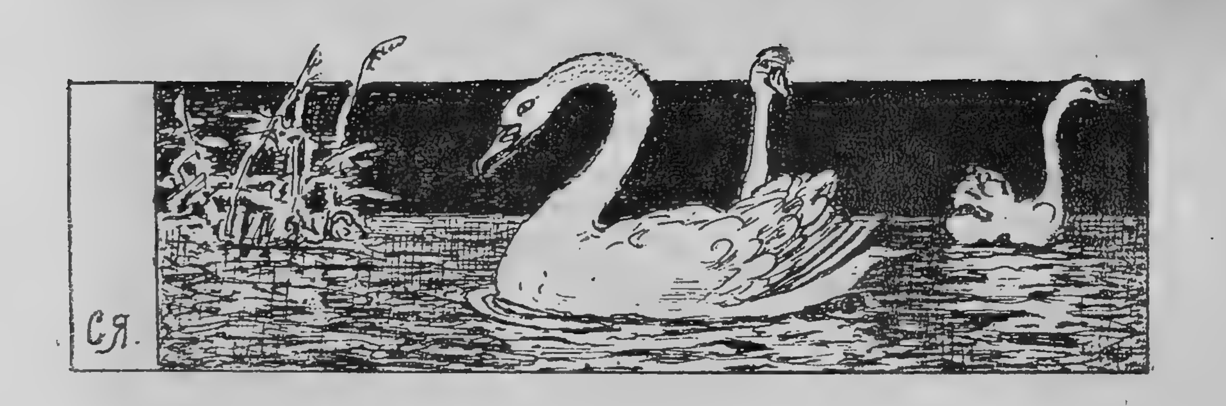
— Бедный старик! Бросил бы он эту бабу, делал бы оморочку, да кочевал бы на другое место.

Мы все расхохотались. Сразу сказался взгляд бродячего туземца. Лучший выход из этого положения, по его мнению, был, — сделать лодку и перекочевать на другое место. Поздно вечером я подошел к костру. На дровах сидел Дерсу и задумчиво глядел на огонь. Я спросил его, о чем он думает.

— Мне шибко жалко старика. Его был смирный люди. Сколько раз к морю ходи, рыбу кричи, — наверно, совсем стоптал унты.

Видно было, что сказка о рыбаке и рыбке произвела на него сильное впечатление. Поговорив с ним еще немного, я вернулся в свою палатку.

III.

Первый поход.

Выступление. — Дерсу находит отряд по следам. — Козули. — Лудева. — Тайга. — Затяжные дожди. — Горбатый таза и его семья. — Бегство их от китайцев. — Сон Дерсу и поминки по усопшим.

Наконец, после долгого ожидания, в конце июня, на пароходе «Эльдорадо» прибыли наши мулы. Это было радостное событие, выведшее нас из бездействия и позволявшее выступить в поход.

Пароход стал шагах в четырехстах от устья реки. Мулы были спущены прямо в воду. Они тотчас же ориентировались и поплыли к берегу, где их уже ожидали стрелки.

Двое суток мы пригоняли к мулам седла и налаживали вьюки. 30-го июня была последняя дневка, а на следующий день, 1-го июля, мы тронулись в путь.

На р. Иодзыхе наш отряд разделился. Я, Н. А. Десулави и П. П. Бордаков с частью команды отправились на р. Синанцу, а А. И. Мерзляков с остальными людьми пошел вверх по реке Литянгоу. Около последних тазовских фанз, в северо-западном углу долины, нам надлежало разойтись. В это время ко мне подошел Дерсу и попросил разрешения остаться на один день у тазов. Завтра к вечеру он обещал нас догнать. Я высказал опасения, что он может нас не найти. Гольд громко засмеялся и сказал:

— Тебе иголка нету, птица тоже нету, — летай не могу. Тебе земля ходи, ногой топчи, след делай. Моя глаза есть — посмотри.

На это у меня уже не было возражений. Я знал его способность разбираться в следах и согласился. Мы пошли даль-

ше, а он остался на р. Иодзыхе. На второй день утром Дерсу действительно нас догнал. По следам он узнал все, что произошло у нас в отряде: он видел места наших привалов, видел, что мы долго стояли на одном месте, — именно там, где тропа вдруг сразу оборвалась, видел, что я посылал людей в разные стороны искать дорогу. Здесь один из стрелков переобувался. Из того, что на земле валялся кусочек тряпки с кровью и клочок ваты он заключил, что кто-то натер ногу и т. д. Я привык к его анализу, но для стрелков это было откровением. Они с удивлением и любопытством поглядывали на гольда.

Река Иодзыхе близ устья разбивается на множество рукавов, из которых один подходит к правой стороне долины. Место это староверы облюбовали для своего будущего поселка.

Тропа от моря идет вверх по долине так, что все протоки Иодзыхе остаются от нее вправо, но потом, как раз против устья Дунгоу, она переходит реку вброд около китайских фанз, расположенных у подножья широкой террасы, состоящей из глины, песку и угловатых обломков.

Реку Иодзыхе было бы справедливо назвать «Козьей рекой». Нигде я не видел так много этих грациозных животных, как здесь.

Сибирская козуля крупнее европейской. Сжатое с боков тело ее имеет в длину полтора метра и в высоту 87 сантиметров. Красивая, притупленная голова с большими подвижными округленными ушами сидит на длинной шее и у самцов украшена двумя маловетвистыми рогами, на конце вилчатыми и имеющими не более 6-ти отростков.

Общая окраска тела козули летом темно-ржавая, зимой — буро-серая. Сзади, на ляшках около хвоста, цвет шерсти белый. Охотники его называют «зеркалом». Когда козуля бежит, она сильно вскидывает задом. Защитная окраска делает ее совершенно невидимой: цвет шерсти животного сливается с окружающей обстановкой, и видно одно только мелькающее белое «зеркало».

Осенью, в октябре месяце, козуля большими табунами оставляет лесистые местности Уссурийского края и перекочевывает в Маньчжурию. Впрочем, некоторый процент животных остается в Приханкайских степях. Заметив место, где табуны коз переплывают через реку, казаки караулят их и избивают во множестве, не разбирая ни пола, ни возраста. С проведением железной дороги и заселением долины Уссу-

ри, сибирская козуля перестала совершать такие перекочевки. Убой животных на переправах сошел на нет, и о таких ходах сохранились ныне только воспоминания.

В общем, дикая коза — пугливое животное, вечно преследуемое четвероногими хищниками и человеком. Она всегда держится настороже и старается уловить малейший намек на опасность при помощи слуха и обоняния.

Любимым местопребыванием козуль являются лиственные болотистые леса, и только вечером они выходят пастись на поляны. Даже и здесь, при полной тишине и спокойствии, она все время оглядывается и прислушивается. Убегая в испуге, козуля может делать изумительно огромные прыжки через овраги, кусты и завалы буреломного леса.

В Уссурийском крае козуля обитает повсеместно, где только есть поляны и выгоревшие места. Она не выносит высоких гор, покрытых осыпями, и густых хвойных лесов.

Охотятся за ней ради ее мяса. Зимние шкурки идут на устройство спальных мешков, кухлянок и дох; рога продаются по полтора рубля за пару.

Любопытно, что козуля охотно мирится с присутствием других животных и совершенно не выносит изюбря. В искусственных питомниках, при совместной жизни, она погибает. Это особенно заметно на солонцах. Если такие солонцы сперва разыщут козы, они охотно посещают их до тех пор, пока не придут олени. Охотники неоднократно замечали, что как только на солонцах побывают изюбри, козули покидают их на более или менее продолжительное время.

Редколесье в горах, пологие увалы, поросшие кустарниковой растительностью, и широкая долина р. Иодзыхе, покрытая высокими тростниками и полынью,—весьма благоприятны для обитания диких коз.

Мы часто видели их выбегающими из травы, но они успевали снова так быстро скрываться в зарослях, что убить не удалось ни одной.

Кое-где виднелась свеже взрытая земля. Так как домашних свиней китайцы содержат в загонах, то оставалось допустить присутствие диких кабанов, что и подтвердилось. А раз здесь были кабаны, значит, должны быть и тигры. Действительно, вскоре около реки на песке мы нашли следы одного очень крупного тигра. Он шел вдоль реки и прятался за валежником. Из этого можно было заключить, что страшный зверь приходил сюда не для утоления жажды, а на охоту за козулями.

По рассказам тазов, месяца два тому назад один тигр унес ребенка от самой фанзы. Через несколько дней другой тигр напал на работающего в поле китайца и так сильно изранил его, что он в тот же день умер.

Мы нашли следы очень крупного тигра...

В долине реки Иодзыхе водится много фазанов. Они встречались чуть ли не на каждом шагу. Любимыми местами их обитания были заросли около пашен и плантаций снотворного мака, засеваемого китайцами для сбора опиума.

Среди тальниковых зарослей по старицам и протокам изредка попадались и рябчики. Они чем-то кормились на земле и только в случае тревоги взлетали на деревья.

В воздухе кружилось несколько белохвостых орланов. Один из них вдруг начал спускаться к реке. Осторожно пробрался я по траве к берегу и стал наблюдать за ним. Он сел на гальку около воды. Тут было несколько ворон, лакомившихся рыбой. Орлан стал их прогонять. Вороны сначала пробовали было обороняться, но, получив несколько сильных ударов клювом, уступили свои места и улетели прочь. Тогда орлан занялся рыболовством. Он прямо вошел в воду и, погрузив в нее брюхо, хвост и крылья, стал прыгать по воде. Не более как через минуту он поймал одну рыбину, вытащил ее на берег и тут же принялся есть. Насытившись, пернатый хищник опять поднялся на воздух. Тотчас к нему присоединилось еще два орлана. Тогда они стали описывать плавные круги. Они не гонялись друг за другом, а спокойно парили в разных плоскостях, поднимаясь все выше и выше в беспредельную синеву неба.

Скоро они превратились в маленькие, едва заметные, точки и если я не потерял их из виду, то только потому, что не спускал с них глаз.

В это время со стороны дороги я услышал призывные крики. Это спутники требовали моего возвращения. Минут через пять я присоединился к отряду.

Население окрестностей р. Иодзыхе смешанное и состоит из китайцев и тазов — удэхейцев. Китайские фанзы сосредоточены, главным образом, на левом берегу реки, а туземцы поселились выше, в долине около гор.

Здешние манзы очень скрытны; они не хотели указывать дорогу и даже, наоборот, всячески старались сбить нас с толку.

Все тазы находятся в неоплатном долгу у них и немилосердно эксплоатируются. Китайцы отняли у них женщин и разделили их между собой, как движимое имущество. На задаваемые по этому поводу вопросы тазы отмалчивались, а если и говорили что-нибудь, то украдкой, шопотом, озираясь по сторонам. У них еще живы были воспоминания о тазах, пробовавших было протестовать и мстить насильникам и за это заживо погребенных в земле.

В этот день мы дальше не пошли и, выбрав фанзу, которая была почище, расположились биваком на дворе ее, а седла и все имущество убрали под крышу.

На следующий день мы расстались с китайцами, которые этому, видимо, были очень рады. Хотя они и старались

быть к нам внимательными, но в услугах их чувствовалась неискренность, я сказал бы даже, — затаенная злоба.

Тропа опять перешла за реку и верст через пять привела нас к тому месту, где Иодзыхе принимает в себя р. Синанцу, которая течет по продольной долине между Сихотэ-Алинем и хребтом, идущим параллельно берегу моря. Она длиною 75 верст. От места слияния Синанцы с Иодзыхе тянутся сначала места открытые и заболоченные. Дальше поляна начинает возвышаться и незаметно переходит в террасу, поросшую редким лиственным лесом. Спустившись с нее, мы прошли еще с полверсты и затем вступили в роскошный лес.

Если я хочу представить себе девственную тайгу, то каждый раз мысленно переношусь в долину р. Синанцы.

Вверху ветви деревьев переплелись между собой так, что совершенно скрыли небо. Особенно поражали своими размерами тополь и кедр. Сорокалетний молодняк, растущий под их покровом, казался жалкой порослью. Сирень, обычно растущая в виде кустарника, здесь имела вид дерева в пять саженей высоты и в два фута в обхвате. Старый колодник, богато украшенный мхами, имел весьма декоративный вид и вполне гармонировал с окружающей его богатой растительностью.

Густой подлесок, состоящий из чортова дерева, виноградников и лиан, делает места эти трудно проходимыми, вследствие чего наш отряд продвигался довольно медленно: приходилось часто останавливаться и высматривать, где меньше бурелома, и обводить мулов стороной.

Чем дальше, тем больше лес был завален колодником и тропа не приспособлена для передвижений с вьюками. Во избежание задержек вперед был послан рабочий авангард под начальством Захарова. Он должен был убирать бурелом с пути и, где нужно, делать обходы. Иногда упавшее дерево застревало вверху. Тогда обрубали только нижние ветви его, оставляя проход в виде ворот; у лежащего на земле колодника обивали сучки, чтобы мулы не попортили ног и не накололись брюхом.

После полудня отряд дошел до лудевы. Она пересекала долину р. Синанцы и одним концом упиралась в скалистую сопку. Лудева была старая и потому следовало внимательно смотреть под ноги, чтобы не попасть в какую-нибудь ло-

вушку. Путеводная тропа привела нас к покинутой зверовой фанзе. Около нее на сваях стоял амбар, предназначаемый для хранения запасов продовольствия, зверовых шкур, пантов и прочего охотничьего имущества. Здесь мы и заночевали.

Утром спать нам долго не пришлось. На рассвете появилось много мошкары; воздух буквально кишел ею. Мулы оставили корм и жались к дымокурам. На скорую руку мы напились чаю, собрали палатки и тронулись в путь.

От зверовой фанзы тропа идет густым лесом. Она сильно кружит, обходя колодник и густые заросли виноградников.

По мере приближения к водоразделу, угрюмее становился лес, и больше попадалось зверовых следов; тропа стала часто прерываться и переходить то на одну, то на другую сторону реки, и, наконец, мы потеряли ее совсем. Поэтому я решил оставить мулов на биваке и на завтра продолжать путь с котомками. Мы рассчитывали в два дня достигнуть водораздела, однако, этот переход отнял у нас четверо суток. В довершение всего погода испортилась — пошли дожди.

В верховьях р. Синанца с левой стороны принимает в себя целый ряд мелких ручьев, стекающих с Сихотэ-Алиня.

Выбрав один из них, мы стали взбираться на хребет. По наблюдениям Дерсу, дождь должен быть затяжным. Тучи низко ползли над землей и наполовину окутывали горы. Следовательно, на вершине хребта мы увидели бы только то, что было в непосредственной от нас близости. К тому же взятые с собой запасы продовольствия приходили к концу. Это принудило нас на другой день спуститься в долину.

Двое суток мы отсиживались в палатках. Наружу нельзя было показать носа. По хмурому небу низко, словно в перегонки, бежали тяжелые тучи и сыпали дождем.

Наконец, терпение наше лопнуло и, не взирая на непогоду, мы решили идти назад к морю. Не успели мы отойти от бивака на такое расстояние, с которого в тихую погоду слышен ружейный выстрел, как дождь сразу прекратился; выглянуло солнце и тогда, словно по мановению волшебного жезла, все кругом приняло ликующий вид, только мутная вода в реке, прибитая к земле трава и клочья тумана в горах указывали на недавнее ненастье.

Утомленные непогодой, мы рано стали на бивак. Вечером около нашего табора с ревом ходил тигр. Ночью мы

поддерживали усиленный огонь и несколько раз стреляли из ружей.

Дня через два мы дошли до того места, где оставили мулов и часть команды. Около устья р. Синанцы мы застали туземную семью, состоящую из горбатого таза, его жены, двух малых детей и еще одного молодого удэхейца, по имени Чан-лин. Они стояли на галешниковой отмели и занимались ловлей рыбы. Невдалеке от их стойбища на гальке лежала опрокинутая вверх дном лодка. Белизна дерева и свежие подпалины на бортах ее свидетельствовали о том, что она только что выдолблена и еще не видела воды. Горбатый таза объяснил нам, что сам он лодок делать не умеет и для этого нарочно пригласил своего племянника с реки Такемы.

Поговорив немного с туземцами, мы пошли дальше, а Дерсу остался. На другой день он догнал нас и сообщил много интересного. Оказалось, что местные китайцы решили отобрать от горбатого таза его жену с детьми и увезти их на Иман. Таза решил бежать. Если бы он пошел сухопутьем, китайцы догнали бы его и убили. Чан-лин посоветовал ему сделать лодку и уйти морем.

25-го июля мы пошли к китайским фанзам, расположенным около р. Дунгоу, по долине которой идет путь на р. Санхобе.

Следующая ночь была темная и дождливая. Тазы решили воспользоваться ею для побега. Совпало так, что китайцы тоже в эту ночь решили сделать нападение и не только отобрать женщину, но и раз навсегда отделаться от обоих тазов. Дерсу как-то пронюхал об этом и сообщил удэхейцам о грозящей им опасности. Захватив с собой винтовку, он отправился в фанзу горбатого таза и разжег в ней огонь, как будто бы все обитатели ее были дома. В это время тазы тихонько спустили лодку в воду и посадили в нее женщину и детей. Надо было проплыть мимо китайского селения. Ночь была ветреная, дождливая и это способствовало успеху.

Чтобы лодку не было видно, Дерсу вымазал ее грязью и углем. Как ни старались оба охотника, но обмануть собак не удалось. Они учуяли тазов и подняли неистовый лай. Китайцы выскочили из фанзы, но лодка прошла опасное место раньше, чем они успели добежать до реки. Дерсу решил проводить тазов до самого моря. В своей жизни он много раз был свидетелем жестокой расправы китайцев с тузем-

цами, и потому всеми силами души ненавидел их. Приблизительно через час лодка дошла до моря. Здесь Дерсу распрощался с тазами и вышел на берег. Опасаясь встречи с китайцами, он не пошел назад по дороге, а спрятался в лесу и только под утро возвратился на бивак.

26-го июня мы пробыли еще на р. Иодзыхэ. Стрелки занимались приведением в порядок своей обуви и стиркой белья.

Целый день Дерсу был в каком-то мрачном настроении. Он все время уединялся и не хотел ни с кем разговаривать. Потом он попросил у меня три рубля и ушел куда-то. Часа в три дня Н. А. Десулави и П. П. Бордаков пошли экскурсировать по окрестностям, а я занялся вычерчиванием маршрута по р. Синанце.

В сумерки снова появился туман. По мере того, как становилось темнее, он сгущался все больше и больше: скоро в нем утонул противоположный берег реки и фанзы китайцев. Казалось, вместе с туманом на землю спустилась мертвящая тишина, нарушаемая только поблизости падением капель воды с намокших деревьев.

В это время пришел один из стрелков и стал рассказывать о том, что Дерсук (так всегда они его звали) сидит один у огня и поет песню.

Я спросил его, где он видел гольда.

— Далеко, — отвечал он мне, — в лесу около речки.

Стрелок объяснил мне, что надо идти по тропе до тех пор, пока справа я не увижу свет. Это и есть огонь Дерсу. Шагов триста я прошел в указанном направлении и ничего не видел. Я хотел уже было повернуть назад, как вдруг слабо сквозь туман в стороне действительно заметил отблеск костра. Не успел я отойти от тропы и пятидесяти шагов, как туман вдруг рассеялся.

То, что я увидел, было так для меня неожиданно и ново, что я замер на месте и не смел пошевельнуться. Дерсу сидел перед огнем лицом ко мне. Рядом с ним лежали топор и винтовка. В руках у него был нож. Уткнув себе в грудь небольшую палочку, он строгал ее и тихо пел какую-то песню. Пение его было однообразное, унылое и тоскливое. Он не дорезал стружек до конца. Они загибались одна за другую и образовывали султанчик. Взяв палочку в правую руку и прекратив пение, он вдруг обращался к кому-то в пространство с вопросом и слушал, слушал напряженно, — но ответа не было. Тогда он бросал стружку в огонь и принимался

строгать новую. Потом он достал маленькую чашечку, налил в нее водки из бутылки, помочил в ней указательный палец и по капле бросил на землю во все четыре стороны. Опять он что-то прокричал и прислушался. Далеко в стороне послышался крик какой-то ночной птицы. Дерсу вскочил на ноги.

Он громко запел ту же песню и весь спирт вылил в огонь. На мгновение в костре вспыхнуло синее пламя. После этого Дерсу стал бросать в костер листья табаку, сухую рыбу, мясо, соль, чумизу, рис, муку, кусок синей дабы, новые китайские улы, коробок спичек и, наконец—пустую бутылку. Дерсу перестал петь. Он сел на землю, опустил голову на грудь и глубоко о чем-то задумался.

Тогда я решил к нему подойти и нарочно спустился на прибрежную гальку, чтобы он слышал мои шаги. Старик поднял голову и посмотрел на меня такими глазами, в которых я прочел тоску. Я спросил его, почему он так далеко ушел от фанзы, и сказал, что беспокоился о нем. Дерсу ничего не ответил мне на это. Я сел против него у огня. Минут пять сидели мы молча. В это время опять повторился крик ночной птицы. Дерсу спешно поднялся с места и, повернувшись лицом в ту сторону, что-то закричал ей громким голосом, в котором я заметил нотку грусти, страха и радости. Затем все стихло. Дерсу тихонько опустился на свое место и стал поправлять огонь. Накалившаяся докрасна бутылка растрескалась и стала плавиться.

Я не расспрашивал его, что все это значит; я знал, что он сам поделится со мною — и не ошибся.

— Там люди много, — начал он. — Китайцы, солдаты... Понимай нету, смеяться будут, — мешай.

Я не прерывал его. Тогда он рассказал мне, что прошлой ночью он видел тяжелый сон: он видел старую развалившуюся юрту и в ней свою семью в страшной бедности. Жена и дети зябли от холода и совершенно не имели чего есть. Они просили его принести им дров и прислать теплой одежды, обуви, какой-нибудь еды и спичек. То, что он сжигал, он посылал в загробный мир своим родным, которые, по представлению Дерсу, на том свете жили так же, как и на этом. Тогда я осторожно спросил его о криках ночной птицы, на которые он отвечал своими криками.

— Это «Ханяла» *) — ответил Дерсу. Моя думай, это

*) Тень, душа.

была жена. Теперь она все получила. Наша можно в фанзу ходи.

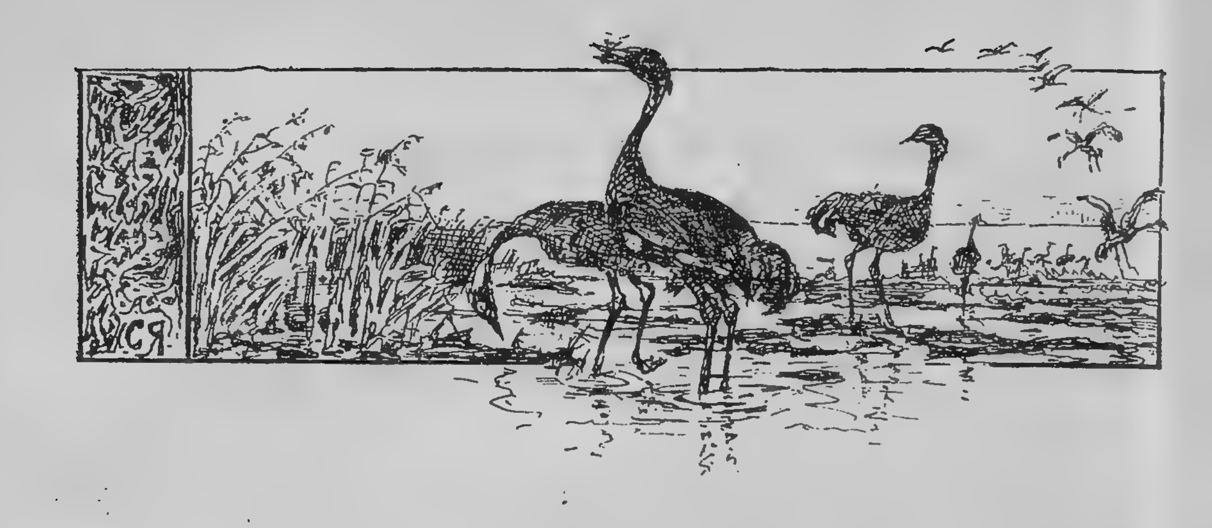
Дерсу встал и разбросал в сторону костер. Стало вдвое темнее. Через несколько минут мы шли назад по тропе. Дерсу молчал, и я молчал тоже.

Кругом было тихо. Сонный воздух точно застыл. Густой туман спустился в самую долину и начал моросить.

При нашем приближении к фанзам собаки подняли громкий лай.

Дерсу по обыкновению остался ночевать снаружи, а я вошел в фанзу, растянулся на теплом кане и начал дремать. Рядом за стеной слышно было, как мулы ели сено. Собаки долго не могли успокоиться.

IV.

В горах.

Р. Дунгоу. — Непогода. — Медведь, добывающий мед. — Встреча с Чжан-Бао. — Фанза Дун-тавайза. — Р. Адимил. — Дикая кошка. — Нападение жуков.

На другой день погода была пасмурная; по небу медленно ползли тяжелые дождевые тучи, и самый воздух казался потемневшим. Точно предрассветные сумерки. Горы, которые еще вчера были так живописно красивы, теперь имели угрюмый вид.

Мои люди знали, что, если нет проливного дождя, то назначенное выступление обыкновенно не отменяется. Только что-нибудь особенное могло задержать нас на биваке.

В 8 часов утра, расплатившись с китайцами, мы выступили в путь по уже знакомой нам тропе, проложенной местными жителями по долине р. Дунгоу к бухте Терней.

К полудню мы дошли до верховьев р. Дунгоу и сделали привал. В то время, когда мы сидели у костра и пили чай, из-за горы показался орлан белохвостый. Описав большой круг, он ловко, с налета, уселся на сухоствольной лиственнице и стал оглядываться. В это время Захаров выстрелил в него и промахнулся. Сильное эхо подхватило звук выстрела и разнесло его далеко во все стороны. Испуганная птица торопливо снялась с места и полетела к лесу.

— Худо, — сказал Дерсу, — будет большой дождь.

На задаваемые вопросы он объяснил, что если в тихую погоду туман подымается кверху и если при этом бывает сильное эхо, — это верный признак затяжного дождя.

Около часу дня я, Н. А. Десулави и П. П. Бордаков пошли вперед, а стрелки начали вьючить мулов. К трем часам мы взошли на перевал, откуда начинался сток воды в р. Каимбе. Надо было бы здесь стать на бивак, но я уступил просьбам своих товарищей, и мы пошли дальше. Не успели мы спуститься с водораздела, как начался дождь, скоро превратившийся в настоящий ливень. Мы развели большой огонь — мокли и сушились в одно и то же время. К сумеркам подошли мулы. Только тогда мы начали переодеваться и ставить палатки.

Часов в десять вечера дождь пошёл еще сильнее, и так — до самого рассвета. Мы не спали всю ночь, зябли, подкладывали дрова в костер, несколько раз принимались пить чай и в промежутках между чаепитиями — дремали.

Утром Н. А. Десулави хотел было подняться на гору Хунтами для сбора растений около гольцов, но это ему не удалось. Вершина горы была окутана туманом, а в два часа дня опять пошел дождь, мелкий и частый. Днем мы успели как следует обсушиться, оправить палатки и хорошо выспаться.

На следующий день (29 июля) опять дождь. Нельзя разобраться, где кончается туман и где начинаются тучи. Этот маленький, частый дождь шел подряд трое суток с удивительным постоянством.

Наконец, терпение наше лопнуло. Н. А. Десулави не мог больше ждать. Отпуск его кончался и ему надлежало возвратиться в гор. Хабаровск. Несмотря на непогоду, он решил ехать в залив Джигит и там дождаться парохода. Я дал ему двух мулов и двух провожатых. Часов в одиннадцать утра мы расстались, пожелав друг другу счастливого пути и успехов.

В полдень погода не изменилась. Ее можно было бы описать в двух словах: туман и дождь. Мы опять просидели весь день в палатках. Я перечитывал свои дневники, а стрелки спали и пили чай. К вечеру поднялся сильный ветер. Царствовавшая дотоле тишина в природе вдруг нарушилась. Застывший воздух пришел в движение и одним могучим порывом сбросил с себя апатию.

Сорванная с деревьев листва закружилась в вихре и стала подниматься кверху. Порывы ветра были так сильны,

что ломали сучья, пригибали к земле молодняк и опрокидывали сухие деревья.

— Кончай есть, — сказал Дерсу довольным тоном. — Сегодня ночью наша звезды посмотри, завтра — посмотри солнце.

И, действительно, часов в девять вечера небесный купол, усеянный звездами, совершенно освободился от туч. Сияющие ночные светила словно вымылись в дожде и приветливо смотрели на землю.

К утру стало прохладнее.

Следующий день был последним днем июля. Когда занялась заря, стало видно, что погода будет хорошая. В горах еще кое-где клочьями держался туман. Он словно чувствовал, что доживает последние часы и прятался в глубокие распадки. Природа ликовала: все живое приветствовало всесильное солнце, могущее прекратить ненастье.

Этот день мы употребили на переход к знакомой нам грибной фанзе, около озера Благодати. Опять нам пришлось мучиться в болотах, которые после дождей стали еще более непроходимыми. Чтобы миновать их, мы сделали большой обход, но и это не помогло. Мы рубили деревья, кусты, устраивали гати и все-таки наши вьючные животные вязли на каждом шагу, чуть не по брюхо. Большого труда стоило нам перейти через зыбуны и только к сумеркам удалось выбраться на твердую почву.

На другой день мы выступили рано. Путь предстоял длинный и хотелось поскорее добраться до р. Санхобе, откуда, собственно, и должны были начаться мои работы. П. П. Бордаков взял ружье и пошел стороной, я с Дерсу, по обыкновению, отправился вперед, а А. И. Мерзляков с мулами остался сзади. Около второго распадка я присел отдохнуть, а Дерсу стал переобуваться.

Вдруг до нас донеслись какие-то странные звуки, похожие не то на вой, не то на визг, не то на ворчание. Дерсу придержал меня за рукав, прислушался и сказал:

— Медведь!

Мы встали и тихонько пошли вперед. Скоро мы увидели виновника шума. Медведь средней величины возился около большой липы. Дерево росло почти вплотную около скалы. С лицевой стороны на нем была сделана заметка топором, что указывало на то, что рой этот раньше нас и раньше медведя нашел кто-то из людей.

С первого взгляда я понял, в чем дело: медведь добывал мед. Он стоял на задних ногах и куда-то тянулся. Про-

Медведь возился около большой липы...

тиснуть лапу в дупло ему мешали камни. Медведь был не из числа терпеливых. Он ворчал и тряс дерево изо всей силы. Вокруг улья вились пчелы и жалили его голову. Медведь

тер морду лапами, кричал тоненьким голосом, валялся по земле и затем вновь принимался за ту же работу. Его уловки были очень комичны. Наконец, он утомился, сел на землю по-человечески и, раскрыв рот, стал смотреть на дерево, видимо, что-то раздумывая. Так просидел он минуты две. Затем вдруг поднялся, быстро подбежал к липе и полез на ее вершину. Взобравшись наверх, он протиснулся между скалой и деревом и, упершись передними и задними лапами в камни, начал сильно давить спиной в дерево. Дерево подалось немного. Но, видимо, ему было больно спину. Тогда он переменил положение и, упершись спиной в скалу, стал лапами давить на дерево. Липа затрещала и рухнула на землю. Этого и надо было медведю. Теперь оставалось только разобрать заболонь и добыть соты.

— Его шибко хитрый люди, — сказал Дерсу. — Надо его гоняй, а то скоро весь мед кушай. — Говоря это, он крикнул: — Тебе какой люди, тебе как чужой мед карабчи*).

Медведь оглянулся. Увидев нас, он побежал и быстро исчез за скалою.

— Надо его пугай, — сказал Дерсу и выстрелил в воздух.

В это время подошли кони. Услышав наш выстрел, А. И. Мерзляков остановил отряд и пришел узнать, в чем дело. Решено было для добычи меда оставить двух стрелков. Надо было сперва дать пчелам успокоиться, а затем уморить их дымом и собрать мед. Если бы этого не сделали мы, то все равно весь мед съел бы медведь. Минут через пять мы тронулись дальше.

Дальнейшее путешествие наше до р. Санхобе прошло без всяких приключений. К бухте Терней мы прибыли в четыре часа дня, а через час прибыли и охотники за пчелами и принесли с собою 22 фунта хорошего сотового меду.

Здесь мы расстались с П. П. Бордаковым. Он тоже решил возвратиться в Джигит с намерением догнать Н. А. Десулави и с ним доехать до г. Владивостока. Жаль мне было потерять хорошего товарища, но ничего не поделаешь. Мы расстались искренними друзьями. На другой день П. П. Бордаков отправился обратно, а еще через сутки (3-го августа) «снялся с якоря» и я со своим отрядом.

На р. Санхобе мы опять встретились с начальником охотничьей дружины Чжан-Бао и провели вместе целый

*) Карабчи — воровать.

день. Оказалось, что многое из того, что случилось с нами в прошлом году на Имане, ему было известно. От него я узнал, что зимой он ходил разбирать спорный земельный вопрос между тазами и китайцами, а весной был на реке Ното, где уничтожил большую шайку хунхузов.

Я чрезвычайно обрадовался, когда услышал, что он хочет идти со мной на север. Это было вдвойне выгодно. Во-первых, потому, что он хорошо знал географию прибрежного района, во-вторых, его авторитет среди китайцев и влияние на туземцев значительно способствовали выполнению моих заданий.

Расставшись с р. Санхобе, я пошел по левому ближайшему к морю притоку ее — небольшой речке Бея. Поднявшись до истоков ее, мы перешли через два горных отрога, которые обрываются в море отвесными скалами и затем попали в великолепную плодородную долину горной речки Адимил. При устье ее углубление береговой линии образовало небольшую, весьма живописную бухточку.

Верстах в двух от моря, на левом, возвышенном берегу реки, мы нашли хорошенькую китайскую фанзу Дун-Тавайза. От бухты Терней до этого места 27 верст.

Из фанзы навстречу нам вышли два китайца. Они приняли мулов от людей, помогли нам раздеться и пригласили к себе в жилище. Более радушного приема я никогда не встречал. У этих китайцев не было и тени раболепства — они просто были гостеприимны. Впоследствии от староверов я слыхал о них именно такие же отзывы. Где они теперь? Один из них был старик; быть может, его теперь уже нет в живых. Во всяком случае, у всех нас об этих людях сохранились самые хорошие воспоминания. Здесь было так хорошо и уютно, жизнь китайцев казалась такой тихой и мирной, что я решил остаться у них на дневку. Вечером, сидя у жаровни с угольями, я пил чай со слоеными лепешками и расспрашивал старика о путях, ведущих на север.

Я рассчитывал часть людей и мулов направить по тропе вдоль берега моря, а сам с Чжан-Бао, Дерсу и с тремя стрелками пойти по р. Адимил к ее истокам, затем подняться по реке Билимбе до Сихотэ-Алиня и обратно спуститься по ней же к морю.

Утром 4-го августа мы стали собираться в путь. Китайцы не отпустили нас до тех пор, пока не накормили, как следует. Мало того, они щедро снабдили нас на дорогу продовольствием. Я хотел было рассчитаться с ними, но они

наотрез отказались от денег. Тогда я положил им деньги на стол. Они тихонько передали их стрелкам. Я тоже тихонько положил деньги под посуду. Китайцы заметили это и, когда мы выходили из фанзы, побросали их под ноги мулам. Пришлось уступить и взять деньги обратно.

Река Адимил в верховьях слагается из двух ручьев, текущих навстречу друг другу. Верстах в пяти от земледельческой фанзы находится другая, лудевая фанза, в которой живут три китайца-охотника, занимающиеся ловлей оленей ямами.

Так как отряд выступил от фанзы Дун-Тавайза довольно поздно, то пришлось итти почти до сумерок. К вечеру мы дошли до истоков р. Адимил и стали биваком близ перевала на р. Фату. В этот день погода стояла хотя пасмурная и туманная, но было душно и сильно парило. Я опасался дождя и спросил мнения Дерсу на счет погоды. Он сказал, что сейчас состояние погоды таково, что «туман сам еще не знает, превратиться ему в тучи или рассеяться». Сказал он это по своему и опять назвал туман — «люди». У него это вышло так, как будто туман рассуждал, превратиться ли ему в дождь или подождать немного.

Часов в 7 вечера вдруг туман быстро начал подниматься кверху. Одновременно с этим стал накрапывать дождь, который минут через пятнадцать перестал, а вместе с ним рассеялся и туман. На небе выглянули звезды.

На утро мы поднялись довольно рано, напились чаю и стали подыматься на гору «Тигровую» (1957 фут.), сплошь покрытую осыпями.

Поднявшись на хребет, мы повернули на север и некоторое время шли по гребню. Теперь слева от нас была лесистая долина Фату, а справа мелкая речка, текущая в море, в том числе и Адимил.

Часа в четыре дня пошел дождь. Мы спустились с хребта и как только нашли в ручье воду, тотчас стали биваком.

Стрелки принялись развьючивать мулов, а мы с Дерсу, по обыкновению, отправились на разведку. Я пошел вверх, а он вниз по ключу.

Дождь в лесу — это двойной дождь. Каждый куст и каждое дерево при малейшем сотрясении обдают путника водой. В особенности много дождевой воды задерживается на листве леспедецы. Через пять минут я был таким же мокрым, как если бы окунулся с головой в реку.

Я хотел было уже повернуть назад, как вдруг увидел какое-то странное животное. Оно спускалось с дерева на

... Это оказалась дикая кошка...

землю. Я прицелился и выстрелил. Животное стало биться на земле. Вторым выстрелом я прекратил его мучения. Это оказалась дикая кошка. Меня поразили ее размеры. Сначала я думал, что это рысь, но отсутствие кисточек на ушах и

длинный хвост убедили меня, что это дикая кошка. Длина ее равнялась 1 метру 9 сант.; окраска буровато-желтовато-серая с едва заметными пятнами по всему телу, брюхо и внутренняя сторона ног грязновато-белые. Хвост короче, чем у домашней кошки, и не имеет поперечных темных полос. От домашней кошки она отличается не только своими крупными размерами, но и другими признаками: более сильными зубами, длинными усами и густой шерстью.

Дикая кошка ведет одиночный образ жизни и держится в густых сумрачных лесах, где есть скалистые утесы и дуплистые деревья. Это весьма осторожное и трусливое животное становится способным на яростное нападение при самозащите.

Охотники делали опыты приручения молодых котят, но всегда неудачно. Удэхейцы говорят, что котята дикой кошки, даже будучи взяты совсем малыми, никогда не ручнеют.

Специально за дикой кошкой никто не охотится, и убой ее—дело случайное. Местные китайцы из кошачьего меха делают зимние воротники и шапки.

В Уссурийском крае дикая кошка распространена повсеместно, но особенно часто встречается около Владивостока и на Русском острове.

Забрав свой трофей, я возвратился на бивак. Там все уже были в сборе, палатки поставлены, горели костры, варился ужин. Вскоре возвратился и Дерсу. Он сообщил, что видел несколько свежих тигровых следов и один из них—недалеко от нашего бивака.

Часов в 8 вечера дождь перестал, хотя небо было попрежнему хмурое. До полуночи вызвался караулить Дерсу. Он надел унты, подправил костер и, став спиной к огню, стал что-то по-своему громко кричать в лес.

— Кому ты кричишь, с кем говоришь? — спросили его стрелки.

— Амба,—отвечал он,—моя говори ему, на биваке много солдат есть. Солдаты стреляй, тогда моя виноват нету.

И он опять принялся кричать протяжно и громко «А-та-та-ай, А-та-та-ай!» Эхо подхватило и далеко разнесло по лесу его крики.

Вдруг какой-то сильный шум, похожий на стрекотание, окружил нас. Что-то больно ударило меня в лицо и в то же время я почувствовал посторонний предмет у себя на шее. Я быстро поднял руку и схватил что-то жесткое, колючее и

испуганно сбросил его на землю. Это был огромных размеров жук, похожий на жука-оленя, но только без рогов. Другого такого жука я смахнул с руки и вдруг увидел еще трех жуков у себя на рубашке и двух на одеяле. Их было много. Они ползали около костра и падали в горящие уголья. Особенно страшными казались те, что летали и старались сесть на голову. Я вскочил с постели и отбежал в сторону. Стрелки отмахивались руками и ругались.

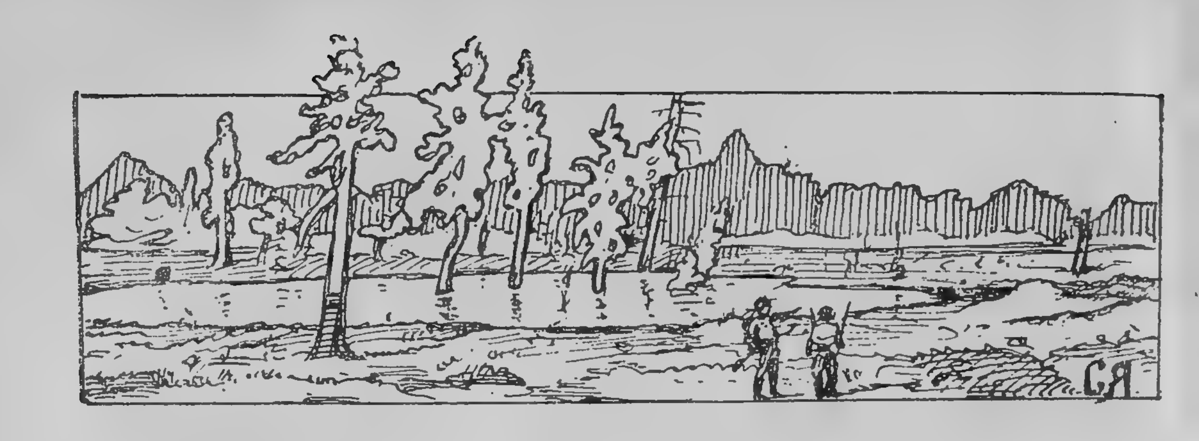
Жуки долго еще попадались то на одеяле, то на шинели, то у кого-нибудь в сумке, то в головном уборе. Дерсу стоял на ногах и говорил:

— Моя раньше такой люди (он указал на жука) много посмотри нету; один-один каждый год найди. Как его так много собрался?

Я поймал одного жука. Это оказался очень редкий представитель фауны, оставшейся в Уссурийском крае в наследие от третичного периода. Он был коричневого цвета, с пушком на спине, с сильными челюстями, загнутыми кверху, и очень напоминал дровосека, только усы у него были покороче. Длина тела жука равнялась 9½ сантиметров, а ширина спиногруди—3 сантим. Небольшие глаза, треугольной формы, были расположены по сторонам головы; они были темного цвета и как бы прикрыты мелкой сеткой.

Долго мы провозились с жуками и успокоились только после полуночи.

V.

Наводнение.

Р. Билимбе. — Плохие приметы. — Чортово место. — Непогода. — Зверовая фанза. — Тайфун. — Трехдневный ливень. — Разбушевавшиеся стихии. — Затопленный лес.

На другой день мы продолжали наш путь далее на север по хребту и часов в десять утра дошли до горы Острой— высотою в 578 метров. Осмотревшись, мы спустились в один из ключиков, который привел нас к реке Билимбе.

Погода все эти дни стояла хмурая; несколько раз начинал моросить дождь; отдаленные горы были задернуты не то туманом, не то какой-то мглой. По небу, покрытому тучами, на восточном горизонте протянулись светлые полосы, и это давало надежду, что погода разгуляется.

Выкормив мулов на подножном корму, мы пошли вверх по р. Билимбе. Она длиной около 90 верст и берет начало с Сихотэ-Алиня. Р. Билимбе можно назвать пустынной. По обоим берегам реки лес растет так густо, что кажется будто река течет в коридоре. Наклонившиеся деревья во многих местах перепутались ветвями и образовали живописные арки.

Часа в четыре дня мы стали высматривать место для бивака. Здесь река делала большой изгиб. Наш берег был пологий, а противоположный—обрывистый. Тут мы и остановились. Стрелки принялись ставить палатки, а Дерсу взял котелок и пошел за водой. Через минуту он возвратился, крайне недовольный.

— Что случилось? — спросил я гольда.

— Моя думай, это место худое,—отвечал он на мой вопрос.—Моя река ходи, хочу вода бери, рыба ругается.

— Как ругается?—изумились стрелки и покатились со смеху.

— Чего ваша смеется,—сердился Дерсу,—плакать скоро будете.

Наконец, я узнал, в чем дело. В тот момент, когда он хотел зачерпнуть котелком воды, из реки выставилась голова рыбы. Она смотрела на Дерсу и то открывала, то закрывала рот.

— Рыба тоже люди,—закончил Дерсу свой рассказ.— Его тоже могу говори, только тихо. Наша его понимай нету.

Только что чайник повесили над огнем, как вдруг один камень накалился и лопнул с такой силой, что разбросал угли во все стороны. Точно ружейный выстрел. Один уголь попал к Дерсу на колени.

— Тьфу!—сказал он в сердцах. — Моя хорошо понимай, это место худое.

Стрелки опять стали смеяться.

— Надо его гоняй,—сказал он и вслед затем взялся за топор.

— Кого?—спросил я.

— Чорта,—отвечал гольд самым серьезным образом.

Затем он пошел в лес и принялся рубить сырую ель, осину, сирень и т. п., то есть такие породы, которые трещат в огне. Когда дров набралось много, он сложил их в большой костер и поджег. Яркое пламя взвилось кверху, тысячи искр закружились в воздухе. Когда дрова достаточно обуглились, Дерсу с криками стал разбрасывать их во все стороны. Стрелки обрадовались случаю и прибежали ему помогать. Они крутили горящими головешками и бросали их кверху. Красивую картину представляет из себя такая вертящаяся ракета, разбрасывающая во все стороны искры. Два полена упали в воду. Они сразу потухли, но долго еще дымились. Наконец, костер был уничтожен. Разбросанные в лесу головешки медленно гасли одна за другой.

После этого мы принялись за чаепитие, а затем стали укладываться на ночь. Я хотел было почитать немного, но не мог бороться со сном. Незаметно для себя заснул.

Часов в 9 утра мы снялись с бивака и пошли вверх по реке Билимбе. Погода не изменилась к лучшему: было холодно, сыро. Деревья словно плакали: с ветвей их на землю

все время падали крупные капли; даже стволы были мокрые...

Чем дальше, тем долина становилась все уже и уже. На пути нам встречалось несколько пустых зверовых фанз. Обстановка их говорила за то, что только зимой они навещаются китайскими соболевщиками. В фанзах я видел только то, что увидел бы и всякий другой наблюдатель, но Дерсу увидел еще многое другое. Так, например: осматривая кожи, он сказал, что у человека нож был тупой и что, когда он резал ее, то за один край держал зубами. Беличья шкурка, брошенная звероловами, рассказала ему, что животное было задавлено бревном. В третьем месте Дерсу видел, что в фанзе было много мышей, и хозяин ее вел немилосердную войну с ними и т. д.

Мы немного задержались в последней фанзе и к полудню достигли верховьев реки. Тропа давно уже кончилась, и мы шли целиной, часто переходя с одного берега реки на другой.

По мере приближения к Сихотэ-Алиню лес становился гуще и больше был завален колодником. Дуб, тополь и липа остались позади, и место черной березы заняла белая.

Я хотел перевалить через Сихотэ-Алинь и спуститься по р. Кулумбе, но Дерсу и Чжан-Бао не советовали уходить далеко от водораздела. Они говорили, что надо ждать сильных дождей и в подтверждение своих слов указывали на небо. Теперь туман поднялся выше и имел вид дождевых туч. Оба мои проводника объяснили мне, что если во время штиля туман вдруг перестает моросить и начинает подниматься кверху и если, при этом, раскатистое эхо исчезает, надо ждать весьма сильного дождя. Действительно, все эти дни земля точно старалась покрыться туманом, спрятаться от чего-то угрожающего, и вдруг туман изменил ей и, как бы войдя в соглашение с небом, отошел в сторону, предоставляя небесным стихиям разделаться с землей, как они хотят.

Чжан-Бао советовал постараться дойти до зверовых фанз. Совет его был весьма резонным, и потому мы в тот же день пошли обратно. Еще утром на перевале красовалось облако тумана. Теперь, вместо него, через хребет ползли тяжелые тучи. Дерсу и Чжан-Бао шли впереди. Они часто поглядывали на небо и о чем-то говорили между собой. По опыту я знал, что Дерсу редко ошибается, и если он беспокоится, то, значит, тому были серьезные причины.

Часа в четыре дня мы дошли до первой зверовой фанзы. Вдруг опять появился туман и такой густой, что, казалось, чтобы пройти сквозь него, нужно употребить усилие. Дерсу выстрелил в воздух. Гулкое эхо с перекатами разнеслось по лесу. После этого я совсем запутался в метеорологии и попросил у Дерсу объяснений. Он остался доволен. По его словам выходило, что повторное появление тумана с изморосью и гулкое эхо указывали на то, что дождь отодвигается по крайней мере до рассвета. Значит, можно идти дальше. Мы прибавили шагу и к сумеркам добрались до второй фанзы. Она была уютнее и больше размерами.

В несколько минут фанза была приведена в жилой вид. Разбросанное имущество мы сложили в один угол, подмели пол и затопили печь. Вследствие тумана, а, может быть, и оттого, что печь давно уже не топилась, в трубе не было тяги, и вся фанза наполнилась дымом. Пришлось прогревать печь горячими углями. Только вечером, когда было уже совсем темно, тяга установилась, и каны стали нагреваться. Стрелки развели снаружи большой костер, варили чай и что-то со смехом рассказывали друг другу. У другого огня сидели Дерсу и Чжан-Бао. Оба они молчали и курили трубки. Посоветовавшись с ними, я решил, что если завтра большого дождя не будет, пойдем дальше. Надо было, во что бы то ни стало, пройти «щеки», иначе, если станет прибывать вода в реке, мы будем вынуждены совершить большое обходное движение через скалистые сопки «Онку Чжугдыни», что по-удэхейски значит «Чортово жилище».

Ночь прошла благополучно.

Было еще темно, когда всех нас разбудил Чжан-Бао. Этот человек без часов ухитрялся точно угадывать время. Спешно мы напились чаю и, не дождавшись восхода солнца, тронулись в путь. Судя по времени, солнце давно взошло, но небо было серое и пасмурное. Горы тоже были окутаны не то туманом, не то дождевой пылью. Скоро начал накрапывать дождь, а вслед затем к шуму дождя стал примешиваться еще какой-то шум. Это был ветер.

— Начинай есть,—сказал Дерсу, указывая на небо.

Действительно, сквозь разорвавшуюся завесу тумана совершенно явственно обозначилось движение облаков. Они быстро бежали к северо-западу. Мы очень скоро вымокли до последней нитки. Теперь нам было все равно. Дождь не мог явиться помехой. Чтобы не обходить утесы, мы спустились в реку и пошли по галешниковой отмели. Все были в бодром

настроении духа, стрелки смеялись и толкали друг друга в воду. Наконец, в три часа дня мы прошли теснины. Опасные места остались позади.

В лесу мы не страдали от ветра, но каждый раз, как только выходили на реку, начинали зябнуть. В пять часов пополудни мы дошли до четвертой зверовой фанзы. Она была построена на берегу небольшой протоки с левой стороны реки. Перейдя реку вброд, мы стали устраиваться на ночь. Развьючив мулов, стрелки принялись таскать дрова и приводить фанзу в жилой вид.

Кому приходилось странствовать по тайге, тот знает, что значит во время непогоды найти зверовую фанзу. Во-первых, не надо заготовлять много дров, а, во-вторых — фанза все же теплее, суше и надежнее, чем палатка.

Пока стрелки возились около фанзы, я, вместе с Чжан-Бао, поднялся на ближайшую сопку. Оттуда сверху можно было видеть, что делалось в долине р. Билимбе.

Сильный порывистый ветер клубами гнал с моря туман. Точно гигантские волны, катился он по земле и смешивался в горах с дождевыми тучами.

В сумерки мы возвратились назад. В фанзе уже горел огонь. Я лег на кан, но долго не мог уснуть. Дождь хлестал по окнам: вверху, должно быть на крыше, хлопало корье; где-то завывал ветер, и не разберешь, шумел ли то дождь, или стонали озябшие кусты и деревья. Буря бушевала всю ночь...

На утро, 10-го августа, я проснулся от сильного шума. Не надо было выходить из фанзы, чтобы понять, в чем дело. Дождь лил, как из ведра. Сильные порывы ветра потрясали фанзу до основания.

Я спешно оделся и вышел наружу. В природе творилось что-то невероятное. И дождь, и туман, и тучи—все это перемешалось между собой. Огромные кедры качались из стороны в сторону и имели такой вид, словно терпели муку и жаловались на свою судьбу. Лесной шум во время ненастья всегда нагоняет тоскливое чувство.

На берегу реки я заметил Дерсу. Он ходил и внимательно смотрел на воду.

— Ты что делаешь?—спросил я его.

— Камни смотрю,—вода прибавляй,—отвечал он и стал ругать китайца, который построил фанзу так близко от реки. Тут только я обратил внимание, что фанза действи-

тельно стояла на низком берегу и, в случае наводнения, могла быть легко затоплена.

Около полудня Дерсу и Чжан-Бао, поговорив о чем-то между собой, пошли в лес. Накинув на себя дождевик, я пошел следом за ними и увидел их около той сопки, на которую подымался накануне. Они таскали дрова и складывали их в кучу. Меня удивило, почему они складывают их так далеко от фанзы. Я не стал мешать им и поднялся на горку. Напрасно я рассчитывал увидеть долину Билимбе: я ничего не видел, кроме дождя и тумана. Выражение «разверзлись все хляби небесные» как нельзя более подходило к тому хаосу, который теперь царил в природе. Полосы дождя, точно волны, двигались по воздуху и проходили сквозь лес. Вслед за моментами затишья буря как будто хотела наверстать потерянное и неистовствовала еще сильнее.

Измокший и озябший я возвратился в фанзу и послал стрелков к Дерсу за дровами. Они возвратились и доложили, что Дерсу и Чжан-Бао дров не дают. Зная, что Дерсу никогда ничего не делает зря, я пошел вместе со стрелками собирать дрова вверх по протоке.

Часа через два возвратились в фанзу Дерсу и Чжан-Бао. На них не было сухой нитки. Они разделись и стали сушиться у огня.

Перед сумерками я еще раз сходил посмотреть на воду. Она прибывала медленно и, повидимому, до утра не было опасений, что река выйдет из берегов. Тем не менее я приказал уложить все имущество и заседлать мулов. Дерсу одобрил эту меру предосторожности. Вечером, когда стемнело, с сильным шумом хлынул страшный ливень. Стало жутко...

Вдруг в фанзе на мгновение все осветилось. Сверкнула яркая молния и вслед за тем послышался резкий удар грома. Гулким эхом он широко прокатился по всему небу. Мулы стали рваться на привязи, собаки подняли вой.

Дерсу прислушивался к тому, что происходило снаружи. Чжан-Бао сидел у дверей и время от времени перебрасывался с ним короткими фразами. Я что-то сказал, но Чжан-Бао сделал мне знак молчать. Затаив дыхание, я тоже стал слушать. Ухо мое уловило за стеной слабый звук, похожий на журчание. Дерсу вскочил со своего места и быстро выбежал из фанзы. Через минуту он вернулся и сообщил, что надо скорее будить людей, так как река вышла из берегов, и вода

кругом обходит фанзу. Стрелки вскочили и быстро стали одеваться. При этом Туртыгин и Калиновский перепутались обувью и начали смеяться.

— Чего смеетесь?—закричал сердито Дерсу. — Скоро будете плакать.

Пока мы обувались, вода успела просочиться сквозь стену и залила очаг. Угли в нем зашипели и погасли. Чжан-Бао зажег смолье. При свете его мы собрали свои постели и пошли к мулам. Они стояли уже по колено в воде и испуганно озирались по сторонам. При свете бересты и смолья мы стали вьючить мулов, — и было пора. За фанзой вода успела уже промыть глубокую протоку и, опоздай мы еще немного, то не переправились бы вовсе. Дерсу и Чжан-Бао куда-то убежали, и я, признаться, испугался изрядно. Приказав людям держаться ближе друг к другу, я направился к той горке, на которую взбирался днем. Тьма, ветер и дождь встретили нас сразу, как только мы завернули за угол фанзы.

Ливень хлестал по лицу и не позволял открыть глаз. Не было видно ни зги. В абсолютной тьме, казалось, будто вместе с ветром неслись в бездну деревья, сопки и вода в реке, и все это вместе с дождем образовало одну сплошную, с чудовищной быстротой движущуюся массу.

Среди стрелков произошло замешательство.

В это время впереди я увидел небольшой огонек и догадался, что его разложили Дерсу и Чжан-Бао. За фанзой образовалась глубокая протока. Я велел стрелкам держаться за мулов со стороны, противоположной течению. До того места, где Дерсу и Чжан-Бао разводили огонь, было не больше полутораста шагов, но, чтобы пройти их, потребовалось много времени. В темноте мы залезли в бурелом, запутались в кустах, потом опять попали в воду. Она быстро бежала вниз по долине, из чего я заключил, что к утру, вероятно, будет затоплен весь лес. Наконец, мы добрались до сопки.

Тут только я увидел, до какой степени были предусмотрительны мои проводники. Теперь только мне стало ясно, зачем днем они собирали дрова. На жердях было укреплено два куска кедрового корья. Под этой-то защитой они и развели огонь.

Не теряя времени, мы стали ставить палатку. Высокая скала, у подножья которой мы расположились, защищала нас от ветра. О сне нечего было и думать. Долго мы сидели

у огня и сушились, а погода бушевала все неистовее, шум реки становился все сильнее.

Наконец, стало светать. При дневном свете мы не узнали того места, где была фанза; от нее не осталось и следа. Весь лес был в воде; вода подходила уже к нашему бивакy, и пора было позаботиться перенести его выше. С одного слова люди поняли, что надо делать. Одни принялись переносить палатки, другие рубить хвою и устилать ею сырую землю. Дерсу и Чжан-Бао опять принялись таскать дрова. Перенос бивака и заготовка дров длилась часа полтора. В это время дождь как будто немного стих. Но это был только небольшой перерыв. Опять появился густой туман; он быстро поднялся кверху, и вслед затем снова хлынул сильнейший ливень. Такого дождя я не помню ни до, ни после этого. Ближайшие горы и лес скрылись за стеной воды. Мы снова забились в палатки.

Вдруг раздались крики. Опасность появилась с той стороны, откуда мы ее вовсе не ожидали. По ущелью, при устье которого мы расположились, шла вода. На наше счастье одна сторона распадка была глубже. Вода устремилась туда и очень скоро промыла глубокую рытвину. Мы с Чжан-Бао защищали огонь от дождя, а Дерсу и стрелки боролись с водой. Никто не думал о том, чтобы обсушиться, — хорошо, если только удавалось согреться.

Порой сквозь туман было видно темное небо, покрытое тучами. Они шли совсем не в ту сторону, куда дул ветер, а к юго-западу.

— Худо, — говорил Дерсу, — скоро кончай нету.

Перед сумерками мы все еще раз сбегали за дровами, дабы обеспечить себя на ночь.

Утром 12-го августа на рассвете подул сильный северо-восточный ветер, но скоро стих. Дождь лил попрежнему без перерыва. Все страшно измучились, и от усталости еле стояли на ногах. То надо было держать палатку, чтобы ее не сорвало ветром, то укрывать огонь, то таскать дрова. Ручей, бегущий по ущелью, доставлял нам не мало хлопот. Вода часто прорывалась к палаткам, надо было устраивать плотины и отводить ее в сторону. Намокшие дрова горели плохо и сильно дымили. От бессонницы и от дыма у всех болели глаза. Ощущение было такое, как будто в них насыпали песку. Несчастные собаки лежали под скалой и не подымали голов.

На реку было страшно смотреть. От быстро бегущей воды кружилась голова. Казалось, что берег с такой же быстротой двигался в противоположную сторону. Вся долина от гор и до гор была залита водой. Русло реки определялось только стремительным течением. По воде плыл мелкий мусор и крупные коряжины; они словно спасались бегством от того ничем непоправимого несчастья, которое случилось там, где-то в горах. Подмытые в корнях лесные великаны падали в реку, увлекая с собой большую глыбу земли и растущий на ней молодняк. Тотчас этот бурелом подхватывался водой и уносился дальше. Словно разъяренный зверь, река металась в своих берегах. Бешеными прыжками стремилась вода по долине. Там, где ее задерживал плавник, образовывались клубы желтой пены. По лужам прыгали пузыри. Они плыли по ветру, лопались и появлялись вновь.

Миновал еще один день. Вечером дождь пошел с новой силой. Вместе с тем усилился и ветер. Эту ночь мы провели в состоянии какой-то полудремоты. Я слышал шум дождя, говор людей, но не было сил пошевелиться. Один подымался, а другие валились с ног. Природа словно хотела показать, до какой степени она способна обессилить человека в борьбе со стихиями. Так прошла четвертая бурная ночь.

На рассвете то же, что и вчера. Невозможно разобрать, отчего происходит такой шум: от ветра, от дождя или от воды в реке. Часов в девять утра ветер переменился еще раз и подул с юго-востока. Стрелки забились в палатки и, прикрывшись шинелями, лежали неподвижно. У огня оставались только Дерсу и Чжан-Бао, но и они, видимо, начали уставать. Что же касается меня, то я чувствовал себя совершенно разбитым. Мне не хотелось ни есть, ни пить, ни спать — мне просто хотелось лежать, не шевелиться. Около полудня небо, как будто, просветлело, но дождь не уменьшился.

Вдруг появились короткие, но сильные вихри. После каждого такого порыва наступал штиль. Вихри эти становились реже, но зато каждый последующий был сильнее предыдущего.

— Скоро кончай есть, — сказал Дерсу.

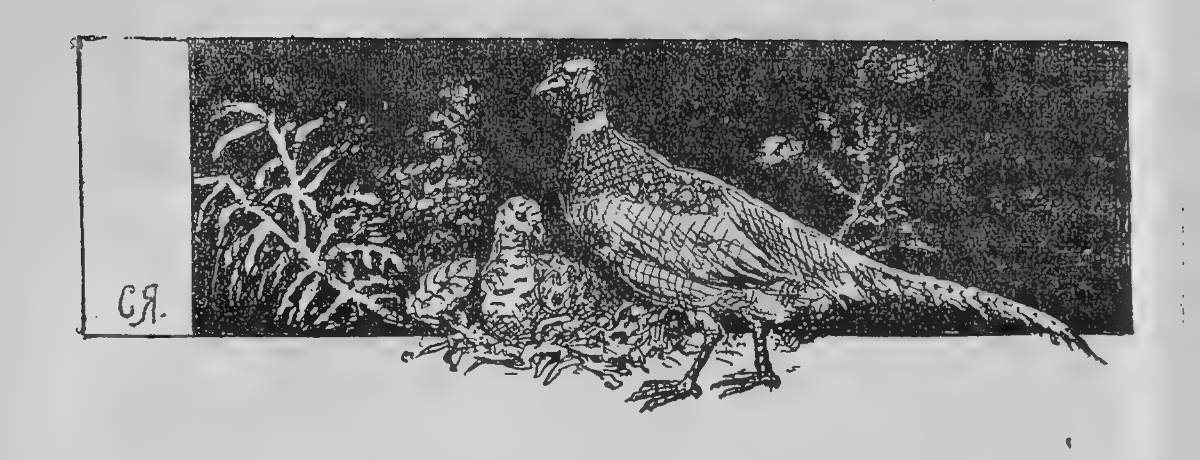
Слова старика сразу согнали с людей апатию. Все оживились и поднялись на ноги. Дождь утратил постоянство и шел порывами, переходя то в ливень, то в изморось. Это вносило уже некоторое разнообразие и давало надежду

на перемену погоды. В сумерки он начал заметно стихать и вечером прекратился совсем. Мало-по-малу небо стало очищаться; кое-где проглянули звезды...

С каким удовольствием мы обсушились, напились чаю, легли на сухую подстилку и крепко, крепко уснули.

Это был настоящий отдых.

VI.

Возвращение к морю.

Переправа через реку Билимбе. — Встреча с А. И. Мерзляковым. — Доставка продовольствия китайцами. — Олений хвост.—Тигр, убитый Дерсу.

На следующий день мы проснулись поздно. Сквозь прорывы в облачках виднелось солнце. Оно пряталось в тучах, точно не желало смотреть на землю и видеть то, что натворила вчерашняя буря. Всюду мутная вода шумящими каскадами сбегала с гор; листва на деревьях и трава на земле еще не успели обсохнуть и блестели, как лакированные; в каплях воды отражалось солнце и переливалось всеми цветами радуги. Природа снова возвращалась к жизни. Тучи ушли к востоку. Теперь буря свирепствовала где-нибудь у берегов Японии или южной оконечности острова Сахалина.

Весь этот день мы простояли на месте, сушили имущество и отдыхали.

Человек скоро забывает невзгоды. Стрелки стали смеяться и подтрунивать друг над другом.

Вечерняя заря была багрово-красная и сумерки длинные. В этот день мы улеглись спать рано. Нужно было отоспаться и за прошедшее и для будущего.

Следующий день был 15 августа. Все поднялись рано, с зарей. На восточном горизонте темной полосой все еще лежали тучи. По моим расчетам, А. И. Мерзляков с другой частью отряда не мог уйти далеко. Наводнение должно было задержать его где-нибудь около р. Билимбе. Для того, чтобы соединиться с ним, следовало переправиться на пра-

вый берег реки. Сделать это надо было как можно скорей, потому что ниже в реке воды будет больше и переправа труднее.

Для исполнения этого плана мы пошли сначала вниз по краю долины, но вскоре должны были остановиться: река подмывала скалы. Вода нанесла сюда много бурелома и сложила его в большую плотину. По ту сторону был небольшой холмик, непокрытый водой. Надо было обследовать это место. Первым перешел Чжан-Бао. По пояс в воде, с палкой в руках он бродил около противоположного берега и ощупывал дно. Исследования показали, что река здесь разбивается на два рукава, находящиеся один от другого в расстоянии пятнадцати сажен. Второй рукав был шире и глубже первого и не был занесен плавником. Шестом достать дна нельзя было, потому что течение относило его в сторону. Дерсу и Чжан-Бао принялись рубить большой тополь. Скоро на помощь им пришли стрелки с поперечной пилой. Стоя больше чем по колено в воде, они работали очень усердно. Минут через пятнадцать дерево затрещало и с грохотом упало в воду. Комель тополя сначала было подался вниз по течению, но вскоре за что-то зацепился, и дерево осталось на месте. По этому мосту мы перешли через вторую протоку. Оставалось пройти затопленным лесом еще сажен двадцать пять. Убедившись, что больше проток нет, мы вернулись назад.

Люди перейдут, имущество и седла тоже можно перенести, но как быть с мулами? Если их пустить вплавь, то силой течения их снесет под бурелом раньше, чем они достигнут противоположного берега. Тогда решено было переправить их на веревке. Выбрав самый крепкий недоуздок, мы привязали к нему веревку и перетащили конец ее через завалы. Когда все было готово, первого мула осторожно спустили в реку. В мутной воде он оступился и окунулся с головой. Сильное течение тотчас подхватило его и понесло к завалу. Вода пошла через голову мула. Бедное животное оскалило зубы и начало задыхаться. В этот момент его подтащили к берегу. Первый опыт был не совсем удачен. Тогда мы выбрали другое место, где спуск в реку был пологий. Тут дело пошло успешнее.

Не мало трудностей доставил нам переход по затопленному лесу. В наносной илистой почве мулы вязли более, чем по колено; они оступались в глубокие ямы, падали и выбивались из сил.

Только к сумеркам нам удалось подойти к горам с правой стороны долины. Мулы страшно измучились, но еще более устали люди. К усталости присоединился озноб, и мы долго не могли согреться. Но самое главное было сделано — мы переправились через реку.

Не долго нас баловала хорошая погода. Вечером 16 августа опять появился туман и опять начало моросить. Эта изморось продолжалась всю ночь и весь следующий день. Мы опять шли целый день чуть ли не по колено в воде. Наконец, начало темнеть, и я уже терял надежду дойти сегодня до устья р. Билимбе, как вдруг мы услышали шум морского прибоя. Оказалось, что в тумане мы внезапно подошли к морю и заметили это только тогда, когда у ног своих увидели морскую траву и белую пену прибоя.

Я хотел было итти налево, но Дерсу советовал повернуть направо. Свои соображения он основывал на том, что видел на песке человеческий след. Он шел от р. Шакира к р. Билимбе и обратно. По этому гольд заключил, что бивак А. И. Мерзлякова был в правой стороне.

Я сделал два выстрела в воздух, и тотчас же со стороны реки Шакиры последовал ответ. Через несколько минут мы были у своих.

Начались обоюдные расспросы: с кем что случилось, и кто что видел. Вечером мы долго сидели у костра и делились впечатлениями.

Ночью было холодно. Стрелки часто вставали и грелись у огня. На рассвете термометр показывал 7° С. Когда солнышко пригрело землю, все снова уснули и проспали до девяти часов утра.

Переправиться через р. Билимбе, пока не спадет вода, нечего было и думать. Нет худа без добра. Мы все нуждались в отдыхе: мулы имели измученный вид; надо было починить одежду и обувь, справить седла, почистить ружья. Кроме того, у нас начали иссякать запасы продовольствия. Я решил заняться охотой и послал двух стрелков к китайцам на р. Адимил за покупками. За последние пять дней я запустил свою работу и нужно было заполнить пробелы.

Стрелки Сабитов и Аринин стали собираться в дорогу, а я отправился на р. Билимбе, чтобы посмотреть, насколько спала вода за ночь. Не успел я отойти от своей палатки и ста шагов, как меня окликнули. Я возвратился назад и увидел подходящих к биваку двух китайцев с вьючными конями.

Это были рабочие из фанзы Дун-Тавайза, куда я хотел посылать за продовольствием. Китайцы сказали, что хозяева их, зная, что перейти теперь через Билимбе нам не удастся, решили послать четыре кулька чумизы, 20 фунтов свиного сала, один пуд рису, два пуда чумизы, 10 фунтов бобового масла, 10 фунтов сахару и плитку кирпичного чаю. При этом они заявили, что им воспрещено брать с нас деньги. Я был тронут таким вниманием китайцев и предложил им подарки, но они отказались их принять.

Китайцы остались у нас ночевать. От них я узнал, что большое наводнение было на р. Иодзыхе, где утонуло несколько человек. На реке Санхобе снесло водой несколько фанз, с людьми несчастий не было, но зато там погибло много лошадей и рогатого скота.

На другой день китайцы, уходя, сказали, что если у нас опять не хватит продовольствия, то чтобы присылали к ним без стеснения.

Отпустив их, мы с А. И. Мерзляковым пошли к устью реки Билимбе. Море имело необыкновенный вид: на расстоянии двух или трех верст от берега оно было грязно-желтого цвета, и по всему этому пространству плавало множество буреломного леса. Издали этот плавник казался лодками, парусами, шаландами и т. д. Некоторые деревья были еще с зеленой листвою. Как только переменился ветер, плавник обратно погнало к берегу. Море стало выбрасывать назад все лишнее, все мертвое, все, что чуждо было его свободной и живой стихии.

Вечером Дерсу угостил меня оленьим хвостом. Он насадил его на палочку и стал жарить на углях, не снимая кожи. Олений хвост (по-китайски «Лу-иба») представляет из себя небольшой мешок, внутри которого проходит тонкий стержень. Все остальное пространство наполнено буровато-белой массой, по вкусу напоминающей не то мозги, не то печенку. Китайцы ценят олений хвост, как гастрономическое лакомство.

Целые дни я проводил в палатке, вычерчивал маршруты, делал записи в дневниках и писал письма. В перерывах между этими занятиями я гулял на берегу моря и наблюдал птиц.

Вечером мы с Дерсу долго разговаривали об охоте, о зверях, о лесных пожарах и т. д. У него были интересные и тонкие наблюдения. Так, по его словам, лет двадцать тому

назад две зимы подряд тигры двигались от запада к востоку. Заметил это не он один, а также и другие охотники. Все тигровые следы шли в этом направлении. По его мнению, это был массовый переход тигров из Сунгарийского края в Сихотэ-Алинь. Затем он припомнил, что в 1886 году был общий падеж зверя. Летом гибли пятнистые олени, потом стали падать изюбри, а зимой—кабаны.

Раньше я несколько раз пытался расспрашивать Дерсу, при каких обстоятельствах он убил тигра, но гольд упорно отмалчивался или старался перевести разговор на другую тему, но сегодня мне удалось выпытать от него, как это случилось.

Дело было на реке Фудзине, в мае месяце. Дерсу шел по долине среди дубового редколесья. При нем была маленькая собачка. Сначала она весело бежала вперед, но потом стала выказывать признаки беспокойства. Не видя ничего подозрительного, Дерсу решил, что собака боится медвежьего следа, и без опаски пошел дальше. Но собака не унималась и жалась к нему так, что положительно мешала итти. Оказалось, что поблизости был тигр. Увидев человека, он спрятался за дерево. По совершенной случайности вышло так, что Дерсу направлялся именно к тому же дереву. Чем ближе подходил человек, тем больше прятался тигр; он совсем сжался в комок. Не замечая опасности, Дерсу толкнул собаку ногой, но в это время выскочил тигр. Сделав большой прыжок в сторону, он начал бить себя хвостом и яростно реветь.

— Что ревешь?—закричал ему Дерсу. Моя тебя трогай нету. Зачем сердишься?

Тогда тигр отпрыгнул на несколько шагов и остановился, продолжая реветь. Гольд опять закричал ему, чтобы он уходил прочь. Тигр сделал еще несколько прыжков и снова заревел. Видя, что страшный зверь не хочет уходить, Дерсу крикнул ему:

— Ну, хорошо, тебе ходи не хочу—моя стреляй, тогда виноват не буду.

Он поднял ружье и стал целиться, но в это время тигр перестал реветь и шагом пошел на увал в кусты. Надо было воздержаться от выстрела, но Дерсу не сделал этого. В тот момент, когда тигр был на вершине увала, Дерсу выстрелил. Тигр бросился в заросли. После этого Дерсу продолжал свой путь. Дня через четыре ему случилось возвращаться

той же дорогой. Проходя около увала, Дерсу увидел на дереве трех ворон, из которых одна чистила нос о ветку.

— Неужели я убил тигра! — мелькнуло у него в голове.

Едва он перешел на другую сторону увала, как наткнулся на мертвого зверя. Весь бок у него был в червях. Дерсу сильно испугался: ведь тигр уходил, зачем он стрелял!?.. Дерсу убежал. С той поры мысль, что он напрасно убил тигра, не давала ему покоя. Она преследовала его повсюду. Ему казалось, что рано или поздно, а он поплатится за это.

Моя теперь шибко боится — закончил он свой рассказ. — Раньше моя постоянно один ходи, ничего боися нету, а теперь чего-чего посмотри—думай, след посмотри—думай, один тайга спи—думай...

Он замолчал и сосредоточенно стал смотреть на огонь. Я почувствовал усталость и пошел спать.

Ночь была теплая и тихая. Иногда сквозь облака на мгновение выглядывала луна, но хмурые тучи стремились заслонить ее, точно они не хотели, чтобы она светила на землю. Сонный воздух, наполненный запахом багульника, был неподвижен. Где-то звонко капала вода, и тоскливо кричала ночная птица...

Дня через два вода в реке начала спадать, и можно было попытаться переправиться на другую ее сторону.

Приказ выступать на завтра обрадовал моих спутников. Все стали суетиться, разбирать имущество и укладывать его по местам.

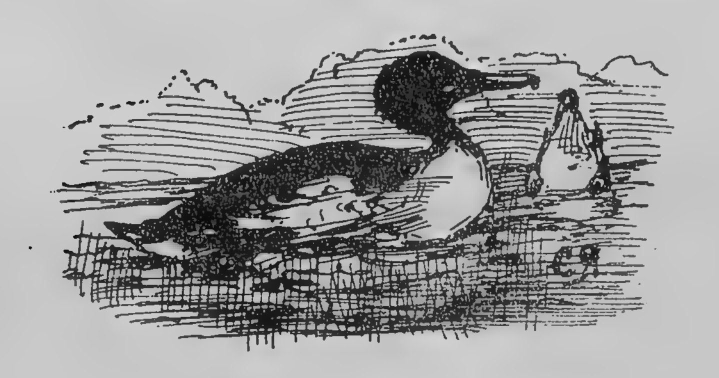
После бури атмосфера пришла в равновесие, и во всей природе воцарилось спокойствие. Особенно тихими были вечера. Ночи стали прохладными.

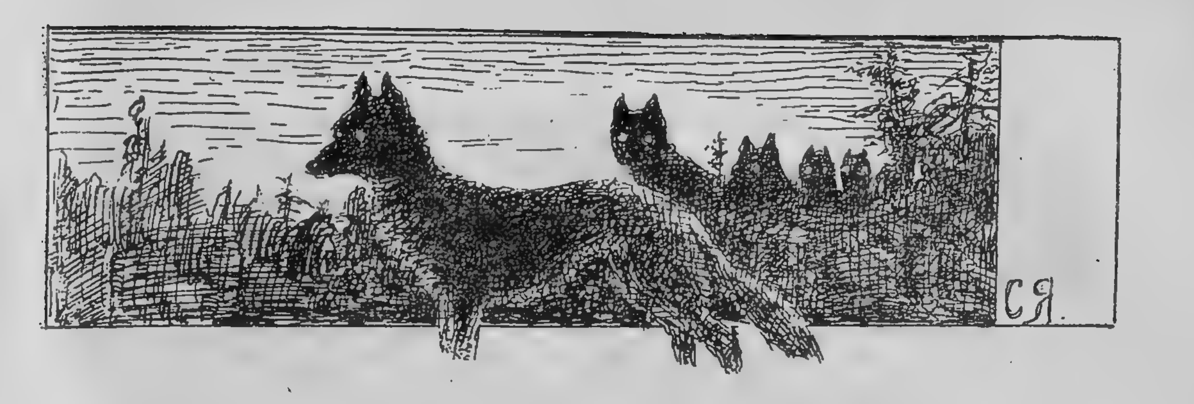
На следующий день, когда я проснулся, солнце было уже высоко. Стрелки напились чаю и ждали только меня. Быстро я собрал свою постель, взял в карман кусок хлеба и, пока стрелки вьючили мулов, вместе с Дерсу, Чжан-Бао и А. И. Мерзляковым пошел к р. Билимбе.

Собаки тотчас переплыли на другую сторону, но, видя, что мы не переходим, вернулись обратно. Надо было поискать брод. С той и с другой стороны тянулись отмели. Одна из них была выше по течению, а другая ниже. Очевидно, брод шел наискось. Вода в реке стояла еще довольно высоко, и течение было быстрое. Положим, что лошади и люди

могли бы переплыть, но как перетащить грузы? Оставалось только одно средство—сделать плот и на нем переправиться. Эта работа отняла у нас почти целый день. Часов в семь вечера мы закончили переправу, основательно устав и промокнув. Мулы, напуганные во время наводнения, сначала не хотели итти в воду: Дьяков переплыл с одним из них, и тогда остальные без всяких заминок пошли сзади.

На другом берегу высилась большая терраса. Тут мы и остановились.

VII.

Экскурсия на Сяо-Кему.

Кости оленей. — Комета. — Староверы. — Непогода. — Р. Сакхома. — Недоразумение с условными знаками. — Красные волки. — Возвращение.

24-го августа мы распрощались с р. Билимбе и пошли вдоль берега моря. Невдалеке от бивака Дьяков нашел скелеты двух оленей, спутавшихся рогами. Я отправился по указанному направлению и вскоре, действительно, увидел на земле изюбриные кости. Видно было, что над уборкой трупов потрудились и птицы, и хищные звери. Особенный интерес представляли головы животных. Во время драки олени так сцепились рогами, что уже не могли разойтись и погибли от голода. Стрелки пробовали разнять рога: шесть человек (по три с каждой стороны) не могли этого сделать. Можно представить себе, с какой силой бились изюбри. Очевидно, при ударе рога раздались и приняли животных в смертельные объятия. Хотя мулы наши были перегружены, тем не менее я решил дотащить эту редкую находку до первого жилого пункта и там оставить ее на хранение у китайцев.

Ночью, перед рассветом, меня разбудил караульный и доложил, что на небе видна «звезда с хвостом». Спать мне не хотелось, и потому я охотно оделся и вышел из палатки. Чуть светало. Ночной туман исчез, и только на вершине горы «Железняк» держалось белое облачко. Прилив был в полном разгаре. Вода в море поднялась и затопила значительную часть берега. До восхода солнца было еще далеко, но звезды стали уже меркнуть. На востоке, низко над горизонтом, была видна комета. Она имела длинный хвост.

Скоро проснулись остальные люди и принялись рассуждать о том, что предвещает эта небесная странница. Решили они, что земля обязана ей своим недавним наводнением, а Чжан-Бао сказал, что в той стороне, куда направляется комета, будет война. Видя, что Дерсу ничего не говорит, я спросил его, что думает он об этом явлении.

— Его так сам постоянно по небу ходи, людям никогда мешай нету,—отвечал гольд равнодушно.

При всем своем антропоморфизме он был прав и судил о вещах так, каковы они есть на самом деле.

Но вот на востоке стала разгораться заря, и комета пропала. Ночные тени в лесу исчезли; по всей земле разлился серовато-синий свет утра. Яркие солнечные лучи вырвались из-под горизонта и разом осветили все море.

— Дерсу,—спросил я его,—что такое солнце?

Он посмотрел на меня недоумевающе и в свою очередь задал вопрос:

— Разве ты никогда его не видал? Посмотри, — сказал он и указал рукой на солнечный диск, который в это время поднялся над горизонтом.

Все засмеялись. Дерсу остался недоволен: спрашивать человека, что такое солнце, когда это самое солнце находится перед глазами. Он принял это за насмешку.

Вследствие того, что мы рано встали, мы рано выступили и с бивака. Береговая тропа привела нас на р. Сяо-Кему, на которой жил старообрядец Иван Бортников.

Семья его состояла из него самого, его жены, двух взрослых сыновей и двух дочерей. Надо было видеть, какой испуг произвело на них наше появление. Захватив детей, женщины убежали в избу и заперлись на засовы. Когда мы проходили мимо, они испуганно выглядывали в окна и тотчас прятались, как только встречались с кем-нибудь глазами. Пройдя еще с полверсты, мы стали биваком на берегу реки в старой липовой роще.

Сегодня весь день стояла в воздухе какая-то мгла. Она медленно сгущалась. После полудня в ней потонули дальние горы. На западной части неба все время держалась темная туча с резко очерченными краями. Характер ветра был неровный: то он становился порывистым, то спадал до полного штиля. В тот момент, когда солнце скрылось за облаками, края облаков стали светиться, как будто они были из расплавленного металла. Прошло несколько минут, и из-за тучи по желто-зеленому фону неба веером поднялись три

пурпуровых луча. Явление это продолжалось не более двух минут. Затем оно начало блекнуть, и вместе с тем туча стала быстро застилать небо.

Я думал, что на другой день (26-го августа) будет непогода. Но опасения мои оказались напрасными. На утро небо очистилось, и день был совершенно ясный.

Староверы Бортниковы живут зажиточно, повинностей государственных не несут, земли пашут мало, занимаются рыболовством и соболеванием и на свое пребывание здесь смотрят, как на временное. Они не хотели, чтобы мы отправились в горы, и неохотно делились с нами сведениями об окрестностях.

Река Сяо-Кема состоит из слияния двух рек: Горелой, длиною в 15, и Сакхомы, длиной 20—25 верст. Слияние их происходит в четырех верстах от моря.

Сегодняшняя вечерняя заря была опять очень интересной и поражала разнообразием красок. Крайний горизонт был багровый, выше, небосклон—оранжевый, затем—желтый, зеленый и в зените мутно-бледный. Это была паутина перистых облаков. Мало-по-малу она сгущалась и, наконец, превратилась в слоистые тучи. Часов в 10 вечера за ней скрылись последние звезды. Началось падение барометра.

Утром разбудил меня шум дождя. Одевшись, я вышел на улицу. Низко бегущие над землей тучи, порывистый ветер и дождь живо напоминали мне бурю на р. Билимбе. За ночь барометр упал на 17 mm. Ветер несколько раз менял свое направление и к вечеру превратился в настоящий шторм.

В этот день работать не удалось. Палатку так сильно трепало, что, казалось, вот-вот ее сорвет ветром и унесет в море. Часов в 10 вечера непогода стала стихать. На рассвете дождь перестал, и небо очистилось.

28-ое, 29-ое и 30-ое августа были посвящены осмотру реки Сяо-Кемы. На эту экскурсию я взял с собою Дерсу, двух стрелков, Аринина и Сабитова и одного мула. Маршрут я наметил по реке Сакхоме до истоков и назад к морю по р. Горелой. Стрелки с вьючным мулом должны были итти с нами до тех пор, пока будет тропа. Дальше мы идем сами с котомками, а стрелки той же дорогой возвращаются обратно.

Часов в 8 утра мы выступили с бивака.

Мул, которого взяли с собой Аринин и Сабитов, оказался с ленцой, вследствие чего стрелки постоянно от нас отставали. Из-за этого мы с Дерсу должны были часто оста-

навливаться и поджидать их. На одном из привалов мы условились с ними, что в тех местах, где тропы будут разделяться, мы будем ставить сигналы. Они укажут им направление, которого надо держаться. Стрелки остались поправлять седловку, а мы пошли дальше.

Немного выше того места, где р. Сакхома соединяется с р. Горелой, долина суживается. С правой стороны подымаются высокие горы, поросшие густым смешанным лесом, а слева тянутся размытые террасы с лиственным редколесьем.

Здесь тропы первый раз разделились: одна пошла вверх по реке, другая—куда-то вправо. Надо было поставить условленный сигнал. Дерсу взял палочку, застругал ее и воткнул в землю; рядом с ней он воткнул прутик, согнул его и надломленный конец направил в ту сторону, куда надо итти. Установив сигналы, мы отправились дальше в уверенности, что стрелки поймут наши знаки и пойдут, как следует. Пройдя версты две, мы остановились. Не помню, кажется, мне что-то понадобилось во вьюках. Мы стали ждать стрелков, но не дождались и пошли назад, к ним навстречу. Минут через двадцать мы были у места разветвления троп. С первого же взгляда стало ясно, что стрелки не заметили нашего сигнала и пошли по другой дороге. Дерсу начал ругаться.

— Какой народ,—говорил он в сердцах.—Так ходи, головой качай, — все равно, как дети. Глаза есть — посмотри нету. Такие люди в сопках живи не могу—скоро пропади.

Его удивляло не то, что Аринин и Сабитов ошиблись. Это не беда!—Но как они идут по тропе, видя, что на ней нет следов, и все-таки продолжают итти вперед. Мало того, они столкнули оструганную палочку. Он усмотрел, что сигнал был опрокинут не копытом мула, а сапогом стрелка.

Однако, разговором дела не поправишь. Я взял свое ружье и два раза выстрелил в воздух. Через минуту откуда-то издалека послышался ответный выстрел. Тогда я выстрелил еще два раза. После этого мы развели огонь и стали ждать. Через полчаса стрелки возвратились. Они оправдывались тем, что Дерсу поставил такие маленькие сигналы, что их легко было не заметить.

Гольд не возражал и не спорил. Он понял, что то, что ясно для него, совершенно неясно для других.

Напившись чаю, мы опять пошли вперед. Уходя, я велел людям внимательно смотреть под ноги, чтобы не повторить ошибки. Часа через два мы достигли того места, где

в Сакхому с правой стороны впадает р. Угрюмая. Тут тропы опять разделились. Первая ведет на перевал к р. Илимо (приток Такемы), а по второй нам следовало итти, чтобы попасть в истоки р. Горелой. Дерсу снял котомку и стал таскать буреломом.

— Рано делать бивак,—сказал я ему.—Пойдем дальше.

— Моя дрова таскай нету, моя дорога закрывай,— ответил он серьезным тоном.

Тогда я понял его. Стрелки бросили ему укор в том, что оставляемые им сигналы незаметны. Теперь он решил поставить такую преграду, чтобы они «уперлись в нее лбами». Меня это очень рассмешило. Дерсу навалил на тропе множество бурелома, нарубил кустов, подрубил и согнул соседние деревья,—словом, создал целую баррикаду. Завал этот подействовал. Натолкнувшись на него, Сабитов и Аринин осмотрелись и пошли, как следует.

Река Угрюмая течет в широтном направлении. Узкая долина ее покрыта густым хвойно-смешанным лесом. Следы разрушительного действия воды видны на каждом шагу.

Лежащие на земле деревья, занесенные галькою и песком, служат запрудами, пока какое-нибудь новое большое наводнение не перенесет их в другое место.

По дороге мы несколько раз видели козуль. Я стрелял и убил одну из них. В сумерки мы дошли до верховьев реки и стали биваком.

Отсюда на другой день стрелки Аринин и Сабитов с мулом пошли обратно, а мы с Дерсу продолжали маршрут дальше.

В верховьях река Угрюмая разбивается на две речки, расходящиеся под углом градусов в тридцать. Мы пошли влево и стали взбираться на хребет, который здесь описывает большую дугу, охватывая со всех сторон истоки р. Горелой (река Угрюмая огибает его с запада). Сверху с высоты гольцов было видно далеко во все стороны. На юге, в глубоком распадке, светлой змейкой извивалась какая-то река; на западе, в синеве тумана, высилась высокая гряда Сихотэ-Алиня; на севере тоже тянулись горные хребты; на восток они шли уступами, а дальше за ними виднелось темно-синее море. Картина была величественная и суровая.

Когда начало смеркаться, мы немного спустились с гребня хребта в сторону р. Горелой. После недавних дождей ручьи были полны водой. Очень скоро мы нашли удобное место и расположились биваком высоко над уровнем моря.

Лежа у костра, я любовался звездами. Дерсу сидел против меня и прислушивался к ночным звукам. Он понимал эти звуки, понимал, что бормочет ручей и о чем шепчется ветер с засохшей травой. Одна половина его была освещена красным светом костра, а другая—бледными лучами месяца: точно рядом, прижавшись друг к другу, сидело два человека—красный и голубой.

Мы разговаривали: говорили о небе, о луне, о звездах. Мне интересно было узнать, как объясняет все небесные явления человек, проведший всю жизнь среди природы, ум которого не был заполнен книжными аксиомами. Оказалось, что он никогда не задумывался над тем, что такое небо, что такое звезды. Объяснял он все удивительно просто. Звезда—звезда и есть; луна—каждый ее видел, значит, и описывать нечего; небо—синее днем, темное ночью и пасмурное во время ненастья. Дерсу удивлялся, что я расспрашиваю его о таких вещах, которые хорошо известны всякому ребенку.

— Кругом люди понимай. Разве тебе, капитан, посмотри нету?—спрашивал он меня в свою очередь.

Я очнулся от своих дум. Костер пригас. Дерсу сидел опустив голову на грудь и дремал. Я подбросил дров в огонь, затем завернулся в одеяло и заснул.

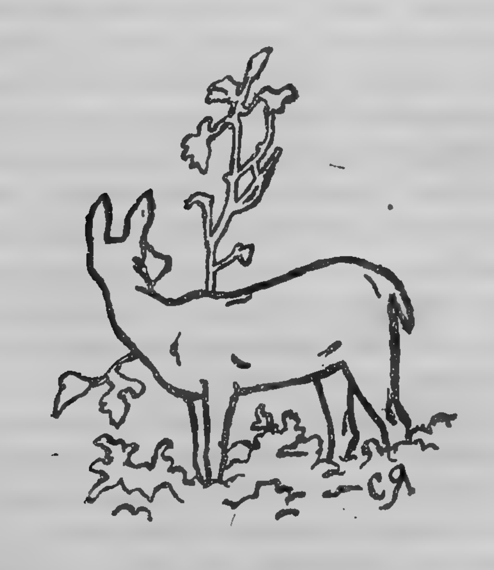
На другое утро мы проснулись от холода. Роса, выпавшая с вечера на землю, замерзла и превратилась в иней. Согревшись чаем, мы надели свои котомки и стали спускаться в р. Горелую. Долина ее шире, чем долина р. Сакхомы, и имеет явно выраженный характер размыва. Другая отличительная черта ее—отсутствие лесов, большая часть которых уничтожена пожарами. Все склоны гор, обращенные к р. Горелой, сплошь покрыты осыпями, заросшими травой, кустарниками и завалены буреломом. Река имеет порожистый характер.

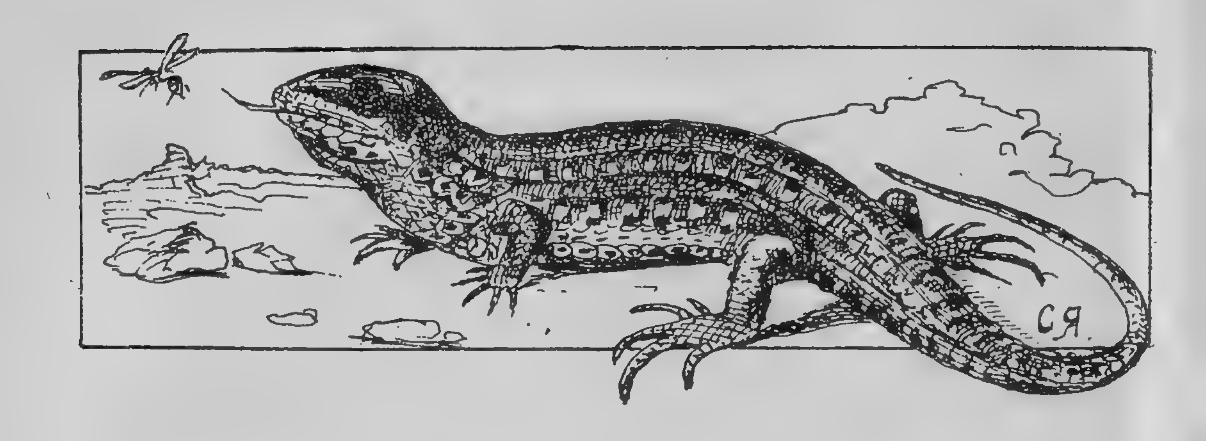
За поворотом речки я увидел какое-то животное, похожее на собаку, только выше ростом. Широкая голова, небольшие мохнатые стоячие уши, притупленая морда, сухое сложение и длинный пушистый хвост изобличали в нем шакалоподобную дикую собаку, которую местное население называет красным волком. Цвет животного, действительно, был красный, темный на спине и светлый на брюхе. Животное лакало воду. Когда мы вышли на гальку, оно перестало пить и большими прыжками побежало к лесу. Вслед за ним из прибрежных кустов выскочило еще два волка, из которых один был такой же окраски, как и первый, а другой темнее, и еще несколько животных промелькнуло мимо нас

по кустам. Я стрелял и ранил одного из них. В это время подошел Дерсу. Узнав, в чем дело, он направился в заросли и стал что-то искать. Минуты через две я услышал его оклики и повернул в ту сторону. Гольд стоял около большого кедра и махал мне рукой. Подойдя к нему, я увидел на земле большое кровавое пятно и кое-где клочки оленьей шерсти. Дерсу сообщил мне, что красные волки всегда бродят по тайге стаями и охотятся за козами и оленями сообща, при чем одни играют роль загонщиков, а другие устраивают засаду. Когда они бросаются на животное, то растаскивают его на части, оставляя на месте, как и в данном случае, только кровавое пятно и клочки шерсти. Охотники говорят, что бывали случаи нападения их и на человека.

Отдохнув немного около речки, мы пошли дальше и к вечеру дошли до берега моря.

Следующий день, 31-го августа, мы провели на р. Сяо-Кеме, отдыхали и собирались с силами. Староверы, убедившись, что мы не вмешиваемся в их жизнь, изменили свое отношение к нам. Они принесли нам молока, масла, творогу, яиц и хлеба, расспрашивали, куда мы идем, что делаем, и будут ли около них сажать переселенцев.

VIII.

Такема.

Птицы на берегу моря. — Население. — Старуха с внучатами. — Леший и следы тигра. — Пороги. — Переправа в брод. — Бивак старика-китайца.

Сегодня первый день осени (1-е сентября). После полудня мы оставили реку Сяо-Кему и перешли на Такему. Расстояние это небольшое — всего только семь верст при хорошей тропе, проложенной параллельно берегу моря. На Такему мы прибыли рано, но долго не могли переправиться через реку. На правом ее берегу, около устья, паслись лошади под наблюдением старика-китайца и хромого таза. Последний, по словам старика, поехал на лодке в деревню за продуктами и должен был скоро возвратиться обратно. Пришлось его ожидать. Пока стрелки варили чай, я от нечего делать пошел к берегу моря посмотреть птиц.

Перелет только что начался. Прежде всего я заметил серых уток и узконосых чирков. Тех и других было очень много. Первые — очень пугливы. Они не подпускали к себе человека и взлетали тотчас, как только слышали шум шагов. Вторые — маленькие серые уточки с синими зеркальцами на крыльях, — смирные и доверчивые, старались только немного отплыть в сторону. В другом месте я увидел нескольких чернетей. Черные, с синим отливом и с белыми пятнами на спине, они быстро плавали по лагуне и часто ныряли.

Приближалось время хода кеты и потому в море перед устьем Такемы держалось множество чаек. Уже несколько дней птицы эти в одиночку летели куда-то к югу. Потом они

пропали и вот теперь неожиданно появились снова, но уже стаями. Иногда чайки разом снимались с воды, перелетали через бар и опускались в заводь реки. Я убил двух птиц. Это оказались тихоокеанские клуши.

Наконец, хромой таза вернулся, и мы стали готовиться к переправе. Это было не так просто и легко, как казалось с берега. Течение в реке было весьма быстрое, перевозчик таза каждый раз поднимался вверх по воде саженей на полтораста и затем уже пускался к противоположному берегу, упираясь изо всех сил шестом в дно реки, и все же течением его сносило к самому устью.

Переправившись на другую сторону реки, мы пошли к фанзам, расположенным верстах в пяти от моря. Население Такемы смешанное и состоит из китайцев и тазов.

Тазы на р. Такеме те же, что и в Южно-Уссурийском крае, только менее подвергшиеся влиянию китайцев. Живут они в фанзах, умеют делать лодки и лыжи; летом занимаются земледелием, а зимой соболеванием, говорят по-китайски, а по-удэхейски знают только счет, да отдельные слова. Китайцы на Такеме являются полными хозяевами реки; туземцы забиты и, как везде, находятся у них в неоплатных долгах.

Посоветовавшись с тазами, я решил вверх по р. Такеме итти с Дерсу, Чжан-Бао, Арининым и Чан-Лином, племянником горбатого таза, убежавшего с р. Иодзыхе. А. И. Мерзлякову с остальными стрелками я велел отправиться на реку Амгу, где и ждать моего возвращения.

Выступление было назначено на другой день, но осуществить его не удалось вследствие весьма ненастной погоды. Наконец, 4-го сентября, дождь перестал. Тогда мы собрали свои котомки и после полудня впятером выступили в дальний путь.

От тазовских фанз вверх по долине идет пешеходная тропа. Она придерживается левого берега реки и всячески избегает бродов. Там, где долина суживается, приходится карабкаться по скалам и даже идти в брод по воде. Первые «щеки» находятся в 12 верстах от моря, вторые будут на две с половиной версты выше. В углублении одной из скал китайцы устроили кумирню, посвященную божеству, охраняющему леса и горы.

За щеками долина опять расширяется. Эта местность называется Илимо, по имени реки, впадающей в Такему с правой стороны.

Около ее устья мы нашли две маленьких полуразрушенных фанзочки. В одной из них жила старуха с внучатами: мальчиком девяти и девочкой семи лет. У этих детей отец и мать умерли от оспы два года тому назад. Китайцы воспользовались беззащитностью старухи и обобрали ее дочиста, отняли жилище, огороды, кур, свиней и даже собак. Несчастной старухе ничего не осталось, как перекочевать на Илимо и поселиться в одиночестве. Я застал семью в ужасной бедности. Маленький мальчик ловил рыбу и тем кормил старуху и свою сестренку.

Нигде потеря мужа не является таким несчастьем, как у тазов. Со смертью кормильца семьи являются кредиторы. Как хищные птицы, они набрасываются на имущество покойного и буквально начисто обирают вдову. К ее душевным страданиям присоединяется еще страх перед изгнанием из жилища, нищетой и разлукой с детьми, которых китайцы обыкновенно продают, как рабов, на сторону.

Мне стало жаль старухи, и я дал ей три рубля. Она растерялась, заплакала и просила меня не говорить об этом китайцам. Простившись с ней, мы отправились дальше. Мальчик пошел проводить нас до реки Цимухе.

От р. Цимухе Такема делает крутой поворот на запад и проходит по ущелью. Тут много скал; от действия воды они приняли причудливые очертания. Некоторые из них похожи на ворота, другие — на допотопное животное с маленькой головой и длинной шеей, третьи — на горбатого человека и т. д. Эти утесы тянутся на протяжении двух или трех верст. Затем долина опять расширяется. Во время дождей здесь всегда скопляется много воды. Тогда река выходит из берегов и затопляет лес.

В долине Такемы произрастают могучие девственные леса, которых ни разу еще не касалась рука человека. Казалось, природа нарочно избрала эти места для того, чтобы показать, какова может быть производительная сила земли.

Мы шли довольно шумно. Дерсу что-то рассказывал, Чжан-Бао и Чан-Лин смеялись. Вдруг Леший остановился, поджал под себя хвост, сгорбился и, прижав уши, со страхом стал озираться по сторонам. Пропустив мимо себя людей, он тихонько поплелся сзади. Причина его страха скоро разъяснилась. Впереди на илистой почве были видны свежие отпечатки тигровых лап. Зверь только что бродил здесь, но, услышав наши голоса, скрылся в зарослях. В это время моя Альпа, понимающая толк только в пернатой ди-

чи, отстала немного и затем бросилась нас догонять. Услышав, что сзади кто-то бежит, Леший с визгом бросился вперед и так ударил под ноги Дерсу, что опрокинул его на землю. Мы тоже сначала испугались и приготовились к обороне. Дерсу поднялся с земли и сказал, обращаясь к Лешему:

Енот.

— Нет, тебе вместе с людьми ходи не могу. Моя тебе товарищ нету. С такой собакой в компании ходи — скоро пропади.

В заключение своей фразы он плюнул в ее сторону. И действительно, с такой собакой очень опасно ходить на охоту. Она может привлечь зверя на охотника и в то время, когда последний целится из ружья, сбить его с ног.

Часа в четыре или пять пополудни мы стали биваком. Котомки наши были тяжелы и потому мы все сильно устали. Кругом было много травы и сухостоя для дров. Чтобы не зажечь лес, мы устроились на гальке около реки.

Вечером мы долго еще сидели у огня и говорили об охоте.

На другой день все встали рано. Первые утренние лучи застали нас уже в дороге.

По мере того, как мы подвигались вперед, издали доносился какой-то шум. Чан-Лин сказал нам, что это пороги. На р. Такеме их шесть. Самый большой около реки Такунчи, а меньшие — близ устьев Охотхе и Чандингоуза.

Здесь нам надлежало переправиться на другую сторону Такемы.

Перейти в брод глубокую и быструю реку не так-то просто. Если вода низкая, то об этом и разговаривать не стоит, но если вода доходит до пояса, то переходить ее надо с большой осторожностью.

Отличительной чертой здешних рек является низкая температура воды, поэтому переходить их в брод надо одетым. Голое тело зябнет, в особенности—голени. Затем надо итти не по прямой линии и отнюдь не против воды, а наискось, по течению. Ни в каком случае не следует поворачиваться к воде лицом или спиной, иначе течением собьет с ног. Для того, чтобы вода не снесла с намеченного пути, надо крепко держаться на ногах, что возможно сделать только при условии, если ноги будут обуты. Для большей устойчивости надевают на себя котомки и накладывают в них камней. Вместе с тем котомки являются и опасными. В случае падения в воду груз не позволит подняться на ноги: о плавании тогда нечего и думать.

Решено было идти всем сразу, на тот случай, что если кто ослабеет, то другие его поддержат. Впереди пошел Чан-Лин, за ним — Чжан-Бао, меня поставили в середину, а Дерсу замыкал шествие. Собаки поплыли рядом, но течением отнесло их в сторону. Когда мы входили в воду, они уже были на противоположном берегу и отряхивались.

С первых же шагов я почувствовал, что не будь у меня котомки за плечами и в руках крепкой палки, я не мог бы справиться с течением. От быстро бегущей воды закружилась голова, я покачнулся и едва не упал, но сильной рукой меня поддержал Чжан-Бао. В это время палкой я сбил у себя с головы фуражку; о ней некогда было думать. Через минуту я оправился и пошел дальше. Скоро я заметил, что итти стало легче. Еще несколько шагов, и мы вышли на мелководье. По вздоху, вырвавшемуся у моих спутников, я по-

нял, что мы, действительно, подвергались серьезной опасности.

Выйдя на берег, я стал торопливо переодеваться, но Чан-Лин сказал, что сегодня дальше мы не пойдем и останемся здесь ночевать.

На самом берегу был след костра. Зола, угли и обгоревшие головешки — вот все, что я заметил, но Дерсу увидел больше. Прежде всего он заметил, что огонь зажигался на одном и том же месте много раз. Значит, здесь был постоянный брод через реку. Затем Дерсу сказал, что последний раз, три дня тому назад, у огня ночевал человек. Это был старик-китаец, зверолов; он всю ночь не спал, а утром не решился переходить реку и возвратился назад. То, что здесь ночевал один человек, положим, можно было усмотреть по единственному следу на песке; что он не спал — видно было из того, что около огня не было лежки; что это был зверолов — Дерсу вывел заключение по деревянной палочке с зарубинками, которую употребляют, обыкновенно, для устройства западней на мелких четвероногих; что это был китаец — видно было по брошенным улам и по манере устраивать бивак. Все это было понятно. Но как Дерсу узнал, что человек этот был старик? Не находя разгадки, я обратился к нему за разъяснениями.

— Как тебе столько лет в сопках ходи, понимай нету, — обратился он ко мне в свою очередь с вопросом.

И он поднял с земли улы*). Они были старые, много раз чиненые, дыроватые. Для меня ясно было только то, что китаец бросил их за негодностью.

— Неужели понимай нету? — продолжал удивляться Дерсу. Молодой человек сперва проносит носок, а старик непременно протопчет пятку.

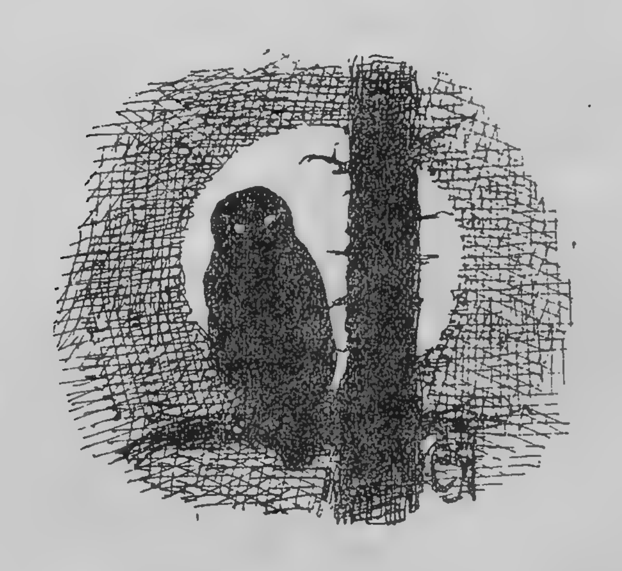
Как это было просто! В самом деле, стоит только присмотреться к походке молодого человека и старого, чтобы увидеть, что молодой ходит легко, почти на носках, а старый ставит ногу на всю ступню и больше надавливает пятку.

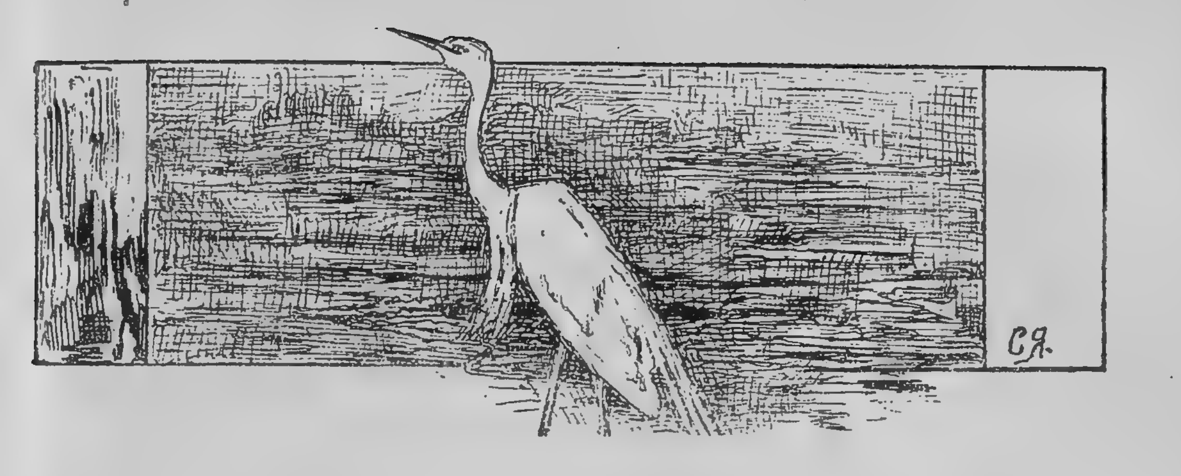
Пока мы с Дерсу осматривали покинутый бивак, Чжан-Бао и Чан-Лин развели огонь и поставили палатку. Обсушившись немного, я пошел вниз по реке со слабой надеждой найти фуражку. Течением могло прибить ее где-нибудь около берега. Так я проходил до самых сумерок, но фуражки не нашел и должен был взамен ее повязать голову платком.

*) Китайская обувь.

В этом своеобразном уборе я продолжал уже весь дальнейший путь.

Мне не хотелось итти на бивак. Я сел на берегу и долго следил, как лунные лучи играли с ночными тенями. Чжан-Бао и Дерсу, обеспокоенные моим отсутствием, стали звать меня голосом. Минут через пятнадцать я был вместе с ними.

IX.

Ли-цун-бин.

Выдра. — Лесные птицы. — Одинокая фанза. — Старик китаец. — Маленькая услуга. — История одной жизни. — Тяжелые воспоминания. — Решение и прощание. — Амулет.

Чуть свет мы снялись с бивака и пошли по правому берегу Такемы. Река опять повернула на север. Между притоками ее Сяо-Кунчи и Такунчи от гор в долину выдвигаются отроги, которые ближе к реке переходят в высокие речные террасы с массивным основанием. В тех местах, где отроги пересекают реку, образовались пороги, из которых последний имеет вид настоящего водопада. Вода с шумом стремится в узкий проход и с пеной бьется о камни. Около самого порога образовалась глубокая выбоина. Здесь вода идет тихо и при солнечном освещении имеет изумрудный цвет. Я долго любовался бы порогом, если бы внимание мое не было отвлечено в другую сторону.

Невдалеке от нас на поверхности спокойной воды появился какой-то предмет. Это оказалась голова выдры. Выдра имеет длинное тело (1 метр 20 сант.), длинный хвост (40 сант.) и короткие ноги, круглую голову с выразительными черными глазами, темно-бурую блестящую шерсть на спине и с боков и серебристо-серую—на нижней стороне шеи и на брюхе.

Когда животное двигается по суше, оно сближает передние и задние ноги, отчего тело его выгибается дугою кверху.

В Уссурийском крае выдра распространена равномерно и повсеместно. Любимым местопребыванием ее будут реки, обильные рыбой и, в особенности, такие места, которые не замерзают и имеют около берегов пустоты подо льдом. Замечено, что для отправления естественной надобности выдра выходит из воды постоянно на одно и то же место, хотя бы для этого ей пришлось проплыть значительное расстояние. Тут в песке обыкновенно охотники ставят капканы. Уничтожив рыбу в одном каком-нибудь районе, выдра передвигается вверх или вниз по реке, для чего идет по берегу. У нее прекрасно развито чутье ориентировки. В тех местах, где река делает петлю, она пересекает полуостров в наиболее узком его месте. Иногда выдры перекочевывают из одной реки в другую; туземцам случалось убивать их в горах, далеко от реки. Пугливое, хитрое и осторожное животное это любит совершать свои охотничьи экскурсии в лунные ночи и редко показывается днем.

Выдра, которую я наблюдал, держала в зубах рыбу и плыла к противоположному берегу. Через минуту она вылезла на плоский камень. Мокрое тело ее блестело на солнце. В это время она оглянулась и, увидев меня, бросила рыбу и снова проворно нырнула в воду. Я уговорил своих спутников скрыться в кустах в надежде, что животное покажется опять, но выдра не появлялась. Я уже хотел было встать, как вдруг какая-то тень мелькнула в воздухе и вслед за тем что-то большое и грузное спустилось на камень. Это был белохвостый орлан. Схватив рыбу, он снова легко поднялся на воздух. В это время на воде появилась выдра, но уже значительно дальше по реке. Она, видимо, поднялась только для того, чтобы набрать в легкие воздуха, и затем скрылась совсем.

Версты через три мы достигли устья реки Такунчи и здесь стали биваком.

На следующий день, 18 сентября, мы распрощались с Такемой и пошли вверх по р. Такунче. Река эта длиною немного более сорока верст и течет по кривой с северо-запада к востоку. Вода в ней мутная, с синим опаловым оттенком.

Из притоков Такунчи самые интересные будут в среднем течении: два малых безымянных — справа и один большой (р. Талда) — с левой стороны. Первый приведет к перевалу на Илимо, второй — на р. Сакхому (Сяо-Кема) и третий опять на р. Такему. Около устья каждого из притоков есть китайские зверовые фанзы.

До первой фанзы мы дошли очень скоро. Отдохнув немного и напившись чаю с сухарями, мы пошли дальше. Вся долина реки Такунчи, равно как и долина Такемы, покрыта густым хвойно-смешанным лесом. Сильно размытое русло реки и завалы бурелома указывают на то, что во время дождей Такунче знакомы наводнения.

Вторую половину пути мы сделали легко, без всяких приключений, и дойдя до другой зверовой фанзы, расположились в ней на ночь, как дома.

В сумерки мы с Дерсу пошли на охоту за изюбрями. Они уже отабунились. Самцы не хотели вступать в борьбу, и хотя и отвечали на зов друг другу, но держались позади стада и рогами угоняли маток от места, куда мог явиться соперник.

После ужина мы все расположились на теплом кане. Дерсу стал рассказывать об одном из своих приключений. Около него сидели Чжан-бао и Чан-лин и внимательно слушали. По их коротким возгласам я понял, что гольд рассказывал что-то очень интересное, но сон так овладел мной, что я совершенно не мог бороться с ним и уснул, как убитый.

9-го сентября мы продолжали наше движение к Сихотэ-Алиню.

За работой незаметно прошел день. Солнце уже готовилось уйти на покой. Золотистые лучи его глубоко проникали в лес и придавали ему особенную привлекательность.

Мы прибавили шагу. Маленькая, едва заметная тропинка, служившая нам путеводной нитью, все время кружила; то она переходила на один берег реки, то на другой.

Долина становилась все уже и уже и вдруг сразу расширилась. Рельеф принял неясный, расплывчатый характер. Это были верховья р. Такунчи. Здесь три ручья стекались в одно место. Я понял, что нахожусь у подножия Сихотэ-Алиня.

В том месте, где соединялись три ручья, была небольшая полянка, и на ней стояла маленькая фанзочка, крытая корьем и сухой травой.

Около фанзочки мы застали одинокого старика-китайца. Когда мы вышли из кустов, первым движением его было — бежать. Но, видимо, самолюбие, преклонный возраст и обычай гостеприимства понудили его остаться. Старик растерялся и не знал, что делать.

В это время солнце скрылось за горами. Волшебный свет в лесу погас. Кругом сразу стало сумрачно и прохладно.

Место, где стояла фанзочка, показалось мне таким уютным, что я решился здесь ночевать.

Дерсу и Чжан-бао приветствовали старика по своему, а затем принялись раскладывать огонь и готовить ужин.

Я сел в стороне и долго рассматривал китайца.

Он был высокого роста, немного сутуловат, с черными помутневшими глазами и с длинной, редкой, седой бородой. Жилистая шея, темное, морщинистое лицо и заострившийся нос делали его похожим на мумию. Одет он был в старую, уже давно выцветшую и грубо заплатанную рубашку из синей дабы, подпоясанную таким же старым шарфом, к которому сбоку привязаны были: охотничий нож, палочка для выкапывания жень-шеня и сумочка для кремня и огнива. На ногах у него были одеты синие штаны и низенькая самодельная обувь из лосиной кожи с ременными перетяжками, а на голове простая тряпица, почерневшая от копоти и грязи.

У меня мелькнула мысль, что именно я и являюсь причиной его страха. Мне стало неловко. В это время Аринин принес мне кружку чая и два куска сахара. Я встал, подошел к китайцу и все это подал ему. Старик до того растерялся, что уронил на землю сахар и разлил чай. Руки у него затряслись, на глазах показались слезы. Он опустился на колени и вскрикнул сдавленным голосом:

— Тау-се-ба, та-лай-я (спасибо, капитан)!

Я поднял его и сказал:

— Бупа, бэ-хай-па, латурл! (ничего не бойся, старик)!

Мы все занялись своими делами. Я принялся вычерчивать дневной маршрут, а Дерсу и Чжан-бао стали готовить ужин.

Мало по малу старик успокоился.

После чая, сидя у костра, я начал расспрашивать его о том, как он попал на Такунчи.

Китаец рассказал мне, что зовут его Ли-цун-бин, от роду ему семьдесят четыре года, что родом он из Тяньцзина и происходит из богатой китайской фамилии. Еще будучи молодым человеком, он поссорился с родными. Младший брат нанес ему кровную обиду. В деле этом была замешана женщина, которую он, Ли-цун-бин, любил. Отец принял сторону брата. Тогда он оставил родительский дом и ушел на Сунгари, а оттуда перебрался в Уссурийский край и поселился на р. Даубихе. Впоследствии, с приходом на Даубихе русских переселенцев, он перешел на р. Улахе, затем жил на реках Судзухе, Пхусуне и Вай-Фудине и, наконец, добрался до р. Такемы, где и прожил подряд тридцать четыре года.

Раньше он занимался охотой. Первое ружье у него было фитильное, за которое он заплатил тридцать отборных соболей. Потом он искал дорогой корень жень-шень. Под старость он уже не мог заниматься охотой и стал звероловом. Это понудило его сесть на одном месте, подальше от людей. Он облюбовал р. Такунчи и пришел сюда уже много лет тому назад.

Жил здесь Ли-цун-бин один одинешенек. Изредка кто-нибудь из туземцев заходил к нему случайно, и сам он раз или два в год спускался к устью Такемы.

Потом старик вспомнил свою мать, детство, сад и дом на берегу реки.

Наконец, он замолк, опустил голову на грудь и глубоко задумался.

Я оглянулся. У огня мы сидели только вдвоем, Дерсу и Чжан-бао ушли за дровами.

Ночь обещала быть холодной. По небу, усеянному звездами, широкой полосой протянулся млечный путь. Резкий, холодный ветер тянул с северо-запада. Я озяб и пошел в фанзу, а китаец остался один у огня.

Я заметил, что Дерсу проходил мимо старика на носках, говорил шопотом, и вообще старался не шуметь.

Время от времени я выглядывал в дверь и видел старика, сидевшего на том же месте в одной и той же позе. Пламя костра освещало его старческое лицо. По нему прыгали красные и черные тени. При этом освещении он казался каким-то необычайным, железным человеком, раскаленным докрасна. Китаец так ушел в свои мысли, что, казалось, совершенно забыл о нашем присутствии.

О чем думал он? Вероятно, о своей молодости, о том, что он мог бы устроить свою жизнь иначе, о своих родных, о любимой женщине, о жизни, проведенной в тайге, в одиночестве...

Наконец, покончив свою работу, я закрыл тетрадь и хотел было лечь спать, но вспомнил про старика и вышел из фанзы. На месте костра осталось только несколько угольков. Ветер рвал их и разносил по земле искры. А китаец сидел на пне так же, как и час тому назад, и напряженно о чем-то думал.

Я сказал Дерсу, чтобы он позвал его в фанзу.

— Не надо, капитан, — ответил мне тихонько гольд, усиленно подчеркивая слово «не надо», и при этом сказал, что в таких случаях, когда человек вспоминает свою жизнь, его нельзя беспокоить.

Я понял, что в это время беспокоить человека действительно нельзя — вернулся в фанзу и лег на кан.

Тоскливо завыл ветер в трубе и зашелестел сухой травой на крыше. Снаружи что-то царапалось по стене: должно быть, качалась сухая ветка растущего поблизости куста или дерева. Убаюкиваемый этими звуками, я сладко уснул.

На другое утро, когда я проснулся, солнце было уже высоко. Я поспешно оделся и вышел из фанзы.

Кругом все белело от инея. Вода в лужах замерзла. Под тонким слоем льда стояли воздушные пузыри. Засохшая желто-бурая трава искрилась такими яркими блестками, что больно было на нее смотреть. Сучья деревьев, камни и утоптанная земля на тропе покрылись холодным матовым налетом.

Осмотревшись кругом, я заметил, что все вещи, которые еще вчера валялись около фанзы в беспорядке, теперь были прибраны и сложены под навес. Около огня сидели Чжан-бао, Дерсу и Чан-лин и о чем-то тихонько говорили между собой.

— А где старик? — спросил я их.

Чжан-бао указал мне рукой в лес. Тут только я заметил на краю полянки маленькую кумирню, сложенную из накатника и крытую кедровым корьем. Около нее на коленях стоял старик и молился. Я не стал ему мешать и пошел к ручью мыться. Минут через пятнадцать старик возвратился в фанзу и стал укладывать свою котомку.

— Куда он собирается? — спросил я своих спутников.

Тогда Чжан-бао сказал мне, что старик решил вернуться на родину, примириться со своим братом, если он жив, и там окончить свои дни.

Уложив котомку, старик снял с левой руки деревянный браслет и, подавая его мне, сказал:

— Возьми, капитан, береги, — он принесет тебе счастье!

Я поблагодарил его за подарок и тут же надел браслет на руку.

После этого старик сделал земные поклоны на все четыре стороны и стал прощаться с сопками, с фанзой и с ручьем, который утолял его жажду.

Около фанзы росли две лиственницы. Под ними стояла маленькая скамеечка. Ли-цун-бин обратился к лиственницам с трогательной речью. Он говорил, что посадил их собственными руками, и они выросли большими деревьями. Здесь много лет он отдыхал на скамейке в часы вечерней прохлады,

и вот теперь должен расстаться с ними навсегда. Старик прослезился и снова сделал земные поклоны.

Затем он попрощался с моими спутниками. Они в свою очередь поклонились ему до земли, помогли ему одеть котомку, дали в руки палку и пошли провожать до опушки леса.

На краю полянки старик обернулся и еще раз посмотрел на место, где столько лет он провел в одиночестве. Увидев меня, он махнул мне рукой, я ответил ему тем же и почувствовал на руке своей браслет.

Когда возвратились Дерсу, Чжан-бао и Чан-лин, мы собрали котомки и пошли своей дорогой. Дойдя до опушки леса, я так же, как и старик, оглянулся назад.

Словно что оборвалось! Эта полянка и эта фанзочка, которые еще вчера казались мне такими уютными, сразу сделались чуждыми, пустыми.

Брошенный дом! Жизнь улетела, остался один труп!

X.

Страшная находка.

Склоны Сихотэ-Алиня. — Верховья р. Арму. — Скелеты. — Лунное световое явление. — Сихотэ-Алинь. — Кедровый сланец. — Гора Шайтан.

От фанзочки сразу начался подъем на Сихотэ-Алинь, сначала пологий, а потом все круче и круче. На восточном склоне хребта растет хвойно-смешанный лес; главную массу его составляют кедр, ель, пихта, лиственница, клен и береза с мохнатой желтой корой.

Отдохнув немного на перевале, мы пошли дальше. Я решил пересечь плато и спуститься к воде по другую его сторону. Но сколько мы ни шли, конца его не было видно. Пред нами расстилалась пустынная, болотистая равнина, покрытая чахлым лесом. Хоть бы одна сопка, хоть бы какой-нибудь бугор или углубление! Я думал, что мы попали на плоскогорье, и не знал, идем ли мы вдоль или пересекаем его по кратчайшему направлению. Вдруг я услышал шум воды. Это обстоятельство еще больше меня удивило. Скоро все разъяснилось: западные склоны Сихотэ-Алиня в этих местах оказались настолько пологими, что понижение их совершенно незаметно для глаза. Перед нами была р. Арму, — самый большой приток Имана, впадающий в него в среднем течении, с правой стороны. Вода в ней красноватого цвета и не имеет той низкой температуры, которая свойственна быстрым горным речкам. Русло ее завалено буреломом, что при сравнительно тихом течении вполне понятно: дерево остается лежать там, где оно упало.

Около реки лес значительно гуще и состоит из ольхи, белой березы, ели и пихты; особенно много растет листвен-

ницы. Это — тайга в полном смысле слова: дикая, пустынная и неприветливая. Все живое ее избегает: нигде не видно звериных следов, и за двое суток мы не встретили ни одной птицы. Такая тайга влияет и на психику людей. Это я заметил по своим спутникам. Они шли молча и почти не разговаривали между собою.

По обыкновению, около трех часов пополудни мы стали выбирать место для бивака. Дерсу и Чжан-бао зачем-то отошли вправо, а я, Чжан-лин и Аринин пошли по берегу речки. Вдруг мы услышали позади себя крики: Дерсу звал нас к себе. Мы тотчас вернулись. Пробираясь сквозь чащу леса, я увидел маленькую полянку, на ней что-то белело. Около этих предметов стояли Дерсу и Чжан-бао и внимательно их рассматривали. Сначала я думал, что это кочки, но уже по лицам своих спутников понял, что это было что-то посерьезнее простых кочек. Подойдя поближе, я увидел человеческие черепа. Их было шесть; тут же по сторонам валялись и другие кости.

Шесть скелетов! Как погибли эти люди?

Суровая тайга хранит такие тайны!

Дерсу долго рассматривал кости и что-то говорил с Чжан-бао. По его мнению, эти люди не были убиты, потому что ни на одном из черепов не было проломов. Они умерли и не от болезней. От болезней все сразу не умирают, а гибнут по одиночке: один умрет, а остальные еще плетутся дальше. Дерсу стал осматривать стволы деревьев. По ожогам на коре он установил время последнего пала. Это было два года тому назад. А так как кости тоже носили на себе следы огня, то, очевидно, в то время, когда шел огонь по лесу, они уже лежали здесь. Пал сжег остатки одежды. Однако, около костей должны были остаться такие предметы, которые не могли сгореть и по которым можно было бы установить национальность умерших. Дерсу и Чжан-бао принялись копаться во мху и скоро нашли железный котелок, топор, заржавленный нож, шило, ручка которого была сделана из ружейной гильзы, огниво, трубку, жестяную баночку и серебряное кольцо. По этим предметам Дерсу узнал, что погибшие люди были корейцами-золотоискателями. Они, видимо, хотели пробраться на берег моря, но заблудились в тайге и погибли от голода.

А спасение было так близко: один переход — и они были бы в фанзе отшельника-китайца, у которого мы провели прошлую ночь. Окаймляющие полянку деревья, эти

безмолвные свидетели гибели шестерых людей, молчаливо стояли и теперь. Тайга показалась мне еще угрюмее.

Как бы сговорившись, мы все разом сняли с себя котомки. Чжан-бао и Чан-лин выворотили пень, выбросили из-под него камни и землю, а мы с Дерсу стащили туда кости. Затем прикрыли их мхом, а сверху наложили тот же пень и пошли к реке мыться.

Была пора устраиваться на ночь. Чжан-бао и Чан-лин не хотели располагаться на этом месте. Взяв свои котомки, мы отошли еще с полверсты и, выбрав на берегу речки место поровнее, стали биваком.

Утром 11-го сентября погода как будто немного изменилась к лучшему. Чтобы не терять напрасно времени, мы собрали свои котомки и пошли вверх по р. Арму. Местность была настолько ровная и однообразная, что я совершенно забыл, что нахожусь у подножья Сихотэ-Алиня. Здешний хвойный лес, плохого дровяного качества, растет весьма неравномерно: болотистые поляны отделяются друг от друга небольшими перелесками; деревья имеют отмершие вершины и множество сухих ветвей.

Часов в 11 утра мы распрощались с Арму и круто повернули к востоку. Здесь был такой же пологий подъем, как и против реки Такунчи. Совершенно незаметно мы поднялись на Сихотэ-Алинь и подошли к восточному его обрыву. В это время туман рассеялся, и мы могли ориентироваться.

Слева от нас, верстах в пятнадцати, высилась какая-то большая гора. Чан-лин, хорошо знающий эти места, сказал, что сопка эта не имеет названия и находится в истоках р. Сицы. Мы были как раз против долины р. Тян-чин-гоуза, впадающей в Такему с правой стороны, выше Такунчи.

Нам не суждено было долго любоваться красивой панорамой. Надвинувшиеся тучи окутали Сихотэ-Алинь, и пошел дождь, мелкий и частый.

Производить съемку во время ненастья трудно. Бумага становится дряблой, намокшие рукава размазывают карандаш. Зонтика у меня с собой не было, о чем я искренно жалел. Чтобы защитить планшет от дождя, каждый раз, как только я открывал его, Чан-лин развертывал над ним носовой платок. Но скоро и это оказалось недостаточным: платок намок и стал сочить воду.

— Погоди, капитан! — сказал мне Дерсу и, отбежав в сторону, начал снимать с дерева бересту, затем срезал несколько прутьев и быстро смастерил зонтик.

Меня всегда удивляла находчивость гольда. Кажется, не было такого затруднительного положения, из которого он не сумел бы выйти. Все, что ему было нужно, он находил тут же, около себя, под рукой.

Производить съемку было трудно...

Выполняя намеченный маршрут, мы повернули на север и пошли вдоль по Сихотэ-Алиню к большой куполообразной горе, которую видели на северо-востоке.

Пройти нам удалось немного. Опасаясь во время тумана заблудиться в горах, я решил рано стать на бивак. На счастье Чжан-бао нашел между камней яму, наполненную дождевой водой, и по близости от нее сухой кедровый сланец. Мы поставили односкатную палатку, развели огонь и стали сушиться.

Перед вечером Дерсу ходил на охоту и убил кабаргу. Это двукопытное животное, похожее на антилопу, высотой полметра, а длиной метр. Задние ноги немного длиннее передних, отчего, когда животное стоит на всех четырех ногах, зад ее немного приподнят. Шея у кабарги длинная, голова небольшая, стройная, с темными выразительными глазами и подвижным носом. Она не имеет рогов и слезных ямок. Зато природа наградила ее клыками: у самок клыки маленькие и не выходят изо рта, а у самцов длинные, острые и торчат книзу дюйма на два. Во время гона самцы дерутся между собой, нанося друг другу довольно опасные раны.

Весь следующий день (12-ое сентября) мы простояли на месте из-за дождя. Надо было переждать непогоду. Осенние дожди в Уссурийском крае никогда не бывают продолжительны, но зато очень сильны. Целый день я сидел в палатке, вычерчивал съемки и заполнял путевой дневник. Ночью поднялся сильный порывистый ветер. Кое-где показались звезды и, как всегда в таких случаях бывает, перед рассветом ударил крепкий мороз. Кругом опять все забелело, от инея сырой мох замерз и хрустел под ногами. От наших ног на нем оставались глубокие следы, чем очень были недовольны Дерсу и Чжан-бао.

Эта осторожность красной нитью проходила во всех их действиях, даже в тех случаях, когда мы находились очень далеко от жилья и трудно было рассчитывать на встречу с человеком.

Осмотревшись, мы увидели, что находимся как раз против истоков р. Сицы.

Вся описываемая часть Сихотэ-Алиня совершенно голая; здесь, видимо, и раньше не было лесов. Если смотреть на вершины гор снизу (из долин), то кажется, что около гольцов зеленеет травка. Неопытный путник торопится пройти лесную зону, чтобы поскорее выйти к альпийским лугам. Но велико бывает его разочарование, когда вместо травки он попадает в пояс кедрового сланца. Корни этого древесного растения находятся вверху, а ствол и ветви его стелятся по склону как раз навстречу человеку, подымающемуся в гору. Пробираться сквозь кедровый сланец очень трудно: без топора тут ничего нельзя сделать. Нога часто соскальзывает с сучьев; при падении то и дело садишься верхом на ветви, при чем ноги далеко не достают до земли, и обойти сланцы тоже нельзя, потому что они кольцом опоясывают вершину.

Выше их на Сихотэ-Алине растут низкорослые багульники, брусника, рододендрон, мхи, еще выше — лишаи и, наконец, начинаются гольцы.

В этот день мы дошли до подножия большой куполообразной горы и остановились около нее в седловине.

Ночью мы мало спали, зябли и очень обрадовались, когда на востоке появились признаки зари. Солнце еще пряталось за морем, а на земле было уже все видно.

Горная страна с птичьего полета! Какая красота!

Куда ни глянешь — всюду горы: вершины их, то остроконечные, как петушиные гребни, то ровные, как плато, то куполообразные, словно морская зыбь, прятались друг за друга, уходили куда-то вдаль и как бы растворялись во мгле на горизонте.

Но вот взошло солнышко и пригрело землю. Иней исчез, и трава из пепельно-серебристой снова сделалась буро-желтой и сухой.

Собрав свои котомки, мы стали взбираться на самую высокую гору. Много раз мы садились отдыхать, затем опять карабкались вверх и только к полудню достигли ее вершины. По барометрическим измерениям высота горы оказалась равной 2079 метрам. Я назвал ее «Шайтаном». Это — самая высокая точка в центральной части Сихотэ-Алиня. Восточные склоны — каменистые и крутые, западные — пологие. Камни, покрывающие вершину Шайтана, были так плотно уложены, что можно было подумать, будто их кто-нибудь нарочно утрамбовывал и пригонял друг к другу. Спуск с горы отнял у нас тоже много времени.

Спустившись с Сихотэ-Алиня в долину р. Сицы, мы заночевали в зверовой фанзочке Чан-лина, где он в два года поймал 86 соболей. На следующий день к полудню мы дошли до р. Такемы и направились вниз по ее течению, придерживаясь правого края долины.

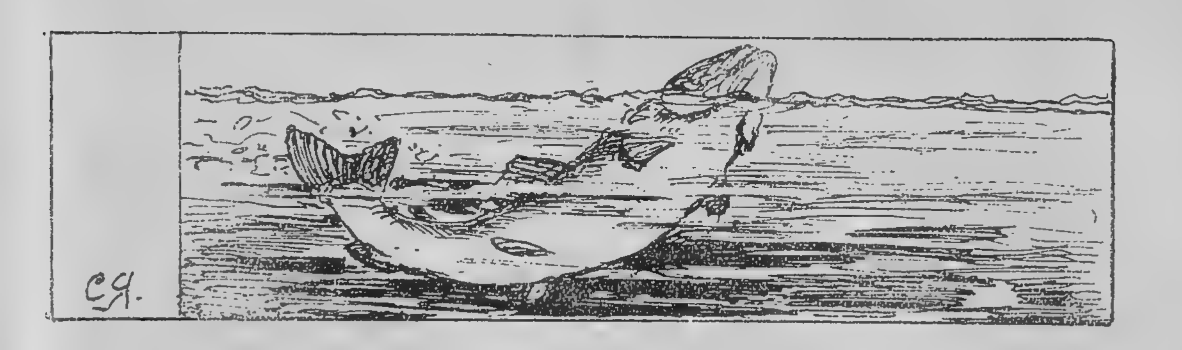
По пути мы видали одного медведя и нескольких изюбрей.

В этот день мы как-то разленились, шли вяло и, немного не доходя до р. Сяо-дун-нан-цы, стали биваком.

С утра хмурившаяся погода к вечеру разразилась сильным дождем. С первых же капель стало видно, что дождь будет затяжной. Палатки мы поставили хорошо, натаскали сухих дров и потому ночь провели спокойно. Утром дождь пошел еще сильнее. Пришлось продневать. Мои спутники убивали время разговорами, спали или варили чай, а я вычерчивал маршруты. Часов в одиннадцать утра была корот-

кая гроза. Молнии не было видно; гром грохотал где-то вверху, в облаках; тучи шли вразброд, и ветер часто менял направление. Целый день и всю ночь шел дождь с удивительным постоянством. На рассвете 17-го сентября тучи рассеялись, и ударил мороз. Вершины гор забелели от снега и в этом уборе приняли праздничный вид. Земля, пригретая солнечными лучами, стала оттаивать; это подбодрило всех. Словно сговорившись, мы проворно собрали свои котомки и бодро пошли дальше.

XI.

Опасная переправа.

Прибыль воды. — Переправа на плоту. — Дерсу в опасности. — Привязанное дерево. — Спасение. — Возвращение к морю. — Смешное недоразумение. — Скала Вансин-лаза. — Нерпа. — Бивак около р. Кулумбе. — — Пятнистый олень.

После грозы погода установилась хорошая, и мы подвигались довольно быстро.

Я заметил, что каждый раз, когда тропа приближалась к реке, спутники мои о чем-то тревожно говорили между собой. Скоро все разъяснилось: от последних дождей вода в Такеме поднялась немного выше своего уровня и этого было достаточно, чтобы воспрепятствовать нам перейти ее вброд. Оставалось или продолжать путь по правому берегу до р. Сяо-Кунчи и затем через перевал выйти в долину р. Илимо, или же переправиться через Такему где-нибудь выше Такунчи. Путь через р. Илимо был длинный и кружный. Посоветовавшись между собой, мы решили попытаться переправиться через реку на плоту и только в случае неудачи итти к верховьям р. Илимо и по ней к устью Такемы.

Для этого надо было найти плес, где вода шла тихо, и где было достаточно глубоко. Такое место скоро было найдено немного выше последнего порога. Русло проходило здесь около противоположного берега, а с нашей стороны тянулась длинная отмель, теперь покрытая водой. Свалив три больших ели, мы очистили их от сучьев, разрубили пополам и связали в довольно прочный плот. Работу эту мы закончили перед сумерками и потому переправу через реку отложили до утра.

Вечером мы еще раз совещались. Решено было, что, когда плот понесет вдоль левого берега, Аринин и Чжан-бао

должны будут соскочить с него первыми, а я стану сбрасывать вещи, Чан-лин и Дерсу будут управлять плотом. Затем спрыгиваю я, за мной Дерсу, и последним оставляет плот Чан-лин.

На другой день мы так и сделали. Котомки положили посредине плота, поверх них ружья, а сами распределились по концам. Едва мы оттолкнули плот от берега, как его сразу подхватило течение и, несмотря на наши усилия, отнесло далеко ниже того места, где мы рассчитывали высадиться. Как только плот подошел к противоположному берегу, Чжан-бао и Аринин, захватив с собой по два ружья, прыгнули на землю. От этого толчка плот немного отошел к средине реки. Пока его несло вдоль берега, я принялся сбрасывать вещи. Дерсу и Чан-лин употребляли все усилия подвести плот возможно ближе к берегу, дабы дать возможность мне высадиться. Я уже собирался было это сделать, как вдруг у Чан-лина сломался шест, и он полетел головой в воду. Вынырнув, он поплыл к берегу. Тогда я схватил запасный шест и бросился помогать Дерсу. Впереди виднелся каменный выступ. Дерсу закричал мне, чтобы я прыгал, как можно скорее. Не зная его плана, я продолжал работать шестом. Не успел я опомниться, как он поднял меня на руки и бросил в воду. Я ухватился руками за куст и выбрался на берег. В это мгновение плот ударился о камень, завертелся и опять отошел на середину реки. На плоту остался один Дерсу.

Мы бросились бегом по берегу с намерением протянуть гольду шест, но река здесь делала изгиб, и мы не могли догнать плота. Дерсу делал отчаянные усилия, чтобы снова приблизить его к берегу. Но что значила его сила в сравнении с силой течения реки. Впереди, саженях в пятнадцати, шумел порог. Стало ясно, что Дерсу не справится с плотом, и течение непременно увлечет его к водопаду. Недалеко от порога из воды торчал сук затонувшего тополя. Чем ближе приближался плот к водопаду, тем быстрее несло его течением. Гибель Дерсу казалась неизбежной. Я бежал вдоль берега и что-то кричал. Сквозь чашу леса я видел, что он бросил шест, стал на край плота и в тот момент, когда плот проносился мимо тополя, он, как кошка, прыгнул на сук и ухватился за него руками.

Через минуту плот достиг порога. Два раза из воды показались концы бревен и затем их разметало на части. Крик радости вырвался из моей груди. Но тотчас же появился новый тревожный вопрос: как теперь снять Дерсу с дерева и надолго ли у него хватит сил? Сук торчал из воды

наклонно по течению, под углом градусов в тридцать. Дерсу держался крепко, обхватив его руками и ногами. К несчастью, у нас не было ни одной веревки. Они все ушли на увязку плота и теперь погибли с ним вместе. Что делать? Медлить было нельзя. Руки у Дерсу могли озябнуть, устать и тогда... Мы стали совещаться. В это время Чан-лин обратил внимание на Дерсу, который делал нам рукой какие-то знаки. За шумом воды в реке нельзя было расслышать, что он кричал. Наконец, мы поняли его: он просил рубить дерево. Валить дерево в реку против самого Дерсу было опасно, потому что оно могло сбить его с сука, за который он держался. Значит, надо было рубить дерево выше. Выбрав большой тополь, мы начали его было рубить, но увидели, что Дерсу отрицательно замахал рукой. Тогда мы подошли к липе — Дерсу замахал снова. Наконец, мы остановились около большой ели. Дерсу дал утвердительный знак. Теперь мы поняли его. Ель не имеет толстых ветвей и потому она не застрянет в реке, а поплывет. В это время я заметил, что Дерсу показывает нам ремень. Чжан-бао понял этот знак. Дерсу указывал, что ель надо привязать. Я спешно стал развязывать котомки и собирать все, что было подходящего и что могло хоть как-нибудь заменить веревки. Для этого пошли ружейные, поясные ремни и ремни от обуви. В котомке Дерсу оказался еще один запасный ремень. Мы все их связали вместе и одним концом привязали ель за основание.

После этого мы дружно взялись за топоры. Подрубленная ель покачнулась. Еще маленькое усилие, и она стала падать в воду. В это время Чжан-бао и Чан-лин схватили концы ремней и закрутили их за пень. Течение тотчас же начало отклонять ель к порогу, она стала описывать кривую от середины реки к берегу и в тот момент, когда вершина проходила мимо Дерсу, он ухватился за хвою руками. Затем я подал ему палку, и мы без труда вытащили его на берег.

Я поблагодарил гольда за то, что он во время столкнул меня с плота. Дерсу смутился и стал говорить, что так и надо было потому, что если бы он выскочил, а я остался на плоту, то погиб бы наверно, а теперь мы все опять вместе. Он был прав, но тем не менее он рисковал жизнью ради того, чтобы не рисковал ею я.

Странно устроен человек. Едва опасность минует, сейчас же он начинает шутить. Чан-лин хохотал во все горло и кривлялся, изображая, как Дерсу сидел на суку. Чжан-бао говорил, что Дерсу так крепко ухватился за сук, что он подумал, не приходится ли он сродни медведю? Смеялся и сам

Дерсу тому, как Чан-лин упал в воду; посмеялись и надо мной, как я очутился на берегу, сам того не помня и т. д. Вслед затем мы принялись собирать разбросанные вещи. Когда работы были кончены, солнце уже скрылось за лесом. Вечером мы долго сидели у огня. Чжан-бао и Чан-лин рассказывали о том, как каждый из них тонул, и как они спасались от гибели. Мало-по-малу разговоры на биваке начали стихать. Рассказчики молча еще покурили трубки и затем стали укладываться спать, а я взялся за дневник.

Кругом было темно. Вода в реке казалась бездонной пропастью. В ней отражалось небо, усеянное звездами. Там, наверху, они были неподвижны, а внизу плыли с водой, дрожали и вдруг вновь появлялись на прежнем месте. Мне было особенно приятно, что ни с кем ничего не случилось. С этими радостными мыслями я уснул.

На другой день мы продолжали наш путь вниз по долине р. Такемы, и в три с половиной дня дошли до моря уже без всяких приключений. Это было 22-ое сентября. С каким удовольствием я растянулся на чистой цыновке в фанзе у тазов. Гостеприимные туземцы окружили нас всяческим вниманием: одни принесли мясо, другие — чай, третьи — сухую рыбу. Я вымылся, надел чистое белье и занялся работой.

Следующие два дня были дождливые, в особенности — последний. Лежа на кане, я нежился под одеялом. Вечером перед сном тазы последний раз вынули «жар» из печей и положили его посредине фанзы в котел с золою. Ночью я проснулся от сильного шума. На дворе неистовствовала буря — дождь хлестал по окнам. Я совершенно забыл, где мы находимся; мне показалось, что я сплю в лесу, около костра под открытым небом. Сквозь темноту я чуть-чуть увидел свет потухающих углей — и испугался!..

— Дерсу, Дерсу! — закричал я, — вставай скорей. Дождь сейчас зальет огонь.

Дерсу поднялся со своего ложа.

— Ничего, ничего, капитан! Сейчас мы кладем огонь поближе, — сказал он и начал искать топор.

— Тьфу! — вдруг услышал я его голос. — Как так обмани? Наша в фанзе спи. Тебе, капитан, играй.

Тут только я спохватился, что сплю не в лесу, а в фанзе, на кане и под теплым одеялом. Весьма довольный этим я лег опять на свое ложе и под шум дождя уснул крепким, крепким сном.

Утром 25-го сентября мы распрощались с Такемой и пошли далее на север. Я звал Чан-лина с собой, но он отказался. Приближалось время соболевания; ему надо было приготовить сетку, инструменты и вообще собраться на охоту на всю зиму. Я подарил ему маленькую берданку, и мы расстались друзьями.

От Такемы на север идут два пути: один — горами вдали от моря, другой — по намывной полосе прибоя. А. И. Мерзляков с лошадьми пошел первым, а я — вторым.

Часа через два с половиной мы подошли к р. Кулумбе. Переправившись через нее вброд, мы взобрались на террасу, развели огонь и начали сушиться. Отсюда сверху хорошо было видно все, что делается в воде.

Только что начался осенний ход кеты. Тысячи тысяч рыб закрывали дно реки. Иногда кета стояла неподвижно, но вдруг, словно испугавшись чего-то, бросалась в сторону и затем медленно подавалась назад.

Чжан-бао стрелял и убил двух рыб. Этого вполне было достаточно для нашего ужина.

У северного края долины, в том месте, где береговая терраса примыкает к горам, путь преграждается высокой скалой. Тут надо карабкаться вверх, за камни хвататься нельзя, они качаются и вываливаются из своих гнезд. По ту сторону утеса тропа лепится по карнизу на высоте двадцати метров над морем. Итти прямо по тропе опасно, потому что карниз узок, можно подвигаться только боком, оборотясь лицом к стене и держась руками за выступы скалы. Самый карниз неровный и имеет наклон к морю. Здесь погибло много людей. Удэхейцы скалу эту называют Куле-Гапани, а китайцы — Ван-син-лаза, по имени китайца Ван-син — первой жертвы неосторожности. В сапогах по карнизу итти рискованно: люди обыкновенно идут босые или надевают обувь мягкую и сухую. Ван-син-лаза нельзя переходить в дождливую погоду, утром после росы и во время гололедицы.

После перехода вброд реки Кулумбе наша обувь была мокрая, и потому переход через скалу Ван-Син-лаза был отложен до другого дня. Тогда мы стали высматривать место для бивака. В это время из воды, близко от берега, показалось какое-то животное. Подняв голову, оно с видимым любопытством рассматривало нас. Это была нерпа.

Это млекопитающее относится к отряду ластоногих. Тело ее длиной футов шесть и весит около пяти пудов. По берегам Уссурийского края нерпы встречаются повсеместно, но чем севернее, тем больше, что объясняется без-

людностью побережья. Окраска тела животного светло-серая, с серебристым оттенком и с ясно выраженными темными кольцевыми пятнами. Нерпа большую часть времени проводит в воде, но иногда для отдыха вылезает на прибрежные камни. Сон нерпы тревожен; она часто просыпается и оглядывается по сторонам. Слух и зрение у нее развиты лучше других чувств. Насколько она неповоротлива на суше, настолько проворна в воде. В своей родной стихии она становится смелой до дерзости и даже нападает на человека. Отличительной чертой ее характера является любопытство и любовь к музыке. Охотники-туземцы подзывают нерп свистом или ударами палки по какому-нибудь металлическому предмету.

Дерсу что-то закричал нерпе. Она нырнула, но через минуту опять появилась. Тогда он бросил в нее камень. Нерпа погрузилась в воду, но вскоре поднялась снова и, задрав голову, усиленно смотрела в нашу сторону. Это вывело гольда из терпения. Он схватил первую попавшуюся ему под руку винтовку и выстрелил. Пуля всплеснула совсем близко от животного.

— Эх, брат, промазал ты,—сказал я ему.

— Моя его пугай, — ответил он. — Убей не хочу.

Я спросил, зачем он прогнал нерпу. Дерсу сказал, что нерпа считала, сколько сюда на берег пришло людей. Человек может считать животных, но нерпа... Это очень задевало его охотничье самолюбие.

Остаток дня мы распределили следующим образом: Чжан-бао и Дерсу пошли осматривать скалу. Они хотели обвалить непрочные камни и, где можно, устроить ступеньки, а я почти до самых сумерок вычерчивал маршруты.

Покончив работу, я окликнул свою собаку и, взяв ружье, пошел немного побродить по берегу.

Дойдя до р. Кулумбе, я сел на камень и стал слушать тихие, ночные, едва уловимые звуки, которыми всегда полна природа в часы сумерок. Безбрежный океан, сонная земля и глубокое темное небо, усеянное звездами, одинаково казались величественными.

Собака моя сидела рядом со мной и, насторожив уши, тоже внимательно прислушивалась к лесным звукам. Вдруг она встрепенулась и стала смотреть вверх по реке. Вслед за тем позади себя я услышал сопение. Я быстро обернулся. Какая-то темная масса двигалась около реки. Это был большой медведь. Урок, данный мне в прошлом году на р. Мутухе, был еще памятен, и я воздержался от выстрела.

Но Альпа не выдержала и стала лаять. Медведь остановился, понюхал воздух, затем повернул назад и с ворчаньем пошел опять в тальники.

Через четверть часа я был вместе со своими товарищами. После ужина мы долго сидели у огня и разговаривали:

Это был большой медведь...

говорили больше Дерсу и Чжан-бао, а я слушал. Время летело незаметно. Когда мы кончили беседу, созвездие Ориона показывало уже полночь. Подбросив еще раз дров в огонь, мы завернулись в одеяла и легли спать. Бивак этот почему-то оставил во мне неизгладимое впечатление.

На другой день, 26-го сентября, вышло как-то так, что мы все встали очень рано.

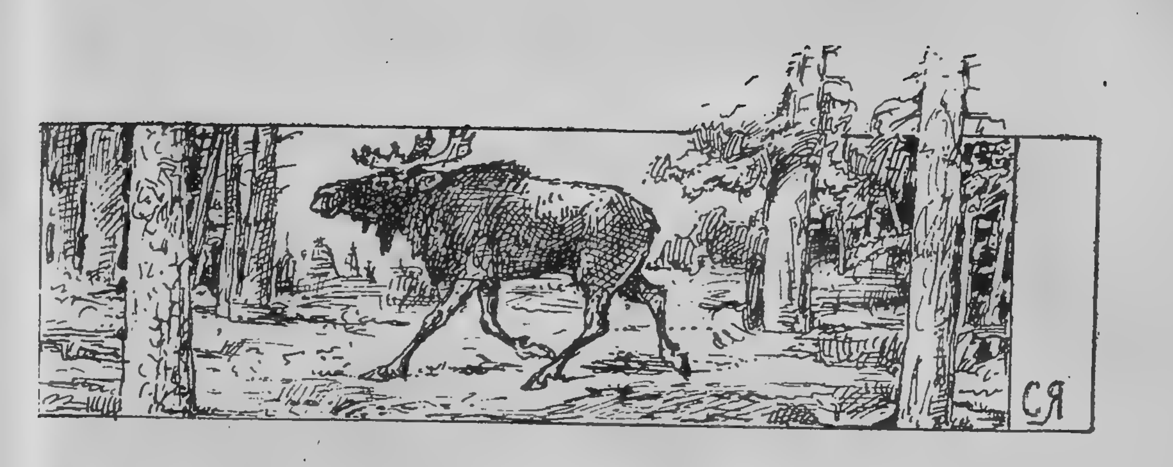
Переправа через скалу Ван-Син-лаза действительно была очень опасна. Я старался не глядеть вниз и осторожно

переносил ногу с одного места на другое. Последним шел Дерсу. Когда он спустился к берегу моря, я облегченно вздохнул.

Места эти очень интересны в зоогеографическом отношении. Здесь находится последний естественный питомник пятнистых оленей. Животное это по своим размерам занимает промежуточное место между козулей и изюбрем и является единственным представителем хвостатых оленей. Летняя окраска его весьма пестрая: общий тон шерсти красно-кирпичный; по сторонам тела расположено семь рядов белых пятен величиной с яблоко; по спине проходит черный ремень; хвост животного, которым оно постоянно помахивает, украшен длинными черными волосами. Зимой олень становится буро-серым, и пятна почти совсем исчезают. Мускулистая шея его покрыта довольно длинной шерстью, которая спереди и на груди несколько темнее, чем на остальных частях тела. Рога самцов не имеют нижних глазных отростков, как у изюбрей; панты ценятся китайцами очень высоко (от 800 до 1200 руб. пара).

В Уссурийском крае пятнистый олень обитает в южной части страны. Северной границей его распространения в бассейне Уссури можно считать р. Иман и на берегу моря р. Амагу (мыс Арка). За последние двадцать лет площадь обитания оленей сократилась раз в десять. В тех местах, где раньше они бродили стадами, поселились степняки-переселенцы и начали уничтожать леса. Бедные животные стали отходить на север, но не могли выдержать жизни в хвойных лесах и очень скоро погибли.

XII.

Корейцы — соболевщики.

Корейская фанза. — Корейская соболиная ловушка. — Старожилы на р. Амагу. — Удэхейцы. — Экскурсия на хребет Карту. — Лось.

Чем дальше на север, тем террасы на берегу моря становятся все выше и выше. Особенно они развиты около устьев горных речек: Гаппакси, Кулумбе, Момокчи и Найна, где достигают высоты до 50 фут. Около Момокчи они углубляются в долину и идут по сторонам ее в виде ясно выраженных карнизов. Основание террас массивное, а верхняя часть состоит из угловатых обломков вперемежку с глиной, вследствие чего сверху они всегда заболочены.

У подножия найнинских террас, на самом берегу моря, мы нашли корейскую фанзу. Обитатели ее занимались ловлей крабов и соболеванием. В фанзе жило девять холостых корейцев. Среди них было двое одетых по-китайски и один—по-удэхейски. Они носили косы и имели подбритые лбы. Я долго их принимал за то, чем они казались, и только впоследствии узнал, кто они на самом деле.

Как и надо было ожидать, наше появление вызвало беспокойство среди корейцев. В фанзе было свободно и потому мы разместились на одном из канов. Дерсу сделал вид, что не понимает их языка и внимательно стал прислушиваться к тому, что они говорили между собой. Из этого разговора он узнал, что среди корейцев есть несколько человек искателей руд, остальные—охотники, пришедшие за прови-

зией с реки Кулумбе, где у них имеется несколько зверовых фанз.

Корейская зверовая фанза—это небольшая постройка, сложенная из бревен, с пологой двухскатной крышей из кедрового корья. Обыкновенно фанза имеет два или три окна, по одному с каждой стороны, и две двери, всегда обращенные к речке. Внутреннее устройство ее такое же, как и в китайских фанзах. Тут есть очаг с железным котлом и кан для спанья, нагреваемый дымовыми ходами. Вся внутренняя обстановка сделана грубо, топорно, чтобы не жаль было бросить ее в случае, если придется переходить на другое место. И снаружи, по типу постройки, и по внутренней обстановке всегда можно отличить корейскую зверовую фанзу от китайской.

Время было осеннее и корейцы начали уже соболевать. Недалеко от фанзы мы увидели и самые ловушки на соболя, так называемые «мосты». Для устройства их корейцы пользуются буреломным лесом, переброшенным с одного берега реки на другой, а иногда и нарочно для этого валят деревья, если место кажется подходящим, а валежника вблизи нет. Посредине бревна из мелких прутиков сделана изгородь, в которой оставлен узкий проход, а в нем, в вертикальном положении, укреплена волосяная петля. По бокам бревно отесано так, что соболь не может обойти изгородь стороной. Петля одним концом привязана к деревянной палочке, которая небольшим выступом чуть только держится на маленьком упорце. К этой палочке привязан груз (камень) весом в 6—8 фунтов. Когда соболь бежит по такому «мосту», он натыкается на изгородь, старается ее обойти, но гладкие затески мешают ему; тогда он пробует перескочить через петлю, запутывается, тянет ее за собою и срывает палочку с упорца. Груз падает в воду и увлекает за собой дорогого хищника. Корейцы считают, что их способ соболевания самый лучший, потому что ловушка действует наверняка, и случаев, чтобы соболь ушел, не бывает. Кроме того, под водой соболь находится в сохранности и не может быть испорчен воронами или сойками. В корейские ловушки так же, как и в китайские, часто попадают белки, рябчики и другие мелкие птицы.

Вся долина р. Найны покрыта горелым лесом; пожар был здесь несколько лет тому назад. Ныне на месте хвойного леса вырос молодняк, состоящий из березы, лиственницы и осины.

К вечеру мы вернулись назад.

На другой день мы продолжали наш путь далее на север.

На морских картах к северу от р. Найна показаны двое береговых ворот. Одни малые—у самого берега, другие, большие—в воде. Ныне сохранились только те, что ближе

...Мы увидели ловушки на соболя.

к берегу. Удэхейцы называют их «Сангасу», что значит «Дыроватые камни».

Немного дальше камней Сангасу тропа оставляет морское побережье и идет вверх через перевал на р. Квандагоу (приток р. Амагу). Эта река длиной около 30-ти верст. Истоки ее находятся там же, где и истоки р. Найны. Квандагоу течет сначала тоже в глубоком ущелье, заваленном каменными глыбами, но потом долина ее расширяется. Верхняя половина течения имеет направление с северо-запада, а затем река круто поворачивает к северо-востоку и

течет вдоль берега моря, будучи отделена от него горным кряжем «Чанготыкалани».

По выходе из гор течение р. Квандагоу становится тихим и спокойным. Река блуждает от одного края долины к другому, рано начинает разбиваться на пороги и соединяется с р. Амагу почти у самого моря.

Путь по р. Квандагоу показался мне очень длинным. Раза два мы отдыхали, потом опять шли в надежде, что вот-вот покажется море. Наконец, лес начал редеть; тропа поднялась на невысокую сопку, и перед нами развернулась широкая и живописная долина р. Амагу со старообрядческой деревней по ту сторону реки. Мы покричали. Ребятишки подали нам лодку. Наше долгое отсутствие вызвало у Мерзлякова тревогу. Стрелки хотели уже было итти нам навстречу, но их отговорили староверы.

Через несколько минут я сидел в избе за столом, пил молоко и слушал доклад А. И. Мерзлякова.

Весть о том, что я пришел на Амагу, быстро пронеслась по всей деревне. Староверы встретили меня очень приветливо. Пришлось принимать гостей и отвечать им тем же.

Следующие три дня были дневки. Мы отдыхали и собирались с силами. Каждый день я ходил к морю и осматривал ближайшие окрестности.

Старообрядческая деревня Амагу состояла из 18-ти дворов.

К ним заходили японские суда и очень редко—русские. Поэтому все свои закупки жители делали в Японии и только в случае крайности ходили сухопутьем к заливу Ольги, совершая для того длительные путешествия. Средствами к жизни их были земледелие и соболевание. Соболей они ловили всеми способами: и китайским, и корейским, и инородческим. Занимались также охотой на оленей, били лосей и ловили рыбу. Ни в одежде их, ни в домашней обстановке, ни в чем другом не было заметно роскоши, но, тем не менее, все указывало на то, что это—народ зажиточный. Особенно много у них было коней и рогатого скота. Я насчитал 82 лошади и 84 коровы.

Кроме старообрядцев, на Амагу жила еще одна семья удэхейцев, состоящая из старика мужа, его жены и трех взрослых сыновей. К чести старообрядцев нужно сказать, что, придя на Амагу, они не стали притеснять туземцев, а, наоборот, помогли им и начали учить земледелию и ско-

товодству; удэхейцы научились говорить по-русски, завели лошадей, рогатый скот и построили баню.

На опушке лиственничного леса, что около болота, староверы часто находили неглубоко в земле бусы, серьги, браслеты, пуговицы, стрелы, копья и человеческие кости. Я осмотрел это место и нашел следы жилищ. На старинных морских картах при устье Амагу показаны многочисленные инородческие юрты. Старик рассказывал мне, что лет тридцать тому назад здесь, действительно, жило много удэхейцев, но все они погибли от оспы.

4-го октября был отдан приказ приготовиться к походу. Теперь я хотел подняться по реке Амагу до истоков, затем перевалить через хребет Карту, и по реке Кулумбе спуститься к берегу моря.

Староверы говорили мне, что обе упомянутые реки очень порожисты и в горах много осыпей. Они советовали оставить мулов у них в деревне и итти пешком с котомками. Тогда я решил отправиться в поход только с Дерсу. Чжан-Бао и стрелок Фокин пойдут с нами два дня. Затем, пополнив от них запасы продовольствия, мы пойдем дальше, а они возвратятся обратно.

По моим расчетам, у нас должно было хватить продовольствия на две трети пути. Поэтому я условился с А. И. Мерзляковым, что он командирует удэхейца Сале с двумя стрелками к скале Ван-Син-лаза, где они должны будут положить продовольствие на видном месте.

На следующий день, 5 октября, в 2 часа дня, с тяжелыми котомками мы выступили в дорогу.

Река Амагу длиной около 50 верст. Начало она берет с хребта Карту и огибает его с западной стороны. Амагу течет сначала на северо-восток, потом принимает широтное направление и только вблизи моря немного склоняется к югу.

Едва заметная тропинка привела нас к тому месту, где река Дунанца впадает в Амагу. Это будет верстах в десяти от моря. Близ ее устья есть утес, который староверы по-китайски называют «лаза» *) и производят от глагола «лазить». Действительно через эту «лазу» приходится перелезать на животе, хватаясь руками за камни.

Пройдя еще с версту, мы стали биваком на галешниковой отмели.

---

*) «Лаза» по-китайски означает—скала, утес.

До заката было еще более часа. Я воспользовался этим временем и пошел на охоту вверх по р. Дунанце.

Поднявшись на первую попавшуюся сопку, я сел на валежник и стал осматриваться. Отсюда сверху были видны долины р.р. Амагу, Кудя-хе, Квандагоу и побережье моря.

Листопад был в полном разгаре. Лес с каждым днем все более и более принимал монотонно-серую, безжизненную окраску, знаменующую приближение зимы. Только дубняки сохранили еще листву, но и она пожелтела и от этого казалась еще печальнее. Кусты, лишенные пышных нарядов, стали удивительно похожи друг на друга. Черная, похолодевшая земля, прикрытая опавшей листвой, погружалась в крепкий сон; растения покорно, без протестов, готовились к смерти.

Я так ушел в свои думы, что совершенно забыл, зачем пришел сюда в этот час сумерок. Вдруг сильный шум послышался позади меня. Я обернулся и увидел какое-то несуразное, горбатое животное с белыми ногами. Вытянув вперед свою большую голову, оно рысью бежало по лесу. Я поднял ружье и стал целиться, но кто-то опередил меня. Раздался выстрел, и животное упало, сраженное пулей. Через минуту я увидел Дерсу, спускавшегося по кручам к тому месту, где упал зверь.

Убитое им животное оказалось лосем. Это был молодой самец лет трех. Длина зверя равнялась 2 метр. 20 сант.; высота — 1 метр 70 сант. Общий вес около 14 пудов. Это на вид неуклюжее животное имеет мощную шею и большую вытянутую голову с толстой, загнутой книзу мордой. Шерсть длинная, блестящая, гладко прилегающая к телу; окраска темно-бурая, почти черная; ноги белесоватые. Лось—очень строгий зверь: достаточно один раз его побеспокоить, чтобы он надолго оставил облюбованное место. Спасаясь от преследования охотника, он идет рысью и никогда галопом. Лось очень любит купаться в болотистых озерках. Раненый, он убегает, но осенью становится очень злым и не только защищается, но и сам нападает на человека. При этом он подымается на задние ноги и, скрестив передние, старается ими сбить врага, и тогда топчет его с ожесточением.

По внешнему своему виду уссурийский лось мало чем отличается от своего европейского собрата, но зато рога его иные. Они вовсе не имеют лопастей и скорее похожи на изюбриные, чем на лосиные.

Дерсу принялся снимать шкуру и делить мясо на части. Неприятная картина, но, тем не менее, я не мог не любоваться работой своего приятеля. Он отлично владел ножом: ни одного лишнего пореза, ни одного лишнего движения. Видно, что рука у него на этом деле хорошо была набита.

Мы условились, что немного мяса возьмем с собой, Чжан-бао и Фокин примут меры доставить остальное староверам и для команды.

XIII.

Водопад.

Случай с тигром.—Запретное место.—Дерсу и ворона.—Водопад.—Жертвоприношение.—Хребет Карту.—Брусника.—Спуск в долину р. Кулумбе.—Забота о животных.

Вечером, после ужина, зашел разговор об охоте. Говорил Дерсу, а мы его слушали. Жизнь этого человека была полна интереснейших приключений. Гольд рассказывал, как однажды, десять лет тому назад, он охотился за изюбрями в самый разгар пантовки. Дело было на р. Эрлдагоу (приток Даубихе), в самых ее истоках. Здесь в горах вода промыла длинные и глубокие овраги, крутые склоны их поросли лесом. Дерсу имел при себе винтовку, охотничий нож и шесть патронов. Недалеко от бивака он увидел пантача, стрелял и ранил слабо. Изюбрь упал было, но скоро оправился и побежал в лес. Гольд догнал его там, опять стрелял четыре раза, но все раны были не убойные, и изюбрь уходил дальше. Тогда Дерсу выстрелил в шестой и последний раз. После этого олень забился в овраг, который соединялся с другим таким же оврагом. Олень лежал как раз у места их соединения, в воде, и только плечо, шея и голова его были на камнях. Раненое животное подымало голову и, видимо, кончало расчеты с жизнью. Гольд сел на камень и стал курить в ожидании, когда изюбрь подохнет. Пришлось выкурить две трубки, прежде чем олень испустил последний вздох. Тогда Дерсу подошел к нему, чтобы отрезать голову с пантами. Место было неудобное: у самой воды росла толстая ольха. Как ни приспособлялся Дерсу, он мог устроиться только в одном положении. Он опустился на правое колено, а левой

ногой уперся в один из камней в ручье. Винтовку он забросил себе на спину и начал было свежевать оленя. Не успел он два раза резануть ножом, как вдруг за шумом воды позади себя услышал шорох. Он хотел было оглянуться, но в это мгновение совсем рядом с собой увидел тигра. Зверь хотел было наступить на камень, но оступился и попал лапой в воду. Гольд знал, что если он сделает хоть малейшее движение, то погибнет. Он замер на месте и притаил дыхание. Тигр покосился на него и, видя неподвижную фигуру, двинулся было дальше. Но, однако, он чувствовал, что это неподвижное не пень и не камень, а что-то живое. Два раза он оборачивался назад и усиленно нюхал воздух, но, на счастье Дерсу, ветер тянул не от него, а от тигра. Не уловив запаха оленьей крови, страшный зверь полез на кручу. Камни и песок из-под его лап посыпались в ручей. Но вот он взобрался наверх. Тут он вдруг почуял запах человека. Шерсть на спине у него поднялась дыбом, он сильно заревел и стал бить себя хвостом по телу. Тогда Дерсу громко закричал и пустился бежать по оврагу. Тигр бросился к оленю и стал его обнюхивать. Это и спасло Дерсу. Он выбрался из ущелья и бежал, долго бежал, как козуля, преследуемая волками.

Тогда он понял, что убитый им олень принадлежал не ему, а тигру. Вот почему он и не мог его убить, несмотря на то, что стрелял шесть раз. Дерсу удивился, как он об этом не догадался сразу. С той поры он не ходил больше в эти овраги. Место это стало для него раз навсегда запретным. Он получил предупреждение...

После ужина я и стрелок Фокин улеглись спать, а гольд и Чжан-бао устроились в стороне. Они взяли на себя заботу об огне.

Ночью я проснулся. Вокруг луны было матовое пятно—верный признак, что утром будет мороз. Так оно и случилось: перед рассветом температура быстро понизилась, и вода в лужах замерзла.

Первыми проснулись Чжан-бао и Дерсу. Они подбросили дров в огонь, согрели чай и тогда только разбудили меня и Фокина.

Удивительные птицы—вороны. Как скоро они узнают, где есть мясо! Едва солнечные лучи озолотили вершины гор, как несколько их появилось уже около нашего бивака. Они громко перекликались между собою и перелетали с одного дерева на другое. Одна из ворон села очень близко от нас и стала каркать.

— Ишь, проклятая! Погоди, я тебя сейчас ссажу,— сказал стрелок Фокин и потянулся за винтовкой.

— Не надо, не надо стрелять,—остановил его Дерсу.— Его мешай нету. Ворона тоже хочу кушай. Его пришел посмотреть, люди есть или нет. Нельзя — его улетит. Наша ходи, его тогда на землю прыгай, чего-чего остался—кушай.

Как бы в подтверждение его слов, ворона снялась с дерева и улетела. Доводы эти Фокину показались убедительными; он положил ружье на место и уж больше не ругал ворон, хотя они подлетали к нему еще ближе, чем в первый раз.

С этого бивака мы расстались. Чжан-Бао и стрелок Фокин вернулись назад, а мы с Дерсу пошли дальше.

Отсюда долина Амагу начала суживаться, и река сделалась порожистой; в горах появились осыпи и целые площади, обезлесенные пожарами, зато внизу, в долине, лес стал гуще; к лиственным породам примешалось много хвои.

Мы шли с Дерсу и говорили об охоте. Вдруг он сделал мне знак, чтобы я остановился. Мы стали слушать. Издали доносился какой-то шум, похожий не то на подземный гул, не то на отдаленные раскаты грома.

— Водопад,—сказал Дерсу и указал рукой на реку.

Я взглянул и увидел плывшую по воде пену.

Мы прибавили шагу и через полчаса, действительно, подошли к водопаду.

Из всех водопадов, которые мне приходилось видеть, Амагинский водопад был самым красивым. Представьте себе узкий коридор, верхние края которого немного загнуты внутрь так, что вода идет как бы в трубе. В одном месте труба эта обрывается. Здесь образовался водопад высотою в восемь метров. Однако, верхние края коридора продолжаются и далее. Из этого можно заключить, что первоначально водопад был ниже по течению, и если бы удалось определить, насколько вода стирает ложе водопада в течение года, то можно было бы сказать, когда он начал свою работу, сколько ему лет и сколько еще осталось существовать на свете. Я подошел к краю обрыва, и мне показалось, что от массы падающей воды порой содрогается земля.

В это время обоняние мое уловило запах дыма. Я обернулся и увидел Дерсу, разжигающего костер. Потом он начал развязывать котомку. Я думал, что он хочет остановиться на бивак, и стал убеждать его пройти еще немного. Гольд соглашался со мной, но продолжал развязывать котомку. Он достал из нее кусок сахару, две спички, ломтик

хлеба и листочек табаку. Все это он взял в одну руку, в другую—маленький горящий уголек и что-то стал говорить. Лицо его было серьезно, глаза опущены в землю. Что именно он говорил, я не мог расслышать за шумом водопада. Потом он подошел к обрыву и все бросил в воду.

— Что ты сделал?—спросил я его.

— Наша постоянно так,—отвечал он.—Его (он указал на водопад) все равно гром, чорта гоняй.

Дерсу молча начал укладывать свою котомку. Желая показать ему, что я разделяю его мысли, я взял то, что первое мне попало под руку: кусочек сухой рыбы и большую головешку—и пошел к водопаду. Увидев, что я хочу бросить их в воду, Дерсу побежал ко мне, махая руками; вид у него был встревоженный. Я понял, что он меня останавливает.

— Не надо, не надо, капитан!—говорил он испуганно и торопливо.

Я отдал ему головешку и юколу. Он бросил головешку в огонь, а юколу — в лес. После этого он надел котомку, и мы пошли дальше. По дороге я стал расспрашивать его, почему он не хотел, чтобы я бросил в воду огонь и рыбу. Дерсу тотчас мне объяснил: в воду бросают только то, чего в ней нет, в лес можно бросать только то, чего нет на земле. Табак можно бросать в воду, а рыбу — на землю. В воду можно бросать немного огня — только один уголек, но нельзя воду лить в огонь, также нельзя в воду бросать большую головешку. Иначе рассердятся огонь и вода. Тогда я твердо решил более не вмешиваться в дела такого рода, чтобы нам обоим, как он выразился, не было худо. Отойдя еще с полверсты, мы стали биваком.

Когда на другой день (7-го октября) я проснулся, Дерсу был уже на ногах. Должно быть, я спал очень долго, потому что котомка его была уже увязана, и он терпеливо ожидал моего пробуждения.

— Отчего ты меня не разбудил? — спросил я его.

Он ответил, что сегодня мы пойдем на высокие горы, и потому надо набраться побольше сил и выспаться, как следует.

Перед выступлением я посмотрел на свой барометр; он показывал 458 метр. День обещал быть тихим и теплым. Прямо от бивака мы начали восхождение на хребет Карту, главная ось которого располагается от С.-В. к. Ю.-З. Чем выше мы поднимались, тем больше перед нами раскрывался горизонт. Кругом, насколько хватал глаз, нигде не было ле-

са: нигде ни одного деревца, даже сухостойного. Чрезвычайно тоскливый вид имеют такие горы. С исчезновением лесов исчезло и подлесье, исчезли мхи, дожди смыли тонкий растительный слой земли и оголили материковую почву. Куда ни посмотришь, всюду одна и та же однообразная тусклая картина: серые горы, серые утесы и серые осыпи. Хребет Карту — это безжизненная и безводная пустыня.

Когда мы взобрались наверх, я взлянул на часы; обе стрелки часов показывали полдень. Значит, за три с половиной часа мы успели «взять» только три вершины, а главный хребет был еще впереди.

Меня сильно мучила жажда. Вдруг я увидел бруснику; она была мороженая. Я начал ее есть с жадностью. Дерсу смотрел на меня с любопытством.

— Как его фамилия?—спросил он, держа на ладони несколько ягод.

— Брусника,—отвечал я.

— Тебе понимай, — спросил он опять, — его можно кушать?

— Можно,—отвечал я.—Разве ты не знаешь эту ягоду?

Дерсу ответил, что видел ее часто, но не знал, что она съедобна.

Местами брусники было так много, что целые площади казались как будто окрашенными в бордовый цвет. Подбирая ягоды, мы понемногу подвигались вперед и незаметно поднялись на вершину, высота которой равнялась 1290 метр. Здесь мы впервые вступили в снег; он был глубиной с полфута.

Отсюда мы повернули к югу и стали взбираться на четвертую высоту. Этот подъем был особенно трудным. Мы часто глотали снег, чтобы утолить мучившую нас жажду.

Хребет Карту с восточной стороны очень крут, с западной—пологий. Здесь можно наблюдать, как происходит разрушение гор. Сверху все время сыплются мелкие камни; они постепенно засыпают долину, погребая под собою участки плодородной земли и молодую растительность. Таковы результаты лесных пожаров.

Как ни старались мы добраться в этот день до самой высокой горы, нам сделать этого не удалось. С закатом солнца должен опять подуть холодный северо-западный ветер. Пора было подумать о биваке. Поэтому мы спустились немного с гребня и стали искать место для ночлега на западном склоне. Теперь у нас были три заботы: первая—найти воду, вторая—найти топливо и третья—найти защиту от

ветра. Нам посчастливилось найти все это сразу в одном месте. В версте от седловины виднелся кедровый сланец. Мы забрались в самую середину его и устроились даже с некоторыми удобствами. Снег заменил нам воду. Среди живого сланца было много сушняку. Мы с Дерсу натаскали побольше дров и развели жаркий огонь. С подветренной стороны мы натянули полотнище палатки, хвои наложили себе под бок, а сверху покрыли их козьими шкурками.

Ночь была лунная и холодная. Предположения Дерсу оправдались. Лишь только солнце скрылось за горизонтом, сразу подул резкий холодный ветер. Он трепал ветви кедровых сланцев и раздувал пламя костра. Палатка парусила, и я очень боялся, чтобы ее не сорвало со стоек. Полная луна ярко светила на землю; снег блестел и искрился. Голый хребет Карту имел теперь еще более пустынный вид.

Утомленные дневным переходом, мы недолго сидели у огня и рано легли спать.

Утром, когда я проснулся, первое, что бросилось мне в глаза, был туман. Скоро все разъяснилось—шел снег. Хорошо, что мы ориентировались вчера и потому сегодня с бивака могли сразу взять верное направление.

Напившись чаю с сухарями, мы опять стали подниматься на хребет Карту. Теперь нам предстояло взобраться на самую высокую сопку. Она видна с моря и названа моряками — «Амгунские гольцы». Потому ли, что мы были со свежими силами, или снег нас принуждал торопиться, но только на эту гору мы взошли довольно скоро. Высота ее равна 1660 метр.

С Амгунских гольцов берет начало р. Кулумбе; староверы измеряют ее в 45—50 верст. Течет она по кривой, так же, как и Амагу, но только в другую сторону,—именно, к югу и юго-востоку.

Когда мы спустились до 1200 метров, снег сменился дождем, что было весьма неприятно; но делать нечего, — приходилось терпеть.

Верст пять мы шли гарью и только тогда нашли живой лес. Это была узкая прибрежная полоса растительности, состоящей преимущественно из березы, пихты и лиственницы.

Часа в четыре дня дождь прекратился. Тяжелая завеса туч разорвалась, и мы увидели хребет Карту, весь покрытый снегом.

Вечером я записывал свои наблюдения, а Дерсу жарил на вертеле сохатину. Во время ужина я бросил кусочек мяса

в костер. Увидев это, Дерсу поспешно вытащил его из огня и швырнул в сторону.

— Зачем бросаешь мясо в огонь? — спросил он меня недовольным тоном. — Как можно его напрасно жечь! Наша завтра уехали — сюда другой люди ходи — кушай. В огонь мясо бросай, — его так пропади.

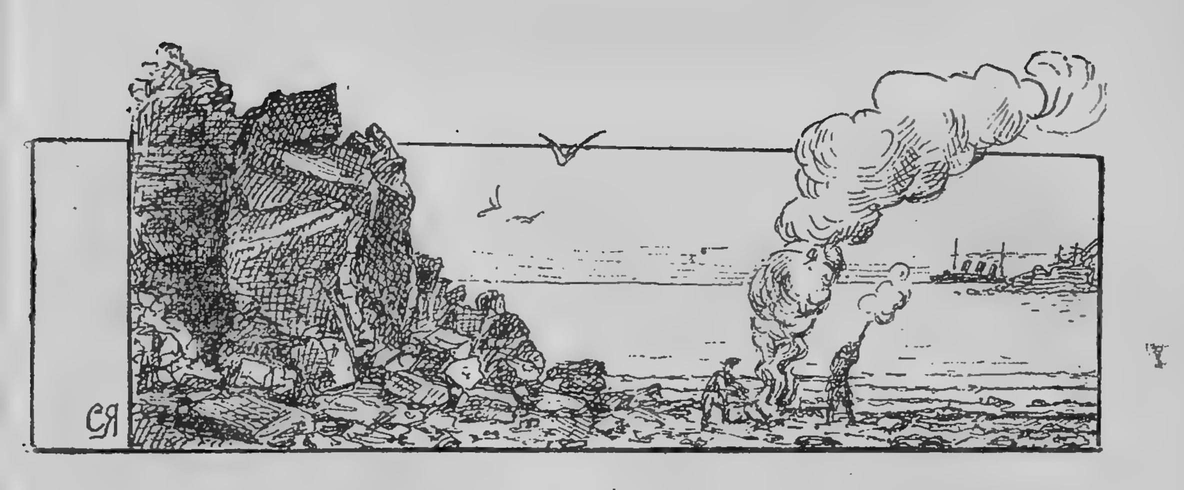
— Кто сюда другой придет? — спросил я его в свою очередь.

— Как кто? — удивился он: енот ходи, барсук или ворона; ворона нет — мышь ходи, мышь нет — муравей ходи. В тайге много разные «люди» есть.

Мне стало ясно: Дерсу заботился не только о людях, но и о животных, хотя бы даже и о таких мелких, как муравей. Он любил тайгу с ее населением и всячески заботился о ней.

Разговор наш перешел на охоту, на браконьеров, на лесные пожары. Мы незаметно досидели с ним до полуночи. Наконец, Дерсу начал дремать. Я закрыл свою тетрадь, завернулся в одеяло, лег поближе к огню и скоро заснул. Ночью сквозь сон я слышал, как он поправлял огонь и прикрывал меня своей палаткой.

XIV.

Тяжелый переход.

На рассвете.—Долина р. Кулумбе.—Броды.—Упадок сил.—Гололедица.—Лес, поваленный бурей. — Лихорадка. — Кошмар. — Голод. — Берег моря. —Ван-Син-лаза. — Разочарование. — Миноносец «Грозный». — Спасение.—Возвращение на Амгу. — Отъезд А. И. Мерзлякова.

С рассветом опять ударил мороз: мокрая земля замерзла так, что хрустела под ногами. От реки подымался пар. Значит, температура воды была значительно выше температуры воздуха. Перед выступлением мы проверили свои продовольственные запасы. Хлеба у нас осталось еще на двое суток. Это не особенно меня беспокоило. По моим соображениям, до моря было не особенно далеко, а там к скале Ван-Син-лаза продовольствие должны принести удэхеец Сале и стрелки.

За ночь обувь наша просохла. Когда солнышко взошло, мы с Дерсу оделись и бодро пошли вперед.

По долине реки Кулумбе никакой тропы нет. Поэтому нам пришлось итти целиной. Не желая переходить реку вброд, мы пробовали было итти одним берегом, но скоро убедились, что это невозможно. Первая же скала принудила нас перейти на другую сторону реки. Я хотел было переобуваться, но Дерсу посоветовал итти в мокрой обуви и согреваться усиленной ходьбой. Не прошли мы и полуверсты, как пришлось снова переходить на правый берег реки, потом на левый, затем опять на правый и т. д. Вода была холодная; голени сильно ломило, точно их сжимали в тисках.

По сторонам высились крутые горы; они обрывались в долину утесами. Обходить их было нельзя. Это отняло бы у нас много времени и затянуло бы путь лишних дня на четыре, что, при ограниченности наших запасов продовольствия, было совершенно нежелательно. Мы с Дерсу решили итти напрямик, в надежде, что за утесами будет открытая долина. Вскоре нам пришлось убедиться в противном: впереди опять были скалы, и опять пришлось переходить с одного берега на другой.

— Тьфу! — ворчал Дерсу. — Мы идем все равно, как выдры. Маленько по берегу ходи, посмотри — вода есть — ныряй, потом опять на берег и опять ныряй...

Сравнение было весьма удачно. Выдры именно так и ходят.

Или мы привыкли к воде, или солнце пригрело нас, а, может быть, то и другое вместе, только броды стали казаться не такими уже страшными и вода не такой холодной. Я перестал ругаться, а Дерсу перестал ворчать. Вместо прямой линии, наш путь изображал из себя зигзаги. Так мы пробились до полудня, но под вечер попали в настоящее ущелье. Оно тянулось более, чем на двести сажен. Пришлось итти прямо по руслу реки. Иногда мы взбирались на отмель и грелись на солнце, а затем снова опускались в воду. Наконец, я почувствовал, что устал.

День кончился и в воздухе стало холодеть. Тогда я предложил своему спутнику остановиться. В одном месте между утесами был плоский берег, куда водой нанесло много плавника. Мы взобрались на него и первым делом развели большой костер, а затем принялись готовить ужин.

Вечером я подсчитал броды. На протяжении пятнадцати верст мы сделали тридцать два брода, не считая сплошного хода по ущелью. Ночью небо опять затянуло тучами, а перед рассветом пошел дождь, мелкий и частый.

Утром мы встали раньше обыкновенного, поели немного, напились чаю и тронулись в путь.

Первые шесть верст мы шли больше по воде, чем по суше.

Часов в двенадцать дня мы были около большой скалы «Мафа», что по-удэхейски значит медведь. Действительно, своими формами она очень его напоминает и состоит из плотного песчаника с прослойками кварца и известкового шпата. У подножья ее шла свеже-протоптанная тропа; она пересекала реку Кулумбе и направлялась на север. Дерсу за скалой нашел бивак. По оставленным на нем следам он

узнал, что здесь ночевал Мерзляков, когда шел с Такемы на Амгу.

Мы рассчитали, что если пойдем по тропе, то выйдем на реку Найну, к корейцам, а если пойдем прямо, то придем на берег моря, к скале Ван-Син-лаза. Путь на Найну нам был совершенно неизвестен, и, к тому же, мы совершенно не знали, сколько времени может занять этот переход. До моря же мы рассчитывали дойти если не сегодня, то, во всяком случае, завтра к полудню.

Закусив остатками мяса, мы пошли далее. Часа в два дня мелкий дождь превратился в ливень. Это заставило нас остановиться раньше времени и искать спасения в палатке. Я страшно прозяб, руки мои закоченели, пальцы не гнулись, зубы выбивали дробь. Дрова, как на грех, попались сырые и плохо горели. Наконец, все было налажено. Тогда мы принялись сушить свою одежду. Я чувствовал упадок сил и озноб. Дерсу достал из котомки последние хлебные крошки и советовал поесть. Но мне было не до еды. Напившись чаю, я лег к огню, но никак не мог согреться.

Часов в одиннадцать вечера дождь прекратился, но изморось продолжала падать на землю.

Дерсу ночью не спал и все время поддерживал костер.

Часа в три утра в природе совершилось что-то необычайное. Небо вдруг сразу очистилось. Началось такое быстрое понижение температуры воздуха, что дождевая вода, не успевшая стечь с ветвей деревьев, замерзла на них в виде сосулек. Воздух стал чистым и прозрачным. Луна, посеребренная лучами восходящего солнца, была такой ясной, точно она вымылась и приготовилась к празднику. Солнце взошло холодное, багровое...

Утром я встал с головной болью. Попрежнему чувствовался озноб и ломота в костях. Дерсу тоже жаловался на упадок сил. Есть было нечего, да и не хотелось. Мы выпили немного горячей воды и пошли в путь.

Скоро нам опять пришлось лезть в воду. Сегодня она показалась мне особенно холодной. Выйдя на противоположный берег, мы долго не могли согреться. Но вот солнышко поднялось из-за гор, и под его живительными лучами начал согреваться озябший воздух.

Как ни старались мы избежать бродов, нам не удалось от них отделаться. Но все же заметно было, что они становились реже. Верст через пять река разбилась на протоки, между которыми образовались острова, густо поросшие тальниками. Тут было много рябчиков. Мы стреляли, но ни од-

ного не могли убить: руки дрожали, и не было сил прицелиться, как следует. Понуро мы шли друг за другом и почти не говорили между собой.

Вдруг впереди показался какой-то просвет. Я думал, что это море. Но большое разочарование ждало нас, когда мы подошли поближе. Весь лес лежал на земле. Он был повален бурею в прошлом году. Это была та самая пурга, которая захватила нас 20-го, 21-го и 22-го октября при перевале через Сихотэ-Алинь. Очевидно, центр тайфуна прошел именно здесь.

Надо было или обойти бурелом стороной, или итти по островам среди тальников. Не зная, какой длины и ширины будет площадь поваленного леса, мы предпочли последнее. Река сплошь была занесена плавником и, следовательно, всюду можно было свободно перейти с одного берега на другой. Такой сплошной завал тянулся верст пять, если не больше. Наше движение было довольно медленное. Мы часто останавливались и отдыхали. Но вот завалы кончились, и опять началась вода. Я насчитал еще 23 брода, затем сбился со счета и шел без разбора.

После полудня мы еле-еле тащили ноги. Я чувствовал себя совершенно разбитым; Дерсу тоже был болен. Один раз мы видели кабана, но нам было не до охоты. Сегодня мы рано стали на бивак.

Здесь я окончательно свалился с ног; меня трясла сильная лихорадка, и почему-то опухли лицо, ноги и руки. Дерсу весь вечер работал один. Потом я впал в забытье. Мне все время грезилась какая-то тоненькая паутина. Она извивалась вокруг меня и постепенно становилась все толще и толще и, наконец, принимала чудовищные размеры. Мне казалось, что горный хребет Карту двигается с ужасающей быстротой и давит меня своей тяжестью. В ужасе я вскакивал и кричал. Хребет Карту сразу пропадал, и вместо него, опять появлялась паутина и опять она начинала увеличиваться, приобретая в то же время быстрое вращательное движение. Смутно я чувствовал у себя на голове холодную воду.

Сколько продолжалось такое состояние — не знаю. Когда я пришел в себя, то увидел, что покрыт кожаной курткой гольда.

Был вечер, на небе блестели яркие звезды. У огня сидел Дерсу; вид у него был изнуренный, усталый.

Оказалось, что в бреду я провалялся около десяти часов. Дерсу за это время не ложился спать и ухаживал за мной. Он клал мне на голову мокрую тряпку, а ноги грел у костра.

Я попросил пить. Дерсу подал мне отвар какой-то травы, противного, сладковатого вкуса. Дерсу настаивал, чтобы я выпил его, как можно больше. Затем мы легли спать вместе, и, покрывшись одной палаткой, оба уснули.

Следующий день был 13 октября. Сон немного подкрепил Дерсу, но я чувствовал себя совершенно разбитым. Однако, дневать здесь было нельзя. Продовольствия у нас не было ни одной крошки. Через силу, с трудом, мы поднялись и пошли дальше вниз по реке.

Долина становилась все шире и шире. Буреломы и гарь остались позади; вместо ели, кедра и пихты чаще стали попадаться березняки, тальники и лиственницы, имеющие вид строевых деревьев.

Я шел, как пьяный. Дерсу тоже перемогал себя и еле-еле волочил ноги. Заметив впереди, с левой стороны, высокие утесы, мы заблаговременно перешли на правый берег реки. Здесь Кулумбе сразу разбилась на восемь рукавов. Это в значительной степени облегчило нашу переправу. Дерсу всячески старался меня подбодрить. Иногда он принимался шутить, но по его лицу я видел, что он тоже страдает.

— Каза, каза! (то есть чайка), — закричал он вдруг, указывая на белую птицу, мелькавшую в воздухе. — Море далеко нету!

И как бы в подтверждение его слов из-за поворота с левой стороны выглянула скала Янтун-лаза — та самая скала, которую мы видели около устья Кулумбе, когда шли с р. Такемы на Амагу. Надежда на то, что близок конец нашим страданиям, придала мне силы. Но теперь опять предстояло переправляться на левый берег Кулумбе, которая текла здесь одним руслом и имела быстрое течение. Поперек реки лежала длинная лиственница. Она сильно качалась. Эта переправа отняла у нас много времени. Дерсу сначала перенес через реку ружья и котомки, а затем помог переправиться мне.

Еще верста — и мы подошли к скале Янтун-лаза. Тут на опушке дубовой рощи мы долго отдыхали. До моря оставалось еще версты полторы. Долина здесь делает крутой поворот к юго-востоку. Собрав остаток сил, мы поплелись дальше. Скоро дубняки стали редеть, и вот перед нами сверкнуло море.

Наш трудный путь был кончен. Сюда стрелки должны были доставить продовольствие. Здесь мы могли оставаться на месте до тех пор, пока окончательно не выздоровеем.

В шесть часов пополудни мы подошли к скале Ван-Син-лаза. Еще более горькое разочарование ждало нас здесь: продовольствия не было. Мы обшарили все уголки, засматривали за бурелом, за большие камни, но нигде ничего не нашли. Оставалась еще одна надежда: быть может, стрелки оставили продовольствие по ту сторону скалы Ван-Син-лаза. Гольд вызвался слазить туда. Поднявшись на ее гребень, он увидел, что карниз, по которому идет тропа, покрыт льдом. Дерсу не решился итти дальше. Сверху он осмотрел весь берег и ничего там не заметил. Спустившись назад, он сообщил мне эту печальную весть и сейчас же постарался утешить:

— Ничего, капитан, — сказал он. — Около моря можно всегда найти кушать.

Потом мы пошли к берегу и отворотили один камень. Из-под него выбежало множество мелких крабов. Они бросились врассыпную и проворно спрятались под другие камни. Мы стали ловить их руками и скоро собрали десятка два. Тут же мы нашли еще двух протомоллюсков и около сотни раковин береговичков. После этого мы выбрали место для бивака и развели большой огонь. Протомоллюсков и береговичков мы съели сырыми, а крабов сварили. Правда, это дало нам немного, но все же первые приступы голода были утолены.

Лихорадка моя прошла, но слабость еще осталась. Дерсу хотел завтра рано утром сбегать на охоту и потому лег спать пораньше. Я долго еще сидел у огня и грелся.

Ночь была ясная и холодная. Звезды ярко горели на небе, мерцание их отражалось в воде. Кругом было тихо и безлюдно; не было слышно даже всплесков прибоя. Красный полумесяц взошел поздно и задумчиво глядел на уснувшую землю. Высокие горы, беспредельный океан и глубокое темно-синее небо — все это слилось теперь в одну общую мировую гармонию. Все было так величественно, грандиозно. Шопот Дерсу вывел меня из задумчивости, — он о чем-то бредил во сне.

Утомленный тяжелой дорогой, измученный лихорадкой, я лег рядом с ним и уснул.

Чуть брезжилось... Сумрак ночи еще боролся с рассветом, но уже видно было, что он не в силах остановить занимавшейся зари. Неясным светом освещала она тихое море и пустынный берег.

Наш костер почти совсем угас. Я разбудил Дерсу, и мы оба принялись раздувать угли. В это время до слуха моего донеслись два каких-то отрывистых звука, похожие на вой.

— Это изюбрь ревет, — сказал я своему приятелю. — Иди поскорей; быть может, ты убьешь его.

Дерсу стал молча собираться, но затем остановился, подумал немного и сказал:

— Нет, это не изюбрь. Теперь его кричи не могу.

В это время звуки опять повторились, и мы ясно разобрали, что исходят они со стороны моря. Они показались мне знакомыми, но я никак не мог припомнить, где раньше их слышал.

Я сидел у огня спиной к морю, а Дерсу против меня.

Вдруг он вскочил на ноги и, протянув руку, сказал:

— Смотри, капитан!

Я оглянулся и увидел миноносец «Грозный», выходящий из-за мыса.

Точно сговорившись, мы сделали в воздух два выстрела, затем бросились к огню и стали бросать в него водоросли. От костра поднялся белый дым. «Грозный» издал несколько пронзительных свистков и повернул в нашу сторону. Нас заметили... Сразу точно гора свалилась с плеч. Мы оба повеселели.

Через несколько минут мы были на борту миноносца, где нас радушно встретил П. Г. Тигерстедт. Оказалось, что возвращаясь с Шантарских островов, он зашел на Амагу и здесь узнал от А. И. Мерзлякова, что я ушел в горы и должен выйти к морю где-нибудь около р. Кулумбе. Староверы ему рассказали, что удэхеец Сале и двое стрелков должны были доставить к скале Ван-Син-лаза продовольствие, но по пути, во время бури, лодку их разбило о камни, и все то, что они везли с собой, утонуло. Они сейчас же вернулись обратно на Амагу, чтобы с новыми запасами продовольствия пойти вторично нам навстречу. Тогда П. Г. Тигерстедт решил итти на поиски. Ночью он дошел до Такемы и повернул обратно, а на рассвете подошел к р. Кулумбе, подавая сиреной сигналы, которые я и принял за рев изюбря.

П. Г. Тигерстедт взялся доставить меня к отряду. За столом, обильным явствами, и за стаканом чая мы и не заметили, как дошли до Амагу.

Здесь А. И. Мерзляков, ссылаясь на ревматизм, стал просить позволения уехать в гор. Владивосток на миноносце «Грозном», на что я охотно согласился. Я отпустил вместе с ним еще двух стрелков *) и велел ему с запасами продо-

*) Дьякова и Фокина.

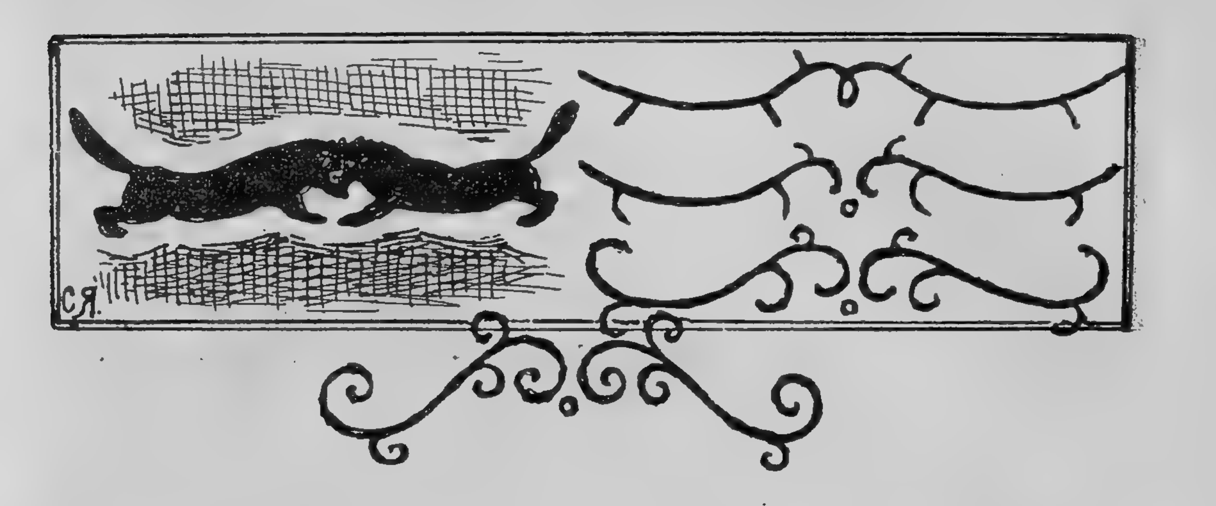
вольствия и с теплой одеждой выйти навстречу мне по р. Бикину.

Через час «Грозный» стал сниматься с якоря.

Мое прощание с П. Г. Тигерстедт и с А. Н. Пелль носило дружеский характер. Стоя на берегу, я увидел на мостике миноносца командира судна. Он посылал мне приветствия, махая фуражкой. Когда «Грозный» отошел настолько далеко, что нельзя уже было разобрать на нем людей, я вернулся в старообрядческую деревню.

Теперь в отряде осталось только семь человек: я, Дерсу, Чжан-бао, Захаров, Аринин, Туртыгин и Сабитов. Стрелки не пожелали возвращаться во Владивосток и добровольно остались со мной до конца экспедиции. Это были самые преданные и самые лучшие люди из всего отряда.

XV.

Низовья р. Кусуна.

Зыбучий песок. — Летающие куры. — Туземцы на р. Кусуне. — Священное дерево. — Жилище шамана. — Морской старшина. — Расставание с Чжан-бао. — Выступление.

Следующие пять дней я отдыхал и готовился к походу на север, вдоль берега моря.

Приближалась зима. Голые скелеты деревьев имели безжизненный вид. Красивая летняя листва их, теперь пожелтевшая и побуревшая, в виде мусора валялась на земле.

Кормить мулов становилось все труднее и труднее, и я решил оставить их до весны у староверов.

20-го октября утром мы тронулись в путь. Старообрядец Нефед Черепанов вызвался проводить нас до р. Соена.

Когда мы подошли к реке, было уже около двух часов пополудни. Со стороны моря дул сильный ветер. Волны с шумом бились о берег и с пеной разбегались по песку. От реки в море тянулась отмель. Я без опаски пошел по ней, и вдруг почувствовал тяжесть в ногах. Хотел было я отступить назад, но к ужасу своему почувствовал, что не могу двинуться с места. — Я медленно погружался в воду...

— Зыбучий песок! — закричал я не своим голосом и уперся ружьем в землю, но и его стало засасывать.

Стрелки не поняли, в чем дело, и в недоумении смотрели на мои движения. Но в это время подошли Дерсу и Чжан-бао. Они бросились ко мне на помощь: Дерсу протянул сошки,

а Чжан-бао стал бросать мне под ноги плавник. Ухватившись рукой за валежину, я высвободил сначала одну ногу, потом другую и не без труда выбрался на твердую землю.

Зыбуны на берегу моря, по словам Черепанова и Чжан-бао, явление довольно обычное. Морской прибой взрыхляет песок и делает его опасным для пешеходов. Когда же волнение успокаивается, тогда по нем свободно может пройти не только человек, но и лошадь с полным вьюком. Делать нечего, пришлось остановиться и, в буквальном смысле, ждать у моря погоды.

Ночью море успокоилось. Черепанов сказал правду: утром песок уплотнился так, что на нем даже не оставалось следов ног.

Верстах в десяти от р. Соена тропа оставляет берег и через небольшой перевал выходит на р. Витухе — первый правый приток Кусуна. Она длиной около 18 верст, течет вдоль берега в направлении с юго-запада к северо-востоку и по пути принимает в себя один только безымянный ключик. Окрестные горы покрыты березняком, порослью дуба и сибирской пихтой.

За перевалом тропа идет по болотистой долине р. Витухе. По пути она пересекает четыре сильно заболоченных распадка, поросших редкой лиственницей. На сухих местах царят дуб, липа и черная береза с подлесьем из таволги вперемежку с даурской калиной. Тропинка привела нас к краю высокого обрыва. Это была древняя речная терраса. Редколесье и кустарники исчезли, и перед нами развернулась широкая долина р. Кусуна. Приблизительно в одной версте впереди виднелись китайские фанзы.

Когда после долгого пути вдруг перед глазами появляются жилые постройки, — люди, лошади и собаки начинают итти бодрее. Спустившись с террасы, мы прибавили шагу. Собака моя бежала впереди и старательно осматривала кусты по сторонам дороги. Вскоре мы подошли к полям; хлеб был уже убран и сложен в зароды. Вдруг Альпа сделала стойку. — Неужели фазаны? — подумал я и приготовил ружье.

Я заметил, что Альпа была в сильном смущении: она часто оглядывалась назад, как будто спрашивая, продолжать ей работу или нет. Я подал знак; она осторожно двинулась вперед, усиленно нюхая воздух. По стойкам ее я видел, что тут были не фазаны, а кто-то другой. Вдруг с шумом поднялись сразу три птицы. Я стрелял и промахнулся. Полет птиц был какой-то тяжелый: они часто махали крыльями и перед спуском на землю неловко спланировали. Я следил

за ними глазами и видел, что они спустились во дворе ближайшей к нам фанзы. Это оказались домашние куры. Так как туземцы их не кормят, то они вынуждены сами добывать себе корм на полях. Для этого им приходится уходить далеко от жилищ. Очевидно, способность летать развилась у них постепенно, вследствие постоянного упражнения. Будучи испуганы какими-либо мелкими животными, они должны были спасаться не только бегством, но и при помощи крыльев.

Куры и тропа привели нас к фанзе старика-удэхейца Люрл. Вся семья состояла из пяти мужчин и четырех женщин.

Туземцы на р. Кусуне сами огородничеством не занимаются, а нанимают для этого китайцев. Одеваются они наполовину по-китайски, наполовину по своему, говорят по-манзовски и только в том случае, если хотят посекретничать между собой, говорят на родном языке. Женские костюмы отличаются пестротой вышивок, а на груди, подоле и рукавах украшаются еще светлыми пуговицами, мелкими раковинами, бубенчиками и разными медными побрякушками, отчего всякое движение обладательницы костюма сопровождается шелестящим звоном.

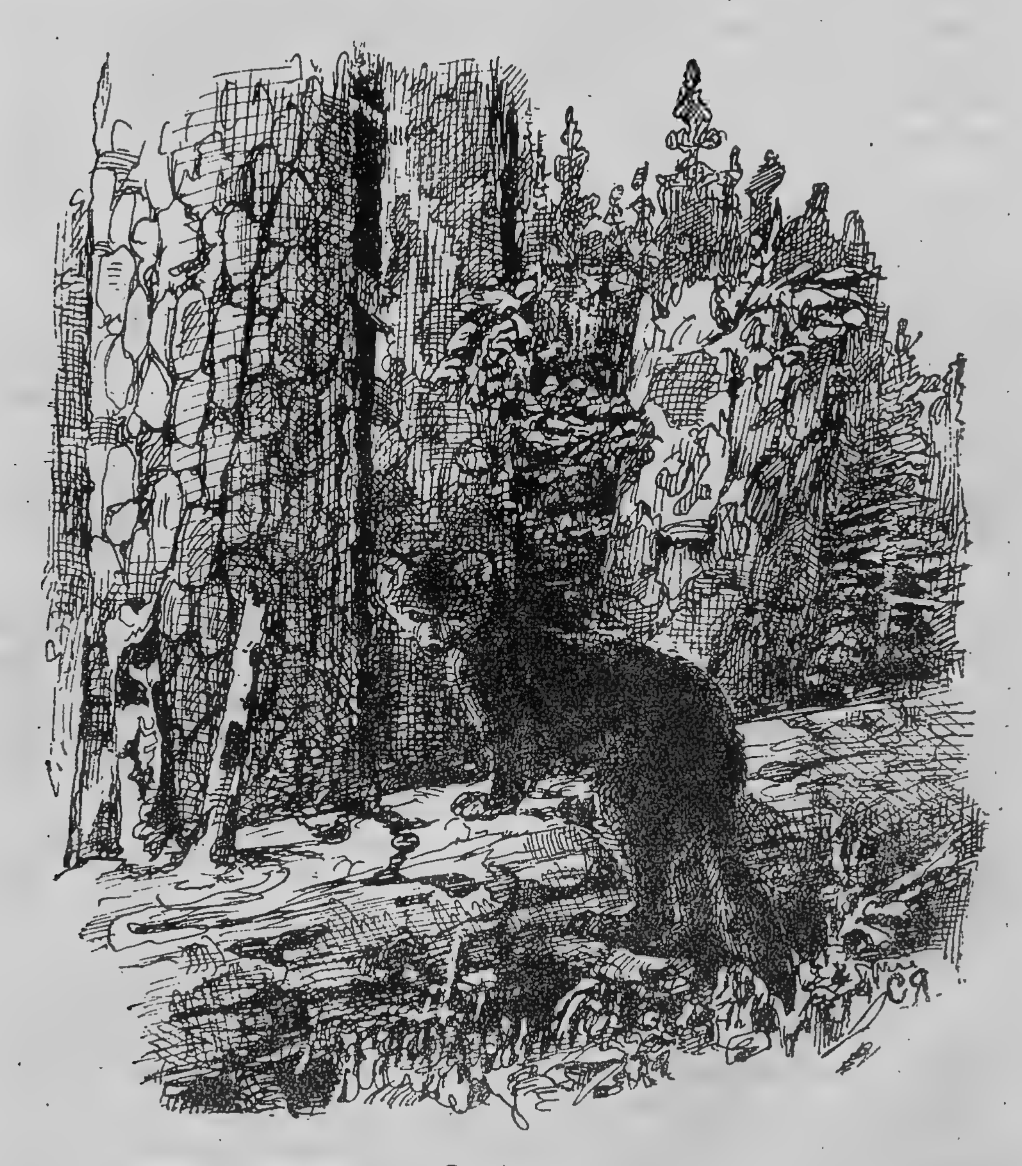
Мне очень хотелось поближе познакомиться с кусунскими удэхейцами. Поэтому я, несмотря на усиленные приглашения китайцев, остановился у туземцев. Мне скоро удалось заручиться их доверием; они охотно отвечали на мои вопросы и всячески старались услужить. Особенно же они ухаживали за Дерсу.

Лет сорок тому назад удэхейцев в прибрежном районе было так много, что, как выражался сам Люрл, лебеди, пока летели от р. Кусуна до залива Ольги, от дыма, который поднимался из их юрт, из белых становились черными.

Здешние туземцы находятся в переходном состоянии от охотничьего образа жизни к земледельческому. Вследствие отдаленности, влияние китайцев сказалось на них неглубоко. Поэтому здесь мне удалось увидеть много того, чего нет на юге Уссурийского края. Так, например, в одном месте, около глубокого пруда, стояло фигурное дерево «Тхун». Оно все было покрыто резьбою, а на главных ветвях его были укреплены идолы, изображающие людей, птиц и животных. Это место запретное: здесь обитает злой дух «Огзо».

В версте от фигурного дерева находилось жилище шамана. Я сразу узнал его по обстановке. Около тропы стояло четыре кола с грубыми изображениями человеческих лиц.

Это — «цзайгда», охраняющие дорогу. Они на головах имеют ножи, которыми и поражают чорта. На деревьях красовались медвежьи черепа и деревянные бурханы. Тут же стояли древесные пни, вкопанные в землю острыми концами и корнями

Соболь.

кверху. На них тоже были сделаны грубые изображения человеческих лиц. Против самого входа в жилище стоял большой деревянный идол «Мангани-Севохи», с мечом и копьем в руках, а рядом с ним — две оголенные от сучьев лиственницы с корой, снятой кольцами.

От старика Люрл я узнал, что в прибрежном районе Кусун будет самой южной рекой, по которой можно перевалить на Бикин, а самой северной — р. Един (мыс Гладкий). По этой последней можно выйти и на Бикин и на Хор, смотря по тому, по которому из двух верхних притоков итти к перевалу. Он также сообщил мне, что в прибрежном районе Зауссурийского края осень всегда длинная, и рекостав наступает на месяц, а иногда и на полтора месяца, позже, чем к западу от водораздела. Поэтому я решил итти по берегу моря до тех пор, пока не станут реки, и только тогда направиться к Сихотэ-Алиню.

В заводях Кусуна мы застали старого лодочника, маньчжура Хей-ба-тоу, что в переводе значит «морской старшина». Это был опытный мореход, плававший по Японскому морю с малых лет. Отец его занимался морскими промыслами и с детства приучил сына к морю. Раньше он плавал у берегов Южно-Уссурийского края, но в последние годы перекочевал на север.

Хей-ба-тоу хотел еще один раз сходить на р. Самаргу и затем вернуться обратно. Чжан-бао уговорил его сопровождать нас вдоль берега моря. Решено было, что завтра удэхейцы доставят нам вещи к устью Кусуна и с вечера перегрузят их в лодку Хей-ба-тоу.

Утром на другой день я поднялся рано и тотчас же стал собираться в дорогу. Я по опыту знал, что если туземцев не торопить, то они долго не соберутся. Так и случилось. Удэхейцы сперва починяли обувь, потом исправляли лодки, и выступить нам удалось только около полудня.

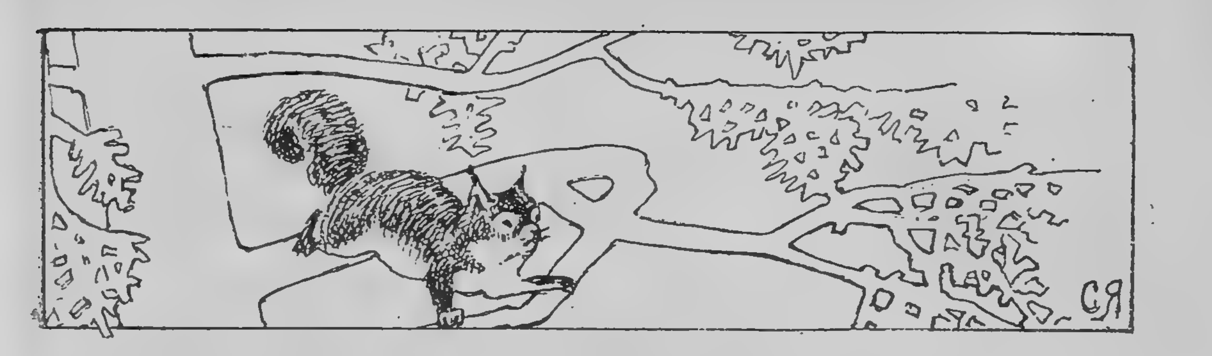
На Кусуне нам пришлось расстаться с Чжан-бао. Обстоятельства требовали его возвращения на реку Санхобе. Он не хотел взять с меня денег и обещал помочь, если на будущий год я снова приду в прибрежный район. Мы пожали друг другу руки и разошлись. Я пошел на запад, а он к югу.

Переправившись через Кусун, мы поднялись на террасу и направились к р. Тахобе, находящейся от р. Кусун в семи верстах.

Утром был довольно сильный мороз (—10° С.), но с восходом солнца температура стала повышаться и к часу дня достигла +3° С. Осень на берегу моря именно тем и отличается, что днем настолько тепло, что смело можно итти в одних рубашках, к вечеру приходится одевать фуфайки,

а ночью — уже завертываться в меховые одеяла. Поэтому я распорядился всю теплую одежду отправить морем на лодке, а с собой мы несли только дневной запас продовольствия и оружие. Хей-ба-тоу с лодкой должен был придти к устью реки Тахобе и там нас ожидать.

XVI.

Солоны.

Р. Тахобе. — Обиженная белка. — Обиталище чорта. — Гроза со снегом. — Агды. — Лакомство солона. — Стойкость туземцев к холоду. — Лоси. — Возвращение к морю.

В низовьях долина Тахобе покрыта редколесьем из вяза, липы, дуба и черной березы. Места открытые, чистые и годные для поселений находятся немного выше, верстах в двух от моря. Тут мы нашли маленькую фанзочку. Обитателей ее я принял сначала за удэхейцев и только вечером узнал, что это были солоны.

Наши новые знакомые по внешнему своему виду мало чем отличались от уссурийских туземцев. Они показались мне как будто немного ниже ростом и шире в костях. Кроме того, они более подвижны и более экспансивны. Говорили они по-китайски и затем на каком-то наречии, составляющем смесь солонского языка с гольдским. Одежда их тоже ничем не отличалась от удэхейской, разве только меньше было пестроты и орнаментов.

Вся семья солонов состояла из десяти человек: старика отца, двух взрослых сыновей с женами и пятерых малых детей.

Как попали они сюда из Маньчжурии?

Из расспросов выяснилось следующее.

Раньше они жили на реке Сунгари, откуда ради охоты переселились на р. Хор, впадающую в Уссури. Когда там появились многочисленные шайки хунхузов, китайское правительство выслало против них свои войска. Семья солонов попала в положение между двух огней: с одной стороны на них нападали хунхузы, а с другой — правительственные

войска избивали всех без разбора. Тогда солоны бежали на Бикин, затем перекочевали через Сихотэ-Алинь и остались на берегу моря.

Следующие четыре дня были посвящены осмотру рек Тахобе и Кумуху.

Сопровождать нас вызвался младший из солонов, Дацарл. Это был молодой человек крепкого телосложения, без усов и бороды. Он держал себя гордо и свысока посматривал на стрелков. Я невольно обратил внимание на легкость его походки, ловкость и изящество движений.

23-го октября утром мы выступили в поход.

Река Тахобе длиной около 60-ти верст и имеет течение с запада на восток с небольшим склонением к югу.

24-го числа мы дошли до р. Бали, а 25-го стали подходить к водоразделу.

Мы шли по левому берегу реки. Я, Дерсу и Дацарл впереди, а Захаров и Аринин — шагах в пятидесяти сзади.

Вдруг впереди на валежнике показалась белка. Она сидела на задних лапках и, заложив хвостик на спинку, грызла кедровую шишку. При нашем приближении белка схватила свою добычу и бросилась на дерево. Оттуда сверху она с любопытством посматривала на людей. Солон тихонько подкрался к кедру, крикнул и изо всей силы ударил по стволу палкой. Белка испугалась, выронила свою добычу и забралась еще выше. Этого только и надо было солону. Он поднял шишку и, нимало не обращая внимания на обиженного зверка, пошел дальше. Белка прыгала с ветки на ветку и фырканьем выражала свое неудовольствие за грабеж среди бела дня. Мы от души смеялись. Дерсу способа этого не знал и в будущем для добычи орехов решил тоже применять солонские приемы.

— Тебе сердись не надо, — сказал он, обращаясь с утешениями к белке. — Наша внизу ходи, как орехи найди! Тебе туда смотри — там много орехов есть.

Он указал рукой на большой кедр; белка словно поняла его и направилась в ту сторону.

Кстати два слова о белке. Этот представитель грызунов имеет удлиненное тело и длинный пушистый хвост. Небольшая красивая головка ее украшена большими черными глазами и небольшими закругленными ушами, оканчивающимися пучком длинных черных волос, расположенных веерообразно. Общая окраска белки пепельно-серая, хвост и голова черные, брюшко белое. Изредка встречаются отдельные экземпляры с желтыми подпалинами.

Белка — животное то оседлое, то кочевое, смотря по тому — изобилует ли избранный ею для поселения район пищей. Она заблаговременно усматривает, в чем будет недород и в чем избыток, и заранее перекочевывает то в дубняки, то в кедровники или лиственные леса с подлесьем из орешника. Весь день она пребывает в движении и даже в ненастную погоду выходит из своего гнезда пробежаться по дереву. Она, можно сказать, положительно не выносит покоя, и только в темноте лежит на боку, свернувшись и закинув хвост на голову. Чуть свет — белка уже на ногах. Кажется, движение ей так же необходимо, как вода, пища и воздух.

Лет двадцать тому назад беличья шкурка стоила 20 копеек. По мере спроса на беличий мех цена на него возрастала и ныне достигла 1 р. 50 коп. — 2 руб. за штуку.

Главными врагами белки являются куницы, соболь и человек.

Весь день в воздухе стояла мгла; небо было затянуто паутиной слоисто-перистых облаков; вокруг солнца появились «венцы»; они суживались все более и более и, наконец, слились в одно матовое пятно. В лесу было тихо, а по вершинам деревьев уже разгуливал ветер.

Это, видимо, беспокоило Дерсу и солона. Они что-то говорили друг другу и часто поглядывали на небо.

— Плохо, — сказал я, — ветер начинает дуть с юга.

— Нет, — протянул Дерсу. — Его так ходи, — и он указал на северо-восток.

Мне показалось, что он ошибся, и я начал было возражать.

— Посмотри на птицу, — воскликнул Дерсу. — Видишь, она на ветер смотрит.

Действительно, на одной из елей сидела ворона головой к северо-востоку. Это было самое выгодное для нее положение, при котором ветер скользил по перу. Наоборот, если бы она села боком или задом к ветру, то холодный воздух проникал бы под перо, и она стала бы зябнуть.

К вечеру небо покрылось тучами, излучение тепла от земли уменьшилось и температура воздуха повысилась с +2 до +10 градусов С. Это был тоже неблагоприятный признак. На всякий случай мы прочно поставили палатки и натаскали побольше дров. Но опасения наши оказались напрасными. Ночь прошла благополучно.

Утром, когда я проснулся, то прежде всего взглянул на небо. Тучи на нем лежали параллельными полосами в направлении с севера к югу.

Мешкать нельзя было. Мы проворно собрали свои котомки и пошли вверх по р. Тахобе.

Я рассчитывал в этот день добраться до Сихотэ-Алиня, но вследствие непогоды этого нам сделать не удалось.

Около полудня в воздухе вновь появилась густая мгла. Горы сделались темно-синими и угрюмыми. Часа в четыре хлынул дождь, а вслед за ним пошел снег, мокрый и густой. Тропинка сразу забелела; теперь ее можно было далеко проследить среди зарослей и бурелома. Ветер сделался резким, порывистым.

Надо было становиться на бивак. Недалеко от реки с правой стороны высилась одинокая скала, похожая на развалины замка с башнями по углам. У подножия ее рос мелкий березняк. Место это мне показалось удобным, и я подал знак к остановке.

Стрелки принялись таскать дрова, а солон пошел в лес за «сошками» для палатки. Через минуту я увидел его бегущим назад. Отойдя от скалы шагов сто, он остановился и посмотрел наверх, потом отбежал еще немного и, возвратившись на бивак, что-то тревожно стал рассказывать Дерсу. Гольд тоже посмотрел на скалу, плюнул и бросил топор на землю.

После этого оба они пришли ко мне и стали просить, чтобы я переменил место бивака. На вопрос, какая тому причина, солон сказал, что, когда под утесом он стал рубить дерево, сверху в него чорт два раза бросил камнями. Дерсу и солон так убедительно просили меня уйти отсюда и на лицах у них написано было столько тревоги, что я уступил им и приказал перенести палатки вниз по реке сажен на двести. Тут мы нашли место, еще более удобное, чем первое.

Дружно все принялись за работу, натаскали дров и развели большие костры. Дерсу и солон долго трудились над устройством какой-то изгороди. Они рубили деревья, втыкали их в землю и подпирали сошками. На изгородь они не пожалели даже своих одеял.

На задаваемые вопросы Дерсу объяснил мне, что изгородь эту они сделали для того, чтобы чорт со скалы не мог видеть, что делается на биваке. Мне стало смешно, но я не выказывал этого, чтобы не обидеть своего приятеля.

Мои стрелки расположились рядом и мало думали о том, смотрит на них чорт с сопки или нет. Они больше интересовались ужином.

Вечером непогода ухудшилась. Люди забились в палатки и согревались горячим чаем.

Часов в 11 вечера вдруг повалил густой снег и вслед затем что-то сверкнуло в небе.

— Молния, — воскликнули стрелки в один голос.

Не успел я им ответить, как послышался резкий удар грома.

...Развели большие костры.

Эта гроза со снегом продолжалась до двух часов ночи. Молнии сверкали часто и имели красный оттенок. Раскаты грома были могучие и широкие; чувствовалось, как от них содрогались земля и воздух.

Явление грозы со снегом было так ново и необычно, что все с любопытством посматривали на небо, но небо было темное и только при вспышках молнии можно было рассмотреть тяжелые тучи, двигавшиеся в юго-западном направлении.

Один удар грома был особенно оглушителен. Молния ударила как раз в той стороне, где находилась скалистая

сопка. К удару грома примешался еще какой-то сильный шум — произошел обвал. Надо было видеть, в какое волнение пришел солон. Он решил, что чорт сердится и ломает сопку. Он развел еще один огонь и спрятался за изгородь. Я взглянул на Дерсу. Он был смущен, удивлен и даже испуган: чорт на скале, бросавший камни, гроза со снегом и обвал в горах—все это перемешалось у него в голове и, казалось, имело связь друг с другом.

— Эндули *) чорта гоняй, — сказал он довольным голосом, и затем что-то оживленно стал говорить солону.

После этого гроза стала удаляться, но молнии еще долго вспыхивали на небе, отражаясь широким пламенем на горизонте, и тогда особенно отчетливо можно было рассмотреть контуры отдаленных гор и тяжелые дождевые тучи, сыпавшие дождем вперемежку со снегом.

Издали долго еще доносились глухие раскаты грома, от которых вздрагивали земля и воздух.

Напившись чаю, стрелки легли спать, а я долго еще сидел с Дерсу у огня и расспрашивал о чертях и о грозе со снегом. Он мне охотно отвечал.

— Гром—это Агды. Когда чорт долго держится в одном месте, то бог Эндули посылает грозу, и Агды гонит чорта. Значит, там, где разразилась гроза, был чорт. После ухода чорта (то-есть после грозы) кругом воцаряется спокойствие: животные, птицы, рыбы, травы и насекомые тоже понимают, что чорт ушел, и становятся жизнерадостными, веселыми...

О грозе со снегом он сказал, что раньше гром и молния были только летом, зимние же грозы принесли с собой русские. Эта гроза была третья, которую он помнил за всю свою жизнь.

За разговором незаметно прошло время.

Начинался рассвет... Из темноты стали выступать сопки, покрытые лесом, «Чортова скала» и кусты, склонившиеся над рекою. Все предвещало пасмурную погоду... Но вдруг неожиданно на востоке позади гор появилась багровая заря, окрасившая в пурпур хмурое небо. В этом золотисто-розовом сиянии отчетливо стал виден каждый куст и каждый сучок на дереве.

Я смотрел, как очарованный, на световую игру лучей восходящего солнца...

*) Божество, которое, по мнению туземцев, живет так далеко, что почти никогда не сходит к людям.

— Ну, старина, пора и нам соснуть часок,—обратился я к своему спутнику, но Дерсу уже спал, прислонившись к валежине, лежащей на земле около костра.

На другой день мы все проспали и встали очень поздно.

По небу все еще ползли тучи, но они не имели уже такого страшного вида, как ночью.

Закусив немного и напившись чаю, мы пошли опять вверх по реке Тахобе, которая должна была привести нас к Сихотэ-Алиню.

От места нашего бивака до водораздела был еще один перевал.

В сумерки мы дошли до водораздела и стали биваком недалеко от перевала.

К вечеру небо очистилось от туч, и ночь обещала быть холодной. Я понадеялся на одеяло и лег в стороне от огня, уступив свое место солону, у которого одежонка была очень плохая. Часа в три утра я проснулся оттого, что озяб. Как ни старался я укрыться поплотнее, ничего не помогало: холодный воздух находил себе лазейку и сквозил то в плечо, то в ноги. Пришлось встать.

Кругом было темно; огонь наш погас. Я собрал тлеющие головешки и стал их раздувать. Через минуту вспыхнуло пламя, и кругом все стало видно: Захаров и Аринин лежали под защитой палатки, а Дерсу спал сидя, одетый.

Собирая дрова, я увидел совсем в стороне, далеко от костра, спящего солона. Ни одеяла, ни теплой одежды у него не было. Он лежал на ельнике, покрывшись только одним своим матерчатым кафтаном. Опасаясь, как бы он не простудился, я стал трясти его за плечо, но солон спал так крепко, что я насилу его добудился. Дацарл поднялся, почесал голову, зевнул, затем лег опять на прежнее место и громко захрапел.

Я погрелся немного у огня, затем залез к стрелкам в палатку и тогда хорошо заснул.

На другое утро мы все поднялись очень рано. Взятые с собой запасы продовольствия приходили к концу и потому надо было торопиться. Наш утренний завтрак состоял из жареной белки, остатков лепешки, испеченной в золе, и кружки горячего чая.

Когда мы выступили в путь, солнышко только что всходило. Светлое и лучезарное оно поднялось из-за леса и яркими лучами осветило вершины гор, покрытые снегом.

Перейдя через них, мы вышли на реку Кумуху, названную русскими рекой Кузнецова. Она берет начало с хребта Сихотэ-Алинь, течет в широтном направлении и в море впадает около мыса Олимпиады.

Когда намеченный маршрут близится к концу, то всегда торопишься: хочется скорее закончить путь. В сущности, дойдя до моря, мы ничего не выигрывали. От устья Кумуху мы опять пойдем по какой-нибудь реке в горы; также будем устраивать биваки, ставить палатки и таскать дрова на ночь; но все же в конце намеченного маршрута всегда есть что-то особенно привлекательное. Поэтому все рано легли спать, чтобы пораньше встать.

На другой день, чуть только заалел восток, все поднялись, как по команде, и стали собираться в дорогу. Я взял полотенце и пошел к реке мыться.

Природа находилась еще в том состоянии покоя, когда все дремлет и наслаждается предрассветным отдыхом. От реки подымались густые испарения; на землю пала обильная роса... Но вот слабый утренний ветерок пробежал по лесу. Туман тотчас пришел в движение, и показался противоположный берег. На биваке стало тихо—люди начали подкреплять себя пищей. Вдруг до слуха моего донеслось бренчание гальки: кто-то шел по камням. Я оглянулся и увидел две тени,—одну высокую, другую—пониже. Это были лоси—самка и годовалый телок. Они подошли к реке и начали жадно пить воду. Самка мотнула головой и стала зубами чесать свой бок. Я любовался животными и боялся, чтобы их не заметили стрелки. Вдруг самка почуяла опасность и, насторожив свои большие уши, внимательно стала смотреть в нашу сторону. Вода капала у ней с губ и от этого расходились круги по спокойной поверхности реки. Лосиха встрепенулась, издала хриплый крик и бросилась к лесу. В это мгновение потянул ветерок, и снова противоположный берег утонул в тумане. Захаров стрелял и промахнулся, чему в душе я очень порадовался.

Наконец, взошло солнце. Клубы тумана приняли оранжевые оттенки. Сквозь них стали вырисовываться кусты, деревья, горы...

Через полчаса мы шли по тропинке и весело болтали между собой.

На поляне, ближайшей к морю, поселился старовер Долганов, занимающийся эксплоатацией туземцев, живущих на соседних с ним реках. Мне не хотелось останавливаться у человека, который устраивал свое благополучие

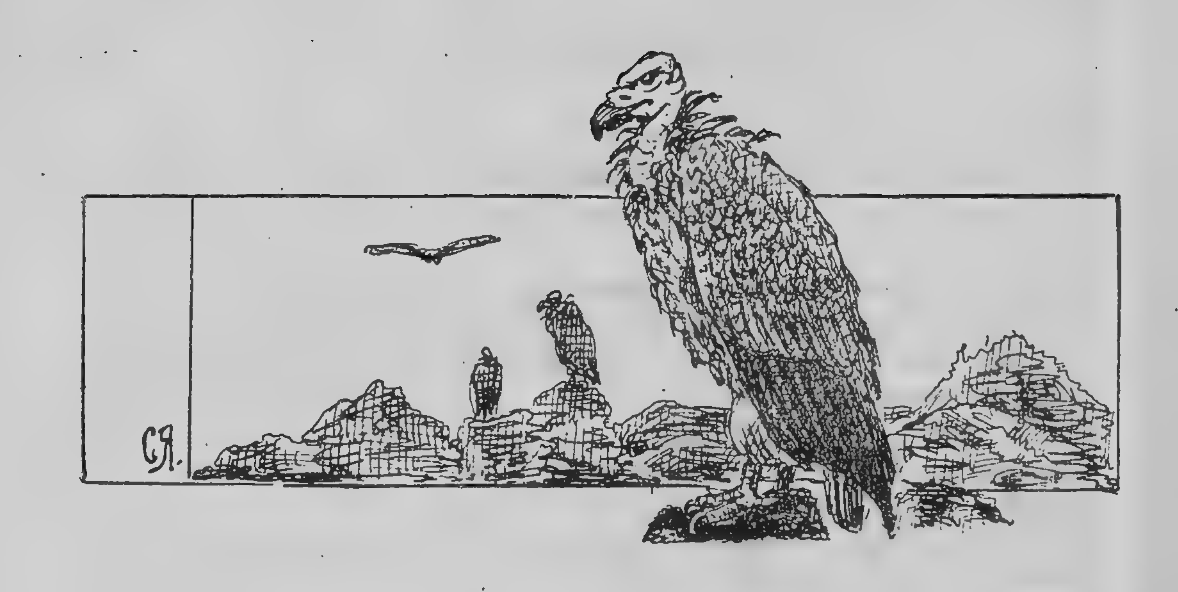
за счет бедняков; поэтому мы прошли прямо к морю и около устья реки нашли Хей-ба-тоу с лодкой. Он прибыл на Кумуху в тот же день, как вышел из Кусуна, и ждал нас здесь около недели.

Вечером стрелки разложили большие костры. У них было веселое настроение, точно они возвратились домой. Люди так привыкли к походной жизни, что совершенно не замечали ее тяготы.

Одни сутки мы простояли на месте. Нужно было отдохнуть, собраться с силами и привести в порядок свои вещи.

Наконец, наступило 1-е ноября,—первый день первого зимнего месяца. Утром был мороз до —10° С. при сильном ветре.

XVII.

Сердце Зауссурийского края.

Берег моря до р. Самарги. — Обоняние охотника. — Беспокойство и сомнения. — Перевал на р. Нахтсху. — Следы человека. — Удэхеец Янсели. — Монгули. — Тревожная весть. — Исчезновение Хей-ба-тоу. — Безвыходное положение.

На реке Кузнецовой мы распрощались с солоном. Он возвратился к себе на р. Тахобе, а мы пошли дальше на север. Хей-ба-тоу было приказано следовать вдоль берега моря и дожидать нас в устье р. Холонку.

Тропа, которая до сего времени вела нас вдоль берега моря, кончилась около р. Кумуху. От мыса Олимпиады до реки Самарги, на протяжении 150 верст по прямой линии и 230 верст в действительности, берег горист и совершенно пустынен. Наподобие густой корковой щетки хвойный замшистый лес одевает все горы и вплотную доходит до берега моря. Эта часть пути считается очень трудной. Сюда избегают заходить даже туземцы. Расстояние, которое по морю на лодке можно проехать в полдня, пешком по берегу едва ли удастся пройти в четверо суток.

Лодка Хей-ба-тоу могла останавливаться только в устьях таких рек, которые не имели бара, и где была хоть небольшая заводь. Р. Бабкова достоинствами этими не отличалась, и потому Хей-ба-тоу прошел мимо нее и остановился около мыса Сосунова.

Вечером я сделал распоряжение на следующий день: Хей-ба-тоу с лодкой должен был перейти на р. Нахтоху и там опять ждать нас, а мы пойдем вверх по р. Холонку и затем по р. Нахтоху спустимся обратно к морю.

Я распорядился, чтобы с вечера люди забрали все, что надо, так как завтра Хей-ба-тоу хотел уйти на рассвете.

На другой день, 3-го ноября, я проснулся раньше других, оделся и вышел из палатки.

Картина, которую я увидел, была необычайно красива: на востоке пылала заря. Освещенное лучами восходящего солнца море лежало неподвижно, словно расплавленный металл. От реки подымался легкий туман. Испуганная моими шагами стая уток с шумом снялась с воды и с криками полетела куда-то в сторону за болото.

Когда солнце поднялось над горизонтом, я увидел далеко в море парус Хей-ба-тоу.

Я согрел чай и разбудил своих спутников.

Закусив поплотнее, мы собрали свои котомки и тоже отправились в путь по намеченному маршруту.

С каждым днем становилось все холоднее и холоднее. Средняя суточная температура понизилась до—6,3° С., и дни заметно сократились. На ночь для защиты от ветра нужно было забираться в самую чащу леса. Для того, чтобы заготовить дрова, приходилось рано становиться на бивак. Поэтому за день удалось пройти мало, и на маршрут, который летом можно было сделать в сутки, теперь пришлось затратить времени вдвое больше.

Выбрав место для ночевки, я приказал Захарову и Аринину ставить палатку, а сам с Дерсу пошел на охоту. Здесь по обоим берегам реки кое-где узкой полосой еще сохранился живой лес, состоящий из осины, ольхи, кедра, тальника, березы, клена и лиственницы. Мы шли и тихонько разговаривали между собой, он—впереди, а я—несколько сзади. Вдруг Дерсу сделал мне знак, чтобы я остановился. Я думал сначала, что он прислушивается, но скоро увидел другое: он подымался на носки, наклонялся в стороны и усиленно нюхал воздух.

— Пахнет,—сказал он шопотом,—люди есть.

— Какие люди?

— Кабаны,—отвечал гольд.—Моя запах найди есть.

Как я ни нюхал воздух, но никакого запаха не ощущал. Дерсу осторожно двинулся вправо и вперед. Он часто останавливался и принюхивался. Так прошли мы шагов полтораста. Вдруг что-то шарахнулось в сторону. Это была

дикая свинья и с ней полугодовалый поросенок. Еще несколько кабанов бросилось врассыпную. Я выстрелил и уложил поросенка.

На обратном пути я спросил Дерсу, почему он не стрелял диких свиней? Гольд ответил, что не видел их, а только слышал шум в чаще, когда они побежали. Дерсу был недоволен: он ругался вслух и плевался, потом вдруг снял шапку и стал бить себя кулаком по голове. Я засмеялся и сказал, что он лучше видит носом, чем глазами. Тогда я не знал, что это маленькое происшествие было повесткой к трагическим событиям, разыгравшимся впоследствии.

Поросенок весил около 1½ пуда и был как нельзя более кстати. Вечером мы лакомились свежей дичью, все были веселы, шутили и смеялись. Один Дерсу был не в духе. Он все хныкал и вслух спрашивал себя, как это он не видел кабанов?..

После ужина стрелки разделились на смены и стали сушить мясо на огне, а я занялся путевым дневником.

5-го ноября утром был опять мороз (—14° С.); барометр стоял высоко (757). Небо было чистое; взошедшее солнце не давало тепла, зато давало много света. Холод всех подбадривал, всем придавал энергии. Раза два нам пришлось переходить с одного берега реки на другой.

Шли мы теперь без проводника, по приметам, которые нам сообщил солон. Горы и речки так походили друг на друга, что можно было легко ошибиться и пойти не по той дороге. Это больше всего меня беспокоило. Дерсу, наоборот, относился ко всему равнодушно. Он так привык к лесу, что другой обстановки, видимо, не мог себе представить. Для него было совершенно безразлично, где ночевать,—тут или в ином месте!..

Ночью я плохо спал. Почему-то все время меня беспокоила одна и та же мысль: правильно ли мы идем? А вдруг мы пошли не по тому ключику и заблудились! Я долго ворочался с боку на бок, наконец, поднялся и подошел к огню. У костра сидя спал Дерсу. Около него лежали две собаки. Одна из них что-то видела во сне и тихонько лаяла и повизгивала. Дерсу тоже о чем-то бредил. Услышав мои шаги, он спросонья громко спросил: «Какой люди ходи?»—и тотчас снова погрузился в сон.

Над сонною землей, погруженной в ночную тьму, раскинулся темный небесный свод с миллионами звезд, переливавшихся цветами радуги. Широкой полосой от края до края протянулся млечный путь. По ту сторону реки стеной

стоял молчаливый лес. Кругом было тихо, очень тихо... С полчаса посидел я у огня. Беспокойство мое исчезло. Я пошел в палатку, завернулся в одеяло, уснул, а утром проснулся лишь тогда, когда все уже собирались в дорогу. Солнце только что поднялось из-за горизонта и посылало лучи свои к вершинам гор.

Сразу с бивака начался подъем. С первого же перевала мы увидели долину р. Пия; за ней высился другой горный хребет с гольцами. За ними, вероятно, должна быть река Нахтоху.

Отсюда сверху открывался великолепный вид во все стороны. На северо-западе виднелся низкий и болотистый перевал с р. Нахтоху на Бикин. В другую сторону, насколько хватал глаз, тянулись какие-то другие горы. Словно гигантские волны с белыми гребнями, они шли куда-то на север и пропадали в туманной мгле. На северо-востоке виднелась Нахтоху, а вдали на юге—синее море.

Холодный, пронзительный ветер не позволял нам долго любоваться красивой картиной и принуждал к спуску в долину. С каждым шагом снегу становилось все меньше и меньше. Теперь мы шли по мерзлому мху. Он хрустел под ногами и оставался примятым к земле.

Я шел впереди, а Дерсу сзади. Вдруг он бегом обогнал меня и стал внимательно смотреть на землю. Тут только я заметил человеческие следы; они направлялись в ту же сторону, куда шли и мы.

— Кто здесь шел?—спросил я гольда.

— Маленькая нога,—такой ноги у русских нету, у китайцев—нету, у корейцев тоже нету,—отвечал он, и затем прибавил: это унта, носок кверху. Люди совсем недавно ходи. Моя думай, наша скоро его догоняй есть.

Другие признаки, совершенно незаметные для нас, открыли ему, что этот человек был удэхеец, что он занимался соболеванием, имел в руках палку, топор, сетку для ловли соболей, и, судя по походке, был молодой человек. Из того, что он шел напрямик по лесу, игнорируя заросли и придерживаясь открытых мест, Дерсу заключил, что удэхеец возвращался с охоты и, вероятно, направлялся к своему биваку. Посоветовавшись, мы решили итти по его следам, тем более, что они шли в желательном для нас направлении.

Лес кончался, и опять потянулась сплошная гарь. Так прошли мы с час. Вдруг Дерсу остановился и сказал, что пахнет дымом. Действительно, минут через десять мы спу-

стились к речке и тут увидели туземный балаган и около него — костер.

Когда мы были от балагана шагах в ста, из него выскочил человек с ружьем в руках. Это был удэхеец Янсели, с реки Нахтоху. Он только что пришел с охоты и готовил себе обед. Котомка его лежала на земле и к ней были прислонены палка, ружье и топор.

Меня заинтересовало, как Дерсу узнал, что у Янсели должна быть сетка на соболя? Он ответил, что по дороге видел срезанный рябиновый прутик и рядом с ним сломанное кольцо от сетки, брошенное на землю. Ясно, что прутик понадобился для нового кольца. И Дерсу обратился к удэхейцу с вопросом, есть ли у него соболиная сетка? Последний молча развязал котомку и подал то, что у него спросили. Действительно, в сетке одно из средних колец было новое.

От Янсели мы узнали, что находимся на р. Дагды, текущей в Нахтоху. Не без труда удалось нам уговорить его быть нашим проводником. Главной приманкой для него послужили не деньги, а берданочные патроны, которые я обещал дать ему на берегу моря.

По дороге я стал расспрашивать его о тех местах, которые мы проходили.

Последние дни стояли особенно холодные. На реке появились забереги, и это значительно облегчало наше путешествие. Все протоки замерзли; мы пользовались ими для сокращения пути, и скоро дошли до того места, где Дагды сливается с Нунгини. Отсюда, собственно, и начинается р. Нахтоху.

После полудня Янсели вывел нас на тропинку, которая шла вдоль реки по соболиным ловушкам. Я спросил нашего провожатого, кто здесь ловит соболей. Он ответил, что место это издавна принадлежит удэхейцу Монгули, и, вероятно, мы вскоре встретим его самого. Действительно, не прошли мы и двух верст, как увидели какого-то человека; он стоял около одной из ловушек и что-то внимательно в ней рассматривал. Увидев людей, идущих со стороны Сихотэ-Алиня, он сначала было испугался и хотел бежать, но когда увидел Янсели, сразу успокоился. Как всегда бывает в таких случаях, все разом остановились. Стрелки стали закуривать, а Дерсу и удэхейцы принялись о чем-то горячо говорить между собой.

— Что случилось?—спросил я Дерсу.

— Манза соболя украл,—отвечал он.

По словам Монгули, китаец, проходивший по тропе дня два тому назад, вынул из ловушки соболя и наладил ее снова. Я высказал предположение, что, может быть, на самом деле ловушка пустовала. Тогда Монгули указал на кровь,—ясное доказательство, что ловушка действовала.

— Может быть, в ловушку попал не соболь, а белка?— спросил я опять.

— Нет,—отвечал Монгули.—Когда бревном придавило соболя, он грыз приколышки, оставив на них следы зубов.

Тогда я спросил его, почему он думает, что вор был именно китаец? Удэхеец ответил, что человек, укравший соболя, был одет в китайскую обувь и в задке левой ноги у него не хватает одного гвоздя.

Доводы эти были вполне убедительны.

Отдохнув немного, мы отправились дальше и часов в пять дошли до устья р. Ходэ.

Вечером у огня я имел возможность хорошо рассмотреть своих новых знакомых. Нахтохусские удэхейцы невысокого роста, сухощавы и короткоголовы. Они имеют овальное лицо с выдающимися скулами, вогнутый нос, карие, широко расставленные глаза, с небольшой монгольской складкой век, довольно большой рот, неровные зубы и маленькие руки и ноги.

— Точно детские,—говорили мои спутники стрелки, рассматривая их обувь, сшитую из выделанной лосиной кожи в виде олоч, с загнутыми кверху носками.

Цвет кожи удэхейцев можно было бы назвать оливковым, со слабым оттенком желтизны. Летом они так сильно загорают, что становятся похожими на краснокожих. Впечатление это еще более усугубляется их пестрыми костюмами. Черные, как смоль, длинные, прямые волосы они заплетают в две коротких косы, сложенные вдвое и туго перетянутые красными шнурами. Косы носятся на груди около плеч. Чтобы они не мешали, когда человек нагибается,— сзади, ниже затылка, они соединены перемычкой, украшенной бисером и ракушками.

Одежда нахтохусских удэхейцев состоит, главным образом, из трех кафтанов: двух нижних, матерчатых, и одного верхнего, сшитого из тонкой изюбриной кожи, выделанной под замшу. Халаты эти застегиваются у правого плеча и сбоку, как поддевки, и одеваются с напуском вокруг талии. Рукава около кистей стягиваются особыми нарукавниками. Затем, принадлежностями костюма являются короткие штаны и наколенники, привязываемые ремешками

к поясу. Головной убор состоит из белого капюшона, спускающегося на спину и плечи, и маленькой шапочки, на которой в стоячем положении прикреплен беличий хвостик и несколько красных шнурков с кисточками.

Весь костюм, от головы и до ступней ног, спереди и сзади, обшит цветными полосами, обильно украшенными пестрой орнаментировкой, изображающей спиральные круги, стилизованных рыб, птиц и животных.

Удэхейцы — большие любители металлических украшений, в особенности браслетов и колец. Некоторые старики еще носят в ушах серьги; ныне обычай этот почти совсем оставлен. Каждый мужчина, в том числе и мальчики, носят у пояса два ножа: один обыкновенный, охотничий, а другой— маленький, кривой, которым они владеют очень искуссно и который заменяет им шило, струг, буравчик, долото и все прочие инструменты.

Проговорили мы почти до полуночи. Пора было идти на покой. Туземцы взялись окарауливать бивак, а я пристроился около Дерсу и, завернувшись в одеяло, лег спиной к огню и уснул, как убитый.

На другое утро с бивака мы снялись рано и пошли по тропе правым берегом реки.

Последние два дня были холодные и ветреные. Забереги на реке во многих местах соединились и образовали природные мосты. По ним можно было свободно переходить с одной стороны реки на другую.

Верстах в десяти от р. Гоббиляги кончается лес и начинаются открытые места. На последней поляне мы нашли три удэхейских фанзы. Здешние туземцы обзавелись китайскими постройками весьма недавно. Несколько лет тому назад они жили еще в юртах. Около каждого домика были небольшие огороды, возделываемые наемным трудом китайцев. Последние являются среди удэхейцев половинщиками в пушных промыслах. Из расспросов выяснилось, что река Нахтоху является последним северным пунктом, до которого с юга манзы распространили свое влияние. Здесь было только пять человек: четыре постоянных обитателя и один— пришлый с реки Кусуна.

Они сообщили нам крайне неприятную новость: 4-го ноября наша лодка вышла с р. Холонку и с той поры о ней не имеется ни слуху, ни духу. Я вспомнил, что в этот день дул особенно сильный ветер. Пугуй (так звали одного из наших новых знакомых) видел, как какая-то лодка в море

боролась с ветром, который относил ее от берега все дальше и дальше.

Это было для нас непоправимым несчастьем. В лодке находилось все наше имущество, теплая одежда, обувь и запасы продовольствия. При себе мы имели только то, что могли нести: легкую осеннюю одежду, по одной паре унтов, одеяло, полотнище палатки, ружья, патроны и весьма ограниченный запас продовольствия. Я знал, что к северу на р. Едине еще живут удэхейцы, но до них было так далеко, и они были так бедны, что рассчитывать на приют у них для всего отряда нельзя было и думать.

Что делать?

С такими мыслями мы подошли к хвойному мелкорослому, густому лесу, который отделяет поляны Нахтоху от моря.

Обыкновенно к лодке мы всегда подходили весело, как будто к дому, но теперь Нахтоху была для нас так же чужда, так же пустынна, как и всякая другая речка. Было жалко и Хей-ба-тоу, этого славного моряка, быть может, теперь уже утонувшего.

Мы шли молча; у всех была одна и та же мысль: что делать? Стрелки понимали серьезность положения, из которого теперь я должен был их вывести.

Наконец, появился просвет; лес сразу кончился, показалось море.

XVIII.

Завещание.

Приготовление к зимовке.—Поиски лодки.—Россомаха.—Река Пия.—Роковой выстрел.—Испуг Дерсу.—Договор.—Обратный путь.

Раньше около реки Нахтоху была лагуна, отделенная от моря косой. Теперь на ее месте — большое моховое болото, поросшее багульником, голубицей и шикшей. Мысы, окаймляющие маленькую бухточку, в которую впадает р. Нахтоху, слагаются из пестрых вулканических туфов и называются по-удэхейски северный — «Чжаали Дуони» и южный — «Мааса Дуони».

Здесь, у подножья береговых обрывов, мы устроили свой бивак..

Вечером мы с Дерсу сидели у огня и совещались. Со времени исчезновения лодки прошло четверо суток. Если она была где-нибудь поблизости, то давно возвратилась бы назад. Я говорил, что надо идти на р. Амагу и зазимовать у староверов, но Дерсу не соглашался со мной. Он советовал остаться на Нахтоху, заняться охотой, добыть кож и сшить новую обувь. У туземцев, по его мнению, можно было получить немного сухой юколы и чумизы. Но тут возникали другие затруднения: морозы с каждым днем становились сильнее; недели через две в легкой осенней одежде идти будет уже невозможно. Все-таки проект Дерсу был наиболее разумным, и мы на нем остановились.

После ужина стрелки легли спать, а мы с Дерсу долго сидели у огня и обсуждали наше положение.

Я полагал было пойти в фанзы к удэхейцам, но Дерсу советовал остаться на берегу моря. Во-первых, потому, что здесь легче было найти пропитание, а, во-вторых, — он не терял надежды на возвращение Хей-ба-тоу. Если последний жив, он непременно возвратится назад, будет искать нас на берегу моря, и если не найдет, то может пройти мимо. Тогда мы опять останемся ни с чем. С его доводами нельзя было не согласиться.

Мысли одна другой мрачнее лезли мне в голову и не давали покоя.

Порывистый и холодный ветер шумел сухой травой и неистово трепал растущее вблизи одинокое молодое деревцо. Откуда-то из темноты, с той стороны, где были прибрежные утесы, неслись странные звуки, похожие на вой.

Беспокойство мучило меня всю ночь.

Возвращаться назад, не доведя дела до конца, было до слез обидно. С другой стороны, итти в зимний поход, не снарядившись как следует, безрассудно.

Под утро я немного уснул.

Стрелки, узнав, что мы останемся здесь надолго и даже, быть может, зазимуем, принялись таскать плавник, выброшенный волнением на берег, и устраивать землянки. Это была остроумная мысль. Печи они сложили из плитнякового камня, а трубу устроили по-корейски, из дуплистого дерева. Входы в землянки завесили полотнищами палаток, а на крышу наложили мох с дерном. Внутри землянок настлали ельнику и сухой травы. В общем, помещения получились довольно удобные.

На следующий день мы с Дерсу вдвоем решили итти к югу по берегу моря и посмотреть, нет ли там каких-нибудь следов пребывания Хей-ба-тоу, и кстати поохотиться. Захаров и Аринин пошли на север, имея то же задание, а Сабитов и Туртыгин—вверх по реке к устью р. Ходэ.

Мы шли берегом моря и разговаривали между собой о том, как могло случиться, что Хей-ба-тоу пропал без вести. Этот вопрос мы подымали уже сотый раз и всегда приходили к одному и тому же выводу: надо шить обувь и возвращаться к староверам на Амагу.

Впереди, шагах в полутораста от нас, бежала моя собака, Альпа. Вдруг, я заметил два живых существа: одно— была Альпа, а другое—животное, тоже похожее на собаку, но темной окраски, мохнатое и коротконогое. Оно бежало около береговых обрывов неловкими и тяжелыми прыжками

и, казалось, хотело обогнать собаку. Поравнявшись с Альпой, мохнатое животное стало в оборонительное положение. Это оказалась россомаха — самый крупный представитель из семейства хорьковых. Максимальные размеры этого стопоходящего косматого и неуклюжего животного достигают одного метра длины и полметра высоты. Общая окраска темно-бурая, спина черного цвета, от каждого плеча к заду по бокам тянется по широкой светло-серой полосе. Шерсть на нижней части тела и на верхней половине ног значительно длиннее, чем на остальном теле. Шея у россомахи короткая, голова толстая, удлиненная, ноги вооружены крепкими сильными когтями.

Россомаха обитает в горных лесах, где есть козуля и, в особенности, кабарга. Целыми часами она сидит неподвижно на дереве или на камне вблизи кабарожьей тропы, выжидая добычу. Она отлично изучила нрав своей жертвы, знает излюбленные пути ее и повадки; например, она хорошо знает, что по глубокому снегу кабарга бегает все по одному и тому же кругу, чтобы не протаптывать новой дороги. Поэтому, спугнув кабаргу, она гонится за ней до тех пор, пока последняя не замкнет полный круг. Тогда россомаха влезает на дерево и ждет, когда кабарга вновь пойдет мимо. Если это не удается, она берет кабаргу измором, для чего преследует ее до тех пор, пока та от усталости не упадет; при этом, если на пути она увидит другую кабаргу, то не гонится за ней, а будет продолжать преследование первой, хотя бы эта последняя и не находилась у ней в поле зрения.

Альпа остановилась и с любопытством стала рассматривать свою случайную спутницу. Я хотел было стрелять, но Дерсу остановил меня и сказал, что надо беречь патроны. Замечание его было вполне резонно. Тогда я отозвал Альпу. Россомаха бросилась бежать и вскоре скрылась в одном из оврагов.

Прибрежная линия между реками Холонку и Нахтоху представляет из себя несколько изогнутую линию, отмеченную мысами Плитняк, Бакланий и Сосунова. Мысы эти заметно выдаются в море. За ними берег опять выгибается к северо-западу и вновь выдается около р. Пия и мыса Олимпиады. Здесь есть два утеса, «Садзасу-мамаса-ни», имеющие человекоподобные формы. Удэхейцы говорят, что раньше это были люди, но всесильный Тему (повелитель морей) превратил их в скалы и заставил окарауливать сопки.

Здесь на берегу валялось много сухого плавника. Выбрав место для бивака, мы сложили свои вещи и разошлись в разные стороны на охоту.

Охотиться нам долго не пришлось. Когда мы снова сошлись, день был уже на исходе. Солнце уже заглядывало за горы, лучи его пробрались в самую глубь леса и золотистым сияньем осветили стволы тополей, остроконечные вершины елей и мохнатые шапки кедровников. Где-то в стороне от нас раздался пронзительный крик.

— Кабарга!—шепнул Дерсу на мой вопросительный взгляд.

Минуты через две я увидел животное, похожее на козулю, только значительно меньшее ростом и темнее окраской. Изо рта ее книзу торчало два тонких клыка. Отбежав шагов сто, кабарга остановилась, повернула в нашу сторону свою грациозную головку и замерла в выжидательной позе.

— Где она?—спросил меня Дерсу.

Я указал ему рукой.

— Где?—опять переспросил он.

Я стал направлять его взгляд рукой по линии выдающихся и заметных предметов, но, как я ни старался, он ничего не видел. Дерсу тихонько поднял ружье, еще раз внимательно всмотрелся в то место, где было животное, выпалил и—промахнулся. Звук выстрела широко прокатился по всему лесу и замер в отдалении. Испуганная кабарга шарахнулась в сторону и скрылась в чаще.

— Попал?—спросил меня Дерсу, и по его глазам я увидел, что он не заметил результатов своего выстрела.

— На этот раз ты «промазал»,—отвечал я ему.—Кабарга убежала.

— Неужели моя попади нету?—спросил он испуганно.

Мы пошли к тому месту, где стояла кабарга. На земле не было крови. Сомнений не было, Дерсу промахнулся. Я начал подшучивать над своим приятелем, а Дерсу сел на землю, положил оружие на колени и задумался. Вдруг он быстро вскочил на ноги и сделал на дереве ножом большую затеску, затем схватил ружье и отбежал назад шагов на двести. Я думал, что он хочет оправдаться передо мною и доказать, что его промах по кабарге был случайным. Однако, с двухсот шагов пятно на дереве было видно плохо, и он должен был подойти ближе. Наконец, он выбрал место, поставил сошки и стал целиться. Целился Дерсу долго, два

раза отнимал голову от приклада и, казалось, не решался спустить курок. Наконец, он выстрелил и побежал к дереву. Из того, как у него сразу опустились руки, я понял, что в пятнышко он не попал. Когда я подошел к нему, то увидел, что шапка его валялась на земле, ружье тоже; растерянный взгляд его широко раскрытых глаз был направлен куда-то в пространство. Я дотронулся до его плеча, Дерсу вздрогнул и быстро-быстро заговорил:

— Раньше никакой люди первый зверя найти не могу. Постоянно моя первый его посмотри. Моя стреляй—всегда в его рубашке дырку делай. Моя пуля никогда мимо ходи нету. Теперь моя пятьдесят восемь лет. Глаз худой стал, посмотри не могу. Кабарга стреляй — не попал, дерево стреляй— тоже не попал. К китайцам ходи не хочу — их работу моя понимай нету. Как теперь моя дальше живи?

Тут только я понял неуместность своих шуток. Для него, добывающего себе средства к жизни охотой, ослабление зрения было равносильно гибели. Трагизм увеличивался еще и тем обстоятельством, что Дерсу был совершенно одинок. Куда идти? Что делать? Где склонить на старости лет свою седую голову?

Мне нестерпимо стало жаль старика.

— Ничего,—сказал я ему,—не бойся. Ты мне много помогал, много раз выручал меня из беды. Я у тебя в долгу. Ты всегда найдешь у меня крышу и кусок хлеба. Будем жить вместе.

Дерсу засуетился и стал собирать свои вещи. Он поднял ружье и посмотрел на него, как на вещь, которая теперь была ему более совсем не нужна.

В это время солнце только-что скрылось за горизонтом. От гор к востоку потянулись длинные тени. Еще не успевшая замерзнуть вода в реке блестела, как зеркало; в ней отражались кусты и прибрежные деревья. Казалось, что там, внизу, под водой был такой же мир, как и здесь, и было такое же светлое небо...

Около речки мы разделились: Дерсу воротился на бивак, а я решил еще поохотиться. Долго я бродил по лесу и ничего не видел. Наконец, я устал и повернул назад.

На западе медленно угасала заря. Посиневший воздух приобрел сонную неподвижность; долина приняла угрюмый вид и казалась глубокой трещиной на горах.

Вдруг в кустах что-то зашевелилось. Я замер на месте и приготовил ружье. Снова легкий треск, и из ольшанни-

ков тихонько на поляну вышла козуля. Она стала щипать траву и, видимо, совсем меня не замечала. Я быстро прицелился и выстрелил. Несчастное животное рванулось вперед и сунулось мордой в землю. Через минуту жизнь оставила его. Я взял свой ремень, связал козуле ноги и взвалил ее на плечи. Что-то теплое потекло мне за шею: это была кровь. Тогда я опустил свой охотничий трофей на землю и принялся кричать. Скоро я услышал ответные крики Дерсу. Он пришел без ружья, и мы вместе с ним потащили козулю на палке.

Когда мы подходили к биваку, был уже полный вечер. Взошла луна и своими фосфорическими лучами осветила море, прибрежные камни, лес и воду в реке. Кругом было тихо, только легкий ночной ветер слабо шелестил травою. Шум этот был так однообразен, что привыкшее к нему ухо совершенно его не замечало. На нашем биваке горел огонь; свет от него ложился по земле красными бликами и перемешивался с черными тенями и с бледными лучами месяца, украдкой пробивавшимися сквозь ветви кустарников. Вдали виднелся высокий Бакланий Мыс, окутанный морскими испарениями.

После охоты я чувствовал усталость. За ужином я рас сказывал Дерсу о России, советовал ему бросить жизнь в тайге, полную опасности и лишений, и поселиться вместе со мной в городе, но он попрежнему молчал и о чем-то крепко думал.

Наконец, я почувствовал, что веки мои слипаются. Я завернулся в одеяло, лег к огню и погрузился в глубокий сон.

Ночью я проснулся. Луна стояла высоко на небе; те звезды, которые были ближе к горизонту, блистали, как бриллианты. Было далеко за полночь. Казалось, вся природа погрузилась в дремотное состояние. Ничего нет прекраснее тихого и беспредельного широкого моря, залитого лунным светом, и глубокого неба, полного тихих сияющих звезд. Темная вода, угрюмые утесы на берегу и величавый лес в горах—все это так гармонировало друг с другом.

Около огня сидел Дерсу. С первого же взгляда я понял, что он еще не ложился спать. Он обрадовался, что я проснулся, и стал греть чай. Я заметил, что старик волнуется, усиленно ухаживает за мной и всячески старается, чтобы я опять не заснул. Я уступил ему и сказал, что спать мне более не хочется. Дерсу подбросил дров в костер и, когда

огонь разгорелся, встал со своего места и начал говорить торжественным тоном:

— Капитан! Теперь моя буду говори. Тебе надо слушай.

Он начал с того, как он жил раньше, как стал одинок и как добывал себе пропитание охотой. Ружье всегда его выручало. Он продавал панты и взамен их приобретал у китайцев патроны, табак и материал для одежды. Он никогда не думал о том, что глаза ему могут изменить и купить их нельзя будет уже ни за какие деньги. Вот уже с полгода, как он стал ощущать ослабление зрения, думал, что это пройдет, но сегодня убедился, что охоте его пришел конец. Это его напугало. Потом он вспомнил мои слова, что у меня он всегда найдет приют и кусок хлеба.

— Спасибо, капитан, — сказал он. — Шибко спасибо!

И вдруг он опустился на колени и поклонился в землю. Я бросился поднимать его и стал говорить, что, наоборот, я обязан ему жизнью и если он будет жить со мной, то этим только доставит мне удовольствие. Чтобы отвлечь его от грустных мыслей, я предложил ему заняться чаепитием.

— Погоди, капитан,—сказал Дерсу.—Моя еще говорить кончай нету.

После этого он продолжал рассказывать про свою жизнь. Он говорил о том, что, будучи еще молодым, от одного старика китайца научился искать жень-шень и изучил его приметы. Он никогда не продавал корней, а в живом виде переносил их в верховья реки Лефу и там сажал в землю. Последний раз на плантации жень-шеня он был лет пятнадцать тому назад. Корни все росли хорошо: всего там было двадцать два растения. Не знает он теперь, сохранились они или нет,—вероятно, сохранились, потому что посажены были в глухом месте и поблизости следов человеческих не замечалось.

— Это все тебе!—закончил он свою длинную речь.

Меня это поразило; я стал его уговаривать продать корни китайцам, а деньги взять себе, но Дерсу настаивал на своем.

— Моя не надо,—говорил он.—Мне маленько осталось жить. Скоро помирай. Моя шибко хочу панцуй*) тебе подарить.

В глазах его было такое просительное выражение, что я не мог противиться. Отказ мой обидел бы его. Я согла-

*) Жень-шень.

сился, но взял с него слово, что по окончании экспедиции он поедет со мной в Хабаровск. Дерсу согласился тоже. Мы порешили весной отправиться на реку Лефу в поиски за дорогими корнями.

Посеребренная луна склонилась к западу. С восточной стороны на небе появились новые созвездия. Находящаяся в воздухе влага опустилась на землю и тонким серебристым инеем покрыла все предметы. Это были верные признаки приближения рассвета.

Дерсу еще раз подбросил дров в огонь. Яркое трепещущее пламя взвилось кверху и красноватым заревом осветило кусты и прибрежные утесы,—эти безмолвные свидетели нашего договора и обязательств по отношению друг к другу.

Но вот на востоке появилась розовая полоска: занималась заря. Звезды быстро начали меркнуть; волшебная картина ночи пропала, и в потемневшем серо-синем воздухе разлился неясный свет утра. Красные угли костра потускнели и покрылись золой; головешки дымились,—казалось, огонь уходил внутрь их.

— Давай-ка соснем немного,—предложил я своему спутнику. Он встал и поправил палатку, затем мы оба легли и, прикрывшись одним одеялом, уснули, как убитые.

Когда мы проснулись, солнце стояло уже высоко. Утро было морозное, ясное. Вода в озерках покрылась тонким слоем льда, и в нем, как в зеркале, отражались прибрежные кустарники.

На скорую руку мы закусили холодным мясом, напились чаю, и, собрав котомки, пошли назад к р. Нахтоху.

Там мы застали всех в сборе. Аринин убил сивуча, а Захаров—нерпу. Таким образом, у нас получился значительный запас кожи и вдоволь мяса.

С 12-го по 16-ое ноября мы простояли на месте. За это время стрелки ходили за брусникой и собирали кедровые орехи.

Дерсу выменял у удэхейцев обе сырые кожи на одну сохатиную выделанную. Туземных женщин он заставил накроить унты, а шили их мы сами, каждый по своей ноге.

17-го числа утром мы распрощались с р. Нахтоху и тронулись в обратный путь, к староверам. Уходя, я еще раз посмотрел на море, с надеждой, не покажется ли где-нибудь

лодка Хей-ба-тоу... Но море было пустынно. Ветер дул с материка, и потому у берега было тихо, но вдали ходили большие волны. Я махнул рукой и подал сигнал к выступлению. Тоскливо было возвращаться назад, но больше ничего не оставалось.

Обратный путь наш прошел без всяких приключений. 22 ноября мы достигли Тахобе, а 23 утром пришли на Кусун.

XIX.

Зимний поход.

Сильный ветер.—Приключения Хей-ба-тоу.—Снаряжение в зимний путь. —Устройство нарт.—Рыбная ловля.—Накануне выступления.—Нартовый обоз. — Выгоревшие леса. — Зимняя палатка. — Лесные птицы. — Удэхеец Сунцай.

После короткого отдыха у туземцев на Кусуне я хотел было итти дальше, но они посоветовали мне остаться переночевать у них в фанзах. Удэхейцы говорили, что после долгого затишья и морочной погоды надо непременно ждать очень сильного ветра. Местные китайцы тоже были встревожены. Они часто посматривали на запад. Я спросил, в чем дело. Они указали на хребет Кямо, покрытый снегом. Тут только я заметил, что гребень хребта, видимый дотоле отчетливо и ясно, теперь имел контуры неопределенные, расплывчатые: горы точно дымились. По словам туземцев, ветер от хребта Кямо до моря доходит через два часа.

Китайцы привязали крыши фанз к ближайшим пням и деревьям, а зароды с хлебом прикрыли сетями, сплетенными из травы.

Действительно, часов около двух пополудни начал дуть ветер, сначала тихий и ровный, а затем все сильнее и сильнее. Вместе с ветром шла какая-то мгла. Это были снег, пыль и сухая листва, поднятая с земли вихрем. К вечеру ветер достиг наивысшего напряжения. Я вышел с анемометром, чтобы измерить силу ветра, но страшный порыв сломал колесо прибора, а самого меня опрокинуло на землю. Мельком я видел, как по воздуху летела доска и кусок древесной коры, сорванные с какой-то крыши. Около фанзы

стояла двухколесная китайская арба. Ветром ее перекатило через весь двор и прижало к забору. Один стог сена был плохо увязан; в несколько минут от него не осталось и следа.

К утру ветер начал стихать. Сильные порывы сменились периодами затишья. С рассветом я не узнал места: одна фанза была разрушена до основания, у другой выдавило стену; много деревьев, вывороченных с корнями, лежало на земле. С восходом солнца ветер упал до штиля; через полчаса он снова начал дуть, но уже с южной стороны.

Надо было итти дальше, но как-то не хотелось. Спутники мои устали, а китайцы были так гостеприимны... Я решил продневать у них еще одни сутки,—и хорошо сделал. Вечером в этот день с моря прибежал один молодой удэхеец и сообщил радостную весть: Хей-ба-тоу с лодкой возвратился назад, и все имущество наше цело. Мои спутники кричали «ура» и радостно пожимали друг другу руки. И, действительно, было чему радоваться; я сам был готов пуститься в пляс.

На другой день, чуть свет, мы все были на берегу. Хей-ба-тоу радовался не меньше нас. Стрелки толпились к нему, засыпали вопросами. Оказалось, что сильный ветер подхватил его около р. Каньчжу и отнес к острову Сахалину. Хей-ба-тоу не растерялся и всячески старался держаться ближе к берегу, зная, что иначе его отнесет в Японию. С острова Сахалина он перебрался к материку и затем спустился на юг вдоль берега моря. На р. Нахтоху он узнал от туземцев, что мы пошли на Амагу, тогда и он отправился за нами вдогонку. Вчерашнюю бурю он переждал на р. Холонку и затем в один день дошел до Кусуна.

Тотчас у меня в голове созрел новый план: я решил подняться по р. Кусуну до Сихотэ-Алиня и выйти на Бикин. Продовольствие, инструменты, теплая одежда, обувь, снаряжение и патроны—все это было теперь с нами.

Хей-ба-тоу тоже решил зазимовать на Кусуне. Плавание по морю стало затруднительным; у берегов появилось много плавающего льда; устья рек замерзали.

Не мешкая, стрелки стали разгружать лодку. Когда с нее были сняты мачты, руль и паруса, они вытащили ее на берег и поставили на деревянные катки, подперев с обеих сторон кольями.

На другой день мы принялись за устройство нарт. Всего мне нужно было их шесть штук. Три мы достали у туземцев, а три пришлось сделать самим. Захаров и Аринин умели

плотничать. В помощь им были приставлены еще два удэхейца. На Дерсу было возложено общее руководство работами. Всякие замечания его были всегда кстати, стрелки привыкли, не спорили с ним и не приступали к работе до тех пор, пока не получали его одобрения.

На эту работу ушло десять суток. Временами стрелки ходили на охоту, иногда — удачно, но часто возвращались ни с чем. С кусунскими удэхейцами мы подружились и всех наперечет знали в лицо и по именам.

Удэхейцы захватили с собою факелы...

25-го ноября я, Дерсу и Аринин ходили с туземцами на рыбную ловлю к устью Кусуна. Удэхейцы захватили с собой тростниковые факелы и тяжелые деревянные колотушки.

Между протоками, на одном из островов, заросших осиной, ольхой и тальниками, мы нашли какие-то странные постройки, крытые травой. Я сразу узнал работу японцев. Это были хищнические рыбалки, совершенно незаметные как с суши, так и со стороны моря. Один из таких шалашей мы использовали для себя.

Вода в заводи хорошо замерзла. Лед был гладкий, как зеркало, чистый и прозрачный; сквозь него хорошо были видны мели, глубокие места, водоросли, камни и утонувший

плавник. Туземцы сделали несколько прорубей и спустили в них двойную сеть. Когда стемнело, они зажгли тростниковые факелы и затем побежали по направлению к прорубям, время от времени с силою бросая на лед колотушки. Испуганная светом и шумом рыба, как шальная, бросилась вперед и запуталась в сетях. Улов был удачный. За один раз они поймали одного морского тайменя, трех мальм, четырех кунж и одиннадцать красноперок.

Потом удэхейцы снова опустили сети в проруби и погнали рыбу с другой стороны, потом перешли на озерко, оттуда в протоку, на реку и опять в заводь.

Часов в десять вечера мы окончили ловлю. Часть туземцев пошла домой, остальные остались ночевать на рыбалке. Среди последних был удэхеец Логада, знакомый мне еще с прошлого года. Ночь была морозная и ветреная. Даже у огня холод давал себя чувствовать. Около полуночи я спохватился Логада и спросил, где он. Один из его товарищей ответил, что Логада спит снаружи. Я оделся и вышел из балагана. Было темно, холодным ветром, как ножом, резало лицо. Я походил немного по реке и возвратился назад, сказав, что нигде костра не видел. Удэхейцы ответили мне, что Логада спит без огня.

— Как без огня? — спросил я с изумлением.

— Так, — ответили они равнодушно.

Опасаясь, чтобы с Логада что-нибудь не случилось, я зажег свой маленький фонарик и снова пошел его искать. Два удэхейца вызвались меня провожать. Под берегом, шагах в пятидесяти от балагана, мы нашли Логада спящим на охапке сухой травы.

Одет он был в куртку и в штаны из выделанной изюбриной кожи и сохатиные унты, на голове имел белый капюшон и маленькую шапочку с соболиным хвостиком. Волосы на голове у него заиндевели, спина тоже покрылась белым налетом. Я стал усиленно трясти его за плечо. Он поднялся и стал руками снимать с ресниц иней. Из того, что он не дрожал и не подергивал плечами, было ясно, что он не озяб.

— Тебе не холодно? — спросил я его удивленно.

— Нет, — отвечал он и тотчас спросил: — Что случилось?

Удэхейцы сказали ему, что я беспокоился о нем и долго искал в темноте. Логада ответил, что в балагане людно и тесно, и потому он решил спать снаружи. Затем он поплотнее завернулся в свою куртку, лег на траву и снова уснул.

Я вернулся назад в балаган и рассказал Дерсу о случившемся.

— Ничего, капитан, — отвечал мне гольд. — Эти люди холода не боится. Его постоянно сопка живи, соболя гоняй. Где застанет ночь, там и спи. Его постоянно спину на месяце греет.

Когда рассветало, удэхейцы опять пошли ловить рыбу. Теперь они применили другой способ. Над прорубью была поставлена небольшая кожаная палатка, со всех сторон закрытая от света. Солнечные лучи проникали под лед и освещали дно реки. Ясно, отчетливо были видны галька, ракушки, песок и водоросли. Спущенная в воду острога немного недоставала дна. Таких палаток было поставлено четыре вплотную друг к другу. В каждой палатке село по одному человеку; все другие пошли в разные стороны и стали тихонько гнать рыбу. Когда она подходила близко к проруби, охотники кололи ее острогами. Охота эта была еще добычливее, чем предыдущая. За ночь и за день удэхейцы поймали 22 тайменя, 136 кунж, 240 морских форелей и очень много красноперки.

2-го декабря стрелки закончили все работы. Для окончательных сборов им дан был еще один день. На Бикин до первого китайского поселка с нами решил идти старик маньчжур Чи-ши-у.

4-го декабря после полудня мы занялись укладкой грузов на нарты. На утро оставалось собрать только свои постели и напиться чаю.

Первое выступление в поход всегда бывает с опозданием. Обыкновенно задержка происходит у провожатых: то у них обувь не готова, то они еще не поели, то на дорогу нет табаку и т. д. Только к 11 часам утра, после бесконечных понуканий, нам удалось таки, наконец, тронуться в путь. Китайцы вышли провожать нас с флагами, трещотками и ракетами.

За последние четыре дня река хорошо замерзла. Лед был ровный, гладкий и блестел, как зеркало. Вследствие образования донного льда во время рекостава, вода в реке поднялась выше своего уровня и заполнила все протоки. Это позволяло нам сокращать путь и идти напрямик, минуя извилины реки и такие места, где лед стал торсом.

Наш обоз состоял из восьми нарт. В каждой нарте было по шести пудов груза. Ездовых собак мы не имели, потому что у меня не было денег на покупку, да и едва ли на Кусуне

нашлось бы потребное их количество. Поэтому нарты нам пришлось тащить самим.

Погода благоприятствовала. Нарты бежали по льду легко. Люди шли весело, шутили и смеялись.

Река Кусун длиной около 100 верст. Начало она берет с Сихотэ-Алиня и течет по кривой, к северо-востоку. По характеру Кусун будет такая же быстрая и порожистая река, как и Такема.

Из животных в долине Кусуна обитают изюбрь, дикая коза, кабарга, куница, хорек, соболь, россомаха, красный волк, лисица, бурый медведь, рысь и тигр.

В этот день мы прошли мало и рано стали биваком. На первом биваке места в палатке мы заняли случайно, кто куда попал. Я, Дерсу и маньчжур Чи-ши-у разместились по одну сторону огня, а стрелки — по другую. Этот порядок соблюдался уже всю дорогу.

На другой день (5-го декабря) я проснулся раньше всех, оделся и вышел из палатки. Было еще темно, но уже чувствовалось приближение рассвета. Мороз звонко пощелкивал по лесу; термометр показывал — 20° С. От полыней на реке подымался пар. Деревья, растущие вблизи их, убрались инеем и стали похожими на белые кораллы. Около проруби играли две выдры. Они двигались как-то странно, извиваясь, как змеи, и издавали звуки, похожие на свист и хихиканье. Иногда одна из них подымалась на задние ноги и внимательно осматривала окрестности.

Я наблюдал за выдрами из кустов, но все же они учуяли меня и нырнули в воду.

На обратном пути я занялся охотой на рябчиков и подошел к биваку с другой стороны. Дым от костра, смешанный с паром, густыми клубами валил из палатки. Там шевелились люди; вероятно, их разбудили мои выстрелы.

Напившись чаю и обувшись потеплее, стрелки весьма быстро сняли палатку и увязали нарты. Через какие-нибудь полчаса мы были уже в дороге. Солнце взошло в туманной мгле, холодное и багровое. Начался очередной день.

К зиме в Зауссурийском крае количество пернатых сильно сократилось. Чаще всего встречались клесты — пестрые миловидные птички с клювами, половинки которых заходят друг за друга. Они собирались в маленькие стайки, при чем красного цвета самцы держались особняком от желто-серых самок. Клесты часто спускались вниз, что-то клевали на земле и подпускали к себе так близко, что можно было в де-

талях рассмотреть их оперение. Даже будучи вспугнуты, они не отлетали далеко, а садились тут же, где-нибудь поблизости. Затем, в порядке уменьшения особей, следует указать на поползней. Я узнал их по окраске и по голосу, похожему на тихий писк. В одном месте я заметил двух японских корольков. Эти маленькие птички прятались от ветра в еловых ветвях. Там и сям мелькали пестрые дятлы с белым и черным оперением и с красным надхвостием. Для этих задорных и крикливых птиц, казалось, не страшны были холод и ветер. Рыжие сойки, крикливые летом и молчаливые зимой, тоже забились в самую чащу леса. Увидя нас, они принимались пронзительно кричать, извещая своих товарок о грозящей опасности. Попадались также большеклювые вороны и какие-то дневные хищники, которых за дальностью расстояния рассмотреть не удалось. По проталинам, на протоках реки, раза два мы спугнули белых крохалей. Они держались парами, — вероятно, самцы и самки.

Часа в четыре мы дошли до ключика Олосо. Отсюда начались гари. Дальше в этот день мы не пошли; выбрав небольшой островок, мы залезли в самую чащу и там уютно устроились на биваке.

Утром 6-го декабря мы встали до света. Термометр показывал — 21° С. С восходом солнца ночной ветер начал стихать и от этого как будто стало теплее.

Раньше, когда долина Кусуна была покрыта лесом, здесь водилось много соболей. Теперь это пустыня. На горах выросли осинники и березняки, а места поемных лесов заняли тонкоствольные тальники, ольшанники и молодая лиственница.

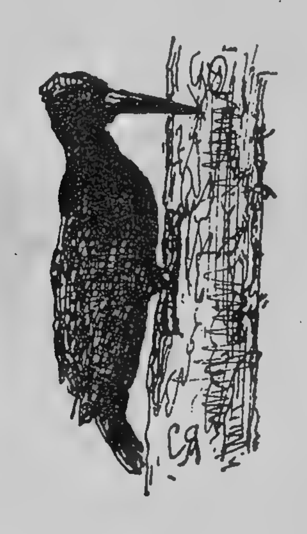
В этот день мы дошли до устья реки Буй, которую китайцы называют Уленгоу. Тут мы должны были расстаться с Кусуном и повернуть к Сихотэ-Алиню.

Около устья Уленгоу жил удэхеец Сунцай. Это был типичный представитель своего народа. Он унаследовал от отца шаманство. Жилище его было обставлено множеством бурханов. Кроме того, он славился как хороший охотник и ловкий, энергичный и сильный плаватель на лодках по быстринам реки. На мое предложение проводить нас до Сихотэ-Алиня Сунцай охотно согласился, но при условии, если я у него простою один день. Он говорил, что ему нужно отправить своего брата на охоту, излечить больную старуху мать и снарядиться самому в далекий путь.

Его матери было лет пятьдесят. Она являлась хранительницей древних обычаев и традиций, знала много сказаний, знала, в каких случаях какой налагается штраф (байта), и считалась авторитетной в решении спорных вопросов о калыме при заключении или расторжении браков.

Я согласился пробыть в доме Сунцая весь следующий день и не раскаялся. Сам хозяин и его мать оказались довольно общительными, и потому мне удалось узнать много интересного из шаманства и записать несколько сказок.

Вечером он угостил нас строганиной. На стол была подана целая замороженная рыба. Это оказался ленок, по размерам немного уступающий молодой горбуше. Мы отбросили предубеждения европейцев к сырой рыбе и оказали ей должное внимание за ужином.

XX.

Через Сихотэ-Алинь.

Р. Уленгоу.—Гарь.—Наледи.—Перевал Маака.—Восточный склон Сихотэ-Алиня.—Дикушка.—Метель.—Брошенная юрта.—Изгнание «чорта».

Следующие четыре дня (с 9 по 12 декабря) мы употребили на переход по р. Уленгоу. Река эта берет начало с хребта Сихотэ-Алиня и течет к юго-востоку.

Вследствие из года в год непрекращающихся пожаров лес на горах совершенно уничтожен. Он сохранился только по обоим берегам реки и на островах между протоками.

Глядя на замерзшие протоки, можно подумать, что Уленгоу и летом богата водой. На самом деле это не так. Сбегающая с гор вода быстро скатывается вниз, не оставляя позади себя особенно заметных следов. Зимой же совсем другое. Вода заполняет ямы, рытвины, протоки и замерзает. Поверх льда появляются новые наледи, которые все увеличиваются и разрастаются вширь, что в значительной степени облегчало наше передвижение. На больших реках буре-

ломный лес уносится водой, в малых же речках он остается лежать там, где упал. Зная это, мы захватили с собой несколько топоров и две поперечных пилы. При помощи их стрелки быстро разбирали завалы и прокладывали дорогу.

Чем ближе мы подвигались к перевалу, тем больше становилось наледей. Такие места видны издали по поднимающимся от них испарениям. Чтобы обойти наледи, надо взбираться на косогоры. На это приходится тратить много сил и времени. Особенно надо остерегаться, чтобы не промочить ног. В этих случаях незаменимой является туземная обувь из рыбьей кожи, сшитая жильными нитками.

Здесь с нами случилось маленькое происшествие, которое задержало нас почти на целый день. Ночью мы не заметили, как вода подошла к биваку. Одна нарта вмерзла в лед. Пришлось ее вырубать топорами, потом оттаивать полозья на огне и исправлять поломки. Наученные опытом, дальше на биваках мы уже не оставляли нарты на льду, а ставили их на деревянные катки.

С каждым днем итти становилось все труднее и труднее. Мы часто попадали то в густой лес, то в каменистые россыпи, заваленные буреломом. Впереди с топором в руках шли Дерсу и Сунцай. Они рубили кусты и мелкие деревья там, где они мешали проходу нарт, или клали их около рытвин и косогоров в таких местах, где нарты могли опрокинуться.

Целый день мы работали, не покладая рук, даже не останавливаясь на обед, и все же прошли не более десяти верст. Бурелом, наледи, кочковатые болота, провалы между камней, занесенные снегом,— создавали такие препятствия, что за восемь часов пути нам удалось сделать только 4¼ версты, что составляет в среднем 281 сажень в час. К вечеру мы подошли к гребню Сихотэ-Алиня. Барометр показывал 700 метров.

Следующий день был 14-е декабря. Утро было тихое и морозное. Солнце взошло красное и долго не давало тепла. На вершинах гор снег окрасился в нежно розовый цвет, а в теневых местах имел синеватый оттенок.

Осматривая окрестности, я заметил в стороне густые клубы пара, подымавшегося с земли. Я кликнул Дерсу и Сунцая и отправился туда, узнать, в чем дело.

Это оказался железисто-сернисто-водородный теплый ключ. Окружающая его порода — красного цвета; накипь

белая, известковая; температура воды +27° С. Туземцам хорошо известен теплый ключ на Уленгоу, как место, где всегда держатся лоси, но от русских они его тщательно скрывают.

От горячих испарений источника все заиндевело: камни, кусты лозняка и лежащий на земле валежник покрылись причудливым узором, блиставшим на солнце, словно алмазы. К сожалению, из-за холода я не мог взять с собой воды для химического анализа.

Пока мы ходили к теплому источнику, стрелки успели снять палатку и связать спальные мешки.

Сразу же с бивака мы начали подъем на Сихотэ-Алинь. Сначала мы перенесли на вершину его все грузы, а затем втащили пустые нарты.

На самом перевале стояла маленькая китайская кумирня со следующей надписью: «Си-жи Циго вей да-суай. Цзинь цзай да цинь чжей шай линь» («В древности в государстве Ци был главнокомандующим; теперь при Да-Цинь'ской династии охраняет леса и горы»).

С восточной стороны подъем на Сихотэ-Алинь очень крутой. Истоки реки Уленгоу представляют из себя несколько мелких ручьев, сливающихся в одно место. Эти овраги делают местность чрезвычайно пересеченной. По барометрическим измерениям, приведенным к уровню моря, абсолютная высота перевала измеряется в 820 метр. Я назвал его именем Маака, работавшего в 1855 году в Амурском крае.

Восточный склон Сихотэ-Алиня совершенно голый. Трудно представить себе местность, более неприветливую, чем истоки реки Уленгоу. Даже не верится, чтобы здесь был когда-нибудь живой лес. Немногие деревья остались стоять на своих корнях. Сунцай говорил, что раньше здесь держалось много лосей, отчего и река получила название Буй, что значит сохатый; но с тех пор, как выгорели леса, все звери ушли, и вся долина Уленгоу превратилась в пустыню.

Солнце прошло по небу уже большую часть своего пути, когда стрелки втащили на перевал последнюю нарту.

Увязав нарты, мы тотчас тронулись в путь.

Лес, покрывающий Сихотэ-Алинь, мелкий, старый, дровяного характера. Выбор места для бивака в таком лесу всегда доставляет много затруднений: попадешь или на камни, опутанные корнями деревьев, или на валежник, скрытый под мхом. Еще больше забот бывает с дровами. Для горожанина покажется странным, как можно итти по лесу и не найти

дров?.. А между тем это так. Ель, пихта и лиственница бросают искры; от них горят палатки, одежда и одеяла. Ольха — дерево мозглое, содержит много воды и дает больше дыму, чем огня. Остается только береза. Но среди хвойного леса на Сихотэ-Алине она попадается только одиночными деревьями. Сунцай, знавший хорошо эти места, скоро нашел все, что нужно было для бивака. Тогда я подал сигнал к остановке.

Стрелки стали ставить палатки, а мы с Дерсу пошли на охоту, в надежде, не удастся ли где-нибудь подстрелить сохатого. Недалеко от бивака я увидел трех птиц, похожих на рябчиков. Они ходили по снегу и мало обращали на нас внимания. Я хотел было стрелять, но Дерсу остановил меня.

— Не надо, не надо, — сказал он торопливо. — Их можно так бери.

Меня удивило то, что он подходил к птицам без опаски, но я еще более удивился, когда увидел, что птицы не боялись его и, словно домашние куры, тихонько, не торопясь, отходили в сторону. Наконец, мы подошли к ним сажени на две. Тогда Дерсу взял свой нож и, ни мало не обращая на них внимания, начал рубить молоденькую елочку, потом очистил ее от сучков и к концу привязал веревочную петлю. Затем он подошел к птицам и надел петлю на голову одной из них. Пойманная птица забилась и стала махать крыльями. Тогда две другие птицы, воображая, что надо лететь, поднялись с земли и сели на растущую вблизи лиственницу: одна на нижнюю ветку, другая — у самой вершины. Полагая, что птицы теперь сильно напуганы, я хотел было стрелять, но Дерсу опять остановил меня, сказав, что на дереве их ловить еще удобнее, чем на земле. Он подошел к лиственнице и тихонько поднял палку, стараясь не шуметь. Надевая петлю на шею нижней птице, он по неосторожности задел ее палкой по клюву. Птица мотнула головой, поправилась, и опять стала смотреть в нашу сторону. Через минуту она беспомощно билась на земле. Третья птица сидела так высоко, что достать ее с земли было нельзя. Дерсу полез на дерево. Лиственница была тонкая, жидкая. Она сильно качалась. Глупая птица, вместо того, чтобы улететь, продолжала сидеть на месте, крепко ухватившись за ветку своими ногами, и балансировала, чтобы не потерять равновесие. Как только Дерсу мог достать ее палкой, он накинул ей петлю на шею и стащил книзу. Таким образом, мы поймали всех трех птиц, не сделав ни одного выстрела. Тут только я заметил, что они

были крупнее рябчиков и имели более темное оперение. Кроме того, у самца были еще красные брови над глазами, как у тетеревов. Это оказалась «дикушка», обитающая в Уссурийском крае исключительно только в хвойных лесах Сихотэ-Алиня, к югу до истоков Арму. Она совершенно не оправдывает названия, данного ей староверами. Быть может, они назвали ее так потому, что она живет в самых диких и глухих местах. Исследования зоба дикушки показали, что она питается еловыми иглами и брусникой.

Когда мы подходили к биваку, были уже глубокие сумерки. Внутри палатки горел огонь, и от этого она походила на большой фонарь, в котором зажгли свечу. Дым и пар, освещенный пламенем костра, густыми клубами взвивались кверху. В палатке двигались черные тени: я узнал Захарова с чайником в руках и маньчжура Чи-ши-у с трубкой во рту. Собаки, услышав, что кто-то идет, с лаем бросились к нам навстречу, но, узнав своих, начали ласкаться. В палатке все работы были уже закончены; стрелки пили чай. Сунцай назвал дикушек по-своему и сказал, что бог нарочно создал непугливую птицу и велел ей жить в самых пустынных местах для того, чтобы случайно заблудившийся охотник не погиб с голоду.

Вечером мы отпраздновали переход через Сихотэ-Алинь. На ужин были поданы дикушки, потом сварили шоколад, пили чай с ромом, а перед сном я рассказал стрелкам одну из страшных повестей Гоголя.

Утром мы сразу почувствовали, что Сихотэ-Алинь отделил нас от моря: термометр на рассвете показывал —29° С. Здесь мы расстались с Сунцаем. Дальше мы могли итти сами; течение воды в реке должно было привести нас к Бикину. Тем не менее Дерсу обстоятельно расспросил его о дороге.

Когда взошло солнце, мы сняли палатки, уложили нарты, оделись потеплее и пошли вниз по р. Ляоленгоузе, имеющей вид порожистой горной речки с руслом, заваленным колодником и камнями.

С утра погода хмурилась. Воздух был наполнен снежной пылью. С восходом солнца поднялся ветер, который к полудню сделался чрезвычайно порывистым. По реке кружились снежные вихри; они зарождались неожиданно, словно сговорившись, бежали в одну сторону и так же неожиданно пропадали. Могучие кедры глядели сурово и,

раскачиваясь из стороны в сторону, гулко шумели, словно роптали на непогоду.

При морозе итти против ветра очень трудно. Мы часто останавливались и грелись у огня. В результате за целый день нам удалось пройти не более десяти верст. Заночевали мы в том месте, где река разбивается сразу на три протоки.

Следующие пять дней мы употребили на переход по р.р. Мыче и Бягаму без особых приключений и 20-го числа достигли Бикина.

Невдалеке от устья реки Бягаму стояла одинокая удэхейская юрта. Видно было, что в ней давно уже никто не жил. Такие брошенные юрты в представлении туземцев всегда служат обиталищем чертей.

По времени нам пора было устраивать бивак. Я хотел было войти в юрту, но Дерсу просил меня подождать немного. Он накрутил на палку бересту, зажег ее и, просунув факел в юрту, с криками стал махать им во все стороны. Захаров и Аринин смеялись, а он пресерьезно говорил им, что как только огонь вносится в юрту, чорт вместе с дымом вылетает через отверстие в крыше. Только тогда человек может войти в нее без опаски.

Стрелки вымели из юрты мусор, полотнищем палатки завесили вход и развели огонь. Сразу стало уютно. Кругом разлилась приятная теплота.

Я оделся и вышел из юрты. Ночь была ясная. По чистому, безоблачному небу плыла полная луна. Снег искрился на льду, и от этого казалось еще светлее. В ночном воздухе воцарилось спокойствие...

Покончив с работой, я еще раз напился чаю, завернулся в одеяло, и, повернувшись спиной к огню, сладко уснул.

XXI.

Зимние праздники.

Зимняя охота на кабанов.—Вечеринка в юрте.—Представления туземцев о расстояниях.—Елка в лесу.—Игры на льду.—Лотерея.

Как и надо было ожидать, к рассвету мороз усилился до—32° С. Чем дальше мы отходили от Сихотэ-Алиня, тем ниже падала температура. Известно, что в прибрежных странах очень часто на вершинах гор бывает теплее, чем в долинах. Очевидно, с удалением от моря мы вступили в «озеро холодного воздуха», наполнившего долину р. Уссури.

С восходом солнца мы тронулись в путь.

От устья Бягаму до железной дороги около 350 верст.

Немного ниже Лаохозена находится небольшое удэхейское стойбище, носящее то же название и состоящее из трех юрт.

Мы подошли к нему в сумерки. Появление партии неизвестных людей откуда-то «сверху» напугало туземцев, но, узнав, что в отряде есть Дерсу, они сразу успокоились и приняли нас очень радушно. На этот раз палаток мы не ставили и разместились в юртах.

Уже две недели, как мы шли по тайге. По тому, как стрелки и казаки стремились к жилым местам, я видел, что они нуждаются в более продолжительном отдыхе, чем обыкновенная ночевка в лесу. Поэтому я решил сделать у туземцев дневку. Узнав об этом, стрелки в юртах стали располагаться на широких квартирах. Бивачные работы отпада-

ли: не нужно было рубить хвою, таскать дрова и т. д. Они разулись и сразу приступили к варке ужина.

В сумерки возвратились с охоты два юноши-удэхейца и сообщили, что недалеко от стойбища они нашли следы кабанов и завтра намерены устроить на них облаву.

Охота обещала быть очень интересной и я решил пойти вместе с ними.

С вечера удэхейцы стали готовиться. Они перетянули ремни у лыж и подточили копья.

Так как завтра выступление было назначено до восхода солнца, то после ужина все рано легли спать.

Было еще темно, когда я почувствовал, что меня кто-то трясет за плечо. Я проснулся. В юрте ярко горел огонь. Туземцы уже приготовились; задержка была только за мной. Я быстро оделся, напился чаю и вместе с ними вышел на берег реки.

Удэхейцы шли впереди, а я следом за ними. Пройдя немного по реке Лаохозен, они свернули в сторону, затем поднялись на небольшой хребет и спустились с него в соседний распадок. Тут охотники стали совещаться. Поговорив немного, они снова пошли вперед, но уже тихо, без разговоров.

Через полчаса стало совсем светло. Солнечные лучи, осветившие вершины гор, известили обитателей леса о наступлении дня. В это время мы как раз дошли до того места, где юноши накануне видели следы кабанов.

Надо заметить, что летом дикие свиньи отдыхают днем, а ночью кормятся. Зимой обратно: днем они бодрствуют, а на ночь ложатся. Значит, вчерашние кабаны не могли уйти далеко.

Началось преследование.

Я первый раз в жизни видел, как быстро туземцы ходят по лесу на лыжах. Вскоре я начал отставать от удэхейцев и затем потерял их из виду совсем. Бежать за ними в догонку не имело смысла, и потому я пошел по их лыжнице, не торопясь. Так прошел я, вероятно, с полчаса, наконец, устал и сел отдохнуть. Вдруг позади меня раздался какой-то шум. Я обернулся и увидел двух кабанов, мелкой рысцой перебегающих мне дорогу. Я быстро поднял ружье и выстрелил, но промахнулся. Испуганные кабаны бросились в сторону. Не найдя крови на следах, я решил их преследовать. Минут через пятнадцать или двадцать я снова догнал кабанов. Они, видимо, устали и шли с трудом по глубокому снегу. Вдруг животные почуяли опасность и все разом, словно

по команде, быстро повернулись ко мне головами. По тому, как двигали они челюстями и по звуку, который долетал до меня, я понял, что они подтачивали клыки. Глаза животных горели, ноздри были раздуты, уши насторожены. Будь один кабан — я, может быть, стрелял бы; но передо мной было два секача. Несомненно, они бросятся мне навстречу. Я воздержался от выстрела и решил подождать другого, более удобного случая. Кабаны перестали щелкать клыками; они подняли кверху свои морды и стали усиленно нюхать воздух, затем медленно повернулись и пошли дальше. Тогда я обошел стороной и снова догнал их. Кабаны остановились опять. Один из них клыками стал рвать кору на валежнике. Вдруг животные насторожились, затем издали короткий рев и пошли прокладывать дорогу влево от меня. В это время я увидел четырех удэхейцев. По выражениям их лиц я понял, что они заметили кабанов. Я присоединился к ним и пошел сзади. Дикие свиньи далеко уйти не могли. Они остановились и приготовились к обороне. Туземцы обошли их кругом и стали сходиться к центру. Это заставило кабанов вертеться то в одну, то в другую сторону. Наконец, они не выдержали и бросились вправо. С удивительной ловкостью удэхейцы ударили их копьями. Одному кабану удар пришелся прямо под лопатку, а другой был ранен в шею. Этот последний ринулся вперед. Молодой удэхеец старался сдержать его копьем, но в это время послышался короткий сухой треск. Древко копья было перерезано клыками кабана, как тонкая хворостинка. Охотник потерял равновесие и упал вперед. Кабан метнулся в мою сторону. Инстинктивно я поднял ружье и выстрелил почти в упор. Случайно пуля попала прямо в голову зверя. Тут только я заметил, что удэхеец, у которого кабан сломал копье, сидел на снегу и зажимал рукой на ноге рану, из которой обильно текла кровь. Когда кабан успел царапнуть его клыком, не заметил и сам пострадавший. Я сделал ему перевязку, а удэхейцы наскоро устроили бивак и натаскали дров. Один человек остался с больным, другой отправился за нартами, а остальные снова пошли на охоту.

Поранение охотника не вызвало на стойбище тревоги: жена смеялась и подшучивала по адресу мужа. Случаи эти так часты, что на них никто не обращает внимания. На теле каждого мужчины всегда можно найти следы кабаньих клыков и когтей медведя.

За день стрелки исправили поломки у нарт, удэхейские женщины починили им унты и одежду. Чтобы облег-

чить людей, я нанял двух человек с нартами и собаками проводить нас до следующего стойбища.

На другой день, 23 декабря, мы продолжали наш путь.

Дальше река Бикин течет попрежнему на северо-запад. Долина ее то суживается до ста саженей, то расширяется до трех и более верст.

Другой кабан был ранен прямо в шею...

Около устья р. Давасигчи есть еще одно удэхейское стойбище из четырех юрт. Мужчины все были на охоте, дома остались только женщины и дети. Я рассчитывал сменить тут проводников и нанять других, но из-за отсутствия мужчин это оказалось невозможным. К моей радости, лаохозенские удэхейцы согласились итти с нами дальше.

После полудня мы миновали еще одно стойбище — Канготу. Здесь мы расстались с маньчжуром Чи-ши-у. Я снабдил его деньгами и продовольствием.

24-го декабря был канун рождественских праздников. Тем не менее я пошел дальше и только на бивак решил стать пораньше.

От Кинготу Бикин начинает склоняться к юго-западу. По сторонам в горах видны превосходные кедровые леса, зато в долине хвойные деревья постепенно исчезают, а на смену им выступают лиственные породы, любящие илистую почву и обилие влаги.

Животное население этих лесов весьма разнообразно. Тут водятся: тигр, рысь, дикая кошка, белка, бурундук, изюбрь, козуля, кабарга, россомаха, соболь, хорек и летяга. Белогрудый медведь встречается по нижнему течению Бикина только до р. Хабагоу; выше будут владения бурого медведя. Когда бывает урожай кедровых орехов, то кабаны подымаются до р. Бягаму, если же кедровых орехов уродится мало, то они спускаются книзу, за скалы Сигонку-Гуляни.

Бикин по справедливости считается одной из самых рыбных рек в крае. В нем во множестве водятся: вверху — хариус и ленок, по протокам в тинистых водах, — сазан, налим и щука, а внизу, ближе к устью — таймень и сом.

Кета подымается почти до самых истоков.

Около скал Сигонку стояли удэхейцы. От них я узнал, что на Бикине кого-то разыскивают и что на розыски пропавших выезжал пристав, но вследствие глубокого снега возвратился обратно. Я тогда еще не знал, что это касалось меня.

По рассказам туземцев, дальше было еще две пустых юрты. В этом покинутом стойбище я решил провести рождественские праздники.

— В каком это месте? — спросил я удэхейцев.

— Бэйсилаза-датани, — отвечал один из них.

— Сколько верст, — спросил его Захаров.

— Две, — отвечал удэхеец уверенно.

Я попросил его проводить нас, на что он охотно согласился. Мы купили у них сохатиного мяса, рыбы, медвежьего сала и пошли дальше.

Пройдя три версты я спросил проводника, далеко ли до юрты.

— Недалеко, — отвечал он.

Однако мы прошли еще четыре версты, а стойбище, как заколдованное, уходило от нас все дальше и дальше. Пора было становиться на бивак, но обидно было копаться

в снегу и ночевать по соседству с юртами. На все вопросы, далеко ли еще — удэхеец отвечал коротко:

— Близко.

За каждым изгибом реки я думал, что увижу юрты, но поворот следовал за поворотом, мыс за мысом, а стойбища нигде не было видно. Так прошли мы еще верст восемь. Вдруг меня надоумило спросить проводника, сколько верст еще осталось до Бейсилаза-датани?

— Семь, — отвечал он тем же уверенным тоном.

Стрелки так и сели и начали ругаться. Оказалось, что наш проводник не имел никакого понятия о верстах. Об этом туземцев никогда не следует спрашивать. Они меряют расстояние временем: полдня пути, один день, двое суток и т. д.

Тогда я подал сигнал к остановке. Удэхеец говорил, что юрты совсем близко, но никто ему уже не верил. Стрелки принялись спешно разгребать снег, таскать дрова и ставить палатки. Мы сильно запоздали; сумерки застали нас за работой. Несмотря на это, бивак вышел очень удобный.

Вечером я угостил своих спутников ромом и шоколадом. Потом я рассказывал им о жизни в древнем Риме, о Колизее и гладиаторах, которые своими страданиями должны были увеселять развращенную аристократию.

Стрелки слушали меня с глубоким вниманием.

Потом я показывал им созвездия на небе. Днем, при солнечном свете, мы видим только землю, ночью мы видим весь мир. Словно блестящая световая пыль была рассыпана по всему небосклону. От тихих сияющих звезд, казалось, нисходил на землю покой, и потому в природе было все так торжественно и тихо.

Следующий день мы простояли на месте.

Еще при отъезде из г. Владивостока я захватил с собой елочные украшения: хлопушки, золоченые орехи, подсвечники с зажимами, золотой дождь, парафиновые свечи, фигурные пряники и т. п. и подарки: серебряную рюмку, перочинный нож в перламутровой оправе, янтарный мундштук и т. д. Все это я хранил в коллекционных ящиках и берег для праздника.

Около нашей палатки росла небольшая елочка. Мы украсили ее бонбоньерками и ледяными сосульками.

Днем на реке были устроены игры. К вбитому в лед колу привязали две веревки, концы их прикрепили к поясам двух человек и завязали им глаза. Одному в руки был дан колокольчик, а другому — жгут из полотенца. Сущность

игры заключалась в том, что один должен был звонить в колокольчик и уходить, а другой подкрадываться на звук и бить звонаря жгутом. Игра эта увлекла всех. Туземцы смеялись до упаду и катались по земле так, что я не на шутку стал опасаться за их здоровье.

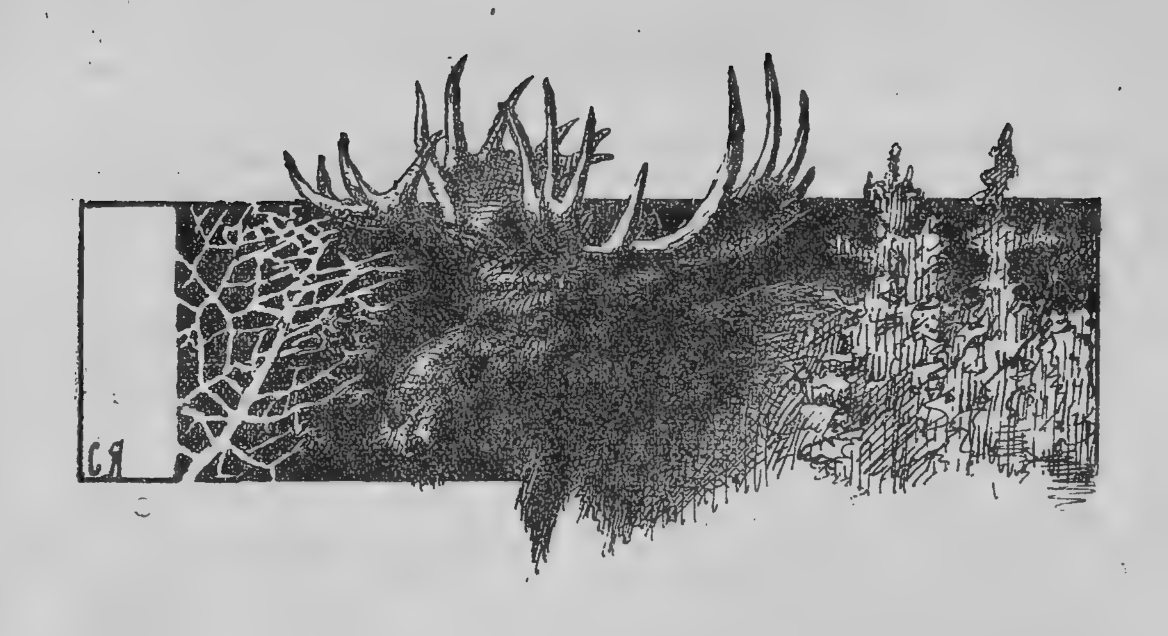
Когда стемнело, я велел зажечь бенгальские огни. Вечер был ясный и тихий.

При розыгрыше подарков Дерсу выиграл трубку; это вышло как раз кстати. Затем были розданы сласти. Все были довольны и веселы. Пение стрелков далеко разносилось по реке, будило эхо и лесных зверей.

Около полуночи стрелки ушли в палатки и, лежа на сухой траве, рассказывали друг другу анекдоты, острили и смеялись. Мало-по-малу голоса их стали затихать, реплики становились все реже и реже. Стрелок Туртыгин пробовал было возобновить разговор, но ему уже никто не отвечал.

Скоро дружный храп возвестил о том, что все уснули.

XXII.

Нападение тигра.

Размен денег.—Таза Китенбу.—Непогода.—Бивак в снегу.—Буря.—Кабаны.—Тревожная ночь.—Тигр.—Рассвет.—Преследование зверя.—Следы.—Возвращение на бивак.—Россомахи.

Утром я отпустил туземцев. Тут случилось довольно забавное происшествие. Я дал им каждому по десять рублей: одному десять рублей бумажкой, а другому—две пятирублевых. Тогда первый обиделся. Я думал, что он недоволен платой и указал ему на товарища, который явно высказывал удовлетворение. Оказалось совсем иное: удэхеец обиделся на то, что я дал ему одну бумажку, а товарищу—две. Я забыл, что они не разбираются в деньгах. Желая доставить удовольствие второму, я дал ему взамен десятирублевой бумажки три трехрублевых и одну рублевую. Тогда обиделся тот, у которого были две пятирублевых бумажки. Чтобы помирить их, пришлось дать тому и другому бумажки одинакового достоинства. Надо было видеть, с каким довольным видом они отправились во-свояси.

После дневки у всех было хорошее настроение; люди шли бодро и весело.

За день мы прошли верст восемнадцать и стали биваком около речки Катэтабауни, которая длиною верст десять.

Здесь будет самый близкий перевал на р. Хор. Немного выше речки Гуньето можно видеть скалы Сиганку-Гуляни,—излюбленное место удэхейских шаманов; тут же приютились три юрты и одна фанза, называемая Сидунгоу, в которой жили два старика: один из них был таза, другой китаец-соболевщик. Хозяева фанзочки оказались весьма гостеприимными.

Мне очень хотелось подняться на Хорский перевал. Я стал расспрашивать о дороге. Таза Китенбу (так звали нашего нового знакомого) изъявил согласие быть проводником. Ему, вероятно, было около шестидесяти лет. В волосах на голове у него уже показались серебряные нити, и лицо покрылось морщинами. По внешнему виду он нисколько не отличался от китайцев. Единственным доказательством его туземного происхождения было его собственное заявление. Он рассказывал, что ранее жил на Уссури, но, потесненный русскими переселенцами, перекочевал на р. Бикин, где и живет уже более десяти лет.

Китенбу тотчас же стал собираться. Он взял с собой заплатанное одеяло, козью шкурку и старую, много раз чиненую, берданку; я взял чайник, записную книжку и спальный мешок, а Дерсу—полотнище палатки, трубку и продовольствие.

Кроме нас троих, в отряде было еще два живых существа: моя собака Альпа и другая, принадлежащая тазу, серенькая остромордая собачка со стоячими ушами, с кличкой «Кады».

С утра стояла хорошая погода. Мы рассчитывали, что к вечеру успеем дойти до зверовой фанзы по ту сторону водораздела. Однако, нашим мечтаниям не суждено было сбыться. После полудня небо стало заволакиваться слоистыми облаками; вокруг солнца опять появились круги и вместе с тем начал подыматься ветер. Я хотел уже было повернуть назад, но Дерсу успокоил меня, сказав, что пурги не будет, будет только сильный ветер, который на завтра прекратится. Так оно и случилось. Часа в четыре пополудни солнце скрылось, и не разберешь—в тучах или в тумане. Воздух был наполнен сухой снежной пылью—мело... Поднявшийся ветер дул нам навстречу и, как ножом, резал лицо. Когда начало смеркаться, мы были как раз на водоразделе. Здесь Дерсу остановился и стал о чем-то совещаться со стариком тазой. Подойдя к ним, я узнал, что старик таза не-

много сбился с дороги. Из опасения заблудиться они решили заночевать под открытым небом.

— Капитан, — обратился ко мне Дерсу, — сегодня наша фанза найди нету, надо бивак делай.

— Хорошо,—сказал я,—давайте выбирать место.

Оба мои спутника еще поговорили между собою и, отойдя в сторону шагов двадцать, начали снимать котомки.

Место для бивака было выбрано, нельзя сказать, чтобы удачное. Это была плоская седловина, поросшая густым лесом. В сторону от нее тянулся длинный отрог, оканчивающийся небольшой конической сопкой. По обеим сторонам седловины были густые заросли кедровника и еще какого-то кустарника с неопавшей сухой листвою. Мы нарочно зашли в самую чащу его, чтобы укрыться от ветра, и расположились у подножья огромного кедра, высотою, вероятно, метров в двадцать. Дерсу взял топор и пошел за дровами, старик таза начал резать хвою для подстилки, а я принялся раскладывать костер.

Только к шести с половиною часам мы покончили бивачные работы и сильно устали. Когда вспыхнул огонь, на биваке стало сразу уютнее. Теперь можно было переобуться, обсушиться и подумать об ужине. Через полчаса мы пили чай и толковали о погоде.

Моя Альпа не имела такой теплой шубы, какая была у Кады. Она прозябла и, утомленная дорогой, сидела у огня, зажмурив глаза и, казалось, дремала. Тазовская собака, с малолетства привыкшая к разного рода лишениям, мало обращала внимания на невзгоды походной жизни. Свернувшись калачиком, она легла в стороне и тотчас уснула. Снегом всю ее запорошило. Иногда она вставала, чтобы встряхнуться, затем, потоптавшись немного на месте, старалась согреть себя дыханием.

Дерсу всегда жалел Альпу и каждый раз, прежде чем разуться, делал ей из еловых ветвей и сухой травы подстилку. Если поблизости не было ни того, ни другого, он уступал ей свою куртку, и Альпа понимала это. На привалах она разыскивала Дерсу, прыгала около него, трогала его лапами и всячески старалась обратить на себя внимание. И как только Дерсу брался за топор, она успокаивалась и уже терпеливо дожидалась его возвращения с охапкой еловых веток.

Сами мы были утомлены не меньше, чем собаки, и потому тотчас после чая, подложив побольше дров в костер, стали укладываться на боковую.

Расположились мы у огня каждый в отдельности. С подветренной стороны расположился я, Дерсу поместился сбоку. Он устроил себе нечто в роде палатки, а на плечи набросил шинель. Старик таза тоже поместился у подножья кедра, прикрывшись одеялом. Он взялся окарауливать бивак и поддерживать огонь всю ночь. Нарубив еловых веток, я разостлал на них свой мешок и устроился очень удобно. С одной стороны от ветра меня защищала валежина, а с другой — горел огонь.

В большом лесу во время непогоды всегда жутко. Так и кажется, что именно то дерево, под которым спишь, упадет на тебя и раздавит. Несмотря на усталось, я долго не мог уснуть.

Кто-то привел ветер в такое яростное состояние, что он, как бешеный зверь, бросался на все, что попадалось ему на пути. Особенно сильно доставалось деревьям. Это была настоящая борьба лесных великанов с обезумевшей воздушной стихией. Ветер налетал порывами, рвал, потом убегал прочь и жалобно выл в стороне. Являлось впечатление, будто мы попали в самую средину гигантского вихря. Ветер описывал большой круг, возвращался на наш бивак и нападал на кедр, стараясь во что бы то ни стало опрокинуть его на землю. Но это не удавалось. Лесной великан хмурился и только солидно покачивался из стороны в сторону. Мне пришло на память стихотворение Пушкина «Метель», потом я вспомнил пургу около озера Ханка и снежную бурю при переходе через Сихотэ-Алинь в прошлом году. Я слышал, как таза подкладывал дрова в огонь и как шумело пламя костра, раздуваемое ветром. Потом все перепуталось и я задремал. Около полуночи я проснулся. Дерсу и Китенбу не спали и о чем-то говорили между собой. По интонации голосов я догадался, что они чем-то встревожены.

Должно быть, кедр качается и грозит падением,— мелькнуло у меня в голове.

Быстро я сбросил с головы покрышку спального мешка и спросил, что случилось.

— Ничего, ничего, капитан,—отвечал мне Дерсу; но я заметил, что говорил он неискренно. Ему просто не хотелось меня беспокоить.

На биваке костер горел ярким пламенем. Дерсу сидел у огня и, заслонив рукой лицо от жара, поправлял дрова, собирая уголья в одно место; старик Китенбу гладил свою собаку; Альпа сидела рядом со мной и, видимо, дрожала от холода.

Дрова в костре горели ярко. Черные тени и красные блики двигались по земле, сменяя друг друга; они то удалялись от костра, то приближались к нему вплотную и прыгали по кустам и снежным сугробам.

— Ничего, капитан,—сказал мне опять Дерсу.—Твоя можно спи. Наша так,—сам говори.

Я не заставил себя упрашивать, закрылся опять с головой и заснул.

Приблизительно через полчаса я снова проснулся. Меня разбудили голоса.

— Что-то неладно,—подумал я и вылез из мешка.

Буря понемногу стихала. На небе кое-где показались звезды. Каждый порыв ветра сыпал на землю сухой снег с таким шумом, точно это был песок. Около огня я увидел своих приятелей. Таза был на ногах и к чему-то прислушивался. Дерсу стоял боком и, заслонив ладонью свет от костра, всматривался в темноту ночи. Собаки тоже не спали; они жались к огню, пробовали было садиться, но тотчас же вскакивали и переходили на другое место. Они что-то чуяли и смотрели в ту же сторону, куда направлены были взоры Дерсу и старика таза.

Ветер сильно раздувал огонь, вздымал тысячи искр кверху, кружил их в воздухе и уносил куда-то вглубь леса.

— Что такое, Дерсу?—спросил я гольда.

— Кабаны ходи,—отвечал он.

— Ну, так что же?

Кабаны в лесу — это так естественно: животные шли, наткнулись на наш бивак и теперь шумно выражали свое неудовольствие.

Дерсу сделал рукой досадливый жест и сказал:

— Как тебе столько года по тайге ходи, — понимай нету!.. Зимой ночью кабаны никогда не ходят.

Действительно, в той стороне, куда смотрели Дерсу и Китенбу, слышался треск ломаемых сучьев и характерное «чуханье» диких свиней. Немного не доходя до нашего бивака, кабаны спустились с седловины и обошли коническую сопку стороной.

Я размялся, и спать мне уже не хотелось.

— А почему это кабаны идут ночью?—спросил я Дерсу.

— Его напрасно ходи нету,—отвечал он.—Его другой люди гоняй.

Я подумал было, что он говорит про удэхейцев, и мысленно удивился, как ночью они ходят по тайге на лыжах. Но вдруг вспомнил, что Дерсу «людьми» называл не

одних только людей, и сразу все понял: кабанов преследовал тигр. Значит, хищник был где-то поблизости от нас.

Я не стал дожидаться чаю, подтащил свой мешок поближе к огню, залез в него и опять заснул.

Мне показалось, что спал я очень долго.

Вдруг что-то тяжелое навалилось мне на грудь, и одновременно с этим я услышал визг собаки и отчаянный крик Дерсу:

— Скорей!

Быстро я сбросил с себя верхний клапан мехового мешка. Снег и сухие листья обдали мне лицо. В то же мгновение я увидел, как какая-то длинная тень скользнула наискось к лесу. На груди у меня лежала Альпа.

Костер почти совсем угас: в нем тлели только две головешки. Ветер раздувал уголья и разносил искры по снегу. Дерсу сидел на земле, упершись руками в снег. Левой рукой он держался за грудь и, казалось, хотел остановить биение сердца. Таза старик лежал ничком в снегу и не шевелился.

Несколько мгновений я не мог сообразить, что случилось и что мне надо делать. С трудом я согнал с себя собаку, вылез из мешка и подошел к Дерсу.

— Что случилось?—спросил я его, тряся за плечо.

— Амба! Амба!—испуганно закричал он.—Амба совсем наша бивак ходи. Один собака таскай.

Тут только я заметил, что нет тазовской собаки.

Дерсу поднялся с земли и стал приводить в порядок костер. Как только появился огонь, таза тоже пришел в себя; он испуганно озирался по сторонам и имел вид сумасшедшего. В другое время он показался бы смешным.

На этот раз больше всего самообладания сохранил я. Это потому, что я спал и не видел того, что тут произошло. Однако, скоро мы поменялись ролями: когда Дерсу успокоился,—испугался я. Кто поручится, что тигр снова не придет на бивак, не бросится на человека?..

Как все это случилось, и как это никто не стрелял?

Оказалось, что первым проснулся Дерсу; его разбудили собаки. Они все время прыгали то на одну, то на другую сторону костра. Спасаясь от тигра, Альпа бросилась прямо на голову Дерсу. Спросонья он толкнул ее и в это время увидел совсем близко от себя тигра. Страшный зверь схватил тазовскую собаку и медленно, не торопясь, точно понимая, что ему никто помешать не может, понес ее в лес. Испуганная толчком, Альпа бросилась через огонь и попала прямо ко мне на грудь. В это самое время я и услышал крик Дерсу.

Инстинктивно я схватил ружье, но не знал куда стрелять.

Вдруг в зарослях позади меня раздался шорох.

Ночное посещение тигра.

— Здесь,—сказал шопотом таза, указывая рукой вправо от кедра.

— Нет, тут,—ответил Дерсу, указывая в сторону, совершенно противоположную.

Шорох повторился, но на этот раз с обеих сторон одновременно. Ветер шумел вверху по деревьям и мешал слушать. Порой мне казалось, что я как будто действительно слышу

треск сучков и вижу даже самого зверя, но вскоре убеждался, что это совсем не то: это был или колодник, или молодой ельник. Кругом была такая чаща, сквозь которую и днем-то ничего нельзя было рассмотреть.

— Дерсу!—сказал я гольду,—полезай на дерево. Тебе сверху хорошо будет видно.

— Нет,—отвечал он,—моя не могу. Моя старый люди; теперь дерево ходи совсем понимай нету.

Старик таза тоже отказался лезть на дерево. Тогда я решил взобраться на кедр сам. Ствол его был ровный и гладкий и с подветренной стороны запорошен снегом. С большими усилиями я поднялся не более, как на полтора метра. У меня скоро озябли руки, и я должен был спуститься обратно на землю.

— Не надо,—сказал Дерсу, поглядывая на небо.—Скоро ночь кончай.

Он взял винтовку и выстрелил в воздух. Как раз в это время налетел сильный порыв ветра. Звук выстрела затерялся где-то поблизости.

Мы разложили большой огонь и принялись варить чай. Альпа все время жалась то ко мне, то к Дерсу и при малейшем шуме вздрагивала и испуганно озиралась по сторонам.

Минут сорок мы еще сидели у огня и делились впечатлениями.

Наконец, начало светать. По небу разлился неясный свет утра; звезды стали гаснуть, точно они уходили куда-то вглубь неба. Еще немного времени и кроваво-красная заря показалась на востоке. Ветер стал быстро стихать, а мороз—усиливаться. Чуть лишь рассветало, Дерсу и Китенбу пошли к кустам. По следам они установили, что мимо нас прошло девять кабанов и что тигр был большой и старый. Он долго ходил около бивака и тогда только напал на собак, когда костер совсем угас.

Я предложил Дерсу оставить вещи на таборе и пойти по тигровому следу. Я думал, что он откажется, и был удивлен его согласием.

Гольд стал говорить о том, что тигру дано в тайге много корма. Этот тигр следил кабанов, но по пути увидел людей, напал на бивак их и украл собаку.

— Такой Амба можно стреляй—грех нету,—закончил он свою длинную речь.

Закусив наскоро холодным мясом и напившись горячего чаю, мы надели лыжи и пошли по тигровому следу.

Непогода совсем почти стихла. Вековые ели и кедры утратили свой белый наряд, зато на земле во многих местах намело большие сугробы. По ним скользили солнечные лучи и от этого в лесу было светло, по-праздничному.

От нашего бивака тигр шел обратно старым следом и привел нас к валежнику. Следы шли прямо под бурелом.

— Не торопись, капитан,—сказал мне Дерсу.—Прямо ходи не надо; надо кругом ходи, хорошо посмотри.

Мы стали обходить бурелом стороной.

— Уехали!—вдруг закричал Дерсу и быстро повернул в направлении нового следа.

Тут ясно было видно, что тигр долго сидел на одном месте. Под ним подтаял снег. Собаку он положил перед собою и слушал, нет ли сзади погони. Потом он понес ее дальше.

Так мы прошли еще часа два или три.

Тигр не шел прямо, а выбирал такие места, где было меньше снегу, где гуще были заросли и больше бурелома. В одном месте он взобрался на поваленное дерево и долго стоял на нем, но вдруг чего-то испугался, прыгнул на землю и несколько саженей полз на брюхе. Время от времени он останавливался и прислушивался: когда мы приближались, тигр уходил сперва прыжками, а потом шагами и рысью.

Наконец, Дерсу остановился и стал советоваться со стариком тазом. По его мнению, надо было возвратиться назад, потому что тигр не был ранен, снег недостаточно глубок, и преследование являлось бесполезной тратой времени.

Мне казалось странным и совершенно непонятным, почему тигр не ест собаку, а тащит ее с собой. Как бы в ответ на мои мысли, Дерсу сказал, что это не тигр, а тигрица, и что у нее есть тигрята; к ним-то она и несет собаку. К своему логовищу она нас не поведет, а будет водить по сопкам до тех пор, пока мы от нее не отстанем. С этими доводами нельзя было не согласиться.

Когда решено было возвращаться на бивак, Дерсу повернулся в ту сторону, куда ушел тигр, и закричал:

— Амба! Твоя лицо нету. Ты вор, хуже собаки. Моя тебя не боится. Другой раз тебя посмотри—стреляй!

После этого он закурил свою трубку и пошел назад по протоптанной лыжнице.

Немного не доходя до бивака, как-то случилось так, что я ушел вперед, а таза и Дерсу отстали. Когда я поднялся на перевал, мне показалось, что кто-то с нашего бивака бросился под гору.

Через минуту мы подходили к табору.

Все наши вещи были разбросаны и изорваны. От моего спального мешка остались только одни клочки. Следы на снегу указывали, что такой разгром произвели две россомахи. Их-то, вероятно, я и видел при приближении к биваку.

Собрав, что можно было, мы быстро спустились с перевала и пошли назад к биваку.

Итти под гору было легко, потому что старая лыжница хотя и была запорошена снегом, но крепко занастилась. Мы не шли, а просто бежали и к вечеру присоединились к своему отряду.

XXIII.

Конец путешествию.

Ночевка в покинутом жилище. — Местность Сигоу. — Новый год. — Прием у китайцев.—Встреча с Мерзляковым.—Табандо.—Железнодорожная станция.

29-го декабря мы выступили в дальнейший поход вниз по реке Бикину, который здесь течет строго на запад.

Чем ниже, тем река больше разбивается на протоки. При умении можно ими пользоваться и значительно сокращать дорогу.

Р. Бикин считается самой лесистой рекой. Лесом покрыто все: горы, долины и острова. Бесконечная тайга тянется во все стороны и на сотни верст. Не мудрено, что места эти в бассейне Уссури считаются также самыми зверовыми.

Около горы Бомыдинза, с правой стороны Бикина, мы нашли одну пустую удэхейскую юрту. Из осмотра ее Дерсу выяснил, почему люди покинули жилище: чорт мешал им жить и строил разные козни: кто-то умер, кто-то сломал ногу, приходил тигр и таскал собак. Мы воспользовались этой юртой и весьма удобно расположились в ней на ночлег.

Стрелки пошли за дровами, а Дерсу опять принялся дымом изгонять чорта из юрты. Я взял ружье и пошел вниз по реке на разведки.

С утра хмурившаяся погода разразилась крупным мокрым снегом при полном безветрии.

Громадные кедры, словно исполинские часовые, стояли теперь неподвижно и не шептались между собой.

Вечерние сумерки, хлопья снега, лениво падающего с неба, и угрюмый, молчаливый лес—все это вместе создавало картину бесконечно тоскливую...

Мимо меня бесшумно пролетела сова, испуганный заяц шарахнулся в кусты, и сова тотчас свернула в его сторону.

Я посидел немного на вершине и пошел назад.

Через несколько минут я подходил к юрте. Из отверстия ее в крыше клубами валил дым с искрами, из чего я заключил, что все устроились и варили ужин.

После чая, когда все полегли на свои места, я еще с час работал—приводил в порядок свой дневник—и затем все покончил сном.

30-го декабря наш отряд дошел до местности Тугулу с населением из «кровосмешанных» туземцев. Чем ближе мы подвигались к р. Уссури, тем больше и больше встречалось китайцев и тем больше утрачивался тип удэхейца. Одновременно с этим стало заметно, что день удлинился и климат сделался ровнее. Сильные ветры остались позади. Барометр медленно подымался, приближаясь к 760. Утром температура стояла низкая (—30° С.), днем немного повышалась, но к вечеру опять падала до —25° С.

Последний день 1907 года мы посвятили переходу к местности Сигоу (западная долина), самому населенному пункту на Бикине. Здесь живут исключительно китайцы. В 1894 году в нем насчитывалось 70 человек поровну мужчин-китайцев и удэхейских женщин, отобранных за долги у туземцев. Обитатели Сигоу занимаются исканием женьшеня, охотой, соболеванием, выгонкой спирта и эксплоатацией туземцев. С большим трудом они очищают от леса участки земли и засевают их пшеницей и кукурузой.

Китайцы зарезали свинью и приготовили много вина. Они убедительно просили меня провести у них завтрашний день. Наши продовольственные запасы истощились совсем, а перспектива встретить Новый год в более культурной обстановке, чем обыкновенный бивак, улыбалась моим спутникам. Я согласился принять приглашение китайцев, но взял со стрелков обещание, что пить много вина они не будут. Они сдержали данное слово, и я ни одного из них не видел в нетрезвом состоянии.

Следующий день был солнечный и морозный. Утром я построил свою команду и провозгласил тост за всех, кто содействовал нашей экспедиции и облегчал наши задачи. Крики «ура» разнеслись по лесу. Из соседних фанз выбежали китайцы и, узнав, в чем дело, опять пустили в ход свои трещотки.

Только что мы разошлись по фанзам и принялись за обед, как вдруг снаружи донесся звон колокольчика. Китайцы прибежали с известием, что приехал пристав. Через несколько минут кто-то в шубе ввалился в фанзу. И вдруг пристав этот превратился в А. И. Мерзлякова. Мы расцеловались. Начались расспросы. Оказалось, что он (а вовсе не пристав) хотел было итти мне навстречу, но отложил свою поездку вследствие глубокого снега.

Мой путь приближался к концу. Из Сигоу мы поехали на лошадях, пришедших вместе с А. И. Мерзляковым.

Верстах в пятнадцати от Сигоу вниз по р. Бикину встречается местность, свободная от леса, и с землей, годной для обработки. Тут живут окитаившиеся гольды.

От Сигоу вниз по р. Бикину часто встречаются зимовья, построенные русскими лесопромышленниками. Зимовье от зимовья находится в расстоянии 25 верст. За день мы проехали верст пятьдесят и заночевали около устья реки Гонголауза.

3-го января мы выехали еще задолго до восхода солнца. Возчики-казаки поторапливали нас, да и всем нам одинаково хотелось поскорее добраться до железной дороги.

Когда еще далеко, то обыкновенно идешь не торопясь, но чем ближе подходишь к концу, тем больше волнуешься, начинаешь торопиться, делать промахи и часто попадаешь впросак. В таких случаях надо взять себя в руки и терпеливо работать, не ускоряя шага.

Р. Алган будет правым, самым большим и последним притоком Бикина. Там, где он ближе всего подходит к Бикину, есть переволок Табандо. Обыкновенно здесь перетаскивают лодки из одной реки в другую, что значительно сокращает дорогу и дает большой выигрыш во времени.

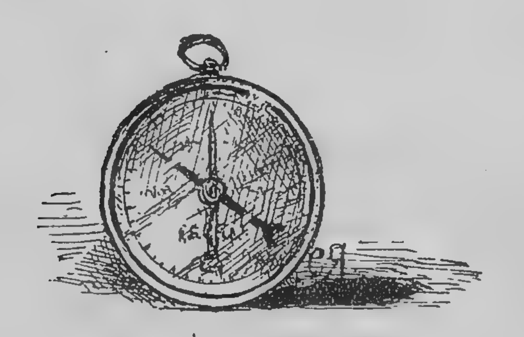
4-е января было последним днем нашего путешествия. Казаки разбудили меня очень рано.

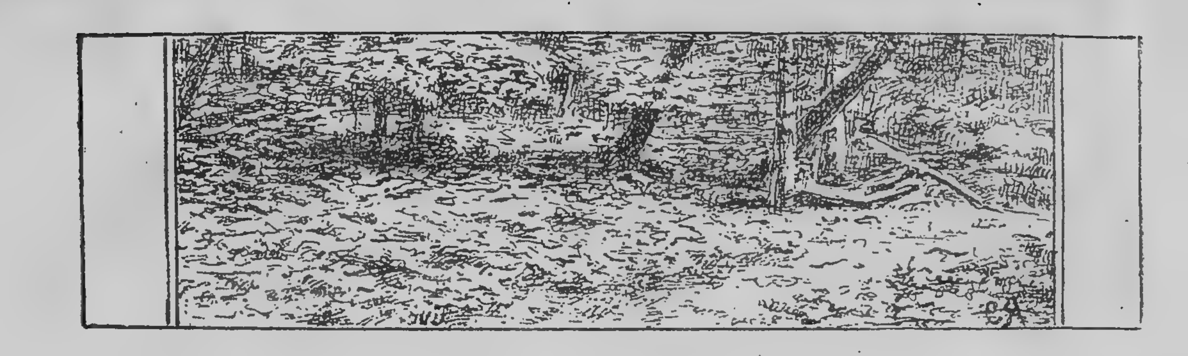
Было темно, но звезды на небе уже говорили, что солнце приближается к горизонту. Морозило... Термометр показывал —34° С. Гривы, спины и морды у лошадей заиндивели. Когда мы тронулись в дорогу, только что начинало светать.

На переволоке было так мало снегу, что пришлось вылезть из саней и переносить на себе грузы.

Вскоре после полудня мы прибыли в казачий поселок Георгиевский, немного отдохнули у станичного атамана и отправились на станцию Уссурийской железной дороги.

После долгого питья из кружки дешевого кирпичного чая с привкусом дыма—с каким удовольствием я пил хороший чай из стакана! С каким удовольствием я сходил в парикмахерскую, вымылся в бане и затем лег в чистую постель с мягкой подушкой...

XXIV.

Смерть Дерсу.

В Хабаровск мы приехали 7-го января вечером. Стрелки пошли в свои роты, а я вместе с Дерсу отправился к себе на квартиру, где собрались близкие мне друзья.

На Дерсу все поглядывали изумленно и с любопытством. Он тоже чувствовал себя не в своей тарелке и долго не мог освоиться с новыми условиями жизни.

Я отвел ему у себя маленькую комнату, в которой поставил кровать, деревянный стол и два табурета. Последние ему, видимо, совсем были не нужны, так как он предпочитал сидеть на полу или, чаще, на кровати, поджав под себя ноги, по-турецки. В этом виде он напоминал бурхана из буддийской кумирни.

Ложась спать, он, по старой привычке, поверх сенного тюфяка и ватного одеяла каждый раз подстилал под себя козью шкурку.

Любимым местом Дерсу был уголок около печки. Он садился на дрова и подолгу смотрел на огонь. В комнате для него все было чуждо, и только горящие дрова напоминали тайгу. Когда дрова горели плохо, он сердился на печь и говорил:

— Плохой люди, его совсем не хочу гори.

Иногда я подсаживался к нему, и мы вспоминали все пережитое во время путешествий. Эти беседы обоим нам доставляли большое удовольствие.

По возвращении из экспедиции всегда бывает много работы: составление денежных и служебных отчетов, вычерчивание маршрутов, разборка коллекций и т. п. Дерсу заметил, что я целые дни сидел за столом и писал.

— Моя раньше думай,—сказал он,—капитан так сиди (он показал, как сидит капитан), кушает, людей судит, другой работы нету. Теперь моя понимай: капитан сопка ходи— работай, назад город ходи—работай. Совсем гуляй не могу.

Однажды, зайдя к нему в комнату, я застал его одетым. В руках у него было ружье.

— Ты куда?—спросил я.

— Стрелять, — отвечал он просто и, заметив в моих глазах удивление, стал говорить, что в стволе ружья накопилось много грязи. При выстреле пуля пройдет по нарезам и очистит их; после этого канал ствола останется только протереть тряпкой.

Запрещение стрельбы в городе было для него неприятным открытием. Он повертел ружье в руках и, вздохнув, поставил его назад в угол. Почему-то это обстоятельство особенно сильно его взволновало.

На другой день, проходя мимо комнаты Дерсу, я увидел, что дверь в нее приотворена. Случилось как-то так, что я вошел тихо. Дерсу стоял у окна и что-то вполголоса говорил сам с собою. Замечено, что люди, которые подолгу живут одинокими в тайге, привыкают вслух выражать свои мысли.

— Дерсу!—окликнул я его.

Он обернулся. На лице его мелькнула горькая усмешка.

— Ты что?—обратился я к нему с вопросом.

— Так,—отвечал он.—Моя здесь сиди все равно утка. Как можно люди в ящике сидеть (он указал на потолок и стены комнаты). Люди надо постоянно сопка ходи, стреляй...

Дерсу замолчал, повернулся к окну и опять стал смотреть на улицу.

Он тосковал об утраченной свободе.

— Ничего, — подумал я, — обживется и привыкнет к дому.

Случилось как-то раз, что в его комнате нужно было сделать небольшой ремонт: исправить печь и побелить стены. Я сказал ему, чтобы он дня на два перебрался ко мне в кабинет, а затем, когда комната будет готова, он снова в нее вернется.

— Ничего, капитан, — сказал он мне. — Моя можно на улице спи: палатку делай, огонь клади—мешай нету.

Ему казалось это так просто, и мне стоило больших трудов отговорить его от этой затеи. Он не был обижен, но был недоволен тем, что в городе много стеснений: нельзя

ставить палатку, нельзя класть огня на улице, нельзя стрелять, потому что все это будет мешать прохожим.

Однажды Дерсу присутствовал при покупке дров; его поразило, что за них я заплатил деньги.

— Как!—закричал он.—В лесу много дров есть, зачем напрасно деньги давай?

Он ругал подрядчика, назвал его «плохой люди» и всячески старался убедить меня, что я обманут. Я пытался было объяснить ему, что плачу деньги не столько за дрова, сколько за труд, но напрасно. Дерсу долго не мог успокоиться и в этот вечер не топил печь. На другой день, чтобы не вводить меня в расходы, он сам пошел в лес за дровами. Его задержали и составили протокол. Дерсу по-своему протестовал, шумел. Тогда его препроводили в полицейское управление. Когда мне сообщили об этом по телефону, я постарался уладить это дело. Сколько потом я ни объяснял ему, почему нельзя рубить деревьев около города, он меня так и не понял.

Случай этот произвел на него сильное впечатление. Он понял, что в городе надо жить не так, как ему хочется, а как этого хотят другие. Чужие люди окружали его со всех сторон и стесняли на каждом шагу. Старик начал задумываться, уединяться; он похудел, осунулся и даже как будто еще более постарел.

Следующее маленькое событие окончательно нарушило его душевное равновесие: он увидел, что я заплатил деньги за воду.

— Как! — опять закричал он. — За воду тоже надо деньги платить. Посмотри на реку (он указал на Амур) — воды много есть. Как можно...

Он не договорил и ушел в свою комнату.

Вечером я сидел в кабинете и что-то писал. Вдруг я услышал, что дверь тихонько скрипнула. Я обернулся: на пороге стоял Дерсу. С первого взгляда я узнал, что он хочет меня о чем-то просить. Лицо его выражало смущение и тревогу. Не успел я задать вопрос, как вдруг он опустился на колени и заговорил:

— Капитан! Пожалуйста, пусти меня в сопки. Моя совсем не могу в городе жить: дрова купи, воду тоже надо купи, дерево руби—другой люди ругается.

Я поднял его и посадил на стул.

— Куда же ты пойдешь?—спросил я.

— Туда!—он указал рукой на синеющий вдали хребет Хехцир.

Жаль мне было с ним расставаться, но жаль было и задерживать. Пришлось уступить. Я взял с него слово, что через месяц он вернется обратно, и тогда мы вместе поедем на р. Уссури. Там я хотел устроить его на житье у знакомых мне тазов.

Я полагал, что Дерсу дня два еще пробудет у меня, и хотел снабдить его деньгами, продовольствием и одеждой. Но вышло иначе.

На другой день утром, проходя мимо его комнаты, я увидел, что дверь в нее открыта. Я заглянул туда—комната была пуста.

Уход Дерсу произвел на меня тягостное впечатление; словно что оборвалось в груди, закралось какое-то нехорошее предчувствие; я чего-то боялся, что-то говорило мне, что я больше его не увижу. Я был расстроен весь день, работа валилась у меня из рук. Наконец, я бросил перо, оделся и пошел в лагерь.

На дворе была уже весна: снег быстро таял. Из белого он сделался грязным, точно его посыпали сажей. В сугробах, в направлении солнечных лучей, появились тонкие ледяные перегородки; днем они рушились, а за ночь опять намерзали. По канавам бежала вода. Она весело журчала и словно каждой сухой былинке торопилась сообщить радостную весть о том, что она проснулась и теперь позаботится оживить природу.

Возвратившиеся со стрельбы стрелки говорили мне, что видели на дороге какого-то человека с котомкой за плечами и с ружьем в руках. Он шел радостный, веселый и напевал песню. Судя по описаниям, это был Дерсу.

Недели через две после его ухода от своего приятеля И. А. Дзюль я получил телеграмму следующего содержания:

«Человек, посланный вами в тайгу, найден убитым».

Дерсу!—мелькнуло у меня в голове. Я вспомнил, что для того, чтобы в городе его не задерживала полиция, я выдал ему свою визитную карточку с надписью на оборотной стороне, указывавшей, что жительство он имеет у меня. Вероятно, эту карточку нашли и дали мне знать по телеграфу.

На другой день я выехал на станцию Корфовскую, расположенную с южной стороны хребта Хехцира. Там я узнал, что рабочие видели Дерсу в лесу на дороге. Он шел с ружьем в руках и разговаривал с вороной, сидевшей на дереве.

На станцию Корфовскую поезд пришел почти в сумерки.

Было уже поздно, и поэтому мы с И. А. Дзюль решили итти к месту происшествия на другой день утром.

Всю ночь я не спал. Смертельная тоска щемила мне сердце. Я чувствовал, что потерял близкого человека. Как много мы с ним пережили! Сколько раз он выручал меня в то время, когда сам находился на краю гибели!

Чтобы рассеяться, я принимался читать книгу, но это не помогало. Глаза механически перебирали буквы, а в мозгу в это время рисовался образ Дерсу, который последний раз просил меня, чтобы я отпустил его на волю. Я обвинял себя в том, что привез его в город. Но кто бы мог подумать, что все это так кончится!

Под утро я немного задремал, и тотчас мне приснился странный сон: мы — я и Дерсу — были на каком-то биваке в лесу. Дерсу увязывал свою котомку и собирался куда-то итти, а я уговаривал его остаться со мной. Когда все было готово, он сказал, что идет к жене, и вслед за этим быстро направился к лесу. Мне стало страшно; я побежал за ним и запутался в багульнике. Появились пятилапчатые листья жень-шеня. Они превратились в руки, схватили меня и повалили на землю. Я слабо вскрикнул и сбросил с головы одеяло. Яркий свет ударил мне в глаза. Передо мной стоял И. А. Дзюль и тряс за плечо.

— Здорово же вы заспались, — сказал он. — Пора вставать.

Часов в 9 утра мы вышли из дому.

Был конец марта. Солнышко стояло высоко на небе и посылало на землю яркие лучи. В воздухе чувствовалась еще свежесть ночных заморозков, в особенности, в теневых местах, но уже по талому снегу, по воде в ручьях и по веселому праздничному виду деревьев видно было, что ночной холод никого уже запугать не может.

Маленькая тропка повела нас в тайгу. Версты через полторы справа от дорожки я увидел костер и около него три фигуры. В одной из них я узнал полицейского пристава. Двое рабочих копали могилу, а рядом с ней на земле лежало чье-то тело, покрытое рогожей. По знакомой мне обуви на ногах я узнал покойника.

— Дерсу! Дерсу!—невольно вырвалось у меня из груди.

Рабочие изумленно посмотрели на меня. Мне не хотелось при посторонних давать волю своим чувствам, я отошел в сторону, сел на пень и отдался своей печали.

Земля была мерзлая, рабочие оттаивали ее огнем и выбирали то, что можно было захватить лопатой. Минут через

пять ко мне подошел пристав. Он имел такой радостный и веселый вид, точно приехал на праздник. Он рассказал мне, что Дерсу нашли мертвым около костра. Судя по обстановке, его убили сонным. Убийцы искали у него денег и унесли винтовку.

Часа через полтора могила была готова. Рабочие подошли к Дерсу и сняли с него рогожу. Пробравшийся сквозь густую хвою солнечный луч упал на землю и озарил лицо покойника. Оно почти не изменилось. Раскрытые глаза смотрели в небо; выражение их было такое, как будто бы Дерсу что-то забыл и теперь силился вспомнить. Рабочие перенесли его в могилу и стали засыпать землей.

— Прощай, Дерсу! — сказал я тихо. — В лесу ты родился, в лесу и покончил расчеты с жизнью.

Минут через двадцать над тем местом, где опустили тело гольда, возвышался небольшой бугорок земли.

Покончив со своим делом, рабочие закурили трубки и, разобрав инструменты, пошли на станцию вслед за приставом.

Я сел на землю около дороги и долго думал об усопшем друге.

Как в кинематографе, передо мною одна за другой вставали картины прошлого: первая встреча с Дерсу на р. Лефу, озеро Ханка, встреча с тигром на Ли-Фудзине, лесной пожар на р. Санхобе, наводнение на Билимбе, переправа через р. Такему, маршрут по р. Иману, голодовка на Кулумбе, путь по Бикину...

В это время прилетел поползень. Он сел на куст около могилы, доверчиво посмотрел на меня и защебетал.

— «Смирный люди», — вспомнилось мне, как Дерсу называл этих пернатых обитателей тайги. Птичка вспорхнула и полетела в кусты. И снова тоска защемила мне сердце.

Солнце успело уже пройти по небу большую часть своего пути. Лучи его уже не светили на землю, а уходили куда-то в беспредельное голубое небо. Слышно было, как перекликались в лесу птицы.

Отойдя немного, я оглянулся, чтобы запомнить место, где был похоронен Дерсу. Два большие кедра, приютившие его под своей сенью, были приметны издали.

— Прощай, Дерсу! — сказал я в последний раз и пошел по дороге.

Летом 1908 года я отправился в третье свое путешествие, которое длилось почти два года.

В 1910 году зимой я вернулся в Хабаровск и тотчас поехал на станцию Корфовскую, чтобы навестить дорогую могилу. Я не узнал места — все изменилось: около станции возник целый поселок, в пригорьях Хехцира открыли ломки гранита, начались порубки леса, заготовка шпал. Несколько раз я принимался искать могилу Дерсу, но напрасно... Приметные кедры исчезли, появились новые дороги, насыпи, выемки, все кругом носило следы новой жизни.

КАРТА
УССУРИЙСКОГО КРАЯ
С УКАЗАНИЕМ МАРШРУТОВ
В.К.АРСЕНЬЕВА.
в 1906–1907 г.г.
МАСШТАБ
1 : 680.000
МАНЬЧЖУРИЯ
ЯПОНСКОЕ МОРЕ
Оз.
Ханка
р. Амур
Никольск Урс.
Сыгоу
Сидатун
Кынан
Зал Владимира
Зал Св Ольги

СЛОВАРЬ

местных названий, туземных и научных слов, встречающихся в книге.

Абсолютная высота — высота над уровнем моря.
Агды — орочское название грома.
Амба — чорт; этим же именем «амба» туземцы называют и тигра.
Анемометр — инструмент для измерения силы ветра.
Бар — мель при впадении реки в море.
Барометр — инструмент, с помощью которого измеряется высота гор.
Бассейн — территория, занимаемая рекой и всеми ее притоками.
Буда — русское название чумизы (китайское просо).
Гать — настилка из деревьев и кустарников на заболоченных местах.
Гольцы — вершины гор, лишенные растительности.
Диморфант пальмовидный — деревцо с пальмовидными листьями и с иглами по стволу и ветвям.
Жень-шень — растение, которому китайцы приписывают чудесную силу исцелять все недуги.
Завал — буреломный лес.
Зыбуны — трясины в болотах.
Зароды — стога сена.
Забереги — лед на воде около берега.
Кан — нары, подогреваемые дымоходами.
Калым — выкуп невесты у ее родителей.
Колодник — древесные стволы, упавшие в лесу.
Кильватерная колонна — суда, следующие друг за другом «гуськом».
Леспедеца — кустарник с мелкой листвой и мелкими малиновыми и фиолетовыми цветами.
Лудева — забор длинный и ямы вдоль него для ловли зверей.
Лыжница — след, оставляемый лыжами.
Манза — китаец, проживающий в тайге Уссурийского края.
Марккловка — особый вид поинтера, ныне исчезнувший или близкий к полному исчезновению.
Маршрут — путь, который намечен к выполнению или уже пройден.
Мальма — морская рыба-форель.
Наледь — вода поверх льда на реке.
Нарты — сани.
Олочи — русское название легкой туземной обуви.
Ориентировка — определение своего положения на месте по странам света.
Отава — свежая трава на месте покоса.
Панты — молодые рога оленей; ценятся китайской медициной.
Пантач — олень с молодыми рогами, которым китайцы приписывают целебные свойства.

Падь — долина.
Пал — степной или лесной пожар.
Протока — побочный рукав реки.
Плавник — лес, принесенный водою и выброшенный на берег.
Планшет — папка с компасом, на которой вычерчивается съемка во время пути.
Пурга — снежная буря.
Протомоллюски — простейшие моллюски; выше их стоят моллюски с раковинами.
Подранок — раненое животное.
Распадок — короткая и широкая долина.
Рекогносцировка — осмотр ближайших окрестностей.
Сошки — две длинных тонких палки, скрепленных колышком или гвоздем. Употребляются как подставка для большей меткости при стрельбе из ружья.
Сопка — гора.
Секач — взрослый самец-кабан, держащийся отдельно.
Строганина — замороженная рыба, которую едят сырою, нарезав ее тоненькими ломтиками, в роде стружек.
Съемка — нанесение на карту пройденного экспедицией пути.
Тайфун — ураган.
Урочище — местность, где возник поселок, ограниченная горами, берегом моря, реками и т. д.
Унты — орочское название обуви.
Улы — китайская обувь.
Увал — пологий склон горы.
Фанза — китайский дом, глинобитный, с крышей, покрытой соломой или сеном.
Фарватер — русло реки.
Хунхузы — китайские разбойники.
Ханшинный завод — завод, изготовляющий китайский спирт — «ханшин».
Целина — местность без дорог, нетронутая человеком.
Чумиза — мелкая крупа в роде проса.
Шаланда — китайское мореходное судно, в роде шхуны.
Шуга — мелкий лед, плавающий по воде перед рекоставом.
Шикша — черная ягода, похожая на чернику, но почти безвкусная.
«Щеки» — скалы, сжимающие реку с обеих сторон.
Элеутерококкус — колючее растение, называемое русскими переселенцами «чортовым деревом».
Юрта — туземное жилище из бересты или из кедрового корья.
Юкола — сухая рыба.

Список заставок и концовок.

Стр.
1. Уссурийская пантера. . . . . 9.
2. Голова изюбря. . . . . 14.
3. Отряд в пути. . . . . 15.
4. Кабаны. . . . . 22.
5. Бивак на берегу реки Лефу. . . . . 31.
6. Мыши. . . . . 37.
7. Гуси. . . . . 38.
8. Зимородок. . . . . 47.
9. Пурга. . . . . 48.
10. Переправа лошадей вплавь. . . . . 59.
11. Муравьи. . . . . 67.
12. Полоз Шренка. . . . . 68.
13. Зайцы. . . . . 76.
14. Навьюченные лошади. . . . . 77.
15. Выдра с пойманной рыбой. . . . . 84.
16. Пестрый дятел. . . . . 85.
17. Кедровка. . . . . 95.
18. Бурундуки. . . . . 96.
19. Желна. . . . . 104.
20. Рябчики. . . . . 105.
21. Бурелом. . . . . 111.
22. Бабочка «Махаон». . . . . 112.
23. Стрекоза «Коромысло» . . . . . 122.
24. Пятнистые олени. . . . . 123.
25. Голова тигра. . . . . 134.
26. Собака «Альпа». . . . . 135.
27. Ронжа. . . . . 142.
28. Чайка. . . . . 143.
29. Осьминог. . . . . 148.
30. Тайга. . . . . 149.
31. Синицы. . . . . 157.
32. Тигр ночью. . . . . 158.
33. Беседа у костра. . . . . 166.
34. «Гнус» (комары, мошки в тайге). . . . . 167.
35. Глухарь. . . . . 175.
36. Ворона. . . . . 186.
37. Ход лососевых. . . . . 187.
38. Утка. . . . . 197.
39. Косуля. . . . . 198.
40. Сивучи. . . . . 207.
41. Бокхан. . . . . 217.
42. Среди камышей. 219. 2/1
43. Цветущая ива. . . . . 224.

44. Пожар в лесу. . . . . 225.
45. Кореянка. . . . . 232.
46. Ход горбуши в горной речке. . . . . 233.
47. Оляпка. . . . . 241.
48. Белка. . . . . 249.
49. Белогрудый медведь. . . . . 250.
50. Дерсу собирает рыбьи головы. . . . . 259.
51. Лисица. . . . . 260.
52. Кедр и виноградник. . . . . 271.
53. Одуванчик. . . . . 276.
54. Уссурийская орхидея. . . . . 277.
55. Форель (мальма). . . . . 284.
56. Лебеди. . . . . 285.
57. Журавли. . . . . 296.
58. Слоник (редкий жук). . . . . 305.
59. Наводнение. . . . . 306.
60. Фазаны. . . . . 316.
61. Крохаль. . . . . 322.
62. Красные волки. . . . . 323.
63. Дикая коза. . . . . 329.
64. Ящерица. . . . . 330.
65. Сова. . . . . 336.
66. Белая цапля. . . . . 337.
67. Кабарга. . . . . 344.
68. Лосось. . . . . 351.
69. Головной убор удэхейца. . . . . 365.
70. Куница. . . . . 366.
71. Колпица. . . . . 372.
72. На берегу моря. . . . . 373.
73. Краб. . . . . 380.
74. Постепенное развитие туземного орнамента «бой соболей». . . . . 381.
75. Улитка. . . . . 386.
76. Белка. . . . . 387.
77. Кореец. . . . . 395.
78. Гриф. . . . . 396.
79. Россомаха. . . . . 404.
80. Лисица. . . . . 412.
81. В пути с нартами . . . . . 413.
82. Горностай. . . . . 421.
83. Лось. . . . . 434.
84. Собака «Леший». . . . . 442.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие . . . . 5.

ЧАСТЬ I.

I. Стеклянная падь.

С. Шкотово. Р. Бэйца. Встреча с пантерой. Да-Дян-Шань. Изюбри. . 9.

II. Встреча с Дерсу.

Бивак в лесу. Ночной гость. Бессонная ночь. Рассвет . . . . 15.

III. Охота на кабанов.

Изучение следов. Забота о путнике. Зверовая фанза. Кабаны. Анимизм Дерсу. Сон . . . . 22.

IV. Происшествие в корейской деревне.

Приметы Дерсу о погоде. Перестрелка. Равнодушие корейцев. Деревня Казакевичево. Дерсу устраивается на ночь. Бивак около д. Ляличи. 31.

V. Нижнее течение р. Лефу.

Осенний перелет птиц. Стрельба Дерсу. Живая вода и живой огонь. Пернатое население болот. Теневой сегмент земли. Тяжелое состояние после сна. Перемена погоды . . . . 38.

VI. На озере Ханка.

Торопливый перелет птиц. Заблудились. Пурга на оз. Ханка. Шалаш из травы. Возвращение на бивак. Путь до Дмитровки. Дерсу заботится о лодке. Бивак гольда за деревней. Планы Дерсу. Прощание. Возвращение во Владивосток . . . . 48.

VII. Вверх по р. Уссури.

Новая экспедиция. Работа путешественника. Отъезд. На сборном пункте. Выступление в поход. Переправа через р. Уссури. Охота за пчелами . . . . 59.

VIII. К селению староверов.

Маньчжурский заяц. Гольды рода Юкомика. Сухая мгла. Перемена погоды. Полоз Шренка. Гроза. Д. Загорная. Старовер Паначев . . . . . . 68.

IX. Через горы—к д. Кокшаровке.

Уссурийская тайга. Заблудились. Средство от комаров и мошек . . . . . 77.

X. Долина Фудзина.

Китайская земледельческая фанза. Варка пантов. Анофриев в роли начальника отряда. Лесные птицы. Встреча с промышленником . . . . . . 85.

XI. Сквозь тайгу.

Тазы. Ловцы жемчуга. Скрытность китайцев. Лесная пустыня. Сумерки в тайге. Пищуха. Бурундук. Встреча с медведем. Гнус.......... 96

XII. Великий лес.

Птицы в тайге. Ночь в лесу. Манзы-таежники. Плантация жень-шеня. Проводник—старый китаец. Старинный путь к п. Ольги. Лес в предгориях Сихотэ-Алиня. Утомление и недостаток продовольствия..... 105

XIII. Через Сихотэ-Алинь—к морю.

Перевал через Сихотэ-Алинь. Лес на склонах Сихотэ-Алиня. Р. Вай-Фудин. Горал. Светящиеся насекомые. Птицы в прибрежном районе. Деревня Фудин. Бедствия первых переселенцев. Охотники за медведями. Кашлев—тигриная смерть. Конец пути.................. 112

XIV. Залив Ольги.

История залива. Тихая пристань. Китайский поселок Шимынь. Пост Ольги. И. А. Пятышин. Геология залива Ольги. Экскурсия на р. Сыдагоу. Лесные заросли. Тигр. На вершине хребта. Р. Сандагоу. Пятнистые олени.................................... 123

XV. Приключения на р. Арзамасовке.

Китаец Че-Фан. Птицы. Охота на кабанов. Заблудился. Дождь. Опасное положение. Услуга, оказанная Лешим. Тропа. Упадок сил. Огонь. Чужой бивак. Мурзин. Возвращение.............................. 135

XVI. Залив Владимира.

Р. Ольга. Ночлег около китайской фанзы. Китайские морские промыслы. Осьминог.. 143

XVII. Дерсу Узала.

Происхождение названия Тадушу. Фанза Си-ян. Рассказы старика-маньчжура. Население. Сумерки и ненастье. Бивак незнакомца. Встреча. Ночная беседа. Лудевая фанза. Перевал Венюкова....... 149

XVIII. Амба.

Анимизм Дерсу. Тигр-преследователь. Дерсу говорит со зверем. Кандагоу. Охота на солонцах. Дерсу просит тигра не сердиться. Возвращение. Волнение гольда. Ночь.............................. 158

XIX. Ли-Фудзин.

Содержимое котомки Дерсу. Приспособленность к жизни в тайге. Родные могилы. Заживо погребенные. Р. Ното. Барсук. Нападение шершней. Лекарственное растение.............................. 167

XX. Проклятое место.

Енотовидная собака. Охота на кабанов. Лес в истоках р. Дананцы. Привидения. Перевал. Птицы. Река Вангоу. Страшный выстрел. Дерсу ранен. Солонцы. Брошенная лудева. Встреча с Гранатманом и Мерзляковым. Р. Динзахе. Птицы. Искатель жень-шеня........... 175

XXI. Возвращение к морю.

Енотовидные собаки. Устье р. Тютихе. Стрельба по уткам. Философия Дерсу. Птицы на берегу моря. Гроза. Ход рыбы. Тазы. Потрава пашен кабанами. Летяга..................................... 187

XXII. Рев изюбрей.

Жень-шень. Перевал Скалистый. Сильный вихрь. Р. Горбуша. Медведь, добывающий желуди. Изюбри. Тигр на охоте за оленями. Факел. Возвращение на бивак.......... 198.

XXIII. Охота на медведя.

Р. Митухе. Страшный зверь. Три выстрела. Бегство. Бурый медведь. Трофей, закопанный в землю. Отсталые перелетные птицы. Лежбище сивучей. Злоупотребление огнестрельным оружием. Поиски бивака. Дым и холодные утренники. Озера. Лудева.......... 207.

XXIV. Встреча с хунхузами.

Следы. Хунхузы. Дерсу на разведках. Перестрелка. Чжан-Бао. Грибная фанза. Каменная кожа. Отъезд Н. А. Пальчевского и А. И. Мерзлякова.......... 218.

XXV. Пожар в лесу.

Население р. Санхобе. Река Сица. Изучение следов. Заноза. Нарыв на подошве. Лесной пожар. Операция. Беседы с Чжан-Бао. Сборы... 225.

XXVI. Зимний поход.

Выступление. Уборка рыбы в истоках реки птицами и зверями. Признак непогоды. Пурга. Перевал Терпения.......... 233

XXVII. К Иману.

Дерсу разбирается в следах. Птицы. Корейцы. Кабарожья лудева. Удэхейцы. Ночевка в юрте. Р. Иман. Удэхейская лодка. Сидатун и его обитатели.......... 241.

XXVIII. Тяжелое положение.

Плавание по р. Иману. Пороги. Ледоход. Крушение лодки. Р. Арму. Р. Синанца. Голодовка. Остатки медвежьей трапезы. Лапша из кожи. Утомление. Ли-тан-куй. Волнения удэхейцев. Стойбище Вагунбе. Восстание туземцев. Пение шамана.......... 250.

XXIX. Последний путь.

Проводы. Картун. Враждебное настроение китайцев. Отказ в ночлеге. Ориентировка при помощи обоняния. Мяолин. Буйный хозяин. Село Котельное. Угощение в д. Гоголевке. Услуга попутчика. Расставание с Дерсу. Станция Иман. Возвращение в Хабаровск.......... 260.

ЧАСТЬ II.

I. Отъезд.

План экспедиции. Состав отряда. Мулы. Питательные базы. Прибытие Дерсу. Помощь, оказанная моряками. Плавание на миноносцах. Прибытие в залив Ольги. Высадка в бухте Джигит. Горбуша. Птицы. 271.

II. Пребывание в зал. Джигит.

Староверы. Их взгляд на туземцев. Первобытный коммунизм. Таинственные следы. Золотая лихорадка. Туман. Потерянный трофей. Бессонная ночь. Случайная находка. Стрельба по утке. Состязание. Выстрелы гольда. Сказка о рыбаке и рыбке. Мнение гольда.......... 277.

III. Первый поход.

Выступление. Дерсу находит отряд по следам. Козули. Лудева. Тайга. Затяжные дожди. Горбатый таза и его семья. Бегство от китайцев. Сон Дерсу и поминки по усопшим. . . . . 285.

IV. В горах.

Р. Дунгоу. Непогода. Медведь, добывающий мед. Встреча с Чжан-Бао. Фанза Дун-тавайза. Р. Адимил. Дикая кошка. Нападение жуков. 296.

V. Наводнение.

Р. Билимбе. Плохие приметы. Чортово место. Непогода. Зверовая фанза. Тайфун. Трехдневный ливень. Разбушевавшиеся стихии. Затопленный лес. . . . . 306.

VI. Возвращение к морю.

Переправа через р. Билимбе. Встреча с А. И. Мерзляковым. Доставка продовольствия китайцами. Олений хвост. Тигр, убитый Дерсу. . . . . . 316.

VII. Экскурсия на Сяо-Кему.

Кости оленей. Комета. Староверы. Непогода. Река Сакхома. Недоразумение с условными знаками. Красные волки. Возвращение. . . . . 323.

VIII. Такема.

Птицы на берегу моря. Население. Старуха с внучатами. Леший и следы тигра. Пороги. Переправа в брод. Бивак старика-китайца. . . . . . 330.

IX. Ли-цун-бин.

Выдры. Лесные птицы. Одинокая фанза. Старик китаец. Маленькая услуга. История одной жизни. Тяжелые воспоминания. Решение и прощание. Амулет. . . . . 337.

X. Страшная находка.

Склоны Сихотэ-Алиня. Верховья р. Арму. Скелеты. Лунное световое явление. Сихотэ-Алинь. Кедровый сланец. Гора Шайтан. . . . . 344.

XI. Опасная переправа.

Прибыль воды. Переправа на плоту. Дерсу в опасности. Привязанное дерево. Спасение. Возвращение к морю. Смешное недоразумение. Скала Ван-Син-лаза. Нерпа. Бивак около р. Кулумбе. Пятнистый олень 351.

XII. Корейцы-соболевщики.

Корейская фанза. Корейская соболиная ловушка. Старожилы на реке Амагу. Удэхейцы. Экскурсия на хребет Карту. Лось. . . . . 359.

XIII. Водопад.

Случай с тигром. Запретное место. Дерсу и ворона. Водопад. Жертвоприношение. Хребет Карту. Брусника. Спуск в долину р. Кулумбе. Забота о животных. . . . . 366.

XIV. Тяжелый переход.

На рассвете. Долина р. Кулумбе. Броды. Упадок сил. Гололедица. Лес, поваленный бурей. Лихорадка. Кошмар. Голод. Берег моря. Ван-Син-лаза. Разочарование. Миноносец «Грозный». Спасение. Возвращение на Амгу. Отъезд А. И. Мерзлякова. . . . . 373.

XV. Низовья р. Кусуна.

Зыбучий песок. Летающие куры. Туземцы на р. Кусуне. Священное дерево. Жилище шамана. Морской старшина. Расставание с Чжан-Бао. Выступление. . . . . 381.

XVI. Солоны.

Р. Тахобе. Обиженная белка. Обиталище чорта. Гроза со снегом. Агды. Лакомство солона. Стойкость туземцев к холоду. Лоси. Возвращение к морю. . . . . 387.

XVII. Сердце Зауссурийского края.

Берег моря до р. Самарги. Обоняние охотника. Беспокойство и сомнения. Перевал на р. Нахтоху. Следы человека. Удэхейцы Янсели. Монгули. Тревожная весть. Исчезновение Хей-ба-тоу. Безвыходное положение. . . . . 396.

XVIII. Завещание.

Приготовление к зимовке. Поиски лодки. Россомаха. Река Пия. Роковой выстрел. Испут Дерсу. Договор. Обратный путь. . . . . 404.

XIX. Зимний поход.

Сильный ветер. Приключения Хей-ба-тоу. Снаряжение в зимний путь. Устройство нарт. Рыбная ловля. Накануне выступления. Нартовый обоз. Выгоревшие леса. Зимняя палатка. Лесные птицы. Удэхеец Сунцай. . . . . 413.

XX. Через Сихотэ-Алинь.

Р. Уленгоу. Гарь. Наледи. Перевал Маака. Восточный склон Сихотэ-Алиня. Дикушка. Метель. Брошенная юрта. Изгнание «чорта». . . . . . 421.

XXI. Зимние праздники.

Зимняя охота на кабанов. Вечеринка в юрте. Представления туземцев о расстояниях. Елка в лесу. Игры на льду. Лотерея. . . . . 427.

XXII. Нападение тигра.

Размен денег. Таза Китенбу. Непогода. Бивак в снегу. Буря. Кабаны. Тревожная ночь. Тигр. Рассвет. Преследование зверя. Следы. Возвращение на бивак. Росомаха. . . . . 434.

XXIII. Конец путешествию.

Ночевка в покинутом жилище. Местность Сигоу. Новый год. Прием у китайцев. Встреча с Мерзляковым. Табандо. Железнодорожная станция. . . . . 444.

XXIV. Смерть Дерсу. . . . . 448.

Карта маршрутов В. К. Арсеньева . . . . 455.
Словарь местных названий, туземных и научных слов, встречающихся в книге . . . . 456.
Список заставок и концовок . . . . 458.

ЦЕНА 2 РУБ. 50 КОП.

7769

СКЛАД ИЗДАНИЙ: Владивосток, Ленинская, 43.
Продажа во всех магазинах „Книжное Дело“ на Д.В.